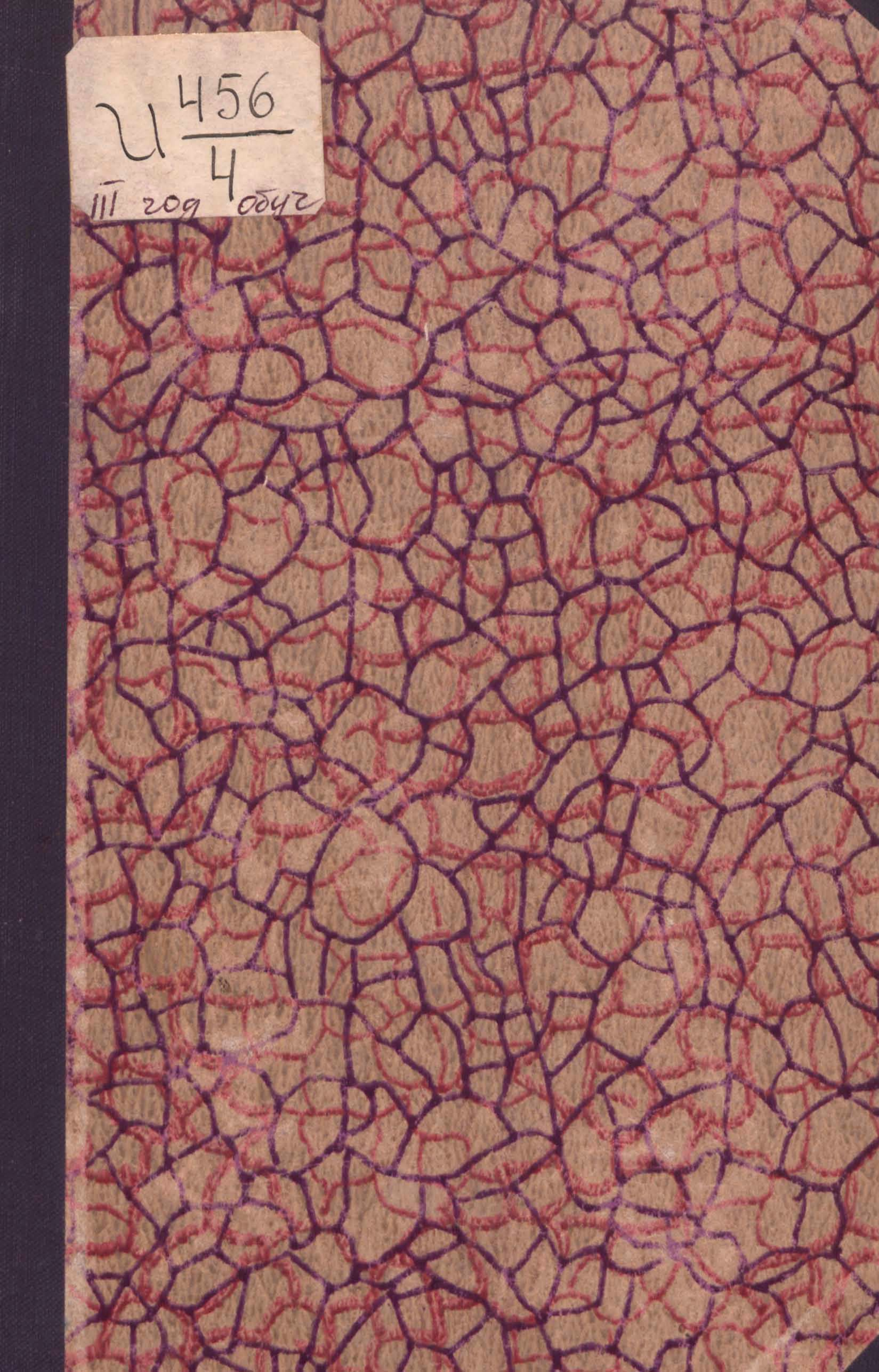

И 456/4
III год обуч

ДОБРОЕ СЛОВО.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ОБУЧЕНІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ,

примѣненная къ потребностямъ сельскихъ народныхъ училищъ съ трехлѣтнимъ курсомъ и церковно-приходскихъ школъ.

СОСТАВИЛЪ

Г. М. Дьяченко.

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ВНОВЬ ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна 50 коп.

МОСКВА.
Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою «Насл. бр. Салаевыхъ».
1890.

Учен. Ком. М. Н. Пр. и Училищн. Сов. при Св. Сунодѣ допу-

ДОБРОЕ СЛОВО.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ОБУЧЕНІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ,

примѣненная къ потребностямъ сельскихъ народныхъ училищъ съ трехлѣтнимъ курсомъ и церковно-приходскихъ школъ.

СОСТАВИЛЪ

Г. М. Дьяченко.

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ВНОВЬ ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНІЕ.

МОСКВА.

Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою «Насл. бр. Салаевыхъ».

1890.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Февраля 16 дня 1890 года.

Цензоръ Протоіерей *Сѵмеонъ Вишняковъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящей—послѣдней—части «Добраго Слова», какъ и въ двухъ предшествующихъ, составитель желалъ остаться вѣрнымъ намѣченнымъ имъ плану, характеру и цѣли этой книги для класснаго чтенія въ сельскихъ народныхъ училищахъ и церковно-приходскихъ школахъ. Составить и выработать преимущественно изъ образцовыхъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеній русскихъ писателей книгу для класснаго чтенія, вполнѣ примѣненную къ духу и потребностямъ народной школы,—книгу, благодаря которой ученикъ этой школы научился бы плодотворнѣйшимъ образомъ пользоваться *книгою вообще*, какъ орудіемъ самообразованія и саморазвитія—вотъ та главная цѣль, которой составитель желалъ достигнуть при обработкѣ какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ своей книги для чтенія. Насколько онъ достигъ своей цѣли — судить, конечно, не ему, а дѣтямъ, которыя будутъ читать его книгу, добросовѣстнымъ критикамъ, свѣдущимъ педагогамъ и тѣмъ, достойнымъ всякой чести и поощренія наставникамъ народныхъ школъ, которые въ свои занятія съ дѣтьми влагаютъ всю свою жизнь, всю свою душу. Всякое разумное замѣчаніе отъ нихъ мы примемъ съ сердечною благодарностью и воспользуемся имъ при дальнѣйшемъ—третьемъ—изданіи своихъ книгъ.

Теперь мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, которыми мы желали бы предотвратить могущія возникнуть недоразумѣнія при ближайшемъ ознакомленіи съ «Добрымъ Словомъ» (годъ третій) въ его настоящемъ изданіи.

1. Нѣкоторые читатели-критики быть можетъ найдутъ, что какъ третья часть «Добраго Слова», такъ и двѣ предшествующія книги того же названія во второмъ изданіи не отличаются такимъ богатствомъ и разнообразіемъ своего содержанія, какими отличались онѣ при первомъ ихъ изданіи въ прошломъ (1889) году. Въ отвѣтъ на это мы должны сказать, что второе изданіе «Добраго Слова», сокращенное, исправленное и значительно переработанное, со внесеніемъ въ него многихъ новыхъ статей и стихотвореній, прямо отвѣчающихъ его назначенію въ настоящей его переработкѣ, исключительно назначено для *класснаго чтенія*, а не для внѣкласснаго чтенія [1]),—что назначаемая теперь цѣна книгъ болѣе чѣмъ вдвое *ниже противъ цѣны перваго* изданія и что за ту цѣну, по которой продается каждая часть «Добр. Сл. 2 изданія, не мыслимо дать книги большаго объема ни на одинъ печатный листъ.

2. Если въ цѣломъ рядѣ статей нашей книги тотъ же читатель-критикъ встрѣтитъ нѣсколько словъ и оборотовъ рѣчи до извѣстной степени превышающихъ кругъ пониманія того школьнаго возраста, для котораго пред-

---

[1]) Для каковой цѣли было между прочимъ назначено „Д. Сл.“ въ первомъ своемъ изданіи.

назначена наша книга, и на этомъ основаніи упрекнетъ насъ въ томъ, что мы будто бы не всегда и не вездѣ предлагаемъ статьи вполнѣ доступныя для дѣтскаго пониманія,—мы на это отвѣтимъ ему, что почти вездѣ такимъ словамъ и оборотамъ рѣчи мы давали подстрочныя объясненія,—что если гдѣ этого не сдѣлано по отношенію къ нѣкоторымъ словамъ и оборотамъ рѣчи, то они, встрѣчаясь въ цѣлой статьѣ, совершенно доступной по содержанію пониманію дѣтей, вполнѣ могутъ быть поняты и усвоены въ ряду другихъ понятныхъ словъ и оборотовъ рѣчи,—что чтеніе статей, въ которыхъ всѣ до одного слова и грамматическаго и стилистическаго оборота рѣчи понятны дѣтямъ и отнюдь не превышаютъ ихъ развитіе, въ особенности со стороны ихъ грамматической подготовки, совершенно похоже на переливанье изъ пустого въ порожнее, на толченіе воды въ ступѣ: ученики отъ такихъ статей не подвинутся въ умственномъ развитіи ни на одинъ шагъ, не обогатятся ни однимъ новымъ словомъ, не усвоятъ ни одного новаго литературнаго выраженія. Мы глубоко убѣждены, что задача составителя книги для класснаго дѣтскаго чтенія въ отношеніи изученія словъ и формъ отечественной рѣчи должна заключаться не въ томъ, чтобы онъ составлялъ такія статьи, въ которыхъ всѣ до одной частности были-бы понятны ученикамъ, но въ томъ, чтобы въ статьяхъ, предлагаемыхъ въ его книгѣ для чтенія, *постепенно* давались новыя слова и обороты рѣчи, такъ, чтобы почти незамѣтно для учащагося, они ввели бы его мало-по-малу въ сокровищницу отечественнаго языка со всѣмъ богатствомъ и разнообразіемъ его словъ и формъ.

3. Въ третьей части «Добраго Слова», какъ и въ первой и во второй, почти всѣ статьи, сколько-нибудь значительнаго объема, раздѣлены нами арабскими или римскими цыфрами на части. Отъ нѣкоторыхъ лицъ мы слышали, что подобное дѣленіе статей едва ли вызывается педагогическими требованіями. Такъ какъ могутъ и другіе высказать подобное сужденіе, то мы считаемъ долгомъ сказать здѣсь нѣсколько словъ въ защиту принятаго нами дѣленія статей на части. Это мы сдѣлали для того, чтобы дать дѣтямъ возможность *наглядно наблюдать планъ и построеніе статей*. Если не всѣ, то очень многія дѣти, безо всякихъ даже толкованій учителя, всматриваясь въ сдѣланныя въ читаемыхъ ими статьяхъ дѣленія ихъ на части, могутъ подмѣтить то явленіе, что всѣ вообще словесныя произведенія составлены по извѣстному плану, благодаря которому всѣ самыя повидимому разнообразныя мысли не разбросаны какъ попало, а поставлены одна около другой въ извѣстномъ порядкѣ. А это открытіе—весьма не маловажно: оно постепенно пріучитъ ученика сначала къ устному, а потомъ и къ письменному изложенію своихъ мыслей въ извѣстной системѣ.

Составитель.

Москва. 1890 г. 17-го февраля.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ четвертый.

Церковь.

Отдѣлъ пятый.

Церковно-славянское чтеніе.

Приложеніе.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЧЕЛОВѢКЪ.

1. Максимъ Ивановъ.

I. Въ деревнѣ Яминовѣ былъ пожаръ... ужасный, громадный пожаръ. Двѣнадцать избъ съ постройками были охвачены пламенемъ... Узкіе промежутки между домами и соломенныя крыши—вотъ одна изъ первыхъ и главныхъ причинъ, отчего наши деревенскіе пожары такъ ужасны, и почему наши деревни выгораютъ такъ часто; неимѣніе пожарныхъ инструментовъ, безъ сомнѣнія, тоже является большою помѣхою.

Итакъ, въ Яминовѣ былъ пожаръ...

Пламя волновалось, какъ море, дымъ валилъ клубомъ, вѣтеръ разносилъ далеко пылающія головни. Крики, стонъ... Чей-то плачъ и рѣзкая, грубая брань, мягкая мольба о помощи, спасеніи и холодное спокойное приказаніе „ломать“,—все это сливалось въ одинъ страшный, ужасный гулъ...

Молодая женщина бѣгала по деревнѣ, рвала на себѣ волосы, и плача, рыдая, обращалась къ толпѣ съ отчаянной мольбою.

— Дѣти мои! дѣти! спасите! спасите! ради Бога, моихъ дѣтей! кричала она, окидывая толпу полубезумными глазами... Платка не было на ея головѣ, волосы растрепались—и она походила на помѣшанную.

— Спасите дѣтей моихъ! кричала она,—и ничего не слушая, бѣжала далѣе, оглашая воздухъ плачемъ и стономъ, и мольбою о помощи и спасеніи.

Каждому было жаль бѣдной женщины... и мысленно, сердцемъ—всѣ были готовы помочь ей. Но броситься въ огонь... рискнуть жизнью...—на этотъ подвигъ не у каждаго хватило смѣлости.

Народу сбѣжалось много: кто съ ведромъ, кто съ топоромъ, кто съ лопатою,—словно и она могла принести пользу,—но главнаго-то, пожарной трубы, и не было въ Яминовѣ... Всѣ кричали, суетились... и даже болѣе только кричали, чѣмъ суетились,—но много-ли проку отъ шума и крика?

II. А пламя такъ и забирало, такъ и переходило съ одной избы на другую... А вѣтеръ такъ и металъ красныя головни... Съ пискомъ

и карканьемъ кружились около пламени вороны, вылетѣвшія изъ своихъ разоренныхъ гнѣздъ.

— Дѣти мои... дѣти! отчаянно вскрикнула женщина, подбѣгая къ своему дому и, ломая руки, обливаясь слезами... она въ изнеможеніи упала на землю...

— А-ахъ, бѣдная! произнесъ какой-то старикъ съ соболѣзнованіемъ.—Погибнутъ ея дѣтки... погибнутъ... гдѣ теперь спасти... вона, вона какъ его!... А-ахъ, какъ сильно! страсть! вскрикнулъ вдругъ старикъ съ испугомъ и попятился даже немного назадъ... Огромная головешка съ трескомъ грохнулась на землю въ нѣскольких шагахъ отъ него.

Но вдругъ вся толпа заколыхалась... и задніе ряды наперли на первые... Послышались крики... крики какого-то удивленія и въ то же время какъ будто восторга.

Крестьянинъ, небольшого роста, въ одной рубахѣ, безъ шапки... вотъ кто мгновенно привлекъ всеобщее вниманіе...

Онъ протѣснился чрезъ всю плотную массу людей, ничего не дѣлавшихъ и только съ испугомъ смотрѣвшихъ на игру огня,—и торопливо подошелъ къ горѣвшей избѣ:

— Помолитесь, православные! громко крикнулъ онъ, обращаясь къ народу—и быстро началъ взбираться на кровлю по веревочной лѣстницѣ, которая была прикрѣплена къ углу, еще неохваченному пламенемъ.

Взобрался и спустился въ избу...

Толпа вдругъ смолкла... словно по командѣ,—словно по данному знаку... Всѣ съ напряженіемъ дожидались появленія отважнаго крестьянина...

И вотъ онъ появился на крышѣ... Въ рукахъ трехлѣтняя дѣвочка... безъ чувствъ, задыхающаяся... если ужъ не задохшаяся отъ дыму...

— Возьмите, возьмите ее скорѣе! громко, что было силъ, закричалъ смѣльчакъ народу.

Молодой парень уже былъ на лѣстницѣ—и принялъ къ себѣ ребенка.

— Тамъ еще! и съ этими словами незнакомецъ снова скрылся въ дыму и пламени..,

III. Раздавшіеся было крики и привѣтствія—снова смолкли... и опять въ толпѣ воцарилась глубокая тишина, опасность съ каждой секундой увеличивалась,—а вмѣстѣ съ ней увеличивалось и росло народное чувство... чувство страха за жизнь отважнаго незнакомца...

Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, съ затаеннымъ дыханіемъ и усердно крестились.

Но вотъ прошло болѣе четверти часа, а незнакомецъ не появлялся. Молодой парень, приведя ребенка въ чувство, бросился ско-

рѣе къ горѣвшей избѣ... Но въ тотъ самый мигъ, когда онъ вступилъ одной ногой на лѣстницу—на крышѣ показался незнакомецъ... Что-то маленькое, завернутое въ тряпкахъ, держалъ онъ въ своихъ рукахъ...

— Возьмите... а я спущуся... уже не прежнимъ громкимъ, но глухо-сиплымъ голосомъ, промолвилъ незнакомецъ, передавая свою ношу на руки молодого крестьянина.

Оба они начали спускаться... И первый успѣлъ благополучно слѣзть съ крыши, но второй—отважный смѣльчакъ,— опоздалъ на одну... только на одну секунду...

Онъ былъ на серединѣ лѣстницы,—какъ вдругъ огонь съ трескомъ вырвался изъ кровли и пламя охватило всю крышу... Незнакомецъ покачнулся... зашатался и невольно схватился за обрубъ крыши... Но въ этотъ самый мигъ что-то страшно треснуло,—и обрубъ рухнулся на землю... вмѣстѣ съ нимъ полетѣлъ и незнакомецъ...

На одно мгновеніе вся толпа точно замерла... Но только на мгновеніе... Прошло оно—и вдругъ—мертвая тишина смѣнилась какимъ-то страннымъ шумомъ... Все заволновалось... бросилось впередъ... заговорило и кинулось къ грудѣ пылающихъ бревенъ...

Разобрали... незнакомецъ лежитъ безъ чувствъ... ноги его были изломаны, лицо изуродовано, лѣвая рука вся раздроблена...

Его подняли и понесли въ сельскій больничный лазаретъ...

Черезъ три дня, по сдѣланнымъ справкамъ, узнали, что отважный незнакомецъ—горскій крестьянинъ, Максимъ Ивановъ, жившій въ городѣ въ малярахъ и каждую субботу приходившій на праздникъ домой, гдѣ у него были жена и двое дѣтей... Дорога-же въ Горки идетъ какъ разъ черезъ самое Яминово, отстоящее отъ Горокъ на пятнадцать верстъ. *(Изъ „Вечерн. досуговъ“ А. Круглова).*

2. Смерть и похороны Чернаго.

(Этотъ разсказъ взятъ изъ повѣсти г-жи Кохановской: „Послѣ обѣда въ гостяхъ“. Разсказчица, по имени Любовь Архиповна, вспоминаетъ свою молодость, какъ она любила молодого чиновника, по прозванью Чернаго; а замужъ вышла за другого, по приказанію матери).

— Въ воскресенье на всеядной я замужъ шла, а онъ тою весною, недѣль черезъ десять, утонулъ, т. е. не то, чтобы утонулъ“, поправилась Любовь Архиповна:—„тонулъ-то не онъ, да отсюда ему болѣзнь его приключилась, и Черный, на самый третій день Свѣтлаго праздника, умеръ, и въ четвергъ на Святой недѣлѣ его и хоронили.

„Жаль мнѣ вашего Чернаго, сказала я; а между тѣмъ мнѣ вспомнился полустихъ Пушкина: „зачѣмъ жалѣть?“

— Это еще ничего, матушка, что ты о немъ жалѣешь, сказала мнѣ Любовь Архиповна.—Нѣтъ, ты бы спросила, какъ вся Купянка

о немъ жалѣла,—вотъ на что было съ удивленіемъ посмотрѣть! При жизни его будто не очень любили, затѣмъ что онъ насмѣшникъ естественный былъ; а какъ умеръ онъ, точно каждый Богъ знаетъ что милое себѣ да дорогое потерялъ въ немъ. Оно и то нужно сказать, говорила Любовь Архиповна, что Черный послѣднее время почитай половину города просто на привязи за собой водилъ.

— На какой привязи, Любовь Архиповна?

— А на такой, родная моя, что за послѣднее время объявись у него, у Чернаго, новая пѣсня, да вѣдь какая пѣсня! Ни старые, ни бывалые люди отъ роду не слыхивали той пѣсни; и какъ запоетъ онъ своимъ заливнымъ голосомъ ту протяжную пѣсню, просто душу у тебя силой беретъ, да и все тутъ! Отецъ протопопъ, старый же человѣкъ и степенный, что ему пѣсня? и онъ сидѣлъ подъ окномъ и слушалъ, какъ недалечко Черный пѣлъ; а далѣе опомнился, а у него, у отца протопопа, борода въ слезахъ (сама матушка протопопша говорила); такъ онъ даже перекрестился. „Господи, Іисусе Христе!“ сказалъ, „вотъ пѣсня!“

— Но какая же пѣсня? говорила я Любови Архиповнѣ.

— Да она будто и не ни-вѣсть какая и не мудреная, и всей-то ея, матушка, видѣть нечего.

Воздохну, Дунай всколыхну,
Всколыхну ли Дунай рѣку.
Что не къ морю вода подымалася,
По желтымъ пескамъ расплескалася,
Въ зеленыхъ лугахъ разливалася;
По дѣвушкѣ душа встосковалася....

— Пѣсня-то и вся тутъ, говорила Любовь Архиповна,—да что сидѣло въ той пѣснѣ, какъ Черный ее протяжно да переливно, идучи по городу, пѣлъ по вечерней зарѣ. И еще какъ надойдетъ надъ гору и станетъ на ней,—а внизу рѣка въ половодьи разлилася, шумитъ,— и онъ стоитъ, матушка, и поетъ: расплескалася, разливалася; просто, говорили люди, отца и мать бы забылъ и все слушалъ его!...

Какъ же, родная моя! Черному проходу не стало по городу. Купцы, какъ завидятъ его, изъ лавокъ выбѣгаютъ навстрѣчу. „Ваша милость, отецъ родной! „Воздохну“... Что хочешь изъ лавки бери, спой только «Воздохну». — Что-жъ, братцы! говоритъ Черный,—не продажная. Самому дорого стоитъ. Удастся вамъ послушать случаемъ— ваше счастье, а не удастся—не прогнѣвайтесь. Такъ вотъ чтобы удалось это счастье, за Чернымъ по сту глазъ смотрѣли, говорила Любовь Архиповна. Чуть онъ заложитъ руки назадъ и пошелъ по городу, тотчасъ со всѣхъ сторонъ, присадясь и пригинаясь подъ плетнями, за нимъ слѣдомъ и потянуло человѣкъ пятнадцать или двадцать. У хозяевъ надъ рѣкою всѣ плетни по огородамъ осадили, лазяя черезъ нихъ, затѣмъ что, значитъ, эти мѣста облюбилъ Черный

и уже заливался тутъ своимъ «Воздохну». И тутъ же ему, матушка, и напасть его приключилася».

— Какая? Говорите, Любовь Архиповна! спросила я.

— Мужикъ потопалъ. Черный увидѣлъ съ горы и бросился на помощь. Вытащилъ, матушка, мужика, спасъ его отъ смерти, а тамъ еще лошадь его осталася — бьется, потопаетъ совсѣмъ. Народъ сбѣжался; стоитъ на берегу, смотритъ... Жалко бѣдной скотины, да что ей сдѣлаешь? Своя душа дороже. Черный не стерпѣлъ. «Эхъ, сердечная! вымолвилъ, какъ она бьется!» и бросился опять къ рѣкѣ. Его было хотѣли силою удержать, такъ удержишь его? Онъ какъ двинулъ плечами, всѣ отъ него, какъ листья, посыпались... И уже онъ бился съ тою лошадью, говорятъ, съ часъ времени промаялся съ нею, пока наконецъ вытащилъ изъ воды. Да если бы онъ послѣ того въ баню сходилъ, или бы напился горячаго чего, говорила Любовь Архиповна, — авось бы Господь помиловалъ и прошло бы даромъ все. А то дѣло было съ утра; Черный только на службу шелъ, какъ увидѣлъ, что потопаетъ мужикъ; и онъ одѣлся послѣ въ сухое и опять пошелъ на службу. А оно и не прошло даромъ. Недѣлю цѣлую разламывала болѣзнь, да онъ все не поддавался; а потомъ уже она какъ осилила его, такъ онъ на десятый день только въ память свою пришелъ. И только, матушка, пришелъ въ себя, глянулъ глазами, и говоритъ шопотомъ хозяйкѣ, чтобъ она священника позвала. И голоса-то его заливного не стало у него! А хозяйкѣ не зачѣмъ далеко итти, потому что отецъ протопопъ отъ обѣдни мимо оконъ шелъ. Она его въ окно и подозвала. Отецъ протопопъ, спасибо ему, даже въ домъ къ себѣ не зашелъ, а воротился прямо въ церковь, взялъ ковчежецъ со святыми дарами, выисповѣдалъ и запричастилъ больного...

И вотъ, родная моя, что я тебѣ скажу, говорила Любовь Архиповна: сама хозяйка божилась послѣ, сказывала мнѣ... Пока, знаешь, священникъ у больного святыню творилъ, а она, женщина догадливая, поспѣшила самоваръ поставить. Одно то, что, можетъ статься, больной, принявши св. Тайны, захочетъ чаю выкушать; а другое, что хозяйка сама же знала и видѣла, что отецъ протопопъ еще не кушалъ чаю. Какъ только тамъ окончили со святынею, она сейчасъ внесла самоваръ и начала готовить чай. Отецъ протопопъ недалечко на стулѣ сидѣлъ, а больной лежалъ съ открытыми глазами; только онъ, видно, не замѣчалъ хозяйки; мало-по-малу сталъ подниматься и сѣлъ. «Батюшка! говоритъ, такимъ тихимъ да твердымъ голосомъ говоритъ: я вамъ не все на исповѣди сказалъ. Я Любовь Архиповну крѣпко, какъ свою душу любилъ». Батюшка отецъ протопопъ тоже всталъ къ нему. «Ничего, говоритъ: и Богъ насъ всѣхъ любитъ». Съ этимъ слóвомъ Черный легъ, поворотился къ стѣнѣ, и будто онъ заснулъ, да уже и не просыпался болѣе.

И какъ хоронили его! Вотъ, моя родная, прекрасно его хоронили!

И теперь поѣзжай на Купянку, спроси—помнятъ люди, какъ Чернаго хоронили. Оно и забыть нельзя. Такъ свѣтло да радостно никого будто въ жизни не хоронили, ни большого, ни малаго! Купцы какъ услышали, что померъ Черный, они ему понесли всего: отъ свѣчей и ладону до всего, матушка, что нужно для гроба, и сами взялись гробъ сдѣлать и парчою золотою Чернаго накрыли. Барышни ему подъ голову кисейную подушку спили, розовою тафтой подложили, изукрасили его лентами, что ни есть лучше. Онъ себѣ безродный былъ, ни отца, ни матери, гдѣ-то далеко сиротою взросъ. Кажись, и гробу-то его пустѣть да сиротѣть должно бы было, а вышло нѣтъ, родная моя! Народъ къ нему валомъ валитъ, большіе и малые, словно ихъ посылалъ кто: «иди, молъ, иди, поклонися Черному!» И весь народъ шелъ, какъ рѣка текъ. Въ среду на вечерню его вынесли въ церковь, а на утро-то, значитъ, въ четвергъ, какъ хоронить его, отецъ протопопъ соборомъ обѣдню служилъ (одно то, что Черный его прихода былъ, а другое, что и купцы просили). И знаешь: дни праздничные, въ храмѣ Божіемъ свѣтлость такая, царскія двери отворены, пѣніе радостное на обѣдни льется, и Черный просто неузнаваемъ въ гробу лежалъ, сказывали, сестрица. Большой такой да хорошій; болѣзнь съ него черноту сняла, и онъ, матушка, побѣлѣлый, обложился своими черными волосами, вотъ живъ заснулъ, высоко на разубранной подушкѣ въ красотѣ лежитъ! Отпѣли погребенье, и какъ пришло то время, что дадимъ «послѣднее цѣлованіе», отецъ протопопъ первый приступилъ проститься съ усопшимъ: поклонился онъ и, видно, Господь внушилъ ему такую мысль: «Христосъ воскресе!» сказалъ онъ и трижды, какъ христосуясь, поцѣловалъ Чернаго. А тутъ недалечко у самаго гроба женщина съ дитею на рукахъ стояла, и дитя забавлялось, держало въ ручкѣ красное яйцо. «Дай мнѣ, дитя, твое яичко,» сказалъ отецъ протопопъ. И малютка такъ ему съ ручкою протянула яйцо. Отецъ протопопъ взялъ красное яйцо и положилъ его въ гробъ къ Черному, и при этомъ онъ слово такое хорошее сказалъ: пусть, дескать, и въ самое нѣдро земли онъ снесетъ съ собой благовѣстіе Христово. Итакъ, матушка, за протопопомъ весь народъ не прощаться, а христосоваться съ Чернымъ сталъ. Всякій подойдетъ къ усопшему и, прежде чѣмъ цѣлованіе мертвецу дастъ, «Христосъ воскресе!» скажетъ ему, какъ живому. Приступили къ выносу, такъ народъ толпами толпился, чтобы понести гробъ, и какъ понесли его, такой день прекрасный въ полуднѣ сіяетъ, хоругви развѣваются, парча золотая на гробѣ, какъ жаръ, горитъ и, откуда ни возьмись, двѣ ласточки вьются да щебечутъ надъ самымъ гробомъ: въ удивленіе привели народъ. Просто сладость такая святая умилила людей, какъ стали заколачивать гробъ; заколачиваютъ его, опускаютъ въ могилу, а тутъ, матушка, поютъ: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!» Не одинъ, не два человѣка, а цѣлые десятки говорили, что они съ радостью бы легли

и заняли мѣсто Чернаго... Вотъ такую судьбу Богъ Черному далъ, сказала Любовь Архиповна, что онъ и пѣсней своею и смертью, какъ силой какою, подвигалъ за собою людей».

Я встала благодарить Любовь Архиповну; но впечатлѣніе ея прекраснаго разсказа было такъ сильно, что я, кажется, не сумѣла связать и двухъ словъ. *(Кохановская).*

3. Ѳедоръ коробейникъ.

I. Въ одномъ уѣздѣ проживалъ старикъ—коробейникъ, по имени Ѳедоръ, или дядя Ѳедоръ, какъ обыкновенно звали его. Многіе не долюбливали его какъ за то, что онъ по своему промыслу смахивалъ на цыгана или еврея, такъ и еще болѣе по подозрѣнію, что онъ не совсѣмъ чистъ на руку. Насколько было справедливо это послѣднее обвиненіе—никто не зналъ, да и не старался кто-либо разузнать. Довольно было того, что такъ „нѣкоторые" думали. И можно вообще смѣло сказать, что никто не зналъ, что за человѣкъ былъ дядя Ѳедоръ, что было скрыто въ глубинѣ его души, какіе помыслы и чувства таились въ ней. Только время и удобный случай могли дать всѣмъ понять и оцѣнить его великую и чистую душу и великое и чистое сердце, согрѣваемое пламенемъ Христовой любви къ ближнему.

И случай этотъ скоро представился.

Однажды ночью подожгли домъ одного помѣщика деревни Ивановки. На слѣдствіи выяснилось, что виновной въ поджогѣ была вдова Акулина, служившая въ домѣ подожженнаго помѣщика. Разсчитанная и прогнанная помѣщицей, она, придя въ деревню, предъ многими крестьянами говорила, что пуститъ краснаго пѣтуха на своихъ лиходѣевъ. Дѣло поступило въ судъ и тянулось болѣе трехъ мѣсяцевъ. Наконецъ назначенъ день окончательнаго суда. Явилось много свидѣтелей, сосѣднихъ помѣщиковъ. Подсудимая съ тремя маленькими дѣтьми съ нетерпѣніемъ ждала кого-то и постоянно поглядывала на входную дверь и на часы. Казалось, что кто-то долженъ сейчасъ войти въ залу суда и оправдать ее. Но никто не являлся, и лице ея выражало печаль и разочарованіе.

Обвиненія и улики противъ Акулины были подавляющія.

Допрошено было много свидѣтелей.

Акулина не обращала ни малѣйшаго вниманія ни на допросъ свидѣтелей, ни на рѣчь своего защитника. Она попрежнему устремляла взглядъ то на часы, то на дверь.

По мѣрѣ того, какъ стрѣлки на часахъ подвигались впередъ, какъ бы торопя самое время, это ожиданіе сказывалось въ глазахъ Акулины все болѣе и болѣе лихорадочнымъ блескомъ. Предсѣдатель суда въ послѣдній разъ допросилъ подсудимую. На всѣ его вопросы она твердила одно и то же, повторяя безконечно свои немногія слова: „я не виновата. Про пожаръ знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю. Отчего случилась бѣда—я не знаю. Я не виновата".

Въ словахъ ея слышалась такая искренность, что убѣжденіе въ ея виновности видимо поколебалось во многихъ, не взирая на всѣ собранныя улики.

Затѣмъ невыразимо грустно было смотрѣть на этихъ дѣтей, зная, что черезъ какой-нибудь часъ они станутъ сиротами. Мать не вернется вовсе изъ Сибири или вернется, когда будетъ ужъ слишкомъ поздно. Кто пріютитъ этихъ бѣдныхъ, безпомощныхъ, оставленныхъ дѣтокъ, кто станетъ объ нихъ заботиться? И вотъ они спокойно играютъ со своею нянькой, ничего не зная о своемъ великомъ несчастіи, тихія, робѣющія народа и непривычнаго зрѣлища! Сами судьи то-и-дѣло невольно посматривали въ ихъ сторону.

Въ нѣсколькихъ словахъ предсѣдатель изложилъ ходъ и сущность всего дѣла.

Судьи вышли для совѣщанія и сейчасъ же вернулись въ залу суда. Предсѣдатель всталъ, чтобы прочесть приговоръ. Многіе уже догадались, что бѣдная женщина присуждена къ ссылкѣ въ Сибирь на каторжныя работы въ рудникахъ.

II. Тогда, догадавшись, что все кончено, Акулина разомъ вся скорчилась и затряслась отъ ужаса, потомъ протянула руки назадъ, судорожно ощупала головки дѣтей и какъ снопъ свалилась на полъ и покатилась подъ скамью. Оттуда, простертая на полу и захлебываясь отъ рыданій, она протянула руки къ иконѣ, вперила въ нее глаза и раздирающимъ душу голосомъ завопила: „Христосъ Спаситель, спаси меня! Господи, помилуй меня, помилуй дѣтокъ моихъ! Помилуй, помилуй!".

Увлеченные примѣромъ и потрясенные священными словами, всѣ крестьяне поднялись съ мѣста какъ одинъ человѣкъ, упали на колѣни и стали креститься и бить поклоны.

Я не въ силахъ описать, какое потрясающее впечатлѣніе произвела эта картина. Судьи и господа оставались неподвижны, какъ оцѣпенѣлые; никто не шевельнулся, не сказалъ слова; тишина водворилась такая, что со своего мѣста у печки,—очень хорошо помню это,—я слышалъ явственно движеніе маятника большихъ часовъ, которые своимъ „тикъ-такъ" подъ иконою Христа Спасителя точно отмѣчали мѣру вѣчнаго правосудія. Молчаніе прервали эти самые часы, своими двѣнадцатью ударами возвѣстившіе полдень.

Этотъ шумъ разбудилъ Акулину и въ ней—ея неотступную мысль. Она встала и бросила на дверь послѣдній взглядъ, исполненный невыразимой тоски. Многіе, даже изъ состава суда, невольно послѣдовали за этимъ взглядомъ, и въ эту минуту дверь отворилась, и въ залу суда вошелъ знакомый намъ коробейникъ, дядя Ѳедоръ.

— Что вамъ нужно? —спросилъ его предсѣдатель, прерывая чтеніе.

Дядя Ѳедоръ отвѣчалъ своимъ робкимъ, чуть слышнымъ голосомъ.

— Не обезсудьте, господа судьи, но эта женщина не виновата. Это я, грѣшникъ, подложилъ огонь.

Судьи посмотрѣли на него съ удивленіемъ и недовѣрчивостью. Они подумали было сначала, что это вѣроятно сумасшедшій. Его заставили повторить заявленіе, спросили, кто онъ и какъ прозывается. Его имя произвело ропотъ въ публикѣ и заставило судей что-то вспомнить. Они поговорили между собой шепотомъ, сѣли на свои прежнія мѣста и начали предлагать коробейнику вопросы. Онъ отвѣчалъ съ покорностью, неловко, но такъ, что всякія сомнѣнія должны были исчезнуть.

Когда заговорилъ коробейникъ, въ залѣ суда сразу какъ будто легче стало дышать,—на мѣсто угнетавшей всѣхъ насъ какой-то тоски въ душу вступило смутное, но пріятное чувство, что теперь все опять приведено въ порядокъ, поставлено на свое мѣсто, и дѣло кончится, какъ слѣдуетъ.

Дядя Ѳедоръ осужденъ былъ на ссылку въ Сибирь въ рудники; въ уваженіе же добровольнаго сознанія срокъ оной былъ уменьшенъ и опредѣленъ въ десять лѣтъ. Изъ суда его повели жандармы.

III. Проходили мѣсяцы, годы. Шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ до моего пріѣзда домой на лѣтнія каникулы. Пьемъ мы разъ чай въ саду и видимъ: спѣшитъ къ намъ приходскій нашъ священникъ, очевидно до крайности пораженный.

— Судъ Божій!... Если-бы вы только знали, что случилось!— закричалъ онъ, какъ только завидѣлъ насъ издали.

— Знаю,—сказалъ отецъ:—мельникъ упалъ съ лѣстницы и убился.

— Да, — подтвердилъ священникъ, — но вы не знаете, въ чемъ самый-то ужасъ: умирая, онъ велѣлъ послать за мной и открылъ мнѣ свою тайну.

— Батюшка, — сказалъ онъ мнѣ, — я великій грѣшникъ: это я поджогъ Ивановку, въ отместку тамошнему барину за сдачу въ рекруты моего сына.

— Что ты?... Да вѣдь это Ѳедоръ коробейникъ сдѣлалъ и пошелъ за это въ Сибирь.

— Нѣтъ, я, батюшка! Дядя Ѳедоръ ночевалъ тогда въ моей ригѣ, у него же я купилъ и дегтярную баклажку для поджога. Мнѣ кажется, онъ догадывался и подозрѣвалъ меня. Въ тотъ день, какъ быть суду, онъ пріѣхалъ поутру на мельницу и сказалъ, смотря на меня въ упоръ: «Нонѣ случится большой грѣхъ,—осудятъ Акулину, а она не виновата»... Я погрозилъ коробейнику, и онъ уѣхалъ, трясясь какъ осиновый листъ, потому что боялся меня очень... *Божій человѣкъ былъ!* Должно быть *жалко стало Акулины съ ребятами,—вотъ онъ и принялъ вину на себя.* А я, злодѣй, промолчалъ... Но тутъ онъ и скончался.

Мы сейчасъ поѣхали со священникомъ въ городъ къ губернатору.

Написали въ Сибирь, во всѣ стороны. Прошли мѣсяцы въ безполезной перепискѣ. За недостаткомъ точныхъ свѣдѣній относительно дяди Ѳедора, тамъ не могли догадаться, кого изъ ссыльныхъ требуютъ обратно власти. Наконецъ, генералъ-губернаторъ Сибири прекратилъ переписку рѣзкимъ отвѣтомъ, что подобное требованіе онъ считаетъ за насмѣшку надъ здравымъ смысломъ, потому что невозможно разыскать арестанта, зная о немъ только то, что зовутъ его Ѳедоромъ. „Въ прошедшемъ году изъ ссыльныхъ два Ѳедора умерли въ томскомъ госпиталѣ, да три въ тобольскомъ, не считая другихъ".

IV. Когда въ деревнѣ стала извѣстна неудача нашихъ хлопотъ, Акулина явилась къ священнику съ корзинкой яицъ и со слезами просила отслужить панихиду объ упокоеніи души бѣднаго дяди Ѳедора. Всѣ мы пошли въ церковь. Акулина, припавъ головою къ церковному помосту, рыдала и молилась Богу; слезы ее душили; только по временамъ можно было слышать, какъ она шептала: „упокой, Господи, душу его, моего благодѣтеля и спасителя! О, Господи, Іисусе Христе, пощади его въ царствіи небесномъ за его христіанскую любовь ко мнѣ, грѣшной, и моимъ малымъ дѣткамъ"! Никогда не молился я такъ усердно: тутъ впервые мнѣ сталъ ясенъ смыслъ словъ Христа, прочтенныхъ священнослужителемъ въ дневномъ евангеліи: «Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ. Нѣтъ больше сей любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповѣдаю вамъ (Іоан. XV).» Я понялъ эти слова, когда въ памяти моей воскресла смиренная фигура дяди Ѳедора въ лисьей шубѣ, стоящаго одиноко за рѣшеткой и трепещущаго подъ презрительными взглядами толпы. Изъ тѣхъ, что поносили его тогда въ мысли своей, многіе были здѣсь и плакали, вспоминая этого великаго по Христовой любви злосчастнаго своего брата, невинно, но добровольно, во имя той же Христовой любви погибшаго въ каторжной больницѣ въ Томскѣ или Тобольскѣ, невѣдомо гдѣ...

(Перед. и сокращ. изъ разсказа: „Ѳедоръ Короб.". Москва 1884 г.).

4. Капитанъ Боппъ.

I. На кораблѣ купеческомъ Мудезѣ, который плылъ изъ Лондона въ Бостонъ, былъ капитаномъ Боппъ, морякъ искусный, но человѣкъ недобрый; онъ своихъ людей такъ притѣснялъ, былъ такъ безстыдно развратенъ, такъ ругался дерзко всякой святыней, что его весь экипажъ [2]) смертельно ненавидѣлъ; наконецъ готовъ былъ вспыхнуть бунтъ, и капитану бы не сдобровать... но Богъ рѣшилъ иначе. Вдругъ занемогъ опасно капитанъ; надъ кораблемъ команду принялъ штурманъ; [3]) больной же, всѣми брошенный, лежалъ въ каютѣ; экипажъ

[1]) Капитанъ—начальникъ корабля. [2]) Экипажъ—служащіе на кораблѣ. [3]) Штурманъ—помощникъ капитана.

рѣшилъ, чтобъ онъ безъ помощи издохъ, какъ зараженный чумой, и это съ злобнымъ смѣхомъ было ему объявлено. Ужъ дня четыре, снѣдаемый болѣзнію, лежалъ одинъ онъ и никто не смѣлъ къ нему войти, чтобы хоть каплею воды его языкъ изсохшій освѣжить, иль голову повисшую его подушкой подпереть, иль добрымъ словомъ его больную душу ободрить; онъ былъ одинъ: страшно смерть глядѣла ему въ глаза. Вдругъ слышитъ онъ однажды, что въ дверь его взошли, и что ему сказалъ умильный голосъ:

— Каковы вы, капитанъ?

То мальчикъ Робертъ былъ, ребенокъ лѣтъ двѣнадцати; ему сталъ жалокъ капитанъ; но на вопросъ больной сурово отвѣчалъ:

— Тебѣ какое дѣло? Убирайся прочь!

Однако на другой день мальчикъ снова вошелъ въ каюту [1]) и спросилъ:

— Не нужно-ль чего вамъ, капитанъ?

— Ты это, Робертъ? чуть слышнымъ голосомъ спросилъ больной.

— Я, капитанъ.

— Ахъ! Робертъ, я страдалъ всю ночь.

— Позвольте мнѣ, чтобъ я умылъ вамъ руки и лицо; васъ это можетъ немного освѣжить.

Больной кивнулъ въ знакъ своего согласія головою, а Робертъ, оказавъ ему услугу любви, спросилъ:

— Могу ли, капитанъ, теперь обрить васъ?

Это также было ему позволено. Потомъ больного Робертъ тихонько приподнялъ, его подушки поправилъ; наконецъ, смѣлѣе ставши, сказалъ:

— Теперь я напою васъ чаемъ.

II. И капитанъ спокойно соглашался на все; онъ глубоко вздыхалъ и съ грустною улыбкою на мальчика смотрѣлъ. Увѣренъ будучи, что отъ своихъ людей никакого милосердія надѣяться не долженъ, въ злобѣ сердца рѣшился онъ ни съ кѣмъ не говорить ни слова. Лучше умереть сто разъ, онъ думалъ, чѣмъ отъ нихъ принять услугу. Но милая заботливость ребенка всю внутренность его поколебала; непримиримая его душа смягчилась, и въ глазахъ его, дотолѣ свирѣпо мрачныхъ, выступили слезы. Но дни его ужъ были сочтены; онъ видимо слабѣлъ и, наконецъ, увѣрился, что жизнь его была на тонкомъ волоскѣ: и ужасъ душу его охватилъ, когда предстали разомъ ей смерть и вѣчность; съ страшнымъ крикомъ совѣсть проснулась въ немъ; но ей не поддалась бы его желѣзная душа: онъ молча бы покинулъ свѣтъ, озлобленный, ни съ кѣмъ не примиренный, еслибы милый голосъ ребенка, посланнаго Богомъ,. вдругъ его не пробудилъ. И вотъ однажды, когда, опять къ нему вошедши, Робертъ спросилъ:

— Не лучше ли вамъ капитанъ?

---

1) Какта—мѣсто на кораблѣ, назначенное для жительства офицеровъ.

Онъ простоналъ отчаянно:

— Ахъ! Робертъ, мнѣ тяжело; съ моимъ погибшимъ тѣломъ становиться ежеминутно хуже. А съ бѣдною моей душею!... Что мнѣ дѣлать? Я великій нечестивецъ! меня ждетъ адъ; я ничего не заслужилъ; я грѣшникъ, я навѣки погибшій человѣкъ.

— Нѣтъ, капитанъ, васъ Богъ помилуетъ: молитесь.

— Поздно молиться; для меня ужъ болѣе нѣтъ надежды на спасенье. Что мнѣ дѣлать? Ахъ! Робертъ, что со мною будетъ?

Такъ свое дотоль безчувственное сердце онъ исповѣдывалъ передъ ребенкомъ; и Робертъ дѣлалъ все, чтобы возбудить въ немь бодрость, но напрасно. Разъ, когда по прежнему вошелъ въ каюту мальчикъ, больной едва дыша ему сказалъ:

— Послушай, Робертъ, мнѣ пришло на умъ, что, можетъ быть, на кораблѣ найдется „Евангеліе"; попробуй, поищи.

И подлинно, „Евангеліе" нашлось. Когда его больному подалъ Робертъ, въ его глазахъ сверкнула радость.

— Робертъ, сказалъ онъ, это мнѣ поможетъ; вѣрно поможетъ. Другъ, читай; теперь узнаю, чего мнѣ ждать и въ чемъ мое спасенье. Сядь, Робертъ, здѣсь; читай; я буду слушать.

— Да что же мнѣ читать вамъ, капитанъ?

— Не знаю, Робертъ; я ни разу въ руки не бралъ „Евангелія": читай что хочешь, безъ выбора, что попадется.

— Робертъ раскрылъ „Евангеліе" и сталъ читать, и два часа читалъ онъ. Капитанъ, къ нему съ постели голову склонивъ, его съ великой жадностью слушалъ; какъ утопающій за доску, онъ за каждое хватался слово; при каждомъ словѣ молніею страшной душа въ немъ озарялась; онъ вполнѣ все недостоинство свое постигнулъ, и правосудіе Творца предсталоему съ погибелью неизбѣжимой, хотя и слышалъ онъ святое имя Спасителя, но вѣрить онъ не смѣлъ спасенію. Оставшися одинь, во всю ту ночь онъ размышлялъ о томъ, что было читано; но въ этихъ мысляхъ его душа отрады не нашла. На слѣдующій день, когда опять вошелъ въ каюту Робертъ, онъ ему сказалъ:

— Мой другъ, я чувствую, что мнѣ земли ужъ не видать; со мною дѣло идетъ къ концу поспѣшно; скоро буду я брошенъ черезъ бортъ; но не того теперь боюсь я... что съ моей душею, съ моею бѣдною душею, будетъ! Ахъ! Робертъ, я погибъ, погибъ на вѣки! Не можешь ли помочь мнѣ? Помолимся, другъ, за меня. Вѣдь ты молитвы знаешь.

— Нѣтъ, капитанъ; я никакой другой молитвы, кромѣ „Отче нашъ", не знаю; я съ матерью вседневно по утру и вечеру ее читалъ.

— Ахъ, Робертъ! молись за меня; стань на колѣни; проси, чтобъ Богъ явилъ мнѣ милосердіе: за это Онъ тебя благословитъ. Молися, другъ, молися, о твоемъ отверженномъ, безбожномъ капитанѣ.

Но Робертъ медлилъ; а больной его просилъ и убѣждалъ, ежеминутно со стономъ восклицая: „Царь небесный, помилуй грѣшника". И оба рыдали.

— Ради Бога, на колѣна стань, Робертъ, и молися за меня.

И увлеченный жалостію мальчикъ сталъ на колѣни и, сложивши руки, въ слезахъ воскликнулъ. „Господи, помилуй Ты моего больного капитана! Онъ хочетъ, чтобъ Тебѣ я за него молился: я молиться не умѣю. Умилосердись Ты надъ нимъ; онъ бѣдный боится, что ему погибнуть должно. Ты, Господи, не дай ему погибнуть! Онъ говоритъ, что быть ему въ аду. Ты, Господи возьми его на небо; онъ думаетъ, что дьяволъ овладѣетъ его душей.—Ты, Господи, вели, чтобъ ангелъ твой вступился за него! Мнѣ жалокъ онъ; его больнаго всѣ покинули; но я, пока онъ живъ, ему служить не перестану; только спасти его я не умѣю; сжалься надъ нимъ Ты, Господи, и научи меня молиться за него".—Больной молчалъ; невинность чистая, съ какою ребенокъ за него молился, всю его проникла душу; онъ лежалъ недвижимъ, стиснувъ руки, погрузивъ въ подушки голову и слезъ потоки изъ глазъ его бѣжали. Робертъ, кончивъ свою молитву, вышелъ; онъ былъ также встревоженъ; долго онъ, едва дыханье переводя, на палубѣ стоялъ и, перегнувшись черезъ бортъ, смотрѣлъ на волны.

III. Ввечеру, онъ возвратившись къ больному, до ночи ему читалъ „Евангеліе," и капитанъ его съ невыразимымъ слушалъ умиленіемъ. Когда же Робертъ на другое утро опять явился, онъ былъ пораженъ, взглянувъ на капитана, перемѣной, въ немъ происшедшей: страхъ, который такъ усиливалъ естественную дикость его лица, носившаго глубокій страстей и бурь душевныхъ отпечатокъ, исчезъ; на немъ сквозь покрывало скорби, сквозь блѣдностъ смертную сіяло что-то смиренное, веселое, святое, какъ будто лучъ той свѣтлой благодати, которая отъ Бога къ намъ на вопль молящаго раскаянья нисходитъ.

— Ахъ! Робертъ, тихимъ голосомъ больной сказалъ,—какую ночь провелъ я! Что со мною было! я того, мой другъ, словами выразить не въ силахъ. Слушай: когда вчера меня оставилъ ты, я впалъ въ какой-то полусонъ; душа была полна Евангельской святыней, которая проникнула въ нее, когда твое я слушалъ чтеніе; вдругъ передъ собою, здѣсь, въ ногахъ постели, увидѣлъ я — кого же? Самого Спасителя Христа; онъ пригвожденъ былъ ко кресту; и показалось мнѣ, что будто всталъ я и приползъ къ Его ногамъ и закричалъ, какъ тотъ слѣпой, о коемъ ты читалъ мнѣ: „сынъ Давидовъ, Іисусъ Христосъ, помилуй!" И тогда мнѣ показалось, будто на меня, да! на меня, мой другъ, на твоего злодѣя капитана, Онъ взглянулъ... О, какъ взглянулъ! какими описать словами этотъ взглядъ! Я задрожалъ; вся къ сердцу кровь прихлынула, душа наполнилась тоскою смерти; въ страхѣ, но и съ надеждою я къ Нему поднять осмѣлился глаза... и

что же? Онъ.... Да, Робертъ!... Онъ отверженному мнѣ съ небесной милостію улыбнулся! О! что со мною сдѣлалось тогда! На это словъ языкъ мой не имѣетъ. Я на Него глядѣлъ... и ждалъ.... Чего я ждалъ? Не знаю; но о томъ мое трепещущее сердце знало. А Онъ съ креста, который весь былъ кровью, бѣжавшею изъ ранъ Его, облитъ, смотрѣлъ такъ благостно, съ такой прискорбной и нѣжной жалостію на меня... И вдругъ Его уста пошевелились, и я Его услышалъ голосъ.... чистый, пронзающій всю душу, сладкій голосъ; и Онъ сказалъ мнѣ: ободрись и вѣруй! Отъ радости разорвалося сердце въ моей груди, и я передъ крестомъ упалъ съ рыданіемъ и крикомъ... но видѣніе исчезло; и тогда очнулся я; мои глаза открылись.

Не сонъ ли это былъ? Нѣтъ, не сонъ. Теперь я знаю: Тотъ меня спасетъ, Кто ко кресту за всѣхъ и за меня былъ пригвожденъ; я вѣрую тому, что Онъ сказалъ на Вечери Святой, переломивши хлѣбъ и вливши въ чашу вино во оставленіе грѣховъ. Теперь ужъ мнѣ не страшно умереть: мой Искупитель живъ, мои грѣхи мнѣ будутъ прощены. Выздоровленья не жду я болѣе и не желаю; я чувствую, что съ жизнію разстаться мнѣ должно скоро; и ее покинуть теперь я радъ....

При этомъ словѣ Робертъ, дотолѣ плакавшій въ молчаніи, вдругъ съ рыданіемъ воскликнулъ:

— Капитанъ, не умирайте; нѣтъ, вы не умрете.

На то больной съ усмѣшкой отвѣчалъ:

— Не плачь, мой добрый Робертъ; Богъ явилъ Свое мнѣ милосердіе, и теперь я счастливъ; но тебя мнѣ жаль, какъ сына родного жаль: ты долженъ здѣсь остаться на кораблѣ, межъ этихъ нечестивыхъ людей, одинъ, неопытный ребенокъ.... съ тобою будетъ тоже, что со мной! Ахъ! Робертъ, берегись: не попади на страшную мою дорогу; видишь, куда ведетъ она. Твоя любовь ко мнѣ была,—другъ милый, велика, тебѣ я всѣмъ обязанъ; ты мнѣ Богомъ былъ посланъ въ страшный часъ... ты указалъ мнѣ, и самъ того не зная, путь спасенья; благослови тебя за то Всевышній! Другимъ же всѣмъ на кораблѣ скажи ты отъ меня, что я прошу у нихъ прощенья, что я самъ ихъ прощаю, что я за нихъ молюсь.

IV. Весь этотъ день больной провелъ спокойно; онъ съ глубокимъ вниманіемъ „Евангеліе" слушалъ. Когдажъ настала ночь, и Робертъ съ нимъ простился, онъ его съ благословеньемъ, любовью и грустью проводилъ глазами до дверей каюты. Рано на слѣдующій день приходитъ Робертъ въ каюту; двери отворивъ, онъ видитъ, что капитана нѣтъ на прежнемъ мѣстѣ: поднявшися съ подушки, онъ приползъ къ тому углу, гдѣ крестъ ему во снѣ явился; самъ, къ стѣнѣ оборотясь лицомъ, въ дугу согнувшись, головой припавъ къ постели, крѣпко стиснувъ руки, лежалъ онъ на колѣняхъ. То увидя, встревоженный, въ дверяхъ каюты, Робертъ остановился.

Онъ глядитъ и ждетъ, не смѣя тронуться; минуты двѣ прошло... и вотъ онъ наконецъ шепнулъ тихонько: «капитанъ!»—отвѣта нѣтъ. Онъ, два шага ступивъ, шепнулъ опять погромче: «капитанъ!» но тихо все, и все отвѣта нѣтъ. Онъ подошелъ къ постели. «Капитанъ!» сказалъ онъ вслухъ. По прежнему все тихо. Онъ рукой его ноги коснулся: холодна нога, какъ ледъ. Въ испугѣ закричалъ онъ громко: «капитанъ!» и за плечо его схватилъ. Тутъ положенье тѣла перемѣнилось: медленно оно навзничь упало; и тихо голова легла сама собою на подушку; были глаза закрыты, щеки блѣдны, видъ спокоенъ, руки сжаты на молитву. (*В. А. Жуковскій*).

5. Плюшкинъ.

Чичикову случалось видѣть не мало всякаго рода людей, даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго; оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухли и бѣгали, изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его: никакими средствами и стараніями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади вмѣсто двухъ болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, повязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ. Ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно, и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не *нищій*—предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другого столько хлѣба зерномъ, мукою и просто въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушила загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянулъ-бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда не употреблявшейся—ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на щепной

дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки, ушаты, лагуны, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкольники, куда бабы кладутъ свои мочки, и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной берестки, и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, была нужна Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него,—но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты.— Вонъ уже рыболовъ пошелъ на охоту! говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ,—послѣ него не зачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору, шпора эта мигомъ отправлялась въ извѣстную кучу; если баба, какъ нибудь зазѣвавшись у колодца, позабыла ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко и все это клалъ въ бюро [1]) или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ! былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валяльни; работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ видѣнъ умъ; опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; навстрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ открыты были всѣ окна; антресоли [2])

---

[1]) Бюро—шкафъ для бумагъ съ выдвижнымъ столомъ.
[2]) Антресоли—верхній полуэтажъ дома.

были заняты квартирою учителя француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерокъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка [1]), наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ, нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабъ-ротмистромъ, Богъ вѣсть, какого кавалерійскаго полка, и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ, по старинному предубѣжденію, будто всѣ военные картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться; учитель французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны; сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку; весьма естественно, что онъ получилъ на это то, что называется въ простонародіи шишъ. Наконецъ, послѣдняя дочь, оставшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ и чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случилось же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ остались только два, изъ которыхъ одно было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида, болѣе и болѣе, главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ,

[1]) Компатріотка—соотечественница, землячка.

которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія; покупщики торговались, торговались, и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили, клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилася въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: онѣ обращались въ пыль. Онъ уже позабылъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ея не выпилъ,да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался по прежнему; столько же оброку долженъ былъ принесть мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха—все это сваливалось въ кладовыя и все это становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился наконецъ въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ! могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ—не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ! но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости. *(Н. Гоголь).*

6. Комната Плюшкина.

Чичиковъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ попалъ въ комнату то-же темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ-подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ наконецъ очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ будто въ домѣ происходило мытье половъ, и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и, рядомъ съ нимъ, часы, съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ-же стоялъ, прислоненный бокомъ къ стѣнѣ, шкафъ, съ стариннымъ серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюро, выложенномъ парламутровою мозаикой [1]), которая мѣстами уже вы-

[1]) Мозаика—изображенія, составленныя изъ отдѣльныхъ, цвѣтныхъ камешковъ или стеклышекъ, подбираемыхъ по оттѣнкамъ, на основаніи извѣстнаго рисунка.

пала и оставила послѣ себя одни желтенькіе жолобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, покрытыхъ мраморнымъ позеленѣвшимъ прессомъ [1]) съ яичкомъ наверху, какая-то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ, весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣсного орѣха, отломленная ручка креселъ, рюмка съ какою-то жидкостью и тремя мухами, покрытая письмомъ, кусочекъ сургуча, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшая, какъ въ чахоткѣ, зубочистка, совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ быть, ковырялъ въ зубахъ еще до нашествія французовъ.

По стѣнамъ навѣшено было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ; длинный, пожелтѣвшій гравюръ [2]) какого-то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ треугольныхъ шляпахъ и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ раму краснаго дерева, съ тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми-же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты, фрукты, разрѣзанный арбузъ, кабанью морду и висѣвшую, головою внизъ, утку. Съ средины потолка висѣла люстра въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ. Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубѣе и что недостойно лежать на столахъ. Что именно находилось въ кучѣ, рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высовывались оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо, если бы не возвѣщалъ его пребыванье старый, полотняный колпакъ, лежавшій на столѣ. *(Гоголь).*

7. Злой человѣкъ.

I. То, что я вамъ разскажу, не выдумка, а быль изъ воспоминаній моего дѣтства...

Оставалось дня два до Рождества. Отецъ мой былъ въ отъѣздѣ. Онъ управлялъ тогда туркменами—народомъ, кочующимъ въ степяхъ Ставропольской губерніи—и большую часть года проводилъ среди этого народа.

Кочевье зимой не представляетъ ничего заманчиваго, и жизнь въ кибиткахъ, имѣющихъ подобіе войлочнаго шалаша, полна всевозможныхъ лишеній, неудобствъ и непріятностей. Очень понятно, что вести

---

[1]) Прессъ—машина, составленная изъ двухъ плоскостей и винтовъ, которые ихъ сближаютъ и служатъ къ тому, чтобы пригнетать, сплющивать, сдавливать предметы.

[2]) Гравюръ—картина.

такую жизнь съ семьею (съ маленькими дѣтьми), въ холодную зимнюю пору могутъ только кочевники, вѣками пріученные къ ней и легко выносящіе, почти подъ открытымъ небомъ, самыя рѣзкія перемѣны погоды. Вотъ почему наша семья всегда проводила зиму въ городѣ, а бѣдный отецъ обязанъ былъ терпѣливо переносить одинаковую долю съ народомъ, ввѣреннымъ его попеченіямъ и заботамъ... Только изрѣдка наѣзжалъ онъ въ городъ отдохнуть въ семьѣ отъ невзгодъ тяжелой жизни. Такъ должно было случиться и въ этотъ разъ. Мы ждали его къ празднику.

II. Канунъ сочельника былъ послѣднимъ днемъ ожиданій: отецъ писалъ, что проведетъ сочельникъ съ нами. Къ этому же дню готовилась намъ елка. Всѣ столы въ залѣ завалены были украшеніями... Радостямъ, казалось, не было конца. Но это только казалось: мы вовсе не подозрѣвали, что за порогомъ нашихъ дверей стояло горе и что чрезъ минуту оно застигнетъ насъ совсѣмъ врасплохъ.

Какъ теперь помню, мы мирно сидѣли за завтракомъ—двѣ бабушки, матушка, я и братья. Шелъ оживленный разговоръ...

Вдругъ отворяется дверь, и на порогѣ появляется Архипъ Ивановичъ Архангельскій—письмоводитель отца, бывшій съ нимъ въ кочевьѣ. «Пріѣхали!»—вскрикнули мы и въ одинъ мигъ бросились къ дверямъ.

Но Архипъ Ивановичъ имѣлъ такой видъ, что всѣ невольно смутились. Онъ былъ печаленъ, точно чѣмъ-то встревоженъ, пошатывался, раза два схватился за голову, какъ человѣкъ, пораженный горемъ.

— Что случилось? испуганно вскрикнула мать.

— Сударыня, началъ было Архипъ Ивановичъ и запнулся... потеръ лобъ рукой... глянулъ куда-то въ сторону... Взглядъ его еще больше перепугалъ насъ. Сударыня!.. я привезъ вамъ не добрую вѣсть...

— А мужъ? могла только спросить мать, блѣднѣя и задыхаясь отъ волненія.

— Вашъ мужъ... убитъ!..

Вопль—и мать, какъ снопъ, повалилась на землю. Что послѣ этого произошло—нѣтъ силъ разсказать. Съ матушкой сдѣлалась истерика, бабушка горько плакала, мы голосили на весь домъ, прислуга ходила съ красными отъ слезъ глазами. Сразу все исчезло, все было забыто—елка, праздникъ, весь міръ... Въ головѣ стоялъ только милый образъ отца, стоялъ и не отходилъ... Горе сжимало сердце, слезы лились неудержимо...

III. Ударъ былъ такъ ужасенъ и неожиданъ, что въ первыя минуты всѣ забыли про Архипа Ивановича. Онъ все стоялъ въ дверяхъ и какими-то странными глазами посматривалъ, какъ мы убивались.

Прежде всего собралась съ духомъ мать отца, бабушка-черногорка (отецъ мой кровный черногорецъ, мать-русская). Обладая желѣзнымъ характеромъ, она стала разспрашивать письмоводителя о подробностяхъ несчастія.

Страшны были эти подробности.

Архангельскій разсказалъ, что, въ позапрошлую ночь на кочевье напали черкесы и, перерѣзавъ множество туркменъ, убили отца, разграбили кибитки, угнали скотъ. Самъ онъ спасся въ оврагѣ, а когда горцы ускакали, прибѣжалъ въ кочевье. Тамъ онъ узналъ все и, увидѣвъ трупъ отца, валявшійся на снѣгу у кибитокъ, тотчасъ поскакалъ сюда... «Съ часу на часъ нужно ждать, что привезутъ его тѣло», добавилъ письмоводитель, спѣша уйти, чтобы доложить обо всемъ начальству.

IV. При послѣднихъ словахъ съ матушкой опять сдѣлалось дурно. Намъ предстояло ждать, вмѣсто дорогого гостя—отца, его трупъ. Убитый горемъ, я не отходилъ отъ матери, осыпая ее горячими поцѣлуями и обливая ихъ слезами.

Вѣсть о нашемъ несчастіи быстро разнеслась по городу. Начали съѣзжаться родные и знакомые. Всѣ они старались, какъ могли, утѣшить и успокоить мать; но съ каждымъ появленіемъ новаго лица плачъ въ домѣ возобновлялся и горе все сильнѣе и сильнѣе потрясало насъ.

Съ краснымъ лицомъ, съ опухшими отъ слезъ глазами забился я въ уголъ дѣтской и, неподвижно сидя на скамейкѣ у самой печки, все думалъ о томъ, что случилось. Мнѣ было тогда семь лѣтъ. Мое пылкое дѣтское воображеніе рисовало картины, отъ которыхъ кровь стыла у меня въ жилахъ. Я никогда не забуду этихъ картинъ... Ночь—глухая, зимняя, морозная. На мирно спящій аулъ [1]) налетаютъ черкесы... Я видѣлъ ихъ, я знаю, что это за люди!.. Косматыя шапки, косматыя бурки, бритыя головы, злорадныя лица съ звѣрскими глазами, съ носами, изогнутыми какъ у хищныхъ птицъ... Въ разсыпную несутся они по кочевью... Дикое гиканье, быстрый гортанный говоръ, пронзительные крики... Въ ужасѣ и смятеніи просыпается сонный аулъ. Надъ головами туркменовъ—кинжалы, шашки, винтовки, блескъ огня, выстрѣлы... Растерянной толпой бѣжитъ народъ, лошади мнутъ, давятъ его, черкесы рубятъ и убиваютъ. Жертвы валятся, стонутъ. Кочевье опрокинуто. Всюду грабежъ, истязанія: запасы сѣна пылаютъ въ огнѣ... По снѣжной степи несется вопль женщинъ, плачъ дѣтей, ржанье коней, ревъ верблюдовъ, блеянье перепуганныхъ овецъ, угоняемыхъ при свѣтѣ пожара... И надо всѣмъ этимъ безчеловѣчнымъ погромомъ—темное, ясное небо, на которомъ невозмутимо блещутъ и мерцаютъ звѣзды.

V. Сколько въ этомъ небѣ величія, спокойствія, и сколько жалкой, неугомонной суеты, тревоги, звѣрства, несчастій, нужды и горя на бѣдной землѣ! Зачѣмъ люди такъ злы и алчны, зачѣмъ они причиняютъ другимъ столько бѣдствій?... Бѣдный отецъ! Убитъ, его нѣтъ съ нами и не будетъ... Лежитъ онъ у своей кибитки, на снѣгу, мерт-

---

[1]) Аулъ—деревня.

вый... При угасающемъ заревѣ пожара видно его страдальческое лицо... Въ правой рукѣ закостенѣлъ кинжалъ. Онъ защищался, хотѣлъ отстоять свою жизнь,—и не отстоялъ: ихъ много, онъ одинъ... Милый! брошенъ, забытъ... Некому о немъ подумать: народъ не пришелъ еще въ себя, у каждаго свое горе. Сколько перебито, изранено! Всѣ разорены...

VI. Степь по немногу темнѣетъ, зарево гаснетъ, легкій вѣтерокъ подуваетъ по равнинѣ и слегка мететъ снѣжную пыль, шелеститъ ею... Я, кажется, слышу этотъ шелестъ, чувствую это холодное дыханіе зимы и вижу, ясно вижу, какъ вѣтеръ кружитъ возлѣ трупа отца, развѣваетъ полы его черкески, колышетъ его длинные усы и по немногу начинаетъ окутывать его сугробомъ... Какъ страшно!.. Я вздрагиваю, прихожу въ себя и вижу, что сижу все у печки: ужасная картина нарисована моимъ воображеніемъ. Да, воображеніемъ, а слезы все-таки опять выступаютъ изъ глазъ и душатъ меня... Вѣдь у меня отца убили, отца! Я никогда ужъ больше не услышу его ласковаго голоса, никогда не буду цѣловать его большой, широкой руки, которая какъ-то особенно мягко, любовно, нѣжно брала меня за подбородокъ и трепала по щекѣ... Я прижимался тогда къ отцу, а онъ такъ привѣтливо склонялъ ко мнѣ свою голову, такъ тепло смотрѣлъ мнѣ въ глаза, такъ близко придвигалъ свое лицо и такъ горячо и больно цѣловалъ меня, что я готовъ былъ вскрикнуть... Большіе усы его попадали мнѣ въ глаза, щекотали щеки и носъ, а мнѣ все-таки было невыразимо пріятно и отъ поцѣлуевъ, и отъ этихъ большихъ рукъ, сжимавшихъ мою дѣтскую рожицу въ комокъ.

При воспоминаніи обо всемъ этомъ мнѣ становится такъ тяжело, что я быстро встаю съ скамейки, иду къ матери, молча падаю къ ней на грудь и рыдаю...

VII. Всѣ наши находились въ ужасной тревогѣ и съ замираніемъ сердца ожидали, что вотъ-вотъ привезутъ бездыханное тѣло дорогого намъ человѣка. Знакомые и родственники разъѣхались. Осталась съ нами только наша крестная—мачеха моей русской бабушки, которую мы, въ отличіе отъ двухъ другихъ бабушекъ, называли всегда бабушкой Марѳой Яковлевной, хотя она была, собственно, прабабушкой намъ.

Подали обѣдать. Никто не хотѣлъ и не могъ ничего ѣсть. Супъ остылъ, *стоя на столѣ*; его убрали не тронутымъ. Остального не велѣли и подавать.

Изнемогши отъ слезъ и горя, мать лежала на кушеткѣ [1]). Я сидѣлъ въ ногахъ матери и начиналъ ужъ дремать, какъ вдругъ на улицѣ раздался колокольчикъ... Мать такъ и вскочила съ кушетки, бабушки бросились къ окну. Дыша на него и закрываясь отъ комнатнаго свѣта обѣими руками, онѣ старались разсмотрѣть что-нибудь чрезъ образовавшіяся на стеклѣ проталинки. Но за метелью ничего не было видно.

[1]) Кушетка—мебель для лежанія.

VIII. Колокольчикъ звякнулъ опять, совсѣмъ близко, черезъ минуту—ужъ въ самыхъ воротахъ... Матушка поблѣднѣла, какъ полотно, схватила свѣчу, шатаясь, бросилась въ переднюю. Бабушки хотѣли ее удержать, но только что всѣ мы двинулись за нею, какъ въ дверяхъ раздался сильный звонокъ и, вслѣдъ за нимъ, черезъ порогъ переступилъ отецъ, съ головы до ногъ занесенный снѣгомъ!.. Матушка вскрикнула, уронила свѣчу и повисла у него на шеѣ, заливаясь слезами. Русская бабушка тоже всхлипывала отъ волненія и радости, черногорка—неподвижно стояла на порогѣ и, въ ожиданіи очереди обнять сына, не спускала съ него своихъ черныхъ выразительныхъ глазъ, осѣняя себя и его большими крестами. Въ первую минуту я совершенно растерялся и остолбенѣлъ отъ изумленія: мнѣ все казалось, что произошло какое-то недоразумѣніе. Но какъ только услышалъ я его голосъ, не вѣрилось, что это отецъ;—я какъ безумный охватилъ руками его ноги и тоже заплакалъ... Сквозь слезы и рыданія я слышалъ, какъ отецъ приподнялъ меня, сталъ горячо цѣловать... Да, это былъ онъ: я чувствовалъ на своихъ щекахъ его усы, бритый, нѣсколько колючій подбородокъ; я задыхался, когда его большія руки прижимали меня къ груди. Потомъ, когда отецъ опустилъ меня на полъ, со мной происходило что-то странное: точно все это я видѣлъ во снѣ или сквозь какой-то туманъ, наполнявшій мою голову. Я не понималъ какъ случилось, что отецъ ожилъ, если онъ былъ убитъ, если я самъ видѣлъ его уже мертвымъ въ снѣжныхъ сугробахъ, тамъ, далеко, въ степи, въ разграбленномъ кочевьи...

IX. Скоро, однако, все объяснилось. Никакого нападенія на кочевье не было, а случилось вотъ что: Архангельскій давно уже сталъ кутить, ничего не дѣлалъ, обманывалъ и обижалъ народъ, вѣчно былъ пьянъ и доставлялъ отцу множество серьезныхъ непріятностей. Поневолѣ пришлось уволить его отъ должности. Это возбудило въ немъ злобу противъ отца, и онъ придумалъ ужасную месть: своею безчеловѣчною ложью онъ заставилъ насъ перенести столько тяжкихъ страданій. У него хватило духу смотрѣть, какъ цѣлая семья убивалась, оплакивая смерть дорогого ей человѣка; его не тронулъ обморокъ матери, наши дѣтскія слезы; его не удержалъ и великій праздникъ, день общей радости, день добрыхъ дѣлъ въ память о Христѣ. Безсердечный и злой человѣкъ спокойно разсчиталъ свое мщеніе—и отнялъ у насъ наши радости. Но Тотъ, Кто завѣщалъ дѣлать людямъ добро и Чей день Рождества собирались они праздновать, судилъ иначе.

X. Возмущенный жестокимъ и дерзкимъ поступкомъ Архангельскаго, отецъ на другой же день послалъ за нимъ. Когда посланный вернулся, отецъ, блѣдный и встревоженный, вышелъ изъ своего кабинета и объявилъ намъ, что Архангельскій... умеръ... Идя отъ насъ домой, онъ поскользнулся на льду и на смерть расшибся о каменную тумбу...

XI. Мы были поражены. Ужасная смерть, наканунѣ праздника, сразу

смирила гнѣвъ и негодованіе всей семьи. Ни у кого не хватило духу вспоминать о случившемся.

Бабушка-черногорка первая перекрестилась; за нею перекрестились и остальные... Въ этой краткой, молчаливой молитвѣ грѣхъ былъ отпущенъ, зло позабыто и прощено.

Русская бабушка записала покойнаго въ свое поминаніе, чтобы молиться за упокой его души...

(Извлеч. съ сокращ. изъ разсказа Вучетича).

8. Прохожій.

I. Много грозныхъ ночей застигало прохожаго, много вьюгъ и непогодъ вынесла сѣдая голова его, но такой ночи онъ никогда еще не видывалъ. Затерянный посреди сугробовъ, по колѣна въ снѣгу, онъ тщетно озирался на стороны или ощупывалъ костылемъ дорогу; мятель и сумракъ сливали небо съ землею; снѣжныя горы, взрываемыя могучимъ вѣтромъ, двигались, какъ волны морскія, и то разсыпались въ обледенѣломъ воздухѣ, то застилали дорогу... Напрасно силился прохожій подать голосъ: крикъ застывалъ на губахъ его и не достигалъ ни до чьего слуха; грозный ревъ бури одинъ подавалъ о себѣ вѣсть въ мрачной пустынѣ... Отчаянье уже начинало проникать въ душу путника, силы начали покидать его. Онъ окинулъ мутными глазами окрестность и крикнулъ еще разъ. Но крикъ снова замеръ на помертвѣлыхъ устахъ его.

II. Путникъ медленно опустился въ сугробъ и трепетною рукою сотворилъ крестное знаменье. Буря, между тѣмъ, пронеслась мимо; все какъ будто на минуту стихло... И вдругъ нежданно, въ сторонѣ, послышался лай собаки... Лай повторился въ другой и третій разъ... Застывавшее сердце путника встрепенулось; онъ рванулся впередъ, простеръ руки и пошелъ на слухъ... Немного погодя, онъ ощупалъ сараи, и вскорѣ изъ-за угла мелькнули передъ нимъ привѣтливые огоньки избушекъ. Подойдя къ одной изъ нихъ, старикъ постучался. «Кто тамъ?» крикнулъ голосъ изъ избы. — «Прохожій... пусти переночевать... озябъ», отвѣчалъ старикъ. — «Ступай! ступай! по-добру, по-здорову», сердито отозвался голосъ изъ избы; «много васъ шляется; проваливай, здѣсь не мѣсто, ступай!»... Съ грустью отошелъ онъ отъ окна немилостиваго человѣка и направился къ крошечной, покосившейся на бокъ избенкѣ крестьянина Алексѣя, жившаго со своей матерью старушкой. Подойдя къ избѣ, старикъ постучался. «Кто тамъ?» крикнулъ Алексѣй, прикладывая лицо свое къ окну и стараясь разглядѣть сквозь снѣговое узорочье стекла. — «Прохожій... пустите во имя Христово», отвѣчалъ трепещущій, вздрагивающій голосъ старика. — «Слышь?» сказалъ Алексѣй, поворачиваясь къ матери: «вѣрно, съ пути сбился, за мятелью; пущай его обогрѣется; я выйду на дворъ, провожу его, а то и не найдетъ, пожалуй»... Алексѣй набросилъ

на плечи овчину и вышелъ на крылечко. — «Дядя, гдѣ ты? сюда ступай!» крикнулъ онъ. «Сюда, дѣдушка!... Ступай на голосъ!» Глухой стонъ отозвался гдѣ-то въ сторонѣ и, минуту спустя, неровные шаги зазвучали на шаткихъ ступеняхъ крылечка. — «Сюда, дѣдушка, сюда!» сказалъ Алексѣй, входя въ сѣни и отворяя дверь избы, чтобы виднѣе было, куда итти: «войди, отогрѣйся»...

III. Прохожій вошелъ въ избу. Это былъ сѣдой старикъ, лѣтъ семидесяти. Онъ медленно поднялъ окоченѣвшія свои руки, сдѣлалъ шагъ впередъ, ощупалъ невѣрными руками стѣну и опустился въ изнеможеніи на лавочку. — «Что? небось, озябъ, дѣдушка?» спросилъ его Алексѣй. — «Поди поближе къ печкѣ, погрѣйся!» прибавила старушка. Старикъ приложилъ изрытую ладонь къ тощей груди своей и закашлялся; кашлю этому, казалось, конца не было. — «Спасибо»... проговорилъ онъ, переводя одышку и подымая глаза на хозяйку, «спасибо вамъ, что пустили»... — «И-и-и... касатикъ, Господь съ тобой! сиди, сиди, обогрѣйся... да ты бы, право, поснѣдалъ чего; кашки, а не то и киселекъ есть у насъ»... — «Нѣтъ... спасибо... охъ!... вотъ кабы парень-то твой... пособилъ... силъ моихъ нѣтъ»... Алексѣй подсобилъ старику растянуться на лавкѣ и подложилъ ему подъ голову суму. Немного погодя, старушка затушила лучину, и въ избушкѣ стало темно. Василиса, утомленная дневными хлопотами и заботами, не успѣла перекрестить изголовье, какъ уже голова ея склонилась, и сладкій сонъ оковалъ истомленные ея члены. Что же касается до Алексѣя, то онъ долго лежалъ, не смыкая глазъ.

IV. Глухой стонъ, раздавшійся на лавкѣ, напомнилъ ему о присутствіи прохожаго. Стонъ повторился еще протяжнѣе. — «Дѣдушка, что ты?» спросилъ парень, приподымаясь на локтѣ. — «Подь сюда"... Алексѣй соскочилъ съ печки, нащупалъ впотьмахъ спичку, зажегъ лучину и подошелъ къ лавкѣ. Старикъ лежалъ попрежнему въ растяжку. — «Что съ тобой, дѣдушка?» вымолвилъ Алексѣй, нагибаясь къ блѣдному лицу старика. — «Гдѣ старуха-то?... Позови ее сюда»... отвѣчалъ старикъ едва внятно. Алексѣй заложилъ въ свѣтецъ лучину, разбудилъ мать, и, минуту спустя, оба очутились подлѣ лавки. — «Тетушка», сказалъ старикъ, обращая тусклый взоръ на старушку, — «пришелъ, видно, мой часъ помирать... ты и парень твой... не отогнали меня... пустили, какъ родного... Богъ васъ не оставитъ»... Онъ замолчалъ на минуту и потомъ прибавилъ: — «Пошли... сына въ село... Аблезино... тамъ... за рощей... подлѣ громового колодца дупло... зарыта кубышка, — двадцать лѣтъ копилъ!... никому только... не сказывай»... продолжалъ онъ ослабѣвающимъ голосомъ, — «вы меня призрѣли... возьмите за добро ваше... Господи! прости прегрѣшенія мои... охъ!»... — «Касатикъ, дѣдушка! что ты, очнись! Христосъ съ тобой, кормилецъ! Слышь, не сбѣгать ли парню за священникомъ?» крикнули въ одно время и мать, и сынъ. Старикъ скрестилъ руки на груди и закрылъ глаза. Мать и сынъ бросились къ лучинѣ. Когда они вер-

нулись къ лавкѣ и взглянули, при трепетномъ свѣтѣ угасающей лучины, въ лицо прохожему, онъ былъ мертвъ.

Весною Алексѣй пошелъ въ Аблезино и отыскалъ тамъ кубышку старика; на эти деньги онъ выстроилъ новую избу и завелъ большое хозяйство. Съ тѣхъ поръ онъ не зналъ больше нужды.

(*Григоровичъ*).

9. Каннитферштанъ.

Мы на свою негодуемъ судьбу; а если разсудишь,
Какъ все на свѣтѣ не вѣрно, то сердцемъ смиришься и станешь
Бога за участь свою прославлять. Иному труднѣе
Опытъ такой достается, иному легче. И вотъ какъ
Разъ до премудрости этой, не умствуя много, а просто
Случаемъ страннымъ, одною забавной ошибкой добрался
Бѣдный нѣмецъ ремесленникъ... Былъ по какому-то дѣлу
Онъ въ Амстердамѣ, голландскомъ городѣ; городъ богатый,
Пышный, зданья огромныя, тьма кораблей; заглядѣлся
Бѣдный мой нѣмецъ, глаза разбѣжались. Вдругъ онъ увидѣлъ
Домъ, какого не снилось ему и во снѣ; до десятка
Трубъ, три жилья, зеркальныя окна, ворота
Съ добрый сарай—удивленье! Съ смиреннымъ поклономъ спросилъ онъ
Перваго встрѣчнаго: „Чей этотъ домъ, въ которомъ такъ много
Въ окнахъ тюльпановъ, нарциссовъ и розъ?" Но видно прохожій
Или былъ занятъ, иль столько же зналъ по-нѣмецки,
Сколько тотъ по-голландски, то-есть, не зналъ ни полслова:
Какъ-бы то ни было: „Каннитферштанъ!" отвѣчалъ онъ. А это
Каннитферштанъ—есть голландское слово, иль лучше четыре
Слова, и значитъ оно: *не могу васъ понять*. Простодушный
Нѣмецъ, напротивъ, подумалъ, что такъ назывался владѣлецъ
Дома, о коемъ онъ спрашивалъ. „Видно богатъ не на шутку
Этотъ Каннитферштанъ", сказалъ про себя онъ, любуясь
Домомъ. Потомъ отправился далѣ. Приходитъ на пристань—
Новое диво: тамъ кораблей числа нѣтъ; ихъ мачты,
Словно какъ лѣсъ. Закружилась его голова, и сначала
Онъ не видалъ ничего: такъ много онъ разомъ увидѣлъ;
Но наконецъ на огромный корабль обратилъ онъ вниманье.
Этотъ корабль недавно пришелъ изъ Остъ-Индіи; много
Вкругъ суетилось людей: его выгружали. Какъ горы
Были навалены тюки товаровъ: множество бочекъ
Съ сахаромъ, кофе, перцемъ, пшеномъ сарацинскимъ. Разинувъ
Ротъ, съ удивленьемъ глядѣлъ на товары нашъ нѣмецъ и свѣдать
Крѣпко ему захотѣлось, чьи они были? У матроса,
Несшаго тюкъ огромный, спросилъ онъ: „какъ назывался
Тотъ господинъ, которому море столько сокровищъ
Разомъ прислало?" Нахмурясь, матросъ проворчалъ мимоходомъ:

„Каннитферштанъ!“—„Опять! смотри пожалуй! какой же
Этотъ Каннитферштанъ молодецъ! мудрено-ли построить
Домъ съ богатствомъ такимъ и разставить въ горшкахъ золоченыхъ
Столько тюльпановъ, нарциссовъ и розъ по окошкамъ?“ Пошелъ онъ
Медленнымъ шагомъ назадъ и задумался: горе
Взяло его, когда онъ размыслилъ, сколько богатыхъ
Въ свѣтѣ, и какъ онъ бѣденъ. Но только что началъ съ собою
Онъ разсуждать, какое было-бы счастье, когда-бъ онъ
Самъ былъ Каннитферштанъ, какъ вдругъ передъ нимъ погребенье.
Видитъ: четыре лошади въ черныхъ длинныхъ попонахъ
Гробъ на дрогахъ везутъ и тихо ступаютъ, какъ будто
Зная, что мертваго съ гробомъ въ могилу на вѣки отвозятъ.
Вслѣдъ за гробомъ родные, друзья и знакомые, молча,
Въ траурѣ идутъ, вдали одиноко звонитъ погребальный
Колоколъ. Грустно стало ему, какъ всякой смиренной,
Доброй душѣ при видѣ мертваго тѣла; и, снявши
Набожно шляпу, молитву творя, проводилъ онъ глазами
Ходъ погребальный; потомъ подошелъ къ одному изъ послѣднихъ,
Шедшихъ за гробомъ, (который въ эту минуту былъ занятъ
Важнымъ дѣломъ: разсчитывалъ, сколько прибыли чистой
Будетъ ему отъ продажи корицы и перцу); тихонько
Дернувъ за кафтанъ, онъ спросилъ: „Конечно, покойникъ
Былъ вамъ добрый пріятель, что такъ вы задумались? кто онъ?
„Каннитферштанъ!“ былъ короткій отвѣтъ. Покатилися слезы
Градомъ изъ глазъ у честнаго нѣмца: сдѣлалось тяжко
Сердцу его, а потомъ и легко; и вздохнувши сказалъ онъ:
„Бѣдный, бѣдный Каннитферштанъ! отъ такого богатства
Что осталось тебѣ? Не то же-ль, что рано иль поздно—
Мнѣ отъ моей останется бѣдности? Саванъ и тѣсный
Гробъ“. И въ мысляхъ такихъ побрелъ онъ за тѣломъ, какъ будто
Самъ былъ роднею покойнику; въ церковь вошелъ за другими;
Тамъ голландскую проповѣдь, въ коей не понялъ ни слова,
Выслушалъ съ чувствомъ глубокимъ; потомъ, когда опустили
Каннитферштана въ землю, заплакалъ; потомъ съ облегченнымъ
Сердцемъ пошелъ своею дорогой. И съ тѣхъ поръ, какъ скоро
Грусть посѣщала его и ему становилось досадно
Видѣть счастье богатыхъ людей, онъ всегда утѣшался,
Вспомнивъ о Каннитферштанѣ, его несмѣтномъ богатствѣ,
Пышномъ домѣ, большомъ кораблѣ и тѣсной могилѣ. (*В. Жуковскій*).

10. Какъ умираютъ хорошіе люди.

I. По морю бѣжитъ пароходъ. Много на немъ пассажировъ [1]), есть между ними и женщины и дѣти. Всего только пять часовъ ос-

[1]) Пассажиръ—путешественникъ, ѣдущій сухимъ путемъ или водою.

тается имъ быть въ дорогѣ. Кого ждутъ на берегу сестры, матери, жены, кто оставилъ семью дома, чтобы съѣздить по дѣламъ. Всѣ рады, что ужъ близокъ конецъ путешествія, и нетерпѣливо ждутъ, когда вдали покажется гавань [1]). У руля [2]) стоитъ опытный кормчій. Его знаютъ всѣ пассажиры, кому часто приходится ѣздить на этомъ пароходѣ. Плечистый, загорѣвшій отъ палящихъ лучей солнца, закаленный морскими бурями, твердою и опытною рукою управляетъ онъ пароходомъ. Прошелъ еще часъ, теперь еще ближе подвинулись къ пристани.

II. Въ это время изъ каюты вышелъ на палубу капитанъ. Кивнувъ головою, онъ подозвалъ къ себѣ матроса. „Изъ трюма [3]) идетъ дымъ. Узнай, что тамъ дѣлается?"

Быстро исполнилъ матросъ приказаніе капитана. „Въ трюмѣ пожаръ!" доложилъ онъ ему. Тотчасъ-же поспѣшилъ капитанъ посмотрѣть, велика ли опасность. Никто не замѣтилъ пожара во время, а теперь не только большая часть поклажи, но и внутреннія стѣны трюма уже были въ огнѣ.

Страшная вѣсть въ одну минуту стала извѣстна пассажирамъ. Трудно передать, какъ всѣ перепугались, тѣмъ болѣе, что на пароходѣ не было насоса, чтобъ накачивать воду. Но капитанъ тотчасъ же собралъ всѣхъ: и матросовъ, и пассажировъ, и поставилъ ихъ въ два ряда. Ряды начинались у борта [4]) корабля, кончались у трюма.

Ведро съ водою, почерпнутое крайнимъ человѣкомъ, передавалось отъ одного къ другому, до послѣдняго, который выливалъ его въ трюмъ. Ведро точно также возвращалось къ борту по другому ряду. Всѣ работали усердно.

Ведро за ведромъ выливалось на горящее мѣсто. Казалось, пожаръ сталъ стихать.

— Въ какомъ направленіи мы идемъ? спросилъ капитанъ у рулевого.

— Мы идемъ на ЮЗ. прямо въ пристань.

— Возьмите нѣсколько восточнѣе: берегъ будетъ ближе; я боюсь, что мы сгоримъ прежде, чѣмъ доберемся до пристани. Намъ надо куда-нибудь высадиться.

III. Между тѣмъ поднялся вѣтеръ, пожаръ усилился. Ужъ горѣлъ полъ каюты. Пламя готово было пробиться и чрезъ него. Оставаться въ каютѣ было уже опасно. Дѣти и женщины должны были перейти въ другое мѣсто. Машинистъ дѣлалъ все, что могъ, чтобъ пароходъ несся быстрѣе. Но опасность была еще велика. А на верху, у руле-

---

[1]) Гавань—безопасное мѣсто у берега для кораблей.

[2]) Руль — снарядъ, посредствомъ котораго корабль приводится въ нужное направленіе.

[3]) Трюмомъ называется нижняя часть корабля; въ немъ хранятся припасы и разныя вещи.

[4]) Бортъ—бокъ корабля.

вого колеса, по-прежнему рисовалась фигура гиганта [1]) кормчаго. Самый сильный пожаръ приходился подъ нимъ. Густой, ѣдкій дымъ валилъ на него снизу, жаромъ дышалъ на него пожаръ, каждую минуту ждали, что пожаръ охватитъ палубу, и то возвышеніе, гдѣ стоитъ рулевой. Но онъ не покидаетъ своего поста [2]), потому что *считаетъ своимъ долгомъ работать у руля до послѣдней возможности.*

IV. Всѣ сильнѣе и нестерпимѣе становится жаръ. Пассажиры собираются на носъ. Матросы готовятъ доски, къ которымъ можно будетъ привязывать женщинъ въ случаѣ, если придется бросаться въ воду и вплавь искать спасенія.

Мужчины сбрасываютъ платье, готовясь къ трудной борьбѣ за свою жизнь. Берегъ становится ближе и ближе, колеса еще въ исправности, осталось всего полчаса пути, а съ берега на помощь несчастнымъ посланы лодки.

— Рулевой!—зоветъ капитанъ.

— Что угодно? спрашиваетъ онъ, попрежнему стоя у руля.

— Можете-ли вы оставаться на мѣстѣ еще 5 минутъ?

— Я постараюсь, капитанъ.

V. А пламя все ближе и сильнѣе, а жаръ все нестерпимѣе. Волосы его спалены, кровь кипитъ, кожа трескается. Рулевой, сторонясь отъ огня, отступаетъ назадъ насколько можно, чтобы не выпустить изъ рукъ колесо, и лѣвой рукой твердо управляетъ имъ до тѣхъ поръ, пока боль не становится невыносимой. Тогда онъ мѣняетъ руку и, не испуская ни крика, ни стона, еще разъ выноситъ такую-же муку. За дымомъ онъ уже ничего не видитъ впереди себя; но онъ слышитъ слова капитана: «дѣти и женщины, впередъ! садитесь на лодки! остальные бросайтесь вплавь!» Спасены, думаетъ онъ, и радуется, что честнымъ исполненіемъ своего долга избавилъ пассажировъ отъ вѣрной смерти.

Всѣ благополучно выбрались на берегъ. Недоставало одного рулевого. Сгорѣлъ ли онъ, упалъ-ли въ воду и потонулъ—никому было неизвѣстно. *(Изъ «Объяснит. чт.» Савенко).*

11. Жизнь по разуму и по совѣсти.

(Изъ завѣщанія отеческаго къ сыну крестьянина Посошкова).

Живи ты, чадо мое, въ совершенномъ страхѣ Божіемъ: никого не обижай, и ничего чужого не желай: но будь доволенъ своимъ имѣніемъ, если и весьма бѣденъ будешь; и богатства временнаго не очень ищи: а болѣе ищи вѣчнаго богатства, чѣмъ тебѣ въ безконечные вѣки жить. Временное богатство—ничто: если кто его и получитъ, не всякому оно на пользу, но больше на погибель бываетъ, ибо отъ богатства приходитъ гордость, тщеславіе, чревообъяденіе, сла-

[1]) Гигантъ—великанъ.
[2]) Постъ—должность, служба.

столюбіе, вещелюбіе, всякая роскошь непотребная. Богатство бываетъ добромъ тому, кто можетъ владѣть имъ Авраамски; а если кто такъ держать его не можетъ, то лучше жить въ среднемъ состояніи или даже въ убожествѣ.

Я скажу тебѣ вотъ что, сынъ мой: если ты погонишься за богатствомъ, то оно побѣжитъ отъ тебя; ты же, настигая его, споткнешься и разобьешься: богатства не достигнешь, а себѣ повредишь. А если ты желать его не будешь, и за нимъ не побѣжишь, то оно и само не побѣжитъ отъ тебя; только умѣй содержать его: не давайся ему подъ власть, но ты имъ господствуй. Такъ, сынъ мой, живи: если будетъ у тебя и полное богатство, то не радуйся ему, а если его не будетъ у тебя, то не печалься. Если очень желать богатства не будешь, то всегда безпечаленъ будешь, и сребролюбіе не овладѣетъ тобою; но ты одолѣешь его и царствовать надъ нимъ будешь, а не оно надъ тобою. *Безжеланный человѣкъ всегда веселъ бываетъ*, много ли у него, мало ли; о всемъ радуется и Бога благодаритъ, и живетъ—словно царствуетъ. Пекись же, сынъ мой, о помѣрномъ богатствѣ, а не объ излишнемъ, только чѣмъ бы тебѣ съ домашними своими быть сыту, но и ту свою сытость всю возложи на Господа Бога своего, ибо Онъ всякую тварь питаетъ. Итакъ, больше всего отъ Бога ожидай, а не отъ своего происку: Онъ знаетъ, сколько подать тебѣ.

Если не только богатствомъ въ жизни своей отъ Бога одаренъ будешь, но если и честію возвышенъ,—будь все-таки кротокъ и смиренъ, и ни предъ кѣмъ не возносися; будь какъ простой міранинъ; обиды не только богатымъ, но и убогимъ, никакой не чини.

И если Господь Богъ дастъ тебѣ остроту разума, то ты тѣмъ болѣе смиряйся, и ни предъ кѣмъ не возвышайся. Если будетъ тебѣ поручено какое-нибудь дѣло государево, то ни о домѣ своемъ и ни о чемъ другомъ не пекися такъ, какъ о порученномъ тебѣ дѣлѣ: смотри за тѣмъ, чтобы чего-нибудь не истерять.

Если у какого-нибудь дѣла и большимъ командиромъ будешь, то ничего не дѣлай своимъ самоумничествомъ, но съ общаго совѣта. Будь и въ важной должности какъ послѣдній всѣмъ, и какъ бы служа имъ. Ибо самъ Господь повелѣлъ большому смирять себя и быть какъ бы меньшимъ изъ всѣхъ и слугою. *Тѣмъ не обезчестишь себя, и чести своей не уронишь.*

И лжи въ уста свои ни малѣйшей не влагай, потому что начальникъ лжи-діаволъ. А также и льстиваго слова никакого никому не говори. Царь-пророкъ вѣщаетъ, что погубитъ Господь вся уста льстивыя.

Особенно съ опасеніемъ сохраняй себя тогда, когда кто-нибудь на тебя пошлется въ какомъ-нибудь свидѣтельствѣ: если на тебя самый большой врагъ твой пошлется въ правдѣ, или въ неправдѣ самый тайный твой другъ или ближній свойственникъ,—не моги сол-

гать и вмѣсто правды неправду сказать: лучше тебѣ бѣду или смерть принять, нежели, солгавъ, цѣлу быть. Если правду скажешь и за то отъ высшихъ лицъ пострадаешь, а тѣмъ болѣе если смерть примешь, то тебѣ подобаетъ радоваться: потому что къ святымъ мученикамъ причтешься. О, сынъ мой! счастливъ бы ты былъ, если бы ты за праведное свидѣтельство смерть пріялъ.

12. Мелочи.

1. Пренебреженіе мелочами составляетъ скалу, о которую разбивается большинство людей. Вся человѣческая жизнь составляетъ не что иное, какъ рядъ незначительныхъ происшествій, каждое изъ которыхъ, взятое въ отдѣльности, неважно, но тѣмъ не менѣе счастье каждаго человѣка въ значительной степени зависитъ отъ этихъ мелочей. Характеръ человѣка также складывается на мелочахъ, когда на нихъ обращается должное вниманіе. Успѣхъ человѣка въ дѣлахъ вполнѣ зависитъ отъ его вниманія къ мелочамъ.

II. Увеличеніе знаній и опытности тоже не что иное, какъ результатъ [1]) самыхъ малыхъ частицъ знанія и опыта, тщательно собранныхъ въ одно цѣлое. Люди, которые ничему не научаются, ничего не скопляютъ въ теченіе своей жизни, терпятъ во всемъ неудачу именно потому, что пренебрегаютъ *мелочами*. Сколько бы они ни говорили, что «цѣлый свѣтъ идетъ противъ нихъ», но единственными врагами являются они же сами. Долго существовало повѣрье въ «удачу», въ «авось» но, какъ и всякое народное повѣрье, оно, наконецъ, исчезло. Теперь болѣе распространено то мнѣніе, что трудолюбіе есть мать возможнаго на землѣ счастія или, другими словами, счастье человѣка пропорціонально [2]) его усиліямъ, его прилежанію, его вниманію къ мелочамъ. Лѣнивый, небрежный, распущенный малый ни въ чемъ не найдетъ удачи. Онъ будетъ лишенъ результатовъ труда, потому что самъ не приложилъ усилій, чтобы добыть ихъ себѣ. Не счастье, но трудъ создаетъ человѣка.

III. Удача, какъ выразился одинъ американскій писатель, всегда ожидаетъ, чтобъ обстоятельства сложились въ ея пользу, а трудъ, обладая проницательнымъ взоромъ, сильною волею, всегда самъ подготовляетъ для своего дѣла такія обстоятельства, какія нужно. Удача любитъ лежать въ постели и разсчитывать, какъ бы это было хорошо, еслибъ сейчасъ явился почтальонъ съ извѣстіемъ о какомъ-нибудь неожиданномъ наслѣдствѣ; трудъ поднимается съ разсвѣтомъ и, старательно дѣйствуя перомъ или молоткомъ, самъ закладываетъ прочное основаніе достатку. Удача полагается на случайность, трудъ на характеръ [3]); удача незамѣтно понижаетъ человѣка до самоугожденія, трудъ возвышаетъ человѣка и ведетъ его къ независимости.

---

[1]) Результатъ—слѣдствіе.
[2]) Пропорціонально—соразмѣрно.
[3]) Характеръ—духъ, нравъ, отличительное свойство души.

IV. Въ домашнемъ хозяйствѣ существуетъ много мелочей, вниманіе къ которымъ необходимо для здоровья и спокойствія. Чистота предполагаетъ собою вниманіе ко множеству кажущихся пустяковъ,—напримѣръ, чтобъ былъ вытертъ полъ, сметена пыль съ креселъ, вытерта до-чиста чайная чашка, общимъ же результатомъ всего этого является цѣлая атмосфера [1]) нравственнаго и физическаго [2]) благосостоянія, условіе, благопріятное для высшаго развитія характера человѣка. Иному покажется бездѣлицей знать, каковъ именно воздухъ въ домѣ: вѣдь воздуха намъ не видно, да и немногіе что-нибудь о немъ знаютъ. Однакожъ, если мы не позаботимся, чтобъ былъ правильный притокъ чистаго воздуха въ наши жилища, то неизбѣжно пострадаемъ за свое небреженіе. Казалось бы, невелика важность, если кое-гдѣ видно нѣсколько пятенъ грязи, если дверь или окно постоянно затворены; но изъ-за этого могутъ произойти болѣзни, которыми разстроена будетъ цѣлая жизнь, и потому даже небольшое количество грязи и дурного воздуха на практикѣ [3]) составляетъ дѣло крайне серьезное. Всѣ домашніе распорядки, взятые сами по себѣ, пустяки, но такіе пустяки, изъ которыхъ могутъ произойти важные результаты.

Булавка—очень ничтожная вещь въ одеждѣ, но характеръ человѣка нерѣдко выказывается и въ томъ, какимъ образомъ булавка воткнута въ его платье. Нѣкто, человѣкъ тонкій и наблюдательный, искалъ себѣ жены и для этого посѣщалъ знакомое семейство. Однажды въ комнату, въ которой онъ сидѣлъ, вошла одна изъ дочерей главы семейства, красивая дѣвушка, съ незастегнутымъ платьемъ, съ неопрятными волосами. Посѣтитель послѣ этого раза не бывалъ больше никогда; между тѣмъ, это былъ человѣкъ умный и впослѣдствіи сдѣлался хорошимъ мужемъ. Онъ судилъ о женщинахъ, какъ о мужчинахъ, по мелочамъ, и былъ правъ.

Аптекарь искалъ себѣ помощника; заявленія поступили къ нему со стороны многихъ молодыхъ людей, числомъ до двадцати. Онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ въ одно время и заставилъ всѣхъ соединять соли въ одинъ пакетъ; выбранъ былъ тотъ, который при этомъ дѣлѣ выказалъ больше всѣхъ ловкости и опытности. По этому ничтожному образцу аптекарь заключилъ и вообще о практическихъ способностяхъ соискателей.

V. Пренебреженіе къ мелочамъ пошатнуло не одно хорошее состояніе, испортило самыя лучшія предпріятія. Корабль, нагруженный богатствами купца, погибъ по тому, что при отплытіи не замѣчено было маленькаго отверстія на днѣ. По неимѣнію гвоздя, потеряна была подкова лошади адъютанта [4]) дѣйствующей арміи; не было подковы, пала и сама лошадь; изъ-за павшей лошади погибъ адъютантъ, такъ какъ непріятель захватилъ и убилъ его; со смертью хорошаго офицера погибла армія

1) Атмосфера—воздухъ, окружающій землю. Здѣсь — всѣ внѣшнія условія жизни человѣка.

2) Физическій—тѣлесный. 3) Практика—жизнь, дѣло.

4) Адъютантъ—офицеръ при генералѣ, принимающій его приказанія для сообщенія по принадлежности.

его генерала: всѣ эти несчастія, въ концѣ концовъ, произошли потому только, что ничтожный гвоздь не былъ, какъ слѣдуетъ, прикрѣпленъ къ лошадиной подковѣ. „Живетъ!" вотъ обычное выраженіе людей, которые пренебрегаютъ мелочами. Эта фраза [1]) испортила не одно состояніе, была причиною гибели многихъ кораблей, пожара многихъ домовъ и безвозвратно разрушила тысячи радужныхъ проэктовъ [2]) добра человѣчеству. Слова: „живетъ!" и „какъ-нибудь" всегда означаютъ, что человѣкъ правильно поступать пересталъ, означаютъ нечистоту дѣла, неудачу и гибель. Стремиться должно не къ тому, чтобы дѣло *какъ-нибудь* было сдѣлано, но чтобы сдѣлано было *самымъ лучшимъ образомъ*. Если разъ человѣкъ усвоилъ себѣ правило дѣлать «какъ-нибудь» и «авось», то это значитъ, что онъ передался врагу добра, что перешелъ на сторону людей неспособныхъ, дурныхъ, и мы отъ него отступаемся, какъ отъ человѣка безнадежнаго!

VI. Одинъ французскій писатель рэзсказываетъ слѣдующій примѣръ пренебреженія къ мелочамъ. На сельской фермѣ [3]) постоянно раскрывались по неимѣнію задвижки ворота отъ загородки, въ которой содержались скотъ и куры. Расходъ въ 10 копеекъ, нѣсколько минутъ времени—и все было бы поправлено. Дверь размахивалась каждый разъ, когда кто-нибудь выходилъ; тотчасъ запереть дверь было нельзя, и потому не мало куръ время отъ времени терялось. Разъ ускользнула такимъ образомъ изъ изгороди отличная молодая свинья; бѣглянку стали разыскивать садовникъ, стряпуха, молочница, однимъ словомъ, цѣлый домъ. Садовникъ первый открылъ свинью; перепрыгивая чрезъ канаву, чтобы загородить дорогу бѣглянкѣ, онъ вывихнулъ ногу и долженъ былъ пролежать въ постели недѣли двѣ. Стряпуха, возвратившись на ферму, увидала, что сгорѣло бѣлье, которое она развѣсила передъ огнемъ для просушки, а молочница впопыхахъ забыла привязать коровъ, и одна изъ нихъ перешибла ногу жеребенку, который случайно содержался въ томъ же самомъ сараѣ. Сожженное бѣлье и потерянный трудъ садовника стоили не меньше 35 рублей, а жеребенокъ стоилъ почти вдвое больше этого: такимъ образомъ, здѣсь, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, утратилась большая сумма денегъ просто изъ-за неимѣнія маленькой задвижки, которую можно было достать за нѣсколько копеекъ.

VII. Жизнь полна подобныхъ примѣровъ. Если пренебреженіе къ мелкимъ обстоятельствамъ вошло въ привычку, то не долго дойти до разоренія. Богатство создается рукою человѣка старательнаго; человѣкъ старательный, какъ мужчина, такъ и женщина, бываетъ внимателенъ какъ къ малымъ предметамъ, такъ и къ большимъ. Вещи сами по себѣ могутъ казаться очень ничтожными, незначительными, но вниманіе

---

[1]) Фраза—оборотъ рѣчи, выраженіе, слова.
[2]) Проэктъ—предположеніе.
[3]) Ферма—хуторъ, имѣніе.

къ нимъ столь же необходимо, какъ и къ предметамъ большой важности.

Возьмемъ, напримѣръ, самую малую монетку—копейку. Какой, казалось бы, пользы можно ожидать отъ этого маленькаго кусочка мѣди, отъ одной копейки? Что можно на нее купить? Вдвое большую сумму нужно даже на стаканъ пива. Копейку стоитъ развѣ коробочка сѣрныхъ спичекъ. Эта монета для иныхъ людей годится только, чтобы подавать нищему. А между тѣмъ какъ много людского счастья зависитъ отъ разумной траты одной копейки!

Положимъ, человѣкъ работаетъ сильно, заработываетъ себѣ пропитаніе; но если онъ допуститъ, чтобъ маленькія монеты, копейки, составляющія результатъ этого тяжелаго труда, проскользали у него сквозь пальцы—то на питье пива, то туда, то сюда,—то выйдетъ, что его трудовая жизнь немногимъ выше жизни водовозной клячи. Съ другой стороны, если тотъ же работникъ позаботится сберечь эти ничтожныя монетки, будетъ каждую недѣлю вносить нѣсколько такихъ монетокъ въ общество взаимнаго вспоможенія или въ страховой капиталъ, нѣсколько другихъ—въ сберегательную кассу, а остальное ввѣритъ своей женѣ, чтобы заботливо приберечь, чтобъ устроить у себя дома кое-какія удобства, а также на образованіе дѣтей,—то такой заботливый человѣкъ вскорѣ увидитъ себя вознагражденнымъ за свою внимательность къ мелочамъ: средства у него увеличатся, дома будетъ спокойно и удобно, а самъ онъ будетъ спокоенъ за будущее.

VIII. Всѣ сбереженія составляются по мелочамъ. Изъ копеекъ составляется рубль. Сбережена копейка—значитъ, сберегутся и рубли, а сбереженіе большихъ суммъ доставитъ средства къ удобствамъ жизни, довольству, богатству, независимости. Но копейка должна быть нажита честно. Не даромъ говорится, что трудовой грошъ лучше выпрошеннаго рубля. Шотландская пословица говоритъ: «подаренное платье никогда не бываетъ такъ красиво, какъ платье нажитое». Не бѣда, если нажитой грошъ черенъ. «Кузнецъ и его деньги черны», но дѣло въ томъ, что заработокъ кузнеца—честный заработокъ.

IX. Если человѣкъ не умѣетъ беречь свои заработки, то онъ долженъ быть готовъ ко всему. Нужда можетъ нагрянуть на него, «какъ воръ ночью». Бережливость имѣетъ магическое *) дѣйствіе: разъ начавшись, она обращается въ привычку и даетъ человѣку сознаніе удовлетворенія, силы, безопасности. Гроши, отложенные въ шкатулку, въ сберегательную кассу, служатъ владѣльцу порукою за удобство во время болѣзни, за спокойствіе въ старости. Человѣкъ, бережливый имѣетъ при себѣ щитъ противъ нужды, а не умѣющій беречь долженъ знать, что между нимъ и горькою, жестокою бѣдностью нѣтъ рѣшительно никакой преграды.

Но мужчина, быть можетъ, и склоненъ беречь деньги, откладывать

---

*) Магическій—волшебный, необыкновенный.

ихъ на случай болѣзни или для другихъ цѣлей; однакожъ не можетъ выполнять этого, если ему не пособляетъ въ томъ жена. *Благоразумная, бережливая, трудолюбивая женщина составляетъ, поистинѣ, вѣнецъ счастія для своего супруга.* Она содѣйствуетъ ему во всѣхъ добрыхъ рѣшеніяхъ, можетъ обнаружить его лучшія качества путемъ спокойной, кроткой поддержки; своимъ примѣромъ она въ состояніи насадить въ немъ возвышенныя начала (т. е. мысли, намѣренія, желанія), служащія сѣменемъ наибольшихъ жизненныхъ добродѣтелей.

Самый скромный рабочій, благосостояніе и хорошая жизнь котораго наглядно показываютъ его товарищамъ, чего можно достигнуть посредствомъ труда, умѣренности, заботливости и умѣнья преодолѣвать низкія, чувственные соблазны,—показываютъ, какимъ дорогимъ дѣлается домашній кровъ отъ этихъ качествъ, даже среди бѣдности,—такой рабочій приноситъ столько же добра, какъ любой краснорѣчивый писатель. Если бы въ народѣ нашлось нѣсколько такихъ лицъ, то ихъ благодѣтельное вліяніе скоро было бы замѣчено цѣлымъ обществомъ. *Хорошо прожитая жизнь стоитъ многихъ рѣчей, потому что примѣръ гораздо краснорѣчивѣе словъ:* это—поученіе въ лицахъ, правила мудрости на дѣлѣ.

X. Повседневная жизнь человѣка служитъ лучшимъ пробнымъ камнемъ и его нравственнаго и общественнаго положенія. Возьмемъ двухъ рабочихъ по одному и тому же ремеслу, зарабатывающихъ одинаковыя деньги; какъ различны могутъ быть эти два человѣка по отношенію къ ихъ настоящему положенію! Одинъ смотритъ совершенно свободнымъ человѣкомъ, другой—рабомъ. Одинъ живетъ въ уютномъ домикѣ, другой—въ грязной лачугѣ. На одномъ всегда одѣто приличное платье, другой въ лохмотьяхъ. У одного дѣти опрятны, хорошо одѣты, ходятъ въ школу; у другого грязны, жалки и нерѣдко валяются въ канавахъ. Одинъ обладаетъ обыкновенными жизненными удобствами, даже многими удовольствіями, предметами комфорта *), напр. хорошо составленной библіотекой; у другого мало отраднаго: нѣтъ ни удовольствій, ни развлеченій, ни книгъ, а между тѣмъ заработокъ обоихъ одинаковъ. Что за причина такой разницы?

Вотъ причина. Одинъ уменъ и предусмотрителенъ; другой—напротивъ. Одинъ жертвуетъ собою для пользы своей жены, семьи, домашняго крова; другой не отказываетъ себѣ ни въ чемъ, но живетъ подъ гнетомъ дурныхъ привычекъ. Одинъ—человѣкъ трезвый, находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы сдѣлать свой домъ привлекательнымъ, доставить семьѣ удобство; другой вовсе не заботится ни о домѣ, ни о семействѣ, а тратитъ большую часть своихъ заработковъ въ питейной лавкѣ или трактирѣ; одинъ смотритъ вверхъ, другой внизъ. У одного высокая мѣра удовольствій, у другого низкая. Одинъ любитъ книги, развивающія и возвышающія его умъ; другой преданъ пьянству, кото-

---

*) Комфортъ—удобства жизни.

рое стремится его принизить и оскотоподобить. Одинъ бережетъ свои деньги; другой ихъ мотаетъ.

„Вотъ что,—товарищъ", сказалъ послѣднiй первому, однажды вечеромъ, на обратномъ пути съ работы,—„скажите-ка мнѣ, какъ вамъ удается устраивать свои дѣла? какимъ образомъ вы можете содержать и одѣвать семью такъ, какъ теперь, да еще сверхъ того, откладывать деньги въ сберегательную кассу? вотъ я, кажется, добываю столько же, какъ и вы, да еще и дѣтокъ у меня меньше, и вѣдь едва могу сводить концы съ концами!..."

„Хорошо, я вамъ скажу, въ чемъ секретъ: это все только благодаря моей заботливости о *сбереженiи наживаемыхъ копеекъ*".

„Какъ! И тутъ вся причина?"

„Да, и причина хорошая. Не наберется и изъ 50 человѣкъ одинъ, который бы зналъ этотъ секретъ. Напримѣръ, вы не знаете".

„Я? Какъ это такъ? Любопытно бы знать!"

„Теперь, когда вы спросили мой секретъ, я разскажу вамъ все. Только не обижайтесь, если я буду говорить прямо. *Я ничего не трачу на питье*.

„Ничего? Но это значитъ, что вы не платите угощенiемъ за угощенiе, а блюдолизничаете у сосѣдей?"

«Никогда! Я пью воду, которая не стоитъ ничего. Старинная пословица говоритъ, что за каждымъ пьянымъ днемъ идетъ горькое похмѣлье; я стараюсь, чтобъ у меня не было дней похмѣлья, когда болитъ голова и трясутся руки, и берегу деньги. Пей воду: не заболѣешь и не задолжаешь, да и жена не останется скоро вдовой. А вѣдь это составляетъ значительную разницу въ нашихъ издержкахъ».

„Въ томъ и состоитъ весь вашъ секретъ?"

„Да; заботьтесь о каждой мелкой монетѣ—вотъ и все. Я берегу, и потому не терплю нужды, а вы нуждаетесь. Очень просто, не правда ли?"

«Просто-то просто; только изъ этого нѣтъ никакого толку». «А вотъ такой толкъ, что вы должны были спросить, почему я живу хорошо и еще откладываю, тогда какъ вы, при тѣхъ же доходахъ, едва сводите концы съ концами. Деньги значатъ независимость, и онѣ складываются мало-по-малу. Сверхъ того, я да и вы также работаемъ такъ много, что мнѣ даже не хочется тратить деньги на питье, когда я могу отложить эти трудовые гроши на черный день. Въ этомъ все и дѣло; вѣдь *отрадно подумать*, что—какая бы случайность меня ни постигла, мнѣ не будетъ нужды ни просить, ни итти въ рабочiй домъ. Сбереженiя дѣлаютъ меня человѣкомъ свободнымъ. Человѣкъ, который всегда въ долгу, или безъ гроша подъ рукою, немногимъ лучше раба».

(*Заимствов. съ сокращ. изъ соч. С. Смайльса: „Бережливость"*).

13. Пустынникъ.

И ангелъ мнѣ сказалъ: иди, оставь ихъ грады,
Въ пустынѣ скройся ты, чтобъ тамъ огонь лампады,
Тебѣ повѣренный, до срока уберечь,
Дабы, когда тщету суетъ они познаютъ,
Возжаждутъ истины и свѣта пожелаютъ,
Имъ было-бъ чѣмъ свои свѣтильники возжечь.

(А. Майковъ).

14. Поэтъ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ[1]),
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира[2]),
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ, въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы.
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы.

(А. Пушкинъ).

15. Пророкъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.
Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,—
И вотъ въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы, даромъ Божьей пищи.
Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.
Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,—
Тамъ старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:
«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Слѣпецъ хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!
Смотрите-жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!»

(Лермонтовъ).

16. Слезы *).

Сколько слезъ я пролилъ!
Сколько тайныхъ слезъ
Скрыться приневолилъ
Въ дни сердечныхъ грозъ!
Слезы, что пробились,
Позабыты мной;

---

[1]) Аполлонъ — языческій богъ, мнимый покровитель литературы, поэзіи, художествъ. Первые два стиха можно передать такъ: пока на поэта не нашло священное вдохновеніе.

[2]) Лира—музыкальный инструментъ, здѣсь—даръ поэтическаго вдохновенія и словеснаго его проявленія.

*) Это стихотвореніе, какъ и всякое, въ которомъ выражается грустное чувство, относится къ разряду элегіи.

Чувства оживились На сердечномъ днѣ,
Свѣжей ихъ росой. Къ язвамъ прикипѣли
Слезы, что отсѣли Ржавчиной во мнѣ.

(Кн. Вяземскій).

17. Выхожу одинъ я на дорогу.

Выхожу одинъ я на дорогу,
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ;
Въ небесахъ торжественно и чудно,
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно?
Жду-ль чего? жалѣю ли о чемъ?
Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя,
Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть...
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы
Я-бъ желалъ на вѣки тамъ заснуть,—
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ вздымалась тихо грудь,
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

(Лермонтовъ).

18. Темница.

Черныя стѣны суровой темницы
Сырость одѣла, покрыли мокрицы,
Падаютъ ѣдкія капли со свода,—
А за стѣною ликуетъ природа.

***

Связка соломы лежитъ подо мною,
Червь ее точитъ. Дрожащей рукою
Сбросилъ я жабу съ нея... а изъ башни
Видно и небо, и горы, и пашни.

***

Вырвался съ крикомъ изъ груди холодной
Вопль, замиравшій неслышно, безплодно;
Глухо оковы мои загремѣли,
А за стѣною малиновки пѣли.

(Щербина.)

19. Слезы.

Слезы людскія, о слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.

(Тютчевъ.)

20. На кладбищѣ.

Сквозь деревья освѣщаются гробницы
По плитамъ скользитъ узорчатая тѣнь,
Въ знойномъ воздухѣ поютъ и рѣютъ птицы,
Надъ усопшимъ ликуетъ красный день.
Разрослись деревья, преизбытокъ силы
Дышитъ въ каждой жилкѣ влажнаго листка,
И кругомъ, куда ни взглянешь на могилы,
И цвѣты нарядны, и трава густа.
И сидѣлъ я долго на плитѣ гробницы...
Отъ вѣтвей узоромъ колебалась тѣнь,
Воздухъ знойный пѣньемъ оглашали птицы,
Надъ могилами сіялъ веселый день.
И мгновенной жизнью пользуясь безпечно,
Проходили люди шумною толпой;
А во храмѣ пѣли радость жизни вѣчной,
Грустно пѣли: «со святыми упокой.» *(А. Жемчужниковъ).*

21. Утѣшеніе.

Предъ Господомъ Богомъ я грѣшенъ!
И кто же не грѣшенъ предъ нимъ?
Но тѣмъ я хоть мало утѣшенъ,
Что братъ я всѣмъ братьямъ моимъ;

***

Что слезы мнѣ всѣ симпатичны, [1])
Что съ плачущимъ плачу и я,
Что въ сердцѣ есть отзывъ привычный
На каждую скорбь бытія; [2])

***

Что духъ мой окрѣпъ подъ ненастьемъ,
Что въ язвахъ созрѣла душа,
Что жизнь мнѣ не блескомъ и счастьемъ,
А тайной тоской хороша.

***

Что въ міръ и его обаянья
Недолго вдаваться я могъ,
Но всѣ его понялъ страданья
И чувство для нихъ уберегъ;

***

Что тайная есть мнѣ отрада
Внезапно войти въ Божій домъ
И тамъ, гдѣ мерцаетъ лампада,
Съ молитвой поникнуть челомъ;

---

[1]) Симпатичный—сострадательный, сочувственный.
[2]) Бытіе—жизнь, существованіе.

Что дня не проходитъ и часу,
Чтобъ внутреннимъ слухомъ не внялъ
Я смерти призывному гласу
И слухъ отъ него уклонялъ;

***

Что въ самой житейской тревогѣ
Сей голосъ не чуждъ для меня,
И мыслью стою при порогѣ
Послѣдняго, страшнаго дня. (*Кн. П. Вяземскій*).

22. Труженикъ.

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.

——

Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою...
Я утомленъ, я утомленъ.

——

Пора на отдыхъ. О дубравы!
О тишина полей и водъ
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!

——

Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной
Вдохнуть вечернюю струю!

——

Стереть бы потъ дневного зноя!
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!
Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха! впередъ, впередъ!

Взгляни на ниву—пашни много,
А дня немного впереди,
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога,
Господь велитъ: иди, иди!

——

Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты:
Сгибайся жъ, пахарь, надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы!

——

Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ:
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!

——

Иду свершать въ трудѣ и потѣ
Удѣлъ, назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.

——

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь для сѣва Твоего.

(*А. Хомяковъ*).

23. Сяду я за столъ. *)

Сяду я за столъ
Да подумаю—
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому.

—

Нѣтъ у молодца
Молодой жены;
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнаго,

—

Золотой казны,
Угла теплаго,
Бороны, сохи,
Коня—пахаря...

—

*) Это стихотвореніе, какъ и слѣдующее за нимъ, относится къ разряду художественныхъ пѣсней.

Вмѣстѣ съ бѣдностью
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ талантъ—
Силу крѣпкую.

—

Да и ту какъ разъ
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю размыкала.

—

Сяду я за столъ,
Да подумаю—
Какъ мнѣ вѣкъ дожить
Одинокому. (*Кольцовъ*).

24. Ахъ, ты ночь ли, ноченька.

Ахъ, ты ночь ли,
Ноченька!
Ахъ, ты ночь ли
Бурная!
Отчего ты
Съ вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звѣздами,
Не сіяешь
Мѣсяцемъ,
Все темнѣешь
Тучами?
И съ тобой, знать,
Ноченька,
Какъ со мною
Молодцемъ,
Грусть—злодѣйка
Свѣдалась!
Какъ заляжетъ
Лютая
Тамъ глубоко
На сердце:
Позабудешь
Съ вечера
До глубокой
Полночи,
Припѣвая,
Тѣшиться
Хороводной
Пляскою!
Нѣтъ, взрыдаешь,
Всплачешься,
И, безродный
Молодецъ,
На постелю
Жесткую,
Какъ въ могилу,
Кинешься. (*Дельвигъ*).

25. Пѣсня бѣдняка.

Бѣденъ я,—но что за дѣло?—
Безбоязненно и смѣло
Я впередъ иду;
Свыкся я съ нуждою злою;
Предъ нежданною бѣдою
Духомъ не паду.

—

Пріучивъ къ работѣ руки,
Я не знаю праздной скуки;
Ропотъ и тоска
Сердцу съ роду незнакомы;
Мнѣ не надобны хоромы:
Будетъ уголка.

—

И въ углѣ дышу я вольно.
Пусть богачъ живетъ раздольно,
Хлѣба ѣстъ кусокъ,—
Сытъ и бѣдный также точно.
Было-бъ сердце непорочно,—
Бѣдность—не порокъ!

—

Зависть я считаю басней.
Чѣмъ богатыхъ я несчастнѣй?
Пусть я небогатъ;
Но зато я сплю спокойно;
Дни мои проходятъ стройно;
Сердца не страшатъ
Ни заботы, ни печали.

—

Знаю я, что Богъ и въ малѣ:
Къ вышнему Царю
Горячо мое моленье;
И за бѣдности лишенья
Я благодарю.

—

Благо всякое даянье!
Бѣднымъ помощь—упованье,
Ихъ надежда—Богъ;
Здѣсь имъ скорбь, а тамъ отрада,
Здѣсь имъ бѣдность, тамъ награда...
Бѣдность не порокъ!
(*Жуковскій*).

26. Ахъ, ты поле мое поле, поле чистое!

Ахъ, ты поле мое поле, поле чистое!
Ты раздолье мое широкое!
Ужъ ты всѣмъ поле изукрашено,
И травушкой—муравушкой,
И цвѣточками—василечками.
Ты однимъ поле обезчещено,
Что посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ кустъ,
Что на кусточкѣ, на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизъ орелъ,
Въ когтяхъ держитъ черна ворона;
Онъ точитъ кровь на сыру землю.
Подъ кустикомъ, подъ ракитовымъ,
Что лежитъ, убитъ добрый молодецъ,
Избитъ, израненъ, исколотъ весь.
Что не ласточки, не касаточки
Вкругъ тепла гнѣзда увиваются:
Увивается тутъ родная матушка;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ, какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ, какъ роса падетъ:
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ!

(*Народ. пѣсня*).

27. Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы.

Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы,
И зимой бы цвѣты расцвѣтали;
Ахъ, кабы на меня да не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила,
Не сидѣла бы я подпершися,
Не глядѣла бы я во чисто поле.
И я батюшкѣ говорила:
«Не давай меня, батюшка, замужъ,
Не давай, государь, за неровню;
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы;
Не съ богатствомъ мнѣ жить—съ человѣкомъ,
Не въ хоромахъ нужда, а въ свѣтѣ». (*Народ. пѣсня*).

28. Идетъ кузнецъ изъ кузницы.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Слава!
Несетъ кузнецъ три молота,
Слава!
Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ,
Слава!
Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ и новъ,
Слава!
Изъ остаточковъ золотъ перстень,
Слава!

Изъ обрѣзковъ булавочку,
Слава!
Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчатися,
Слава!
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
Слава!
Мнѣ тою булавкою убрусъ притыкать.
Слава! (*Народ. пѣсня*).

29. Дружба.

На гордыхъ высотахъ Ливана
Растетъ могильный кипарисъ,
И вѣтви плюща обвились
Вокругъ его прямого стана.
Пусть вихорь мчится и шумитъ
И сломитъ кипарисъ высокій,—
Вкругъ кипариса плющъ обвитъ:
Онъ не погибнетъ одиноко!...
(*Лермонтовъ*).

30. Лучшій перлъ таится.

Лучшій перлъ таится
Въ глубинѣ морской;
Зрѣетъ мысль святая
Въ глубинѣ души.
Надо сильно бурѣ
Море взволновать,
Чтобъ оно, въ бореньи,
Выбросило перлъ;
Надо сильно чувству
Душу потрясти,
Чтобъ она, въ восторгѣ,
Выразила мысль. (*Жадовская*).

31. Товарищу.

Что ты ходишь съ нуждой
По чужимъ по людямъ!
Вѣруй силамъ души,
Да могучимъ плечамъ.
—
На заботы-жъ свои,
Чуть заря, поднимись,
И одинъ во весь день,
Что есть мочи, трудись.
—
Неудачи, бѣда—
Съ грустью дома сиди;
А съ зарею опять
Къ новымъ нуждамъ иди.
—
И такъ бейся, пока
Случай счастье найдетъ,
И на славу твою
Жить съ тобою начнетъ.
—
Та же сила тогда
Другой голосъ возьметъ,
И чудно, и смѣшно
Всѣхъ къ тебѣ прикуетъ.
—
И тѣ-жъ люди—враги,
Что чуждались тебя,
Богъ ужъ вѣдаетъ какъ,
Назовутся въ друзья.
—
Ты на нихъ не сердись;
Но спокойно, въ тиши,
Жизнь горою пируй,
По желаньямъ души. (*Кольцовъ*).

32. Мать.

«Бѣдный мальчикъ весь въ огнѣ,
Все ему не ловко.
Лягъ на плечико ко мнѣ,
Прислонись головкой!
Я съ тобою похожу...
Подремли, мой мальчикъ,
Хочешь сказочку скажу:
Жилъ былъ мальчикъ съ пальчикъ...
Нѣтъ не хочешь?...сказки—вздоръ!
Пѣсня лучше будетъ...
Зашумѣлъ сыръ-теменъ боръ,
Лисъ лисичку будитъ;

Во сыромъ-темномъ бору...
Задремалъ мой крошка!..
...Я малинки наберу
Полное лукошко...
Во сыромъ-темномъ бору...
Тише! засыпаетъ...
Словно птенчикъ, все въ жару
Губки открываетъ...

—

«Во сыромъ бору» поетъ
Мать, и ходитъ, ходитъ...
Тихо, долго ночь идетъ...
Ночь ужъ день выводитъ—
Мать поетъ... рука у ней
Затекла, устала,
И не разъ слезу съ очей
Бѣдная роняла...
И едва дитя, въ жару,
Вздрогнувъ, встрепенется—
«Во темномъ-сыромъ бору»
Снова раздается...

—

Отклони ударъ, уйди,
Смерть съ своей косою!
Мать дитя съ своей груди
Не отдастъ безъ бою!
Заслонитъ, средь всѣхъ тревогъ,
Всей душой своею,
Жизни чудный огонекъ,
Что затепленъ ею!
И едва онъ засвѣтилъ,—
Вдругъ ей ясно стало,
Что любви, что чудныхъ силъ
Сердце въ ней скрывало!...

(*А. Майковъ*).

33. Къ дѣтямъ.

Бывало, въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться—да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

—

Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней
Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей,
Какъ сладко, какъ радостно было!

—

Теперь прихожу я: вездѣ темнота,
Нѣтъ въ комнатѣ жизни, кроватка пуста;
Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ...
Мнѣ грустно: малютокъ моихъ уже нѣтъ!
И сердце такъ больно сожмется!

—

О дѣти, въ глубокій полуночный часъ,
Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать—
Молитесь—да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

(*А. С. Хомяковъ*).

34. Жена ямщика.

Скоро будетъ полночь...
Тишина въ избѣ;
Только вѣтеръ воетъ
Жалобно въ трубѣ.
И горитъ лучина,
Издавая трескъ

И вокругъ дрожащій
Разливая блескъ.
Въ старомъ зипунишкѣ,
Прислонясь къ стѣнѣ,
Дремлетъ подлѣ печки
Мальчикъ на скамьѣ.
Слабо освѣщаетъ
Блѣдный огонекъ
Дѣтскую головку
И румянецъ щекъ.
Съ дремлющимъ малюткой
Рядомъ мать сидитъ
И, лаская сына,
Кротко говоритъ:
«Ты-бы легъ, касатикъ;
Вѣдь ужъ ночь давно;
На-ка вотъ шубенку;
Вишь, какъ холодно».
— «А зачѣмъ же, мама,
Ты сама сидишь,
И вечоръ все пряла,
И теперь не спишь?»
«Охъ, мой ненаглядный,
Прясть то нѣтъ ужъ силъ,—
Что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!
«Пятая недѣля
Вотъ къ концу идетъ,
А досель отецъ твой
Вѣсточки не шлетъ.
«Ну, Господь помилуй!
Если съ мужичкомъ
Грѣхъ какой случился
На пути глухомъ.
«Дѣло мое бабье,—
Какъ тогда мнѣ быть?
Кто насъ, горькихъ, станетъ
Одѣвать, кормить?»...
— «Полно плакать, мама!»
Грустно сынъ сказалъ
И, поднявъ головку,
Тихо съ мѣста всталъ.
И къ щекѣ родимой
Онъ прильнулъ щекой
И, заплакавъ горько,
Мать обнялъ рукой.
«Я не стану плакать;
Лягъ, усни, дружокъ,—
Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ.
«Постелю постельку;
А Господь пошлетъ—
Твой отецъ гостинецъ
Скоро привезетъ.
«Новыя салазки
Сдѣлаетъ опять,
Будетъ въ нихъ сыночка
По двору катать»...
И дитя забылось...
Снова мать прядетъ,
Ей отъ думъ—заботы
Сонъ на умъ нейдетъ.
Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ;
Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй гудитъ.
Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца—
Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца...
Вотъ въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ.
—«Ахъ, отецъ!» проснувшись,
Мальчикъ закричалъ.
— «Вишь, морозъ какъ крѣпко
Дверь то прихватилъ!»
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ.
И мужикъ рукою
Сильно дверь рванулъ,
Въ избу вшелъ, снялъ шапку,
Съ платья снѣгъ стряхнулъ.
Осѣнивъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:
— «Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?...
Экая погодка!
Слѣду въ полѣ нѣтъ!
«Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
И лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ».
«А мой мужъ?»—спросила
Ямщика жена,—
И бѣлѣе снѣга
Сдѣлалась она.

«Да, въ Москву пріѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,
И Господь бѣднягѣ
По̀-душу послалъ.
«На дворѣ съ нимъ вмѣстѣ
Мнѣ пришлось стоять,—
И меня лошадокъ
Упросилъ онъ взять».
Горько зарыдала
Бѣдная вдова,
Выслушавъ сосѣда
Первыя слова.
Опустивъ ручонки,
Сынъ ея стоялъ—
Блѣдный и всѣмъ тѣломъ
Въ ужасѣ дрожалъ.
«Вишь, какая притча»!
Думалъ такъ мужикъ:
«Вѣрно я не впору
Развязалъ языкъ.
«А вѣдь жалко бабу
Что и говорить!
Скоро ей придется
По-міру ходить.
«Полно горевать-то»,
Вслухъ онъ ей сказалъ:
«Стало неча дѣлать—
Богъ, знать, наказалъ!
«Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора:
Такъ поди, возьми ихъ;
Мнѣ домой пора.
«Да! вѣдь эка память,
Все сталъ забывать:
Вотъ отецъ сынишкѣ
Крестъ велѣлъ отдать.
«Самъ онъ черезъ силу
Съ шеи его снялъ,
Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
Въ руки и сказалъ:
— «Вотъ благословенье
«Сыну моему:
«Пусть не забываетъ
«Мать, скажи ему!» (*Никитинъ*).

35. Подвигъ.

Подвигъ есть и въ сраженьи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ,
Высшій подвигъ въ терпѣньи,
Любви и мольбѣ.

Если сердце заныло
Передъ злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цѣпью стальной;

Если скорби земныя
Жаломъ въ душу впились,—
Съ вѣрой бодрой и смѣлой
Ты за подвигъ берись.

Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на нихъ,
Безъ труда, безъ усилья,
Выше мраковъ земныхъ,—

Выше крыши темницы,
Выше злобы слѣпой,
Выше воплей и криковъ
Гордой черни людской!
(*А. Хомяковъ*).

36. Не осуждай!

Не осуждай—за тѣмъ, что всѣ мы люди,
Всѣ слабы, немощны, опутаны грѣхомъ;
Волнуютъ страсти наши груди;
Въ грѣхѣ родимся и живемъ.

Не осуждай!.. Чтобъ ближнихъ быть судьею,
Спроси у совѣсти, ты самъ-то лучше-ль ихъ?
О, братъ, кто точно чистъ душою,
Тотъ снисходителенъ къ погрѣшностямъ другихъ!

Не осуждай!.. Вѣдь слову нѣтъ возврата
Смотри, чтобъ, какъ сказалъ Спаситель, неравно

Увидишь спицу въ глазѣ брата,
А проглядишь въ своемъ бревно.

Не осуждай—за тѣмъ, чтобъ обличеньемъ
Не палъ и на тебя тотъ камень съ высоты,
Тяжелый камень осужденья,
Которымъ въ брата бросишь ты.

Не осуждай—за тѣмъ, мой братъ, что право
Судить и миловать принадлежитъ Тому,
Предъ Кѣмъ открытъ нашъ міръ лукавый,
Кто можетъ свѣтомъ сдѣлать тьму. (*Розенгеймъ*).

37. Послѣдняя борьба.

Надо мною буря выла,
Громъ по небу грохоталъ,
Слабый умъ судьба страшила,
Холодъ въ душу проникалъ.
Но не палъ я отъ страданья,
Гордо выдержалъ ударъ,
Сохранилъ въ душѣ желанья,
Въ тѣлѣ — силу, въ сердцѣ — жаръ.

Что погибель! что спасенье!
Будь, что будетъ — все равно!
На святое Провидѣнье
Положился я давно!

Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Ею жизнь моя полна;
Безконечно въ ней стремленье,
Въ ней покой и тишина...
Не грози-жь ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой;
Готовъ биться я съ тобою,
Но не сладишь ты со мной!
У меня въ душѣ есть сила,
У меня есть въ сердцѣ кровь,
Подъ крестомъ—моя могила,
На крестѣ—моя любовь!

(*Кольцовъ*).

38. Всѣ люди братья.

О, какъ бы онъ счастливъ былъ, свѣтъ этотъ старый,
Да люди другъ-друга понять не хотятъ,
Къ сосѣду сосѣдъ не придетъ и не скажетъ:
«Вѣдь, люди всѣ братья—дай руку мнѣ, братъ!»

Зачѣмъ мы разладъ и вражду не покинемъ,
Зачѣмъ не составимъ одну мы семью?
Одинъ бы другому сказать могъ съ любовью:
«Приди! мы всѣ братья—дай руку свою.

«Богатъ ты и носишь нарядное платье;
Я бѣденъ, на мнѣ кафтанишко худой;
Но честное сердце въ груди у обоихъ,
Такъ дай-же мнѣ руку, мы братья съ тобой.

«Тебѣ ненавистны измѣна и подлость:
Но правды законъ тебѣ дорогъ и святъ;
Я тоже любовью къ добру пламенѣю,
Приди! мы всѣ братья—дай руку мнѣ, братъ!

«Ни сильный, ни слабый тобой не обманутъ.
За слово свое, какъ и ты, я стою.
Не тоже-ль, что я—называешь ты счастьемъ?
Мы братья съ тобою,—дай руку свою.

«Ты матерью нѣжно, глубоко любимъ былъ,
Моя и жила и дышала лишь мной;
Пускай мы стоимъ на различныхъ ступеняхъ,
Но руку подай мнѣ,—мы братья съ тобой!

«Мы любимъ вечерняго солнца сіянье;
Всего намъ дороже родимый нашъ край,
И жизнь для борьбы послана намъ обоимъ;
Мы братья... Такъ братски мнѣ руку подай!

«Грозитъ ужъ обоимъ намъ хилая старость,
И смерть неизбѣжная ждетъ насъ за ней;
И оба мы въ темную ляжемъ могилу.
Да! люди всѣ братья... Дай руку скорѣй!»

(Изъ Роберта Николи въ перев. *А. Плещеева*).

39. Нравоучительныя четверостишія.

Все возвѣщаетъ намъ: есть Вѣчный, есть Творецъ!
Онъ таинство уму, но чувству Онъ потреба.
Благоговѣй предъ Нимъ!—се гласъ земли и неба.
Люби Его! се гласъ признательныхъ сердецъ.

***

О смертный! міръ твоимъ потребностямъ покоренъ,
Ты Богомъ щедро награжденъ;
И если ты Его подобье,—будь, какъ Онъ
И милосердъ, и благотворенъ.

***

Успѣхъ надменности не вѣренъ,
Съ тщеславіемъ граничитъ стыдъ:
Тотъ низокъ, кто высокомѣренъ,
Возвышенъ тотъ одинъ, кто гордость побѣдитъ.

***

При качествахъ ума привѣтливость есть тоже,
Что прелесть кроткая для женской красоты:
Привѣтливость—печать сердечной доброты,
А доброта всего дороже.

***

Страшитесь лѣни, сей тоски однообразной:
Лѣнь—ржавчина ума и порча всѣхъ даровъ,
И честь и радости—плоды однихъ трудовъ,
А скука и позоръ суть дѣти нѣги праздной.—

***

Будь первой славой намъ, будь первымъ наслажденьемъ—
Благотворительность, сей чистый жаръ души!

Благотворишь-ли ты,—свой даръ удвой забвеньемъ;
Тебѣ-ль благотворятъ,—ты разгласить спѣши.—

***

Не будь горячъ: худой совѣтникъ непріязнь,
Обидой ближнему себѣ наносимъ рану.
Спѣша отмстить врагу, мы жертвуемъ обману
И совѣсти своей лишь ускоряемъ казнь.

(*Кн. П. Вяземскій*).

40. Человѣкъ.

Я—человѣкъ, хотя еще и маленькій, потому что у меня есть такая же душа и такое же тѣло, какъ и у другихъ людей. Я еще не великъ, и не очень силенъ, когда сравню себя съ взрослыми людьми но прежде былъ еще меньше и еще слабѣе, даже, какъ говорятъ, не могъ ходить и говорить, хотя и не помню этого времени. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, я выросту, сдѣлаюсь большимъ и сильнымъ, сдѣлаюсь взрослымъ человѣкомъ. Пройдетъ еще десятка три лѣтъ, и, я начну старѣться; потомъ придется мнѣ и умереть, тѣло разрушится и превратится въ землю, изъ которой оно создано, но душа моя не умретъ никогда, потому что Богъ, давшій мнѣ смертное тѣло, далъ мнѣ *безсмертную душу*.

Я понимаю, что мнѣ говорятъ, могу выражать свои мысли и желанія словами, такъ что меня понимаютъ другіе люди: у меня есть *даръ слова*.

Я могу выучить урокъ и потомъ вспомнить и разсказать то, что выучилъ; помню лица и имена знакомыхъ людей, помню названія различныхъ предметовъ: у меня есть *память*.

Я понимаю не все, что мнѣ говорятъ, и не все, что читаю въ книгѣ, но, когда мнѣ объяснятъ хорошенько, мнѣ становится понятнымъ и то, чего я прежде не понималъ. Я теперь знаю немного, но прежде зналъ еще меньше; а чѣмъ больше буду учиться, тѣмъ болѣе буду знать и понимать. У меня есть *умъ*.

Когда я выучу свой урокъ, сдѣлаю все, что должно, когда за мною нѣтъ никакой шалости, тогда у меня на душѣ спокойно и легко; когда же я полѣнюсь, или не послушаюсь, или нашалю, тогда душа моя безпокоится и не довольна моими поступками: у меня есть *совѣсть*.

Мнѣ иногда не хочется учиться; но я могу принудить себя сѣсть за дѣло, зная, что должно трудиться, и лѣниться стыдно. Мнѣ иногда не хочется сдѣлать того, что мнѣ приказываютъ, но я могу принудить себя исполнить волю родителей или повиноваться: у меня есть *свободная воля*.

Я не видѣлъ и не могу видѣть Бога, потому что Онъ есть Духъ; но я *вѣрю*, что Богъ существуетъ, видитъ все, знаетъ все и всѣмъ управляетъ.

У меня есть желаніе быть умнымъ, добрымъ, и я могу сдѣлаться такимъ, если постараюсь: у меня есть *желаніе* и возможность сдѣлаться умнѣе и добрѣе.

Всѣ эти способности, которыми я надѣленъ отъ Бога: даръ слова, память, умъ, совѣсть, воля, вѣра въ Бога, желаніе и возможность сдѣлаться лучше—называются *душевными способностями*.

Мнѣ пріятно, когда меня хвалятъ, и непріятно, когда бранятъ; я люблю своихъ родителей, люблю многихъ изъ своихъ товарищей. Когда мнѣ сдѣлаютъ добро, я чувствую благодарность. Я сержусь, когда мнѣ досаждаютъ, смѣюсь, когда мнѣ весело, плачу, когда мнѣ грустно. У меня есть различныя внутреннія душевныя чувства.

Человѣкъ одаренъ жизнію, одаренъ свободною, разумною и безсмертною душою, желающею добра и вѣрующею въ Творца вселенной. Душа человѣка невидима, она живетъ въ прекрасно устроенномъ тѣлѣ и всѣмъ управляетъ; безъ души тѣло наше, несмотря на прекрасное устройство свое, было бы мертво, не могло бы ни чувствовать, ни двигаться.

41. Мельникъ (Басня).

У Мельника вода плотину прососала:
Бѣда-бъ не велика сначала,
Когда-бы руки приложить;
Но кстати-ль? Мельникъ мой не думаетъ тужить;
А течь день ото-дня сильнѣе становится:
Вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра.
«Эй, Мельникъ, не зѣвай! Пора,
Пора тебѣ за умъ хватиться!»
А Мельникъ говоритъ: «Далеко до бѣды,
Не море надо мнѣ воды,
И ею мельница по весь мой вѣкъ богата».
Онъ спитъ, а между тѣмъ
Вода бѣжитъ, какъ изъ ушата.
И вотъ бѣда пришла совсѣмъ:
Сталъ жерновъ, мельница не служитъ.
Хватился мельникъ мой: и охаетъ, и тужитъ,
И думаетъ, какъ воду уберечь.
Вотъ у плотины онъ, осматривая течь,
Увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры.
«Негодныя»! кричитъ: «хохлатки, дуры!
Я и безъ васъ воды не знаю, гдѣ достать;
А вы пришли ее здѣсь вдосталь допивать».
И въ нихъ полѣномъ хвать.
Какое-жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье?
Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ свое подворье.

—

Видалъ я иногда,
Что есть такіе господа
(И эта басенка имъ сдѣлана въ подарокъ),

Которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить,
А думаютъ хозяйство подспорить,
Коль свѣчки сберегутъ огарокъ,
И рады за него съ людьми поднять содомъ.
Съ такою бережью диковинка-ль, что домъ
Скорехонько пойдетъ вверхъ дномъ. *(Крыловъ).*

42. Крестьянинъ въ бѣдѣ (Басня).

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ,
Забрался въ клѣть и, на просторѣ
Обшаря стѣны всѣ и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ.
И то сказать, какая совѣсть въ ворѣ!
Ну такъ, что нашъ мужикъ-бѣднякъ
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,
Хоть по міру пойти съ сумою;
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
«Нельзя ли», говоритъ, «помочь бѣдѣ моей»?
Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ,
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: «Эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ».
Сватъ Климычъ говоритъ:
«Впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить»!
—«Эхъ, братцы, это все не такъ»!
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
«Не то бѣда, что клѣть далеко,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ.
Возьми-ка у меня щенка любого
Отъ жучки: я бы радъ сосѣда дорогого
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить»!
И словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ;
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ. *(Крыловъ).*

43. Лжецъ (Басня).

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, глѣ онъ бывалъ,

И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
«Нѣтъ», говоритъ: «что я видалъ,
Того ужь не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнишь—такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не надо.
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.
Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ:
А если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ [1]), напримѣръ, я видѣлъ огурецъ...
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? Ну, право, былъ онъ съ гору».
—«Что за диковина!» пріятель отвѣчалъ:
«На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду,
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.
Вонъ видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ?
Онъ съ виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ:
До половины не дойдетъ—
Провалится и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ».
—«А какова у васъ рѣка?»
—«Да не мелка...
Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ...
Вѣдь съ гору? кажется, ты такъ сказалъ о немъ?»
—«Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ.
—«Повѣрить трудно!
Однакожъ какъ ни чудно,
А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ лжеца никакъ не подымаетъ;
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста [2]) да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо.»

---

[1]) Римъ—главный городъ въ Италіи. [2]) Журналистъ—чиновникъ, занимающійся письмоводствомъ.

—«Ну, не такое еще диво!
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть:
Не думай, что вездѣ по нашему хоромы;
Что тамъ за домы?
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни стать ни сѣсть!»
—«Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однакожъ мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ на немъ пяти не сдѣлаетъ шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ....»
—«Послушай-ка,» тутъ перервалъ мой Лжецъ:
«Чѣмъ на мостъ намъ итти, поищемъ лучше броду».
(*Крыловъ*).

44. Пушки и паруса (Басня).

На кораблѣ у пушекъ съ парусами
Возстала страшная вражда.
Вотъ, пушки, выставясь изъ портовъ [1]) вонъ носами,
Роптали такъ предъ небесами:
«О боги! видано ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться въ пользахъ намъ имѣло дерзновенье?
Что дѣлаютъ они во весь нашъ трудный путь?
Лишь только вѣтеръ станетъ дуть,
Они надувъ спесиво грудь,
Какъ будто важнаго какого сану,
Несутся гоголемъ [2]) по океану
И только чванятся; а мы громимъ въ бояхъ!
Не нами ли царствуетъ корабль нашъ на моряхъ?
Не мы ль несемъ съ собой повсюду смерть и страхъ?
Нѣтъ, не хотимъ жить болѣ съ парусами;
Со всѣми мы безъ нихъ управимся и сами.
Лети же, помоги, могущій намъ Борей, [3])
И изорви въ клочки ихъ поскорѣй!»
Борей послушался: летитъ, дохнулъ, и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся, какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;
Борей реветъ и рветъ въ лоскутья паруса.
Не стало ихъ, утихла непогода;
Но что жъ? Корабль безъ парусовъ
Игрушкой сталъ и вѣтровъ, и валовъ
И носится онъ въ морѣ, какъ колода;
А въ первой встрѣчѣ со врагомъ,

---

[1]) Портъ—окно въ стѣнѣ корабля. [2]) Гоголь—нестись гоголемъ—нестись спесиво, гордо. [3]) Борей—сѣверный холодный вѣтеръ.

Который вдоль его всѣмъ бортомъ страшно грянулъ,
Корабль мой недвижимр, сталъ скоро рѣшетомъ,
И съ пушками, какъ ключъ, онъ ко дну канулъ.

—

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ—врагамъ она грозна,
А паруса—гражданскія въ ней власти. (*Крыловъ*).

45. Щука и котъ. (Басня).

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачить пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ;
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

——

Зубастой щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю, завистью ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ;
Но только вздумала кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту,
Мышей въ амбарѣ половить.
«Да полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?»
Сталъ щукѣ Васька говорить:
Смотри, кума, чтобъ не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится.»
—«И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей.»
—«Такъ въ добрый часъ, пойдемъ! Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,—
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво стащилъ ее обратно въ прудъ.
И дѣльно! Это, щука,
Тебѣ наука.
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить. (*Крыловъ*)

46. Гуси. (Басня).

Предлинной хворостиной
Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать;
И правду—истину сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиный.
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню.
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
„Гдѣ можно насъ, гусей, несчастнѣе найти!
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ какъ будто-бы простыхъ гусей гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ,—
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ;
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!"
— „А вы хотите быть за что отличены?"
Спросилъ прохожій ихъ.—„Да наши предки..."
— „Знаю,
И все читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?"
— „Да наши предки Римъ спасли..."
— „Все такъ, да вы что̀ сдѣлали такое?"
— „Мы? ничего!"—„Такъ что-жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по дѣломъ была и честь,—
А вы, друзья, лишь годны на жаркое".

———

Баснь эту можно-бы и болѣ пояснить,
Но чтобъ гусей не раздразнить... *(Крыловъ)*.

47. Орелъ и кротъ. (Басня).

Не презирай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его.

———

Со стороны прибывъ далекой
Въ дремучій лѣсъ, орелъ съ орлицею вдвоемъ
Задумали на вѣкъ остаться въ немъ,
И, выбравши вѣтвистый дубъ, высокій,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить,
Надѣясь и дѣтей тутъ вывести на лѣто.
Услыша кротъ про это,
Орлу взялъ смѣлость доложить,
Что этотъ дубъ для ихъ жилища не годится,

Что весь почти онъ въ корнѣ сгнилъ
И скоро, можетъ быть, свалится,
Такъ чтобъ орелъ гнѣзда на немъ не вилъ.
Но кстати ли орлу принять совѣтъ изъ норки
И отъ крота! А гдѣ же похвала, что у орла
Глаза такъ зорки?
И что за стать кротамъ мѣшаться смѣть въ дѣла
Царь-птицы!
Такъ многаго съ кротомъ не говоря,
Къ работѣ поскорѣй, совѣтчика презря,—
И новоселье у царя
Поспѣло скоро для царицы.
Все счастливо: ужъ есть и дѣти у орлицы.
Но чтожъ? Однажды, какъ зарей
Орелъ изъ-подъ небесъ къ семьѣ своей
Съ богатымъ завтракомъ съ охоты торопился,
Онъ видитъ: дубъ его свалился,
И подавило имъ орлицу и дѣтей.
Отъ горести не взвидя свѣту,
„Несчастный!" онъ сказалъ:
„За гордость рокъ [1]) меня такъ люто наказалъ,
Что не послушался я умнаго совѣту.
Но можно-ль было ожидать,
Чтобы ничтожный кротъ совѣтъ могъ добрый дать?"
— „Когда бы ты не презрѣлъ мною",
Изъ норки кротъ сказалъ: „то вспомнилъ бы, что рою
Свои я норы подъ землей
И что, случаясь близъ корней,
Здорово-ль дерево, я знать могу вѣрнѣй". (*Крыловъ*).

48. Роща и огонь. (Басня).

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ,
Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять яснѣй,
Послушай басенки моей.

Зимою огонекъ подъ рощей тлѣлся;
Какъ видно, тутъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ отъ часу огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ; огонь мой чуть горитъ
И, видя свой конецъ, такъ рощѣ говоритъ:
„Скажи мнѣ, роща дорогая!
За что твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсѣмъ нагая?"
— „За тѣмъ, что вся въ снѣгу;

---

[1]) Рокъ—судьба, въ которую вѣрили язычники.

Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу“.
    Огню такъ роща отвѣчаетъ.
— „Бездѣлица!“ огонь ей продолжаетъ:
„Лишь подружись со мной, тебѣ я помогу.
    Я солнцевъ братъ и зимнею порою
    Чудесъ не меньше солнца строю.
    Спроси въ теплицахъ объ огнѣ:
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ, и вьюга вѣетъ,
    Тамъ все или цвѣтетъ, иль зрѣетъ:
    А все за все спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало,
    И хвастовства я не люблю;
Но солнцу въ силѣ я никакъ не уступлю.
    Какъ здѣсь оно спесиво ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ;
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
Такъ если зеленѣть желаешь ты зимою,
    Какъ лѣтомъ и весною,
Дай у себя мнѣ уголокъ!“
Вотъ дѣло слажено: ужъ въ рощѣ огонекъ
    Становится огнемъ! Огонь не дремлетъ:
    Бѣжитъ по вѣтвямъ, по сучкамъ;
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю рощу вдругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ, и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.
        И нечему дивиться:
    Какъ дереву съ огнемъ дружиться? (*Крыловъ*).

49. Гребень. (Басня).

Дитяти маменька расчесывать головку
    Купила частый гребешокъ.
Не выпускаетъ вонъ дитя изъ рукъ обновку;
Играетъ иль твердитъ изъ азбуки урокъ,
    Свои все кудри золотыя,
Волнистыя, барашкомъ завитыя
    И мягкія, какъ тонкій ленъ,
Любуясь гребешкомъ, расчесываетъ онъ.
И что за гребешокъ! не только не теребитъ,
    Нигдѣ онъ даже не зацѣпитъ:
    Такъ плавенъ, гладокъ въ волосахъ,
Нѣтъ гребню и цѣны у мальчика въ глазахъ.
Случись однако же, что гребень затерялся,
    Зарѣзвился мой мальчикъ, заигрался,
    Всклокочилъ волосы копной.
Лишь няня къ волосамъ, дитя подыметъ вой
    „Гдѣ гребень мой?“

И гребень отыскался,
Да только въ головѣ ни взадъ онъ, ни впередъ,
Лишь волосы до слезъ деретъ.
„Какой ты злой, гребнишка!“
Кричитъ мальчишка;
А гребень говоритъ: „мой другъ, всё тотъ же я;
Да голова всклокочена твоя“.
Однако-жъ мальчикъ мой, отъ злости и досады,
Закинулъ гребень свой въ рѣку:
Теперь имъ чешутся наяды [1]).

———

Видалъ я на своемъ вѣку,
Что также съ правдой поступаютъ:
Поколѣ совѣсть въ насъ чиста,
То правда намъ мила, и правда намъ свята,
Ее и слушаютъ, и принимаютъ;
Но только сталъ кривить душой,
То правду далѣ отъ ушей,
И всякій, какъ дитя, чесать волосъ не хочетъ,
Когда ихъ склочетъ. *(Крыловъ)*.

50. Кривой толкъ.

«Всякъ человѣкъ ложь, и мы тожъ»! Такъ говорятъ люди въ оправданіе неправды своей. Но пословица эта не для того сложена, чтобъ разрѣшить насъ во лжи и неправдѣ. Пословица эта сложена въ духѣ смиренія и кротости; ею сказано тоже, что «одинъ Богъ безъ грѣха». Она учитъ, чтобы мы прощали другъ друга. Если меня кто-нибудь обидѣлъ или оболгалъ и покаялся—я прощаю его и скажу: «Всякъ человѣкъ ложь, и мы тожъ»!

Но кто прилагаетъ эту пословицу въ оправданіе лжи своей, тотъ какъ журавль межи не знаетъ и черезъ нее шагаетъ.

Много есть пословицъ, надъ которыми подумать надо.

Говорятъ: «Живутъ же люди неправдой—такъ и намъ не лопнуть стать». Пословица эта сложена на смѣхъ и стыдъ тѣмъ, кто живетъ въ неправдѣ, какъ же ее принимать въ прямое поученіе?

Сказалъ цыганъ, что краденая кобыла не въ примѣръ дешевле купленой приходится, такъ отчего бы намъ и не воровать? Говорятъ и такъ: «кто укралъ, на томъ одинъ грѣхъ, а у кого украли, на томъ десять». Къ чему это сказано?

Это сказано для того, чтобы люди остерегались поклепу: кого обокрадутъ, тотъ въ сердцахъ всякаго клепать готовъ: вотъ отчего сказано, что на немъ десять грѣховъ. А случалось, что воръ на эту пословицу ссылается; «на мнѣ меньше грѣха, чѣмъ на томъ, кого я обокралъ», говоритъ онъ.

Думай надъ каждой пословицей, прежде чѣмъ прилагать ее, и бойся пуще злого слова—кривого толка. *(В. Даль)*.

———

1) Наяды—мнимыя богини рѣкъ и ручьевъ у язычниковъ.

51. Пословицы объ обязательствахъ по договорамъ.

Уговоръ лучше денегъ.—До слова крѣпись, а давъ слово, держись.—Не тотъ тужи, кто беретъ, но кто заемъ даетъ.—Знай толкъ—не давай пьяному въ долгъ.—Долгъ платежомъ красенъ.—Легче брать, чѣмъ отдать.—Въ долгъ брать легко, а платить тяжело.—Чужой долгъ добромъ отнеси къ хозяину въ домъ.—Какъ ни вертись, а съ долгомъ расплатись.—Хотя продай ржи, а долгу на себѣ не держи.—Голодъ мучитъ, а долгъ крушитъ.—Заплатить долгъ скорѣе, такъ будетъ веселѣе.—Долгъ не реветъ, а спать не даетъ.—Долгъ есть тягостное бремя: отнимаетъ сонъ и время.—Если извѣришься въ алтынѣ, то не повѣрятъ и въ рублѣ.—Обманешь на полтинѣ, не повѣрятъ и алтына.

52. Пословицы и поговорки, относящіяся къ закону вообще.

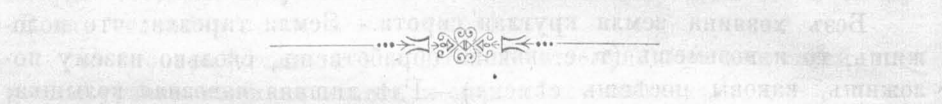
Невѣдѣніемъ закона нельзя отговариваться.—Всуе законы писати, когда ихъ не исполняти.—Всуе законы писать, когда ихъ не хранить.—Не дѣлай другому того, чего самъ себѣ не желаешь.—Держи надъ собою честь и берегись, чтобы кого до бѣды не довесть.—Кто самъ къ себѣ вначалѣ строгъ, того хранитъ и царь, и Богъ.—Кто себя отъ зла хранитъ, того чести никто не повредитъ.—Всѣмъ—добро, никому—зло, то—законное житье.—Гдѣ добры въ народѣ нравы, тамъ хранятся и уставы.

53. Пословицы о земледѣліи.

Безъ хозяина земля круглая сирота.—Земля тарелка: что положишь, то и возьмешь (т.-е. каково обработаешь, сколько назему положишь, каковы посѣешь сѣмена).—Гдѣ лишняя навозная колышка, тамъ лишняя хлѣба коврижка.—Навозъ отвеземъ, такъ и хлѣбъ привеземъ.—Топоръ сохѣ первый пособникъ (о заработкахъ).—Веретеномъ одѣнусь, сохой укроюсь.—Иглой да бороной деревня стоитъ.—Лучше голодай, а добрымъ сѣменемъ засѣвай.—Кто рано сѣетъ, сѣмянъ не теряетъ.—Днемъ раньше посѣешь, недѣлей раньше пожнешь.—Сѣй подъ погоду, будешь ѣсть хлѣбъ годъ отъ году.—Посѣешь въ погоду, больше приплоду.—Сѣйки въ ненастье, а сбирки въ ведро.—Яровой сѣю—по сторонамъ гляжу; ржаной сѣю, шапка съ головы свалится—не подыму.—Много снѣгу—много хлѣба; много воды—много травы.—Какъ въ маѣ дождь, такъ будетъ и рожь.—Мокрый снѣгъ на озимь—тотъ же наземъ.—Хорошъ урожай—продавай раньше; плохъ урожай—продавай позже.—Картофель хлѣбу подспорье.—На хорошей землѣ сѣй яровое раньше, на худой—позже.—Земля согрѣлась—сѣй яровое.—Пшеницу сѣй, когда весна стоитъ красными днями.—Лягушка съ голосомъ—сѣй овесъ.—Не столько роса, сколько потъ удобряетъ почву.—Много муки перенесетъ пшеница до калача.

54. Пословицы о трудолюбіи и праздности.

Богъ труды любитъ.—Кто работаетъ, тому Богъ помогаетъ.—Трудъ человѣка кормитъ, а лѣнь портитъ.—Гдѣ работаютъ, тамъ и густо, а въ лѣнивомъ домѣ пусто.—Лѣнь добра не дѣлаетъ, безъ соли обѣдаетъ.—Когда станешь лѣниться, будешь съ сумой волочиться.—Кто лѣнивъ, тотъ и сонливъ.—Праздность есть мать пороковъ.—Праздный живетъ, только небо коптитъ.—Гулявши много смолоду, умрешь подъ старость съ голоду.—Игра игрою, а дѣло дѣломъ.—Дѣлу время, а потѣхѣ часъ.—Маленькое дѣло лучше большого бездѣлья.—Ѣшь до сыта, работай до поту.—Кто потѣетъ на нивѣ, да молится Богу въ клѣти, тотъ съ голоду не умретъ.—Хотя хлѣба хороши, а пашню паши.—Не будетъ пахотника, не будетъ и бархатника.—Мни ленъ долѣ, волокна будетъ болѣ.—Не всякій хлѣбъ пашетъ, да всякій его ѣстъ.—Хата бѣла да безъ хлѣба бѣда.—Не красна изба углами, красна пирогами.—Готовь лѣтомъ сани, а зимою телѣгу.—Всякому овощу свое время.—Куй желѣзо, пока горячо.—Что посѣешь, то и пожнешь.—Не спи до зари: заря деньгу даетъ.—На ретивую лошадь не кнутъ, а возжи.—Всякое дѣло мастера боится, а иного дѣла и мастеръ боится.—Безъ топора не плотникъ, безъ иглы не портной.—Приказывай слугѣ, да дѣлай самъ, такъ и дѣлу ладъ.—Не говори, что не могу, говори, что не хочу.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

МІРЪ БОЖІЙ.

I. Земля, какъ она вертится, какъ ходитъ вокругъ солнца и какой имѣетъ видъ.

I. Говорится: солнце течетъ вокругъ земли, солнце восходитъ и заходитъ, а на дѣлѣ земля наша бѣжитъ вокругъ солнца, ворочаясь сама чрезъ себя, и отъ этого бываетъ день и ночь, зима и лѣто, и счетъ годами. Какъ земля сама на себя оборотилась — такъ и сутки прочь; который бокъ земли смотритъ на солнце, на томъ боку день; а который смотритъ прочь отъ солнца, тамъ потемки, ночь. На окраинахъ, промежъ дня и ночи, промежъ свѣта и потемокъ, сумерки; по одному краю заря утренняя, по другому вечерняя; тамъ восходитъ солнце, тутъ заходитъ. По самой рединѣ между восходомъ и закатомъ, на той полосѣ земли, которая стоитъ прямо по отвѣсу противъ солнца—будетъ полдень; а по другую сторону шара земного, супротивъ полудня, будетъ полночь.

II. Изъ этого видно, что утро и вечеръ, полдень и полночь, по мѣрѣ того какъ земля катится, обходятъ кругомъ всю землю, и что поочередно для всѣхъ жителей земныхъ бываетъ день и ночь. Изъ того же видно, что для всякаго мѣста бываетъ свой полдень и своя полночь; и стало-быть у всякаго мѣста свои часы. Петербургскій часъ на московскій не приходится: если поставишь въ Петербургѣ часы по солнцу, и пріѣдешь съ ними въ Москву, то они будутъ не вѣрны; ставь ихъ по московскому солнышку. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ солнце раньше восходитъ, раньше приходитъ на полдень, раньше заходитъ; а именно на каждыя 1,500 верстъ къ востоку люди живутъ часомъ впередъ. Разсчитать это не мудрено, если знать, что поперечникъ земли 12,000 верстъ, а окружность ея 36 тысячъ верстъ; если она въ двадцать четыре часа оборачивается вся чрезъ себя, то на каждый часъ времени приходится изъ окружности земли по 1,500 верстъ.

III. Въ 365 сутокъ земля обѣгаетъ вокругъ солнца, и это мы называемъ годомъ. Замѣтимъ, что земля обходитъ солнце, по указанному ей Создателемъ пути, не ровно въ 365 дней, а еще въ шесть часовъ; эти-то шесть часовъ въ четыре года составляютъ сутки: и вотъ по-

чему у насъ каждый четвертый годъ бываетъ высокосный: для вѣрнаго счета мы прибавляемъ одинъ накопившійся день.

Земля летаетъ вокругъ солнца скорѣе всякой птицы перелетной, да и безъ всякаго сравненія скорѣе, чѣмъ ядро, пущенное изъ пушки: ядро пролетаетъ въ одну секунду [1]) не болѣе полуверсты, а земля — страшно вымолвить—двадцать одну версту въ секунду!

IV. Наша земля вращается сама около себя, точно колесо около оси;—оттого-то и говорятъ, что земля вращается около оси, хотя оси этой на самомъ дѣлѣ нѣтъ [2]). Мѣста на поверхности земли, чрезъ которыя должна бы была проходить та ось, если бы она существовала, называются полюсами или бѣгунами.

V. Теперь еще скажемъ, что самый большой кругъ земля дѣлаетъ своею серединою. Это легко понять, если взять яблоко и, проколовши его тоненькою палочкой или прутикомъ, начать крутить это яблоко такъ, чтобы оно обращалось само около себя. Замѣчается тогда, что середина его дѣлаетъ самый большой кругъ, а чѣмъ ближе до тѣхъ мѣстъ, сквозь которыя идетъ палочка, тѣмъ круги все будутъ меньше.

Также и на землѣ: середина дѣлаетъ самый большой кругъ; чѣмъ ближе къ полюсамъ—концамъ оси, тѣмъ круги все будутъ меньше, а возлѣ полюсовъ почти совсѣмъ не будетъ никакого круга; самые же полюсы неподвижны.

Одинъ полюсъ называется полуночнымъ (сѣвернымъ), а другой полуденнымъ (южнымъ); означить ихъ мѣсто на землѣ можно такъ: если мы станемъ лицомъ (къ востоку) къ восходу солнца, то влѣво отъ насъ будетъ полуночный, а вправо полуденный полюсы; сзади же будетъ закатъ солнца (западъ).

VI. Узнавши все это, можетъ, кто-нибудь скажетъ: вѣдь люди живутъ по всей землѣ; значитъ, и противъ насъ, на другомъ боку земли; какъ же они не попадаютъ?

На этотъ вопросъ и я тоже отвѣчу вопросомъ: а куда же имъ падать?

И отвѣтятъ мнѣ: извѣстно, внизъ.—Хорошо! теперь я снова спрошу васъ: что называете вы низомъ?—Обыкновенно то, что подъ ногами. Что же подъ ногами?—Земля.—Да и у нихъ земля. Но послушайте дальше: верхомъ называется то, что у насъ надъ головою—небо; и у тѣхъ, что живутъ на другомъ боку земли, надъ головою—небо; куда же имъ падать?—Еще скажу: намъ *кажется*, что они вверхъ ногами стоятъ; а имъ тоже *кажется* про насъ.

Ко всему этому еще прибавлю, что земля имѣетъ въ себѣ такую силу, которою притягиваетъ къ себѣ все, что на ней есть; подобно

[1]) Сутки, какъ извѣстно, имѣютъ 24 часа; каждый часъ = 60 минутамъ, каждая минута=60 секундамъ.

[2]) Въ каждомъ вращающемся тѣлѣ будетъ рядъ точекъ, находящихся въ покоѣ; эти точки составятъ прямую линію, которая и есть ось вращенія; концы оси называются полюсами. Тѣломъ называется всякій чувственный предметъ: вода, воздухъ, земля, камень и т. п.

тому, какъ, можетъ, кому изъ насъ случалось видѣть, а то и имѣть у себя магнитную пластинку: такъ, если положишь на столъ иголку, либо гвоздикъ, да дотронешься до нихъ тѣмъ магнитомъ, то гвоздикъ, либо игла, сейчасъ и пристанутъ къ нему. Иногда же довольно только приблизить къ магниту иголку, либо гвоздикъ, они сами придвинутся и прилипнутъ къ нему. Но магнитъ имѣетъ въ себѣ силу притягивать только желѣзо, тогда какъ земля притягиваетъ къ себѣ все, что на ней находится, безъ исключенія. Кинете вы, примѣрно, камень вверхъ, онъ не останется тамъ, а непремѣнно упадетъ на землю; тоже бываетъ и съ человѣкомъ, который скачетъ вверхъ. Онъ чувствуетъ въ это время, что точно кто-нибудь тянетъ его къ землѣ.—Нужно при этомъ замѣтить, что чѣмъ тверже (плотнѣе) какое-либо вещество, тѣмъ оно сильнѣе притягивается землею; такъ, гвоздь скорѣе пера падаетъ на землю, когда кинемъ ихъ разомъ съ какой-либо высоты; ибо гвоздикъ плотнѣе пера. Отъ этой силы зависитъ вѣсъ всякаго тѣла.

Вотъ то, что мы сказали теперь, будетъ намъ очень пригодно для объясненія того, какъ земля, вращаясь около оси, еще движется въ то же время и около солнца.

VII. Солнце имѣетъ такую же силу притягивать къ себѣ все, какъ и земля, но только въ немъ эта сила гораздо больше, чѣмъ у земли, и земля, сама притягиваясь солнцемъ, споконъ вѣка идетъ по той дорогѣ, которую положилъ ей Богъ, и не можетъ она свернуть съ этой дороги, или оборваться, такъ же точно, какъ не обрывается, примѣрно, камень, который, если мы наважемъ на веревочку, да будемъ крутить вокругъ руки, будетъ дѣлать круги все по одной дорогѣ. Если же бы не было веревочки, или бы она разорвалась, то, конечно, камень полетѣлъ бы куда ни попало; такъ и земля: если бы не было у солнца силы притяженія, то и она полетѣла бы Богъ знаетъ куда [1]).

VIII. Обдумаемъ же теперь, что слѣдуетъ изъ движенія земли около солнца. Вотъ что: земля обходитъ около солнца ровно въ годъ и во время пути идетъ не все однимъ бокомъ обернувшись къ солнцу. Ось земная наклоняется къ солнцу то однимъ своимъ концомъ, то другимъ. Такъ, обращена къ солнцу то полуночная (сѣверная) половина земли, то полуденная (южная) половина. Отсюда слѣдуетъ, что когда земная ось наклоняется къ солнцу полуночнымъ концомъ, то на сѣверной половинѣ земли, на которой и мы живемъ, на которую прямѣе падутъ солнечные лучи, начнется весна—потому что вы знаете, что солнце грѣетъ такъ же, какъ, примѣрно, и огонь, а чѣмъ ближе

---

[1]) Можетъ быть кто-либо спроситъ: почему же солнце не совсѣмъ дотягиваетъ къ себѣ землю, почему земля не пристаетъ къ солнцу, какъ иголка къ магниту? А потому же, почему не падаетъ на руку камень, привязанный къ ниткѣ, за которую тянешь его къ себѣ, ворочая его около руки. Если-бъ земля *не двигалась* около солнца, она бы прильнула къ солнцу, какъ бумажка къ сургучу, какъ кончикъ къ магниту, какъ ноги человѣка къ землѣ, да, можетъ быть, прильнувши и сгорѣла бы совсѣмъ.

къ огню какая-либо вещь, тѣмъ и тепла больше въ ней,—въ своемъ дальнѣйшемъ пути ось наклоняется еще ближе—и на сѣверной сторонѣ настаетъ лѣто. Такъ земная ось обращена полуночнымъ концомъ къ солнцу до 10 сентября. Съ этого времени она начинаетъ наклоняться къ солнцу полуденнымъ концомъ, а полуночнымъ отклоняется; отъ этого у насъ начинается осень, а на полуденной (южной) половинѣ—весна; послѣ 10 декабря наиболѣе наклоняется южный полюсъ и тогда на полуденной половинѣ земли будетъ лѣто, а у насъ лютая зима.

Кромѣ всего сказаннаго, еще прибавлю, что на землѣ есть такія мѣста, гдѣ зимы никогда не бываетъ, гдѣ цѣлый годъ стоитъ самое жаркое лѣто. Эти мѣста лежатъ по серединѣ земного шара, на равномъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ.

IX. Разсмотримъ-же теперь, отъ чего зависитъ это тепло. Объяснить это очень легко: держите вы, примѣрно, надъ свѣчей руку, ее жжетъ; когда же вы будете отодвигать руку все дальше и дальше въ сторону, то легко замѣтить, что чѣмъ далѣе отодвинули вы отъ огня руку, тѣмъ онъ жжетъ слабѣе. То же самое происходитъ и съ землею; на тѣ мѣста, про которыя мы сказали, лучи солнечные падаютъ прямо (отвѣсно), какъ на руку, когда держимъ ее надъ свѣчею; на тѣ-же мѣста, которыя ближе къ полюсамъ, лучи солнечные падаютъ косѣе, а чѣмъ косѣе падаютъ лучи, тѣмъ меньше отъ нихъ тепла. Это можно видѣть на самомъ солнцѣ: рано утромъ лучи его падаютъ косвенно; оттого утромъ бываетъ холоднѣе, нежели въ полдень, когда лучи солнечные падаютъ на землю какъ разъ прямо (отвѣсно). Если-бы всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ, какъ мы говорили, стоитъ цѣлый годъ жаркое лѣто, опоясать поясомъ, то вышелъ бы очень большой кругъ; этотъ кругъ называется равноденникъ (экваторъ), потому что во всѣхъ мѣстностяхъ этого круга день всегда равенъ ночи; день 12 часовъ и ночь 12 часовъ.

X. И снова спросятъ меня: отчего это такъ?

Вотъ отчего:—равноденникъ идетъ какъ разъ по серединѣ земного шара, а середина земли всегда стоитъ одинаково къ солнцу, т. е. ни приклоняется къ нему, ни отклоняется отъ него; поэтому-то тамъ день и равенъ ночи. У насъ же иначе: когда та половина, на которой мы живемъ, приближается къ солнцу, то у насъ въ это время бываетъ должайшій день, чѣмъ на другой половинѣ, что всякому и видно лѣтомъ. Когда же земля наклоняется къ солнцу другою своею половиною, тогда уже на противоположной половинѣ настаютъ болѣе продолжительные дни, чѣмъ у насъ, потому что тогда на нашу половину меньше падаетъ лучей, чѣмъ на другую.

XI. Мы сказали, что экваторъ, или равноденникъ, идетъ какъ разъ посрединѣ земли и, слѣдственно, онъ, равно удаленный отъ обоихъ полюсовъ, дѣлитъ землю на двѣ равныя половины: полуночную (сѣверную) и полуденную (южную).

Теперь еще скажемъ вотъ что: когда съ того мѣста, гдѣ вы стоите, вести кругъ по землѣ черезъ полюсы, то такой кругъ зовется полуденникомъ (меридіаномъ) и раздѣляетъ землю тоже на двѣ половины: восточную и западную. Меридіанъ—слово чужеземное, по-русски означаетъ полуденная линія.

Называется же этотъ кругъ полуденникомъ потому, что какъ станетъ солнце надъ этимъ кругомъ, то во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя онъ проходитъ, съ той его стороны, гдѣ солнце свѣтитъ, будетъ полдень, а на противоположной—какъ разъ полночь.

Оно и дѣйствительно такъ, потому что какъ только станетъ солнце надъ тѣмъ мѣстомъ, отъ котораго начали вести кругъ, то человѣкъ, стоящій въ этомъ мѣстѣ, увидитъ солнце какъ разъ надъ головою, а каждый изъ насъ хорошо знаетъ, что солнце надъ головою бываетъ только въ полдень.

XII. Земля, какъ уже мы знаемъ, кругла какъ ядро, какъ арбузъ, какъ мячъ. Поэтому и зовутъ землю нашу—земнымъ шаромъ.

Спросите: почему люди дознались, что *земля наша шаръ*, что она кругла? А вотъ по какимъ примѣтамъ, слушайте:

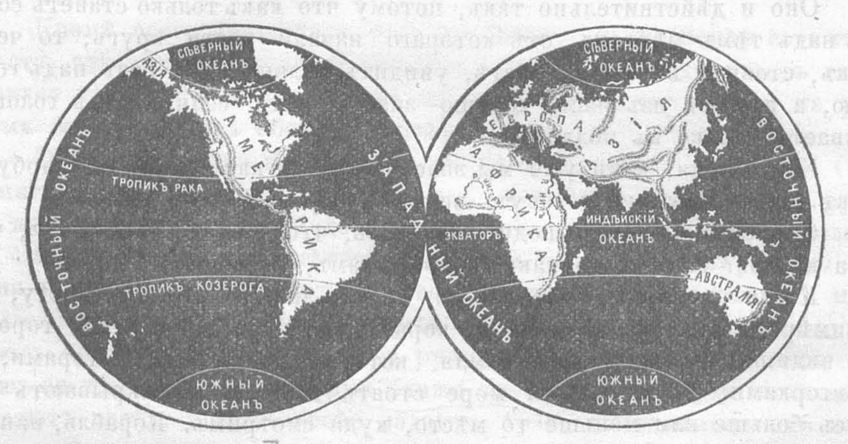
Когда смотришь впередъ-ли, назадъ-ли, по чистому мѣсту, напримѣръ, по морю, хоть-бы на корабль, или на приморскій городъ, то видишь, что не только земля, которая покрыта вся горами, да пригорками, но и вода и море стоятъ горбомъ, и закрываютъ отъ насъ больше или меньше то мѣсто, куда смотримъ. Корабль, напримѣръ, когда далекъ отъ насъ, виденъ только въ половину—сверху: а станетъ подходить, либо подплывать ближе, и корабль открывается все больше и больше; стало-быть, снизу его закрывало круглымъ горбомъ море; а море, какъ вода, не могло-бы стоять горбомъ, если-бы не вся земля наша была кругла, какъ шаръ.

Если поставить что-нибудь, напримѣръ, книжку, промежъ свѣчки и стѣны, то всякому ясно, что тѣнь книжки упадаетъ на стѣну, и на стѣнѣ увидишь ту-же книжку; и видишь и на тѣни, что книжка о четырехъ углахъ. Также точно, когда земля наша станетъ промежъ солнца и луны, то тѣнь земли падаетъ на луну, и видишь ты на тѣни, что земля кругла. Отъ тѣни этой луна меркнетъ, и мы называемъ это затменіемъ (луннымъ).

А самое важное и главное доказательство на то, что земля наша кругла, это то, что люди обошли ее на судахъ, на корабляхъ, вокругъ. Если поплывешь ты на судахъ изъ какого-нибудь мѣста, положимъ на востокъ, и все будешь итти прямо на востокъ, будешь только обходить встрѣчные острова да отмели, такъ придешь ты опять туда же, откуда вышелъ, *обойдешь землю вокругъ*. Стало-быть она кругла. А будь она плоская, напр. доской, такъ кругомъ обойти было-бы нельзя: черезъ край, черезъ ребро, не перевалишься, и будь она брусомъ, четыреугольная, также не обойдешь: угловъ не минуешь; стало-быть она, земля наша, кругла и называется шаромъ. *(По Далю и книгѣ: „Свѣтъ Божій“).*

2. Обзоръ земного шара.

I. Планъ, изображающій какую-нибудь страну, называется *картой*. Поверхность же всего земного шара можно изобразить только на шарѣ. Такой шаръ, на которомъ изображена поверхность всего земного шара, называется *глобусомъ*. Когда же хотятъ изобразить земной шаръ на бумагѣ, то его изображаютъ не иначе, какъ по частямъ. Для этого чертятъ два круга и на каждомъ изъ нихъ изображаютъ одну какую-либо половину земного шара. Такія карты называются *картами полушарій*. Полушарія бываютъ—сѣверное и южное,

восточное и западное. Воды, какъ видно, на земномъ шарѣ гораздо больше, нежели суши. Суша занимаетъ только одну четверть всей поверхности земного шара, а вода—три четверти.

II. Суша на поверхности земного шара представляется огромными островами, окруженными со всѣхъ сторонъ водою; между этими огромными островами находится еще множество малыхъ острововъ.

Все огромное пространство воды на поверхности земного шара составляетъ одинъ *нераздѣльный океанъ*, но частямъ этого океана даютъ разныя названія: одну часть называютъ *Атлантическимъ*, другую *Тихимъ*, третью *Индійскимъ*, четвертую *Сѣвернымъ-Ледовитымъ*, пятую *Южнымъ-Ледовитымъ* океаномъ.

Части же этихъ океановъ, лежащія вблизи материковъ, называются *морями*. Напримѣръ, у насъ въ Россіи *Балтійское море* составляетъ часть Атлантическаго океана, *Бѣлое* часть Сѣвернаго Ледовитаго океана.

III. На восточномъ полушаріи находятся четыре части свѣта: *Европа*, *Азія*, *Африка* и *Австралія*. На западномъ же полушаріи находится пятая часть свѣта—*Америка*, которая раздѣляется на сѣверную и южную.

Въ Европѣ больше, нежели во всѣхъ другихъ частяхъ свѣта, распространено христіанство и образованіе. Въ Азіи находится извѣстная всякому христіанину страна *Палестина*, въ которой родился, жилъ и страдалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и откуда ученіе

Христа распространилось по всему свѣту; въ Палестинѣ же находится дорогой для каждаго христіанина городъ *Іерусалимъ*, съ храмомъ гроба Господня.

Въ Африкѣ находится извѣстная намъ изъ священной исторіи ветхаго завѣта страна *Египетъ*.

Америка стала извѣстна жителямъ Европы послѣ Азіи и Африки, а потому ее называютъ *новымъ свѣтомъ*; Европу же, Азію и Африку—*старымъ свѣтомъ*.

Мы живемъ въ старомъ свѣтѣ; меньшая часть нашего государства находится въ Европѣ и называется *Европейской Россіей*; остальная же часть Россіи: *Сибирь и Туркестанъ*, находится въ Азіи и называется *Азіятской Россіей*.

Америку открылъ одинъ морякъ, по имени *Колумбъ*, только 400 лѣтъ тому назадъ; а о существованіи Австраліи жители Европы узнали еще позже.

IV. На картѣ полушарій мы видимъ, что суша имѣетъ различныя очертанія. Въ однихъ мѣстахъ вода вдается болѣе или менѣе глубоко въ сушу и образуетъ большіе и малые *заливы*. Обширные заливы называются *морями*. Такъ, напримѣръ, Сѣверный Ледовитый океанъ у сѣверныхъ береговъ Европейской Россіи образуетъ обширный заливъ, который называется *Бѣлымъ моремъ*. Малые заливы называются просто *заливами и бухтами*. Такъ, напримѣръ, у насъ Балтійское море образуетъ *Финскій заливъ*, Черное море—*Севастопольскую бухту*.

Въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, суша вдается въ воду и образуетъ *полуострова*. Напримѣръ, у насъ суша вдается въ Черное море и образуетъ *Крымскій полуостровъ*.

Въ однихъ мѣстахъ части суши соединяются узкой полосой земли, которая называется *перешейкомъ*; въ другихъ мѣстахъ два океана или моря соединяются узкой полосой воды, которая называется *проливомъ*. Напримѣръ, у насъ Крымскій полуостровъ соединяется съ остальной Европейской Россіей *Перекопскимъ* перешейкомъ, а Черное море соединяется съ Азовскимъ моремъ—*Керченскимъ* проливомъ.

V. Мы видѣли, что берега суши представляютъ большое разнообразіе. Не менѣе разнообразна и поверхность суши. Мѣстами она представляетъ *низменныя равнины*; такова, напримѣръ, у насъ юго-восточная часть европейской Россіи.

Въ другихъ мѣстахъ суша значительно возвышается надъ моремъ и образуетъ *сплошныя возвышенности*; такова, напримѣръ, у насъ *Волдайская сплошная возвышенность*, лежащая почти въ самой срединѣ европейской Россіи. Встрѣчаются на земномъ шарѣ равнины, покрытыя сыпучимъ пескомъ, на которыхъ не растетъ ни деревьевъ, ни кустовъ, и только кое-гдѣ видны тощія, жесткія, горькія травы, и очень рѣдко попадаются источники воды.

Такія безплодныя равнины называются *пустынями*. У насъ пустыни находятся на востокъ отъ Каспійскаго моря.

На земномъ шарѣ есть и такія равнины, на которыхъ растетъ въ изобиліи только трава, а лѣсовъ очень мало, или вовсе нѣтъ; такія равнины называются *луговыми степями*. Таковы наши южно-русскія степи. Бываютъ также *солончаковыя* степи или просто *солончаки*, т. е. равнины, почва которыхъ пропитана солью; таковы наши *Прикаспійскія* степи.

Но поверхность суши не вездѣ ровная. Въ однихъ мѣстахъ она образуетъ небольшія возвышенія, называемыя *холмами*; въ другихъ мѣстахъ она образуетъ высокія *горы*, какъ напр. наши *Кавказскія* горы; но есть на земномъ шарѣ горы, которыя гораздо выше Кавказскихъ. Между горами проходятъ *долины;* узкія долины называются *ущельями*, какъ напр. у насъ въ Кавказскихъ горахъ *Дарьяльское* ущелье. Изъ горъ земного шара особенное вниманіе обращаютъ на себя тѣ горы, которыя выбрасываютъ изнутри себя водяной паръ, пепелъ, раскаленные камни и расплавленную массу.

Такія горы имѣютъ обыкновенно форму конуса (сахарной головы) съ углубленіемъ на вершинѣ, въ видѣ воронки, и называются *огнедышащими горами* или *вулканами;* углубленіе на вершинѣ ихъ называется *кратеромъ*, а расплавленная масса, которая вытекаетъ изъ кратера и льется по скатамъ горы огненными потоками, называется *лавою*. У насъ огнедышащія горы встрѣчаются только въ восточной части Сибири, и тамъ ихъ называютъ *сопками*.

VI. Мы уже видѣли, что на земномъ шарѣ находятся пять океановъ: Атлантическій, Тихій, Индійскій, Сѣверный—Ледовитый и Южный Ледовитый.

Вода въ океанахъ зеленоватаго цвѣта и горько-соленаго вкуса.

Вода на поверхности земного шара находится не только въ океанахъ, но и на самой сушѣ; здѣсь она наполняетъ различныя углубленія. Такія скопленія воды на сушѣ называются внутренними водами. Вода эта отличается отъ воды океановъ прѣснымъ вкусомъ. Внутреннія воды бываютъ *стоячія* и *текучія*. Стоячія воды занимаютъ впадины и низменныя мѣста на поверхности суши и носятъ названіе *озеръ* и *болотъ*. Наше *Каспійское море*—одно изъ самыхъ большихъ озеръ на земномъ шарѣ; потому его и называютъ моремъ. Озеро Эльтонъ, которое находится на юго-востокѣ Европейской Россіи, отличается отъ другихъ русскихъ озеръ соленою водою. На сѣверѣ Россіи

находятся огромныя промерзшія болота, которыя называются *тундрами*. Текучія воды, пробиваясь изъ земли въ видѣ ключей (родниковъ), пролагаютъ себѣ путь по скатамъ земной поверхности, образуютъ ручьи, рѣчки, большія рѣки и вливаются въ озера, моря и океаны. Движеніе воды въ рѣкахъ зависитъ отъ покатости дна. Иногда дно рѣки вдругъ круто понижается, образуя одинъ или нѣсколько уступовъ; въ такихъ мѣстахъ вода съ шумомъ падаетъ внизъ, и это явленіе на рѣкѣ называется *водопадомъ*. Такъ у насъ въ Олонецкой губерніи, на р. Сунѣ, впадающей въ Онежское озеро, замѣчателенъ водопадъ *Кивачъ*. На нѣкоторыхъ рѣкахъ дно бываетъ мѣстами покрыто камнями, подводными или выступающими надъ водой, которые затрудняютъ судоходство. Такія мѣста называются *порогами*. У насъ въ Россіи извѣстна своими порогами рѣка *Днѣпръ*.

VII. Весь земной шаръ по количеству теплоты, получаемой отъ солнца, раздѣляютъ на пять поясовъ: *жаркій*, два *умѣренныхъ* и два *холодныхъ*. Каждому поясу свойственны свои растенія и животныя, и природа одного пояса значительно отличается отъ природы другихъ поясовъ; но человѣкъ способенъ примѣняться ко всякимъ внѣшнимъ условіямъ, и люди живутъ во всѣхъ поясахъ земного шара. Самый же благопріятный поясъ для человѣческой жизни есть поясъ умѣренный и особенно сѣверная часть его. Вотъ почему въ Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ живетъ бо̀льшая часть самыхъ образованныхъ народовъ земного шара.

Люди, живущіе въ разныхъ частяхъ свѣта, различаются между собою и цвѣтомъ кожи, и другими особенностями, и весь человѣческій родъ обыкновенно дѣлятъ на пять главныхъ *племенъ* или *расъ*: племя кавказское, монгольское, американское и др.

Изъ всѣхъ государствъ земного шара болѣе другихъ имѣютъ значеніе для Россіи: Германія, Австрія, Швеція, Англія, Франція, Италія, Турція, Китай и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.

Германія находится въ сосѣдствѣ съ нами, на западъ отъ Россіи; въ ней главный городъ *Берлинъ*.

Австрія тоже наша западная сосѣдка; столица Австріи—*Вѣна*.

Швеція лежитъ къ западу отъ Финляндіи; въ ней главный городъ *Стокгольмъ*.

Англія находится на двухъ большихъ островахъ Атлантическаго океана; главный городъ въ ней *Лондонъ*.

Франція лежитъ на западъ отъ Германіи; столица Франціи *Парижъ*.

Италія находится на югѣ Европы; въ ней главный городъ *Римъ*.

Турція находится на юго-востокѣ Европы, на *Балканскомъ полуостровѣ*; столица Турціи *Константинополь*.

Китай находится въ Азіи, къ югу отъ Сибири; въ немъ главный городъ *Пекинъ*.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты занимаютъ среднюю часть Сѣверной Америки; главный городъ въ нихъ *Нью-Іоркъ*.

(Извлеч. съ сокращ. изъ кн. «Въ школѣ и дома» Бунакова).

3. Солнце.

I. Несмотря на то, что солнце свѣтитъ и согрѣваетъ все, оно не состоитъ изъ огня (оно не есть пламя) и не горитъ на немъ ничего. Солнце также шарообразно, какъ и наша земля, но гораздо больше ея. Что солнце есть шаръ, этого, кажется, не надо и объяснять, ибо каждый видитъ это. Но, можетъ быть, кто подумаетъ, что оно такое же, какъ тарелка, т. е. только кругло, но не выпукло. Что это невѣрно, можно узнать вотъ какъ: пусть кто-нибудь держитъ тарелку, а мы будемъ обходить около и смотрѣть на нее. Когда мы станемъ противъ тарелки, то она покажется намъ круглою; когда же взглянемъ на нее съ боку, то увидимъ только ребро ея. Мы же знаемъ, что въ продолженіе года земля обходитъ около солнца. Если бы солнце не было выпукло, то иногда оно казалось бы намъ кругло, а иногда мы видѣли бы только края его, какъ отъ тарелки; но этого никто не замѣчалъ.

II. Солнце не горитъ, и ничего на немъ не сгораетъ, ибо еслибы такъ было, то оно сгорѣло бы, какъ и все другое, что горитъ. Трудно себѣ объяснить, какъ можетъ что-либо свѣтить, не горѣвши; однако мы имѣемъ ясный примѣръ этого на свѣтлякѣ: хотя въ немъ ничто не горитъ, но въ лѣтнюю ночь тѣло его свѣтится очень замѣтнымъ свѣтомъ.

III. Свѣтъ солнечный очень яркій, такъ что глазъ человѣческій не можетъ стерпѣть его. Мы знаемъ, что самое большое пламя отъ пожара за 3 или 4 мили (за 21 или 28 верстъ) кажется маленькимъ свѣтомъ. Что же сказать про солнце, которое отстоитъ отъ насъ на 20 милліоновъ миль (140 милліоновъ верстъ) и все-таки мы не можемъ стерпѣть его свѣта. Чтобы представить себѣ громадность разстоянія между солнцемъ и землею, скажемъ, что еслибы кто-либо выстрѣлилъ изъ пушки на солнце и еслибы ядро летѣло всегда съ одинаковою быстротою, то оно только черезъ 25 лѣтъ упало бы на солнце, а извѣстно, что ядро летитъ версту въ секунду. Солнце такъ велико, что изъ него можно сдѣлать полтора милліона такихъ шаровъ, какъ наша земля. Но если солнце такое большое, отчего же оно кажется намъ такимъ маленькимъ? Оттого, что оно *очень далеко* отъ насъ: а всякій знаетъ, что чѣмъ какой-либо предметъ находится на большемъ разстояніи отъ насъ, тѣмъ онъ меньше кажется нашему глазу.

IV. Вокругъ солнца движется много планетъ, вмѣстѣ съ ними и наша земля. Планеты эти, какъ и наша земля, темны и получаютъ свѣтъ отъ солнца. Всѣ планеты вмѣстѣ называются *солнечнымъ міромъ*.

Ярко свѣтитъ солнце, однако ученые люди, наблюдая въ подзорныя трубы, замѣтили, что на немъ есть темныя пятна. Что такое эти пятна, до сихъ поръ ясно не узнано. Извѣстно только, что онѣ мало-по-малу подвигаются къ западному краю солнца, исчезаютъ и

потомъ опять появляются на восточномъ краю его. Такимъ-то образомъ и поняли, что солнце, какъ земля и другія планеты, *вращается* около своей оси. *(Изъ кн. Свѣтъ Божій).*

4. Звѣзды.

I. Выйдешь иногда въ тихую, ясную ночь на улицу, да взглянешь вверхъ на то синее — синее небо, что широкимъ шатромъ раскинулось надъ головою, и вотъ, какъ свѣчки, блестятъ на немъ яркія звѣзды, то по одиночкамъ, то цѣлыми кучками. Свѣтятъ онѣ съ темнаго неба, сами вы знаете, такъ тихо и привѣтно, что многіе добрые люди говорятъ про нихъ, что это ангелы Божіи, которые, открывши окна небесныя, глядятъ да утѣшаются нашей землею.

А чтобы подумали люди, когда-бы кто сказалъ имъ, что почти каждая изъ этихъ звѣздочекъ, изъ этихъ небесныхъ свѣчекъ, больше земли нашей? Они покачали-бы головами и сказали: ужъ не приврал ли тутъ чего-нибудь добрый человѣкъ?

Нѣтъ! Это дѣйствительно такъ и есть.

Стоите вы, напримѣръ, возлѣ высокой горы, такой высокой, что даже шапка свалится, когда посмотришь на ея вершину. Видите вы, что на вершинѣ той человѣкъ ходитъ—и кажется вамъ изъ-подъ горы тотъ человѣкъ такимъ же маленькимъ, какъ какая-нибудь букашка. Или вотъ вамъ примѣръ еще лучше: посмотрите, какъ на высокой колокольнѣ жаромъ сіяетъ позолоченый крестъ.

Какъ длиненъ вамъ кажется этотъ крестъ?

Въ аршинъ какой-нибудь или и того меньше. А въ самомъ дѣлѣ, онъ въ сажень или двѣ. Когда на такой небольшой высотѣ все кажется меньше, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности, то что же сказать про тѣ звѣзды, изъ которыхъ ближайшая отстоитъ такъ далеко отъ насъ, что для опредѣленія этого разстоянія на землѣ и счету такого еще не придумали; отстоитъ она, примѣрно, на два билліона верстъ [1]).

II. Съ давнихъ временъ настойчиво работали люди мыслью надъ тѣмъ, чтобы уразумѣть великое дѣло рукъ Божіихъ: долго думали, какъ-бы помочь глазу человѣческому видѣть на самыхъ далекихъ разстояніяхъ, чтобы выдумать такой приборъ, посредствомъ котораго можно было бы разглядѣть отдаленную звѣзду такъ, какъ бы она стояла передъ самыми глазами.

Долго бились они надъ этимъ — и работа разумныхъ людей не была напрасна: выдумали они, спасибо имъ, трубу, что называется подзорною, при помощи которой можно видѣть далеко, — и все, на что въ эту трубу ни взглянешь, точно стоитъ передъ тобой.

И досмотрѣлись люди, что иныя звѣзды все стоятъ на одномъ

[1]) Билліонъ равенъ тысячѣ милліоновъ.

мѣстѣ, — дали они такимъ звѣздамъ названіе *неподвижныхъ звѣздъ*. Потомъ, примѣтивъ, что нѣкоторыя двигаются около неподвижныхъ, взяли и прозвали эти звѣзды *двигающимися (блуждающими)* или *планетами*. Планетъ видно намъ на небѣ гораздо меньше, нежели неподвижныхъ звѣздъ, ибо планеты неизмѣримо меньше, чѣмъ неподвижныя звѣзды, — и намъ поэтому видны только тѣ планеты, которыя ближе къ намъ; почти всѣ видимыя нами звѣзды — суть неподвижныя, и какъ-же много ихъ разсыпано на всемъ пространствѣ небесномъ и рѣдко разсыпаны онѣ по одной, а все больше кучами! Наука дала каждой кучѣ особое названіе.

III. Каждому приходилось видѣть въ тихую звѣздную ночь, какъ по небу идетъ широкая, ясная дуга. Если посмотрѣть на ту дугу въ подзорную трубу, то замѣтимъ много, много маленькихъ звѣздочекъ, которыя стоятъ отъ земли такъ далеко, что ихъ и не видно глазу человѣческому, а вся ихъ куча кажется ясною, бѣлою дугою, которая далеко простирается, почти по всему небу, сіяя тихимъ свѣтомъ надъ землею [1]).

IV. И солнце, и неподвижныя звѣзды свѣтятъ своимъ свѣтомъ, иныя звѣзды яснѣе, другія темнѣе. Это зависитъ, во-первыхъ, оттого, ближе, или дальше отъ насъ звѣзда; во-вторыхъ, оттого, большая-ли она, или малая. Когда, примѣрно, разложимъ огонь и будемъ отходить отъ него все дальше и дальше, то огонь будетъ казаться все меньше и меньше. Если же посмотрѣть на него подальше, такъ едва только можно будетъ замѣтить, какъ онъ мигаетъ. То маленькое огнище, а большой (сильный) пожаръ былъ-бы видѣнъ ясно. Точно также и звѣзды: не всѣ онѣ одной величины: большую видно дальше и свѣтитъ она яснѣе, а меньшая и кажется меньше, а когда она уже очень далеко находится отъ насъ, то ее и совсѣмъ не видно. *(Оттуда же)*.

5. Луна (мѣсяцъ).

I. Послѣ солнца наибольшее вниманіе людей обращаетъ на себя мѣсяцъ. Всякій видѣлъ его, но далеко не всякій вполнѣ знаетъ его. Очень часто приходится слышать такіе разговоры про мѣсяцъ, что какъ будто есть 12 братьевъ-мѣсяцевъ, которые поочередно смѣняютъ другъ друга. Другіе толкуютъ, будто на мѣсяцѣ Каинъ держитъ Авеля на вилахъ и многое другое. Если бы настоящимъ образомъ сознавали люди, что такое мѣсяцъ, то не разсказывали бы про него такія басни. Вотъ теперь мы и хотимъ разсказать кое-что про мѣсяцъ.

II. Мѣсяцъ также, какъ солнце и земля, имѣетъ видъ шара, только онъ въ пятьдесятъ разъ меньше земли. Около своей оси мѣсяцъ обращается въ 28 дней; въ точно такое же время онъ вмѣстѣ

---

[1]) Эта дуга называется также *млечный путь*.

съ землею обходитъ около солнца, ибо онъ также движется и держится около земли, какъ земля около солнца. Изъ этого видно, что мѣсяцъ имѣетъ троякое движеніе: около оси, около земли, и, вмѣстѣ съ землею, около солнца. Разстояніе между землей и мѣсяцемъ равно 50 тысячамъ миль, которыя равняются 350 тысячамъ нашихъ верстъ. Если-бы отъ земли до мѣсяца можно было устроить желѣзную дорогу и отправить по ней человѣка, то онъ доѣхалъ бы до него, проѣзжая по 4 мили (28 верстъ) въ часъ, въ 521 день, а это составитъ почти полтора года.

III. Мѣсяцъ не имѣетъ своего свѣта, но отражаетъ отъ себя солнечный свѣтъ. Это покажется чудно, но чуднаго тутъ ничего нѣтъ. Всякій знаетъ, что зеркало не имѣетъ своего свѣта, но если его навести на солнце, то отъ зеркала отсвѣчиваются солнечные лучи. Такъ иногда забавляютъ дѣтей, пуская на стѣну, такъ называемыхъ, зайчиковъ [1]).

Ежели бы мѣсяцъ имѣлъ собственный свѣтъ, то онъ всегда бы былъ виденъ всѣмъ своимъ полнымъ кругомъ,—такъ какъ видно намъ солнце. Мѣсяцъ же видимъ мы иногда какъ кругъ, иногда какъ полукругъ, иногда какъ серпъ безъ ручки. Перемѣны въ освѣщеніи мѣсяца зависятъ отъ того, что онъ не всегда одинаково стоитъ относительно земли и солнца [2]). Всѣхъ перемѣнъ мѣсяца четыре: *молодикъ*, *первая четверть*, *полный мѣсяцъ* и *послѣдняя четверть*.

IV. Покажемъ теперь отчего мѣсяцъ имѣетъ разный видъ. Поставимъ на столѣ свѣчу и возьмемъ въ руку арбузъ, или что-нибудь другое круглое и будемъ держать противъ свѣчи такъ, чтобы мы были въ серединѣ, но не заслоняли собою арбуза. Въ это время та сторона круглаго предмета, которую видимъ мы, будетъ освѣщена такъ, какъ полный мѣсяцъ. Послѣ попробуемъ поставить свѣчу на одинъ уголъ, а арбузъ на другой, сами же станемъ возлѣ третьяго угла, такъ чтобы арбузъ былъ противъ лица, а свѣча сбоку; тогда половину той стороны арбуза, которая обращена къ намъ, мы увидимъ освѣщенною, а другую темною. Такое положеніе арбуза сходно съ послѣдней четвертью мѣсяца. Теперь станемъ переходить за арбузъ, смотря на него вдоль. Чѣмъ больше мы будемъ приближаться къ арбузу, тѣмъ болѣе освѣщенная сторона его будетъ съуживаться для нашего глаза, а дальше она совсѣмъ отъ насъ скроется. То же самое бываетъ и съ мѣсяцемъ.

Прежде, чѣмъ появится молодикъ, мы совсѣмъ не видимъ мѣсяца, потому что онъ тогда обращенъ къ намъ неосвѣщенной стороной. Черезъ два дня послѣ того мѣсяцъ виднѣется какъ серпъ.

Черезъ семь дней послѣ молодика мѣсяцъ показывается намъ въ

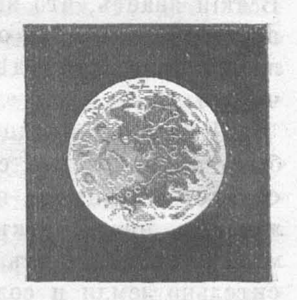
1) Отъ каждаго предмета свѣтъ отражается въ нашъ глазъ, потому только мы и видимъ.

2) Значитъ отъ его движенія около земли и отъ того, что мѣсяцъ тѣло темное и только освѣщается солнцемъ.

видѣ полухлѣба—это четверть мѣсяца. Послѣ этого мѣсяцъ полнѣетъ съ каждымъ днемъ, пока совсѣмъ не сдѣлается похожимъ на кругъ (полнолуніе) [1]). Далѣе мѣсяцъ уже начинаетъ убывать, потому что освѣщенная сторона его отвертывается отъ насъ [2]). Послѣ этого снова настаетъ молодикъ и т. д.

V. Мѣсяцъ вращается гораздо тише земли, ибо онъ только разъ обернется около своей оси въ 28 дней, какъ мы уже упомянули объ этомъ; потому день и ночь на мѣсяцѣ гораздо длиннѣе нашихъ. Лунный день имѣетъ 14 земныхъ дней и столько же земныхъ ночей заключаетъ въ себѣ лунная ночь.

Кто пристально разсматривалъ мѣсяцъ, тотъ вѣрно замѣтилъ на немъ пятна. Говорятъ, что это Каинъ держитъ Авеля на вилахъ; другимъ кажется, что они видятъ на мѣсяцѣ носъ, глаза, ротъ, поэтому-то немыслящіе маляры и рисуютъ мѣсяцъ съ человѣческимъ лицемъ. Но это совсѣмъ уже глупо. Люди ученые, которые не разъ и не два разсматривали въ подзорныя трубы мѣсяцъ, пришли къ тому, что тѣ темныя пятна—не что иное, какъ горы и долины, которыя, какъ и на землѣ, есть и на мѣсяцѣ. *(Оттуда же)*.

6. Путешествіе воды.

I. Кому только не нужна вода! И травкѣ, и звѣрю, и птицѣ, и человѣку. Вотъ почему Богъ наполнилъ водою большія моря и океаны.

Но въ моряхъ вода горькая и соленая, да не всѣ и живутъ у самаго моря. Какъ же очистить воду? Какъ перенесть её за тысячи верстъ? Какъ поднять на высокія горы?

II. Работу эту задалъ Господь прилежному солнышку. Своими тёплыми лучами передѣлываетъ солнышко воду въ легкіе пары. Водяные пары оставляютъ соль въ морѣ, поднимаются кверху и кажутся намъ серебряными облаками на голубомъ небѣ.

III. Подымутся пары облаками; но не стоять же имъ надъ моремъ. Выходитъ тутъ на работу вѣтеръ и разноситъ громадныя облака, какъ лёгкія пёрышки, во всѣ стороны свѣта бѣлаго. Въ каждомъ такомъ облакѣ такъ много воды, что если бы она вся разомъ хлынула на землю, то затопила бы города, сёла, людей и животныхъ. Но Господь устроилъ дѣло иначе: вода изъ облаковъ сѣется, какъ сквозь сито, мелкими каплями дождя, или замерзаетъ и летитъ пушистыми снѣжинками.

IV. Освѣжитъ вода луга и нивы, и начнетъ просачиваться въ землю. Въ землѣ, капля за каплей, собирается она въ маленькія струй-

[1]) Отъ первой четверти до полнаго мѣсяца проходитъ почти недѣля.

[2]) Черезъ семь дней увидимъ опять четверть; это послѣдняя четверть. Продолжается убыль—опять достигнетъ серпа—и затѣмъ мѣсяцъ опять сдѣлается невидимъ (новолуніе).

ки. Струйка льётся къ струйкѣ, и вотъ пробьются онѣ изъ подъ земли свѣтлымъ, холоднымъ ключемъ. Бьетъ ключъ и льется по землѣ ручейкомъ. Пророетъ себѣ ручеёкъ русло въ землѣ и бѣжитъ, журчитъ по камешкамъ; встрѣтится со своимъ братомъ, такимъ же говорливымъ ручейкомъ,—сольются и побѣгутъ они вмѣстѣ. Бѣгутъ они вмѣстѣ, а къ нимъ по дорогѣ пристанетъ третій, четвертый, пятый товарищъ....

V. Глядишь! уже порядочная рѣчка течётъ въ зелёныхъ берегахъ. Поитъ рѣчка людей и животныхъ, освѣжаетъ растенія на лугахъ, вертитъ мельничныя колёса, носитъ бревенчатые плоты и легкія лодки; а въ ея прохладныхъ струяхъ уже играютъ весёлыя рыбки, блестя серебряною чешуею.

VI. Бѣжитъ рѣчка, встрѣчается съ другою,—сольются и побѣгутъ вмѣстѣ. Къ нимъ по дорогѣ пристанетъ третья, четвертая.... И вотъ огромная рѣка, со множествомъ притоковъ, пробѣгаетъ, изъ края въ край, большое государство или десятки малыхъ. Плывутъ по рѣкѣ тяжелыя барки, нагруженныя до верху товаромъ; шумятъ пароходы; а на берегахъ стоятъ промышленныя сёла и торговые города, одинъ богаче другого. Несётъ рѣка большія богатства изъ страны въ страну, въ далёкое море, и вноситъ въ него своимъ широкимъ устьемъ уже не маленькія лодки, а большіе корабли, одѣтые парусами, словно крыльями.!

VII. Много воды вливаетъ рѣка въ море, а солнце всё работаетъ: опять подымаетъ воду въ облака и разсылаетъ её по цѣлому свѣту.

Льются вѣчно рѣки въ моря и никакъ вылиться не могутъ; черпаетъ вѣчно солнышко воду изъ морей и никакъ вычерпать не можетъ: такъ премудро устроилъ это дѣло Создатель. (*Изъ Р. Сл.*).

7. О теплотѣ.

Подъ теплотою мы подразумѣваемъ частію чувство, которое мы ощущаемъ при прикосновеніи къ извѣстнымъ тѣламъ, частію причину этого чувства, или самое состояніе тѣла[1]), которое вызываетъ въ насъ это ощущеніе. Важнѣйшіе источники тепла суть: солнечные лучи, треніе, давленіе и горѣніе. Холодъ—это только недостатокъ тепла.

1. Почему отскакиваютъ искры, если ударить кусочкомъ стали о кремень?

Потому, что отъ сильнаго удара стали о твердый кремень отскакиваютъ маленькіе кусочки стали, которые накаливаются вслѣдствіе жара, происшедшаго отъ тренія, и, падая на трутъ, зажигаютъ его. Если заставить искры падать на бѣлую бумагу и потомъ разсмотрѣть чрезъ увеличительное стекло, то можно совершенно явственно разглядѣть расплавленные кусочки стали. Точно также отъ желѣзныхъ копытъ лошади, бѣгущей по мощеной улицѣ, отскакиваютъ огненныя

1) Тѣломъ называется все, что занимаетъ какое-нибудь пространство, (т.-е. мѣсто) напр. песчинка, камень, дерево, воздухъ, человѣкъ и т. д.

частички, какъ это можно видѣть вечеромъ. Если, взявъ два кремня, ударить ихъ одинъ о другой, то отъ нихъ также отскакиваютъ раскаленные кусочки. Главнымъ образомъ теплота возбуждается треніемъ и сильнымъ давленіемъ. Молотъ нагрѣвается при долгой работѣ, и кузнецъ искусными ударами можетъ накалить гвоздь.

2. Почему надо смазывать оси колесъ?

Потому, что при вращеніи колесъ около осей вслѣдствіе тренія развивается теплота, достаточная для того, чтобы оси могли загорѣться; но смазывающая жидкость уменьшаетъ это треніе.

3. Почему у металлическихъ чайниковъ и кофейниковъ обыкновенно бываютъ деревянныя ручки?

Потому, что металлъ очень хорошій проводникъ тепла и потому онъ очень скоро и въ высокой степени принимаетъ въ себя весь жаръ налитой въ сосудъ горячей жидкости, тогда какъ дерево, какъ дурной проводникъ, принимаетъ въ себя тепло только въ незначительномъ количествѣ и притомъ очень медленно, такъ что деревянная ручка даетъ намъ возможность брать въ руки чайникъ, наполненный горячей жидкостью. Тѣ тѣла, которыя очень хорошо принимаютъ и быстро распространяютъ тепло, называются хорошими проводниками тепла, а тѣла съ противоположнымъ качествомъ—дурными; къ самымъ хорошимъ проводникамъ относятся металлы, къ наиболѣе дурнымъ: перья, шерсть и особенно волосы.

4. Почему, посыпавъ руку пепломъ, можно положить на нее раскаленный уголь, не боясь быть обожженнымъ?

Потому, что пепелъ, будучи очень дурнымъ проводникомъ тепла, воспринимаетъ послѣднее очень медленно, и также медленно отдаетъ его рукѣ. По той же причинѣ печи, въ которыхъ много золы, отопляютъ хуже, потому что онѣ воспринимаютъ тепло пламени очень медленно и распространяютъ его въ незначительной степени. *(Изъ соч. «Почему и потому?» Отто Уле).*

8. Отчего бываетъ роса, иней, дождь, снѣгъ и градъ?

Если вскипятимъ воду въ какомъ—нибудь глиняномъ или металлическомъ [1]) сосудѣ, то часть воды испарится; но, наблюдая за поднимающимся столбомъ пара, мы замѣтимъ, что водяной паръ, пока онъ сохраняетъ всю свою теплоту, совершенно *невидимъ* и *прозраченъ*; поэтому въ воздухѣ можетъ содержаться огромное количество пара, поднимающагося изъ рѣкъ и морей, и оставаться незамѣченнымъ. Но чѣмъ болѣе паръ удаляется отъ нагрѣваемаго нами сосуда, тѣмъ болѣе охлаждается и наконецъ принимаетъ видъ бѣловатаго облачка, состоящаго изъ небольшихъ водяныхъ пузырьковъ, очень похожихъ на мыльные пузырьки, только въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. Слѣ-

---

[1]) Металлическій сосудъ—сосудъ (посуда), сдѣланный изъ металла—желѣза, олова, мѣди, серебра, золота и т. п. металловъ.

довательно, отъ теплоты вода обращается въ невидимый прозрачный *паръ*, который, коснувшись холоднаго воздуха, обращается, какъ-бы, въ *туманъ*. Тоже самое бываетъ и въ природѣ. Изъ озеръ, рѣкъ и болотъ пары поднимаются постоянно, и если воздухъ холоднѣе испаряющейся воды, то пары охлаждаются въ воздухѣ и образуютъ туманъ, который, прикасаясь къ холоднымъ предметамъ, превращается въ водяныя капли или *росу*. Когда предметы на земной поверхности такъ холодны, что касающіеся ихъ пары замерзаютъ, то происходятъ небольшія ледяныя иглы, называемыя *инеемъ*. Итакъ, иней есть замерзшая роса. Если-же поднимающіеся пары охлаждаются въ высшихъ слояхъ воздуха, то они образуютъ *облака*. Облако или поднимается вверхъ и достигаетъ болѣе холоднаго и влажнаго слоя воздуха, или, встрѣтившись съ холоднымъ вѣтромъ, еще болѣе сгущается; пузырьки, прикасаясь другъ къ другу, сливаются и, образуя капли, въ видѣ *дождя* падаютъ на землю. Зимою при значительно холодномъ воздухѣ, водяные пары превращаются въ мелкія *снѣжинки*. Отъ постояннаго соединенія съ водяными парами эти снѣжинки увеличиваются, получаютъ форму красивыхъ фигуръ и наконецъ падаютъ на землю. Иногда водяныя капли отъ холода замерзаютъ въ облакахъ и падаютъ на землю въ видѣ *града*. Нечего удивляться, что градъ обыкновенно падаетъ тогда, когда въ воздухѣ бываетъ тепло, потому что внизу, у земли, можетъ быть и тепло, а выше, тамъ, гдѣ носятся облака, могутъ быть и очень холодные вѣтры.

9. Газы.

1. Воздухъ бываетъ разный, хотя онъ всегда свѣтлый и невидный. Вода расходится въ воздухѣ, дѣлается летучею; и когда много воды въ воздухѣ, онъ бываетъ сырой, когда мало—сухой.

Когда въ закрытомъ мѣстѣ надышатъ люди, воздухъ бываетъ дурной, *нездоровый;* а на открытыхъ мѣстахъ, или въ лѣсу,—воздухъ здоровый, хорошій. Это бываетъ оттого, что въ закрытой комнатѣ къ обыкновенному воздуху прибавился тотъ дурной воздухъ, который выдыхаютъ изъ себя люди и всѣ животныя.

Стало быть, въ воздухѣ есть разныя части, и ихъ глазомъ нельзя отличить: всѣ похожи на обыкновенный воздухъ.

2. Для дыханія нужнѣе всѣхъ частей воздуха одна, называемая кислородомъ. Если собрать этотъ воздухъ отдѣльно и всунуть въ него курилку, то она сейчасъ загорится огнемъ. Стало-быть, отъ него дерево и всякая другая вещь горитъ сильнѣе. А если кислорода нѣтъ въ воздухѣ, и всунуть въ такой воздухъ курилку, она погаснетъ.

Оттого воздухъ и нуженъ для горѣнія, что въ немъ есть кислородъ. Чтобы огонь разгорѣлся, на него дуютъ, машутъ; а если хочешь, чтобы загорѣвшаяся вещь погасла,—сдѣлай такъ, чтобы вокругъ нея не было воздуха; накрой ее, зажми со всѣхъ сторонъ—и она погаснетъ.

Другая часть воздуха—азотъ. Въ немъ дышать нельзя, и вещи не могутъ горѣть.

Третья часть воздуха—углекислый газъ, углекислота. Она тоже не годится ни для дыханія, ни для горѣнія. Когда-же ея наберется много, то она опускается и собирается внизу, потому что она тяжелѣе другихъ газовъ.

Четвертая часть воздуха—водяные пары, летучая вода.

3. Когда мы дышимъ, то кислородъ уходитъ въ наше тѣло, и въ томъ воздухѣ, который мы выдыхаемъ, кислорода меньше, чѣмъ въ обыкновенномъ воздухѣ, а зато больше углекислоты. Вотъ отчего воздухъ становится дурнымъ отъ дыханія.

Деревья, травы и всѣ растенія тоже дышатъ, только они не втягиваютъ въ себя воздухъ, какъ мы втягиваемъ грудью, а вбираютъ его всѣми листочками и молодой корою. И изъ всѣхъ листочковъ тоже незамѣтно выдыхается воздухъ; и этотъ воздухъ тоже не такой, какъ обыкновенный: въ немъ меньше углекислоты и больше кислорода. Стало быть, растеніямъ нужна углекислота, которая ненужна и вредна животнымъ. И вотъ отчего въ лѣсу воздухъ такой здоровый: тамъ углекислоты меньше, а кислорода больше. (*Гр. Л. Толстой*).

10. Непроницаемость.

Непроницаемость есть то общее свойство тѣлъ, посредствомъ котораго въ пространствѣ, занятомъ однимъ какимъ-нибудь тѣломъ, не можетъ въ то же время помѣститься другое тѣло.

1. Почему, если мы опустимъ палецъ въ доверху наполненный водою стаканъ, то часть воды выльется изъ него?

Потому, что палецъ, вслѣдствіе своей непроницаемости, вытѣсняетъ воду изъ того пространства, которое онъ стремится занять. Поэтому количество вылившейся воды равно объему погружаемаго тѣла. Это относится также и къ порошко-образнымъ тѣламъ, какъ напр. песокъ, сахаръ и др.

2. Почему вода не вливается въ пустую бутылку чрезъ плотно вставленную воронку?

Потому, что воздухъ, заключающійся въ бутылкѣ, не находитъ себѣ выхода изъ нея, и вода вслѣдствіе этого не можетъ вливаться въ бутылку. Если же воронка вставлена не плотно, то воздухъ выходитъ изъ бутылки между горлышкомъ и стѣнками воронки, и вода безпрепятственно въ нее вливается.

(*Изъ соч. «Почему и потому?» Отто Уле*).

11. Центръ тяжести.

Во всякомъ тѣлѣ есть точка, которую достаточно лишь подпереть, чтобы предохранить тѣло отъ паденія. Эта точка называется точкою опоры или центромъ тяжести. Она лежитъ такимъ образомъ, что частицы тѣла расположены вокругъ нея равномѣрно.

1. Почему мы откидываемся назадъ, спускаясь съ горы?

Потому, что откидываясь при спускѣ назадъ, мы сохраняемъ линію тяжести между ногами, которая при прямомъ положеніи нашего тѣла лежала бы впереди насъ, такъ что центръ тяжести не былъ бы ничѣмъ поддерживаемъ—и мы упали бы.

2. Почему несущіе передъ собою тяжести должны откидываться назадъ?

Потому, что центръ тяжести тѣла перемѣщается вслѣдствіе впереди висящей тяжести и подвигается по направленію впередъ такъ, что линія тяжести должна упасть тоже впередъ. Откидываніемъ своего тѣла назадъ эта линія снова проходитъ между ногами несущихъ.

3. Почему люди, несущіе тяжести на спинѣ, нагибаются впередъ?

Потому, что этою тяжестью измѣняется положеніе центра тяжести въ человѣческомъ тѣлѣ; онъ отодвигается назадъ. Линія тяжести прошла бы при выпрямленномъ положеніи позади насъ. Чтобъ избѣгнуть этого, тѣло наклоняется впередъ.

(Оттуда же).

12. Сцѣпленіе.

Сцѣпленіемъ называется притяженіе, дѣйствующее между частицами одного и того же тѣла, и сила, посредствомъ которой онѣ притягиваются другъ къ другу, есть сила сцѣпленія.

1. Почему вытянутая металлическая проволока гораздо крѣпче литой металлической нитки?

Потому, что сила сцѣпленія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе находятся частички какого-нибудь тѣла. При вытягиваніи проволоки металлъ прогоняютъ черезъ очень узкое отверстіе, и частицы его, особенно на поверхности, сближаются съ громадной силой. Тоже самое происходитъ при ковкѣ и прокатываніи; кованое желѣзо втрое крѣпче литого, а прокатанное серебро вдвое тверже обыкновеннаго.

2. Почему сукна и матеріи вслѣдствіе валянія дѣлаются плотнѣе?

Потому, что чѣмъ больше сближаются посредствомъ валянія ниточки и волоконца матеріи, тѣмъ сила сцѣпленія между ними дѣйствуетъ сильнѣе, и связность частицъ становится больше.

(Оттуда же).

13. Притяженіе волосныхъ трубочекъ.

Волосными трубочками называются трубочки, которыя такъ узки, что черезъ нихъ можетъ пройти только волосъ.

1. Почему намокшія веревки укорачиваются?

Потому, что волокна льна вбираютъ своими волосными трубочками влажность и вслѣдствіе этого разбухаютъ. При этомъ они становятся толще и закручиваются назадъ. Сила, производящая это уко-

рачиваніе веревокъ такъ велика, что обелискъ [1]) въ Римѣ, вѣсомъ въ 9000 центнеровъ [2]), котораго не могли поднять никакими машинами, былъ поднятъ только намокшими канатами, которые его поддерживали. *(Оттуда же)*.

14. Дѣлимость.

Всякое тѣло можетъ быть раздѣлено на большее или меньшее число частей. Свойство это называется *дѣлимостью*.

1. Почему можно выбѣлить цѣлую стѣну нѣсколькими фунтами мѣлу?

Потому, что истолченный мѣлъ дробится на безконечно малыя частицы; разбавленный же водою онъ превращается въ кашицу, которая распадается на отдѣльные комья. Каждый такой комъ можетъ быть размазанъ па большой поверхности; при этомъ вода, испаряясь, дробится на такія мелкія части, что онѣ увлекаются воздухомъ и оставляютъ на стѣнѣ лишь мелко раздробленный мѣлъ.

2. Почему запахъ одной монашенки распространяется по всей большой залѣ?

Потому, что при сгораніи монашенки образуются частички, наполняющія все пространство большой залы въ мелко-раздробленномъ видѣ. Гораздо большею дѣлимостью обладаетъ мускусъ, зерно котораго цѣлые годы наполняетъ комнату своимъ запахомъ. Всякій запахъ происходитъ отъ мелкаго раздробленія пахучихъ веществъ. Мореплаватели узнаютъ за нѣсколько верстъ близость Моллукскихъ острововъ по тѣмъ пахучимъ веществамъ, которыя наполняютъ ихъ атмосферу. *(Оттуда же)*.

15. Громъ и молнія.

I. Молнія происходитъ отъ особой силы, которую открыли случайно. Замѣчено было уже очень давно, что если взять, напримѣръ, какую-нибудь смолу, хоть янтарь или сургучъ, и натереть её сукномъ, то она притягиваетъ къ себѣ деревянныя опилки, легкія перышки и маленькіе куски бумажекъ. Если хорошо смолу натереть и поднести къ ней палецъ, то въ темнотѣ можно видѣть, что прежде чѣмъ палецъ прикоснется къ смолѣ, изъ нея выскочитъ маленькая искра. Ясно, что есть, значитъ, въ нѣкоторыхъ вещахъ сила, которая хотя и невидима, но можетъ быть вызвана наружу. Вотъ эту-то силу люди и назвали электричествомъ; названіе же такое мудреное дали потому, что на греческомъ языкѣ похожимъ словомъ называется янтарь.

II. Прошло долгое время прежде чѣмъ доказали, что молнія про-

---

1) Высокій четыреугольный каменный столбъ изъ цѣльнаго камня.

2) 1 центнеръ равняется 100 пудамъ.

исходитъ отъ того же самаго электричества. Теперь уже дѣлаютъ такія машины, посредствомъ которыхъ можно получить не только искру, но цѣлыя молніи и съ громомъ, который опять таки не болѣе какъ взрывъ этой искры и сотрясеніе воздуха. Машины эти называются электрическими.

Хотя человѣкъ и не знаетъ, что такое именно электричество, однако онъ убѣдился, что бываетъ электричество двухъ родовъ, которые между собою соединяются, или другъ отъ друга отталкиваются; одно электричество назвали положительнымъ, а другое—отрицательнымъ. Оба они между собою соединяются и даютъ искру; положительное же съ положительнымъ или, наоборотъ, отрицательное съ отрицательнымъ не соединяются никогда. Электричество, хотя и скрытое до времени, находится однако вездѣ: въ землѣ, воздухѣ и водѣ: то или другое, т. е. положительное или отрицательное.

Зная все это, можно легко объяснить, почему происходитъ молнія.

III. Солнце превращаетъ влагу въ паръ, который, поднимаясь вверхъ, образуетъ облака; тамъ, въ облакахъ, всегда электричество положительное. Туча съ этимъ электричествомъ подходитъ ближе къ землѣ; въ землѣ же между тѣмъ есть электричество и отрицательное, и положительное. Что же должно произойти? Мы уже сказали, что одинаковыя электричества не притягиваются, а отталкиваются, разныя же притягиваются. Слѣдовательно, когда туча съ положительнымъ электричествомъ близко подойдетъ къ землѣ, то находящееся на землѣ отрицательное электричество начинаетъ притягиваться вверхъ и входитъ на высокіе предметы. Тогда говорится, что предметы уже заряжены электричествомъ. Надъ мѣстомъ, гдѣ много скопилось отрицательнаго электричества, въ тучѣ накопляется наоборотъ много положительнаго. Когда скопится довольно электричества положительнаго въ облакахъ и отрицательнаго въ земныхъ предметахъ, тогда оба эти электричества бросаются другъ другу навстрѣчу, даютъ сильную искру, а вслѣдъ затѣмъ потрясенный воздухъ оглашается громомъ. Если наша маленькая искра, получаемая отъ электрической машины, даетъ трескъ, то какой же шумъ должна поднять искра отъ облаковъ, которыя тянутся на десятки верстъ? Какой величины должна быть такая искра? Какъ это ни трудно измѣрить, однако ученые дошли и до этого. Одинъ изъ нихъ однажды видѣлъ молнію въ 17 верстъ длиною.

IV. Кто не знаетъ силы и вреда грозы? Но трудно вообразить, какъ иногда убиваетъ гроза. Были случаи, что убитые молніею тотчасъ же обращались въ груду пепла. Одинъ хотѣлъ укрыться подъ деревомъ; но молнія ударила въ это дерево, расколола дерево, и убила человѣка, раздѣла его и раскидала лохмотья. Иногда молнія разрываетъ на куски одежду, а кожа не получаетъ никакого вреда, а иногда бываетъ совсѣмъ наоборотъ.

Вообще никогда не слѣдуетъ укрываться подъ деревьями и быть

вблизи *высокихъ* предметовъ. Мы уже говорили, что около нихъ-то и скопляется электричество. На этомъ-то и основано устройство громоотводовъ. На высокихъ зданіяхъ ставятъ металлическіе шесты и проводятъ ихъ въ землю. Тогда молнія ударяетъ именно въ эти шесты, и электричество проходитъ въ землю.

16. Размышленіе по случаю грома [1]).

Гремитъ!.. благоговѣй, сынъ персти!
Се Ветхій деньми съ небеси
Изъ кроткой благотворной длани
Перуны сѣетъ по землѣ!
Всесильный! съ трепетомъ младенца
Цѣлую я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы
И—исчезаю предъ Тобой!

Что человѣкъ? паритъ ли къ солнцу,
Смиренно-ль идетъ по землѣ:
Увы! тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ въ океанѣ жизни
Пловецъ на утлой ладіи,
Отдавши руль слѣпому року [2]),
Онъ спитъ— и мчится на скалу.

Ты дунешь—и двинешь океаны,
Речешь—и вспять они текутъ:
А мы?.. одной волной подъяты,
Одной волной поглощены!
Вся наша жизнь, о Безначальный!
Предъ тайной вѣчностью Твоей—
Едва минутное мечтанье,
Лучъ блѣдный утренней зари.

(*И. Дмитріевъ*).

17. Труды солнышка.

Знать, солнышко утомлено:
За горы прячется оно,
Лучъ погашаетъ за лучомъ
И, алымъ, тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.
Пора ему и отдохнуть:
Мы знаемъ, лѣтній дологъ путь.
Вездѣ-жъ работа: на горахъ,
Въ долинахъ, въ рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ притомъ благословляй.
Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу-работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.
Зерну скорлупку расколи,
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.
И вишнямъ дай румяный цвѣтъ,
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ,
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями прикрыть,
И колосъ зрѣлостью налить.
А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.
А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй

---

[1]) Это стихотвореніе можетъ служить образцомъ оды, гдѣ изображаются высокія чувства и мысли о Богѣ, отечествѣ и т. п. возвышенныхъ предметахъ.

[2]) Рокъ—слѣпая судьба, въ которую вѣрили язычники.

И сѣно въ копны собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.
И такъ совсѣмъ не мудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полупотухнувшихъ лучахъ,
И намъ, сходя за небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!

(Жуковскій).

18. Гроза.

I. Полуденный воздухъ, накаленный знойными лучами солнца, становился душенъ и тяжелъ. Вотъ и солнце спряталось. Стало темно. И лѣсъ, и дальнія деревни, и трава—все облеклось въ безразличный, какой-то зловѣщій цвѣтъ. Съ запада тянулось, точно живое чудовище, черное, безобразное пятно, съ мѣднымъ отливомъ по краямъ, и быстро надвигалось на село и на рощу, простирая будто огромныя крылья по сторонамъ. Все тосковало въ природѣ. Коровы понурили головы; лошади обмахивались хвостами, раздували ноздри и фыркали, встряхивая гривой. Пыль подъ ихъ копытами не поднималась вверхъ, но тяжело, какъ песокъ, разсыпалась подъ колесами. Туча надвигалась грозно. Вскорѣ медленно прокатился отдаленный гулъ. Все притихло; какъ будто ожидало чего-то небывалаго. Куда дѣвались эти птицы, которыя такъ рѣзво порхали и пѣли при солнышкѣ? Гдѣ насѣкомыя, что такъ разнообразно жужжали въ травѣ? Все спряталось и безмолвствовало. И бездушные предметы, казалось, раздѣляли зловѣщее предчувствіе. Деревья перестали покачиваться и задѣвать другъ друга сучьями; они выпрямились; только изрѣдка наклонялись верхушками между собою, какъ будто взаимно предупреждая себя шопотомъ о близкой опасности. Въ деревнѣ всѣ старались убраться во время по домамъ. Наступила минута всеобщаго торжественнаго молчанія.

II. Отъ лѣсу, какъ передовой вѣстникъ, пронесся свѣжій вѣтерокъ, повѣялъ прохладой въ лицо прохожему, прошумѣлъ по листьямъ, захлопнулъ мимоходомъ ворота въ избѣ и, вскрутя пыль на улицѣ, затихъ въ кустахъ. Слѣдомъ за нимъ мчится бурный вихрь, медленно двигая по дорогѣ столбъ пыли; вотъ ворвался въ деревню, сбросилъ нѣсколько гнилыхъ досокъ съ забора, снесъ соломенную кровлю и погналъ вдоль улицы пѣтуховъ и куръ, раздувая имъ хвосты. Пронесся. Опять безмолвіе. Все суетится и прячется, только глупый баранъ не предчувствуетъ ничего: онъ равнодушно жуетъ свою жвачку, стоя посреди улицы, и глядитъ въ одну сторону, не понимая общей тревоги; да перышко съ соломинкой, кружась по дорогѣ, силятся поспѣть за вихремъ. Упали двѣ-три крупныя капли дождя—и вдругъ блеснула молнія. Старикъ всталъ съ заваленки и поспѣшно повелъ маленькихъ внучатъ въ избу; старуха, крестясь, торопливо закрыла окно. Грянулъ громъ и, заглушая людской шумъ, торжественно прокатился въ воздухѣ. Испуганный конь оторвался отъ коновязи и мчится съ веревкой въ поле; тщетно преслѣдуетъ его крестьянинъ. А дождь такъ и сыплетъ, такъ

и сѣчетъ, все чаще и чаще, и дробитъ въ кровли и окна, сильнѣе и сильнѣе. Бѣленькая ручка боязливо высовываетъ на балконъ предметъ нѣжныхъ заботъ—цвѣты. (*Гончаровъ*).

19. Море.

Какъ хорошо ты, о, море ночное!
Здѣсь лучезарно, тамъ же черно!
Въ лунномъ сіяньи, словно живое,
Ходитъ и дышитъ и блещетъ оно.

* * *

На безконечномъ, на вольномъ просторѣ
Блескъ и движенье, грохотъ и громъ....
Тусклымъ сіяньемъ облитое море,
Какъ хорошо ты въ безлюдьи ночномъ!

* * *

Зыбь ты великая, зыбь ты морская!
Чей это праздникъ такъ празднуешь ты?
Волны несутся гремя и сверкая,
Чуткія звѣзды глядятъ съ высоты....

* * *

Въ этомъ волненьи, въ этомъ сіяньи,
Вдругъ онѣмѣвъ, я потерянъ стою,
И какъ охотно-бы въ ихъ обаяньи
Всю потопилъ-бы я душу свою. (*Тютчевъ*).

20. Море и утесъ.

И бунтуетъ, и клокочетъ,
Плещетъ, свищетъ и реветъ,
И до звѣздъ допрянуть хочетъ,
До незыблемыхъ высотъ!

* * *

Адъ ли, адская ли сила,
Подъ клокочущимъ котломъ,
Огнь геенскій разложила
И пучину взворотила,
И поставила вверхъ дномъ?

* * *

Волнъ неистовыхъ прибоемъ
Безпрерывно валъ морской
Съревомъ, свистомъ, визгомъ, воемъ
Бьетъ въ утесъ береговой!

* * *

Но, спокойный и надменный,
Дурью волнъ не обуянъ,
Неподвижный, неизмѣнный,
Міроздамью современный,
Ты стоишь, нашъ великанъ!

* * *

И озлобленныя боемъ,
Какъ на приступъ роковой,
Снова волны лѣзутъ съ воемъ
На гранитъ громадный твой.

* * *

Но о камень неизмѣнный
Бурный натискъ преломивъ,
Валъ отбрызнулъ сокрушенный,
И клубится мутной пѣной
Обезсиленный порывъ....

* * *

Стой же ты, утесъ могучей!
Обожди лишь часъ другой:
Надоѣстъ волнѣ гремучей
Воевать съ твоей пятой!

* * *

Утомясь потѣхой злою,
Присмирѣетъ вновь она,
И, безъ вою и безъ бою,
Подъ гигантскою пятою
Вновь уляжется волна.

(*Тютчевъ*).

21. Тучи.

(1840 г.).

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.
Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?
Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя....
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

(*М. Лермонтовъ*).

22. Бѣсы [1]).

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!
Эй, пошелъ, ямщикъ!... „Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ видно,
Да кружитъ по сторонамъ.
„Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ—теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой“.
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали... Что тамъ въ полѣ?
„Кто ихъ знаетъ: пень иль волкъ!“
Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вотъ ужъ онъ далече скачетъ;
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.
Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ?
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ...

(*А. Пушкинъ*).

---

[1]) Это стихотвореніе можетъ служать образцомъ баллады, въ которой изображается какое-либо народное суевѣріе или преданіе.

23. Лѣсной царь.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.
„Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?“
—Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ съ густой бородой.
„О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой“.
„Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ!
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
Изъ золота слиты чертоги мои“.
—Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ.
„О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы“.
„Ко мнѣ, мой младенецъ! въ дубравѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять“.
—Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей.
„О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.
„Дитя, я плѣнился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой“.
—Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать.
Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ...
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.
(*Изъ нѣмецк. поэта Шиллера въ переводѣ Жуковскаго*).

24. Ярко звѣздъ мерцанье.

Ярко звѣздъ мерцанье
Въ синевѣ небесъ;
Мѣсяца сіянье
Падаетъ на лѣсъ.

Въ зеркало залива
Сонный лѣсъ глядитъ;
Въ чащѣ молчаливой
Темнота лежитъ.

Слышенъ межъ кустами
Смѣхъ и разговоръ;
Жарко косарями
Разведенъ костеръ.

По травѣ высокой,
Съ цѣпью на ногахъ,
Бродитъ одиноко
Бѣлый конь впотьмахъ.

Вотъ ужъ пѣснь заводитъ
Пѣсенникъ лихой,
Изъ кружка выходитъ
Парень молодой.

Шапку вверхъ кидаетъ,
Ловитъ—не глядитъ,
Пляшетъ—присѣдаетъ,
Соловьемъ свиститъ.

Пѣснѣ отвѣчаетъ
Коростель въ лугахъ,
Пѣсня замираетъ
Далеко въ поляхъ...
Золотыя нивы,
Гладь и блескъ озеръ,
Свѣтлые заливы,
Безъ конца просторъ.
Звѣзды надъ полями,
Глушь да камыши...
Такъ и льются сами
Звуки изъ души. (*Никитинъ*).

25. Гора.

Взойди, вонъ, на эту безлѣсную гору,
Что выше окружныхъ, подоблачныхъ горъ,
Душѣ тамъ отрадно и вольно, а взору
Оттуда великій, чудесный просторъ.
Увидишь недвижное море громадныхъ
Гранитныхъ, ледяныхъ и снѣжныхъ вершинъ,
Отважные бѣги стремнинъ водопадныхъ,
Разсѣлины горъ, логовища лавинъ,
Угрюмыя пропасти, полныя мглою,
И свѣтлые холмы, поляны, лѣса,
И грады и села внизу подъ тобою;
А выше тебя—лишь одни небеса! (*Н. Языковъ*).

26. Утро.

Вверхъ, по недоступнымъ
Крутизнамъ встающихъ
Горъ, туманъ восходитъ
Изъ долинъ цвѣтущихъ.

*
* *

Онъ, какъ дымъ, уходитъ
Въ небеса родныя,
Въ облака свиваясь
Ярко-золотыя
И разсѣяваясь.

*
* *

Лучъ зари съ лазурью
На волнахъ трепещетъ;
На востокѣ солнце
Разгораясь блещетъ.

*
* *

И сіяетъ утро,
Утро молодое.
Ты ли это, небо
Хмурое, ночное!

*
* *

Ни единой тучки
На лазурномъ небѣ!
Ни единой мысли
О насущномъ хлѣбѣ!

*
* *

О, въ отвѣтъ природѣ
Улыбнись, отъ вѣка
Обреченный скорби
Геній человѣка!

*
* *

Улыбнись природѣ!
Вѣрь знаменованью!
Нѣтъ конца стремленью,
Есть конецъ страданью!

(*Я. Полонскій*).

27. Вечеръ.

Зари догорающей пламя
Разсыпало по небу искры;
Сквозитъ лучезарное море;
Затихъ по дорогѣ прибрежной
Бубенчиковъ говоръ нестройный;
Погонщиковъ звонкая пѣсня
Въ дремучемъ лѣсу затерялась;
Въ прозрачномъ туманѣ мелькнула
И скрылась крикливая чайка!
Качается бѣлая пѣна
У сѣраго камня, какъ въ люлькѣ
Заснувшій ребенокъ; какъ перлы,
Росы освѣжительной капли
Повисли на листьяхъ каштана,
И въ каждой росинкѣ трепещетъ
Зари догорающей пламя.

(*Я. Полонскій*).

28. Ночь.

Вѣетъ тихо, вѣетъ сладостно
Мнѣ дыханье вѣтерка;
Свѣтятъ звѣзды въ небѣ радостно;
Отражаетъ ихъ рѣка;
И, въ раздумьи, наклонилися
Вѣтви гибкія деревъ;
И, какъ звѣзды, засвѣтилися
Свѣтляки среди кустовъ.
Дышетъ все святой отрадою
На землѣ и въ вышинѣ;
Ночь весенняя прохладою
Освѣжаетъ сердце мнѣ.
Что-то въ душу чудно просится,
Проникаетъ въ глубину,
И, невольно, мысль уносится
Все туда, все въ вышину!
Вѣетъ тихо, вѣетъ сладостно
Мнѣ дыханье вѣтерка;
Свѣтятъ звѣзды въ небѣ радостно...
Спитъ на днѣ души тоска! *(Жадовская).*

29. Міръ обновленія.

Свѣжесть утра, розъ дыханье,
Говоръ свѣтлыхъ водъ,
Гибкихъ вѣтокъ колыханье,
Ясный неба сводъ,—
Все мнѣ въ душу обаянье
И надежду льетъ.
Все печальное забыто,
Новый міръ встаетъ,
И о томъ, что ужъ прожито,
Вспомнить не даетъ.
Тайной силой обновленья
Дышитъ грудь моя,
Впредь печали и сомнѣнью
Не отдамъ себя.
И среди житейской битвы
Твердо сохраню —
Вѣру сердца, пылъ молитвы
И любовь мою. *(Жадовская).*

30. Уединеніе.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ [1]) счастья и забвенья!
Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда;

---

[1]) Лоно—нѣдро, грудь; вѣчное блаженство.

За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мельницы крылаты,—
Вездѣ слѣды довольства и труда! (*А. Пушкинъ*).

31. Макъ [1]).

I. Всѣ мы знаемъ макъ и съ удовольствіемъ смотримъ на красивый цвѣтокъ, когда онъ распустится во всей своей красѣ. Познакомимся теперь съ жизнію этого растенія, съ тою пользою, которую онъ приноситъ людямъ, скажемъ и о томъ, какъ люди сумѣли употребить во вредъ даже и этотъ прелестный цвѣтокъ.

Вотъ кустикъ мака: корень его толстый, и когда вырвете его изъ земли, то увидите, что онъ бѣлый и идетъ вѣточками,—значитъ *вѣтвистый*. Отъ корня вверхъ поднимается зеленый, прямой, круглый стебель, весь усаженный волосками. Листья сидятъ на немъ по очереди, то съ одной, то съ другой стороны и по краямъ они глубоко надрѣзаны, такъ что кажется будто одинъ и тотъ-же листъ состоитъ изъ нѣсколькихъ листиковъ. Сверху вы видите на нихъ волоски и жилки; снизу средняя жилка чрезвычайно ясно видна. Пожмите покрѣпче стебель—видите, какой идетъ бѣловатый, млечный сокъ. Попробуемъ тоже сдѣлать съ листьями—и тутъ такой-же сокъ.

II. Наверху стебля и вѣтвей, на длинныхъ ножкахъ, сидятъ крупные, чрезвычайно красивые разныхъ оттѣнковъ цвѣты. Вотъ нѣсколько кустиковъ мака. Сколько на нихъ большихъ, висящихъ книзу почекъ, точно яйца маленькой птички, только зеленыя и всѣ покрытыя волосками! Нѣкоторыя почки уже нѣсколько раскрылись и виденъ красный или розовый цвѣтокъ, но красивѣе всего цвѣты, которые уже совсѣмъ расцвѣли. Одни изъ нихъ ярко красные съ темными пятнами, другіе блѣдно-розовые съ бѣленькими краями, а затѣмъ и совсѣмъ бѣлые, развѣ съ легкимъ фіолетовымъ оттѣнкомъ. А вонъ куртинки, гдѣ цвѣтокъ мака совсѣмъ отцвѣлъ, и уже висятъ зрѣлыя головки: пойдемъ и натрясемъ себѣ вдоволь маку. Оборвите осторожно зеленое покрывало почки: видите, какой въ немъ скомканный цвѣтокъ! ничего,—все расправится, когда онъ начнетъ распускаться. Вотъ эти два зеленые листика, которыми обтянутъ цвѣтокъ, называются *чашечкой*. Но куда-же дѣвались эти листики или *чашечка* у расцвѣтшаго мака? Когда солнышко согрѣло растеніе, а дождь и роса смачивали сухую землю, цвѣтокъ росъ все больше и больше; скоро ему стала тѣсна, да и надоѣла его душная темница. Онъ высунулся изъ окошка, сильно потянулъ въ себя пищу изъ земли, окрѣпъ, выпря-

---

1) *Замѣтка для учителя*. При чтеніи этой статьи, какъ и всѣхъ подобныхъ ей, учитель прекрасно сдѣлаетъ, если покажетъ дѣтямъ самый предметъ, напр. въ данномъ случаѣ засушенное растеніе мака.

мился и сбросилъ съ себя послѣднія цѣпи. *Чашечка* (т.-е. два зеленые листика) опала, засохла, а вѣтеръ разметалъ ее по бѣлому свѣту.

III. Теперь возьмемъ совсѣмъ расцвѣтшій цвѣтокъ мака и будемъ считать листики цвѣтка; ихъ четыре. Листики въ каждомъ цвѣткѣ, въ отличіе отъ тѣхъ, которые вы видите на вѣтвяхъ и на стволѣ разныхъ растеній, называются *лепестками*. Теперь мы знаемъ, что у цвѣтка мака четыре *лепестка*, а всѣ лепестки вмѣстѣ называются *вѣнчикомъ* цвѣтка. Скажите мнѣ, какой вѣнчикъ мака! *Лепестки* мака крупные, сидятъ попарно одинъ противъ другого, а та пара, что внутри, меньше наружныхъ.

Оборвемъ всѣ четыре лепестка: мы видимъ множество темныхъ нитей, которыя на концѣ немного толще. Эти нити называются *тычинками*, а кончики этихъ тычинокъ, что потолще—*пыльниками*. Между *тычинками* въ самой срединѣ, какъ пуговка, сидитъ *пестикъ*. Видите-ли, сверху *пестика* точно звѣздочка—эта часть пестика называется *рыльцемъ*. Если сосчитаемъ черные лучи звѣздочки и потомъ срѣжемъ все рыльце, то мы найдемъ внутри столько перегородокъ, сколько насчитали лучей.

Когда цвѣтокъ отцвѣтетъ, т.-е. когда лепестки и тычинки отпадутъ, пестикъ мака (та часть, которая сидѣла между тычинками) начинаетъ все болѣе и болѣе разростаться, такъ что скоро превращается въ довольно большую головку. Внутри головки находится множество сѣмянъ. Когда эти сѣмена совершенно созрѣютъ, они сами выпадутъ черезъ дырочки, которыя находятся подъ крышечкою головки. Макъ въ деревняхъ сѣютъ оттого, что гдѣ его ни бросишь горсти двѣ, его выростетъ множество, и уже много лѣтъ потомъ онъ самъ сѣется.

IV. Чего только не дѣлаютъ изъ сѣмянъ мака! Изъ него можно выжимать масло, печь и жарить на этомъ маслѣ, вмѣсто коровьяго, булки, рыбу и разныя печенья въ постные дни. Его растираютъ въ ступкѣ, дѣлаютъ изъ него молоко и пьютъ съ чаемъ и кофеемъ, ѣдятъ съ кашей и киселемъ.—Макомъ обсыпаютъ булки и крендели. Въ каждой лавкѣ продаются маковники—макъ, вареный въ меду. Но дѣтямъ не нужно бросаться на эти маковники: у нихъ отъ меду выступаетъ сыпь на тѣлѣ, появляются и другія болѣзни. Какъ ни плохи маковники, они все-таки не такъ вредны, какъ маковый сокъ, что даютъ груднымъ дѣтямъ въ деревняхъ, когда они блажатъ, а родителямъ некогда съ ними возиться. Дитя дѣйствительно успокоивается, засыпаетъ и долго, долго спитъ послѣ этого. Но когда оно просыпается, то уже не воркуетъ попрежнему какъ голубокъ, а полуоткрытыми глазами смотритъ вяло, безжизненно—точно оно еще не совсѣмъ проснулось, плохо ѣстъ и скоро опять засыпаетъ. Матери обыкновенно радуются, что дитя такъ много и спокойно спитъ, но чѣмъ чаще даютъ ему соску съ маковымъ снадобьемъ, тѣмъ болѣе ребенокъ теряетъ аппетитъ и слабѣетъ; наконецъ у него пухнетъ головка, страшно худѣетъ все тѣло, а животъ толстѣетъ, и дитя засы-

паетъ навѣки. Мать удивляется, отчего умеръ ея ребенокъ въ то время, когда онъ былъ такъ покоенъ: ей не понять, что *этотъ покой она купила цѣною его жизни!* Когда крѣпкій и здоровый ребенокъ выживаетъ при этомъ, то и тутъ еще немного радости: онъ навѣки останется хилымъ, болѣзненнымъ человѣкомъ.

Есть страны, гдѣ макомъ засѣваютъ цѣлыя огромныя поля. Когда головки еще не совсѣмъ созрѣли, ихъ надрѣзаютъ и оттуда вытекаетъ молочный сокъ; на воздухѣ сокъ этотъ твердѣетъ и называется опіумомъ. Когда больной лежитъ въ страшныхъ страданіяхъ и ни минуты не можетъ спокойно уснуть, опіумъ служитъ благодѣтельнымъ средствомъ, доставляя ему сонъ. При очень многихъ болѣзняхъ желудка съ большою пользою даютъ опіумъ. Но что помогаетъ больному, то часто отравляетъ здороваго. Въ этой же самой странѣ, гдѣ приготовляютъ опіумъ, есть множество людей, которые пьютъ его и курятъ безъ всякой мѣры. Начинаютъ употреблять его обыкновенно понемногу, но чуть увеличиваютъ пріемы, человѣкъ привыкаетъ къ нему, и привычку эту впослѣдствіи почти невозможно побѣдить. Вы конечно спросите: да что же такъ тянетъ человѣка къ этому горькому опіуму? Послѣ его пріема онъ на время становится необыкновенно веселъ, забываетъ все свое горе, всѣ труды и заботы, часто не чувствуетъ страшной болѣзни, которая его передъ тѣмъ мучила. Вначалѣ, со свѣжей головой, онъ чрезвычайно легко все соображаетъ, потомъ засыпаетъ, и его прельщаютъ очаровательные сны. Люди, пьющіе опіумъ, страшно платятся цѣлую жизнь за нѣсколько минутъ наслажденія! За возбужденнымъ состояніемъ слѣдуетъ полное ослабленіе силъ. Тѣ, которые много лѣтъ принимали опіумъ, возбуждаютъ въ другихъ ужасъ и отвращеніе: ихъ лица искажены постоянными судорогами, которыя сводятъ имъ руки и ноги, глаза ихъ дико бѣгаютъ и сверкаютъ, колѣни трясутся; отъ потери аппетита такой человѣкъ превращается въ скелетъ, и на его до омерзенія истощенномъ и исхудаломъ лицѣ, трясется каждая жилка. Но хуже всего для него то, что онъ отлично понимаетъ, до чего себя довелъ и чувствуетъ, что онъ всѣмъ людямъ въ тягость. *(Изъ „Русск. жизни и природы“ Водовозовой).*

32. Мой садикъ

Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ!
Распустилась въ немъ сирень;
Отъ черемухи душистой
И отъ липъ кудрявыхъ тѣнь...
Правда, нѣтъ въ немъ блѣдныхъ лилій,
Горделивыхъ георгинъ,
И лишь пестрыя головки
Возвышаетъ макъ одинъ,
Да подсолнечникъ у входа,
Словно вѣрный часовой,

Сторожитъ себѣ дорожку
Всю поросшую травой...
Но люблю я садикъ скромный;
Онъ душѣ моей милѣй
Городскихъ садовъ унылыхъ
Съ сѣтью правильныхъ аллей.
И весь день, въ травѣ высокой
Лежа, слушать бы я радъ,
Какъ заботливыя пчелы
Вкругъ черемухи жужжатъ. (*Плещеевъ*).

33. Роза.

„Роза, весенній цвѣтъ,
Скройся подъ тѣнь
Рощи развѣсистой;
Бойся лучей
Солнца палящаго,
Нѣжный цвѣтокъ!“
Такъ мотылекъ златой
Розѣ шепталъ.
Розѣ невнятенъ былъ
Скромный совѣтъ;
Роза плѣняется
Блескомъ однимъ!
„Солнце блестящее
Любитъ меня.
Мнѣ ли, красавицѣ,
Тѣни искать?“
Гордость безумная!
Бѣдный цвѣтокъ!
Солнце разсыпало
Гибельный лучъ:
Роза поникнула
Пышной главой,
Листья поблекнули,
Запахъ исчезъ! (*Жуковскій*).

34. Анчаръ.

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ одинъ во всей вселенной.

***

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей,
И корни ядомъ напоила.

***

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зноя,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

***

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ, лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ
И мчится прочь уже тлетворный.

***

И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

***

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ,
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

***

Принесъ онъ смертную смолу,
Да вѣтвь съ увядшими листами,—
И потъ по блѣдному челу
Струится хладными ручьями.

***

Принесъ—и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки—
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

***

А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

(*А. Пушкинъ*).

35. Цвѣтокъ.

Весело цвѣтики въ полѣ пестрѣютъ,
Ихъ по ночамъ освѣжаетъ роса;
Днемъ ихъ лучи благодатные грѣютъ,
Ласково смотрятъ на нихъ небеса.

—

Съ бабочкой пестрой, съ гудящей пчелою,
Съ вѣтромъ имъ любо вести разговоръ;
Весело цвѣтикамъ въ полѣ весною,
Милъ имъ родимаго поля просторъ!

—

Вотъ они видятъ: въ окнѣ за рѣшеткой,
Тихо качается блѣдный цвѣтокъ...
Солнца не зная, печальный и кроткій,
Выросъ онъ въ мрачныхъ стѣнахъ—одинокъ.

—

Цвѣтикамъ жаль его, бѣднаго, стало,
Хоромъ они къ себѣ брата зовутъ:
— Солнце тебя никогда не ласкало,
Брось эти стѣны, зачахнешь ты тутъ.

—

„Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—хоть весело въ полѣ,
И наряжаетъ васъ ярко весна;
Но не завидую вашей я долѣ,
И не покину сырого окна.

—

Пышно цвѣтите! Своей красотою
Радуйте, братья, счастливыхъ людей;
Я буду цвѣсть для того, кто судьбою
Солнца лишенъ и полей.

—

Я буду цвѣсть для того, кто страдаетъ.
Узника я утѣшаю одинъ.
Пусть онъ, взглянувъ на меня, вспоминаетъ
Зелень родимыхъ долинъ". (*А. Плещеевъ*).

36. Рѣчи цвѣтовъ.

I. Издавна было на землѣ много людей бѣдныхъ, обремененныхъ нуждами и сокрушающихся о томъ, какъ имъ вѣкъ прожить, чѣмъ прокормиться, во что одѣться. Много, очень много такихъ людей и теперь. Имъ не мало говорятъ полезнаго иные люди, и не всегда безъ пользы. Не скажутъ ли имъ чего-нибудь и весенніе цвѣты?

О, да,—они многое скажутъ имъ, если кто изъ бѣдныхъ охотно ихъ послушаетъ; они уже издавна къ нимъ говорятъ!

„Бѣдные, жалкіе люди, вотъ что говорятъ цвѣты,—бѣдные, суетные люди! Зачѣмъ вы такъ сокрушаетесь о томъ, какъ вамъ вѣкъ прожить, чѣмъ прокормиться, во что одѣться? Посмотрите получше на насъ! Вотъ мы нынче цвѣтемъ, а завтра насъ пожалуй сорветъ

кто-нибудь, либо потопчетъ. А между тѣмъ Господь заставляетъ землю и насъ поить—кормить, и насъ одѣваетъ. Да иные изъ насъ такъ одѣваются, что и вельможи, и сами цари ваши не смогутъ имѣть такой одежды. Маловѣрные! Неужели Отецъ небесный меньше о васъ заботится, чѣмъ о насъ?—Нельзя совсѣмъ не думать о пропитаніи, объ одеждѣ, о себѣ и семьѣ своей; надобно для этого трудиться, надобно объ этомъ и молиться. Но не объ этомъ *больше всего* думать, не для этого больше всего трудиться, не объ этомъ прежде всего молиться! Молитесь прежде: „да пріидетъ царствіе Твое, Господи, да будетъ воля Твоя"..., а потомъ уже и о хлѣбѣ насущномъ. Будете искать прежде всего царствія Божія и правды его, будете больше всего стараться быть людьми вѣрующими и благочестивыми—дастъ вамъ Господь и все остальное, что необходимо. Душа не дороже ли пищи и одежды? Если станете заботиться больше всего о душѣ своей, то Господь и пропитаетъ васъ, и одѣнетъ васъ, помогая вамъ въ трудахъ вашихъ,—какъ и насъ питаетъ, и насъ одѣваетъ."

Эти рѣчи цвѣтовъ, уже истолкованы намъ самимъ Спасителемъ (Лук. 12, 27). Поучительныя, утѣшительныя рѣчи!

II. Не мало на землѣ издавна было и богатыхъ людей, т. е. не только имѣющихъ въ достаткѣ, чѣмъ прокормить и одѣть себя и чѣмъ воспитать дѣтей своихъ, но еще имѣющихъ избытокъ, иногда далеко превосходящій мѣру должнаго достатка. Такіе люди—не всѣ, но очень многіе—часто бывали и бываютъ горды, живутъ изо дня въ день въ свое удовольствіе, о будущемъ заботятся мало, о другихъ людяхъ, не имѣющихъ достатка, еще меньше.

Что говорятъ такимъ людямъ цвѣты?

— „Гордые, богатые люди, жалкіе люди! Что вы гордитесь вашимъ богатствомъ, что вы величаетесь вашими палатами, да вашими пирами, да вашими нарядами? Посмотрите лучше на насъ! Видите, какъ многіе изъ насъ разубраны? Что значатъ ваши шелковыя и бархатныя одежды передъ нашими дивными тканями, что всѣ ваши искусственные мертвые цвѣты передъ нашею живою красотою? А вотъ, быть можетъ, сегодня же вечеромъ мы уже не будемъ болѣе цвѣсти; быть можетъ не сегодня, такъ завтра надломитъ насъ играющею рукой дитя или подрѣжетъ острою косою трудящійся крестьянинъ и—поникнутъ наши разубранныя головки, поблѣднѣютъ наши краски, засохнутъ наши чудныя, живыя ткани. Вспомните, подобное и съ вами можетъ статься!.. Что-же вы гордитесь, что величаетесь, зачѣмъ забываете о томъ, что и вамъ прежде всего нужно помнить?—Ахъ, трудно вамъ, богатые, войти въ царствіе Божіе! Чѣмъ больше у васъ избытка, тѣмъ больше у васъ искушеній... Но невозможное для однихъ силъ людскихъ возможно при помощи самого Господа. Молитесь же, молитесь Ему, жалкіе, неразумные люди, гордящіеся богатствомъ своимъ! Молитесь, чтобъ Онъ помогъ вамъ употреблять ваши избытки не на собственныя пустыя прихоти, не на удовольствія нечистыя, а

на служеніе Ему Самому—въ лицѣ тѣхъ, у кого нѣтъ достатка! Думайте почаще о душѣ своей, заботьтесь побольше всего душою своей о нуждающихся ближнихъ вашихъ—и Господь милосердый и васъ помилуетъ, и васъ облечетъ свѣтлою небесною одеждою праведности, которая несравненно свѣтлѣе и вашихъ и нашихъ земныхъ одеждъ"!

Эти рѣчи также отчасти уже объяснены намъ—еще ветхозавѣтнымъ пророкомъ Божіимъ (Псал. 89, 5, 6). Рѣчи грозно-поучительныя, но опять и отрадныя!

37. Нива.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая!
Иду—съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
И колютъ мнѣ лицо... Иду я наклоняясь,
Какъ будто-бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день,
О, Божья благодать!.. о, какъ прилечь отрадно
Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ
И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ—на зарѣ стучатъ проворные цѣпы:
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда;
Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая,
И длинной бичевой по влагѣ ударяя...
О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,—
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И непогодами несгубленыя зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно—
О, дай намъ солнышка! Пошли Ты ведра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
Прійти на тучныя ихъ нивы подышать,
И позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: „Господи! какая благодать! *(Майковъ)*.

38. Вода и лѣсъ.

Полная красота всякой мѣстности состоитъ въ соединенiи воды съ лѣсомъ. Природа такъ и поступаетъ: рѣки, рѣчки, ручьи и озера почти всегда обростаютъ лѣсомъ или кустами. Исключенiя рѣдки. Въ соединенiи лѣса съ водою заключается другая, великая цѣль природы. Лѣса—хранители водъ: деревья закрываютъ землю отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца, отъ изсушительныхъ вѣтровъ: прохлада и сырость живутъ въ ихъ тѣни и не даютъ изсякнуть текучей или стоячей влагѣ. Убыль рѣкъ, въ цѣлой Россiи замѣчается, происходитъ, по общему мнѣнiю, отъ истребленiя лѣсовъ. *(Аксаковъ).*

39. Чернолѣсье.

Всѣ породы деревъ, теряющiя свои листья осенью и возобновляющiя ихъ весною, какъ-то: дубъ, вязъ, осокорь, липа, береза, осина, ольха и другiя, называются чернымъ лѣсомъ или чернолѣсьемъ. Къ нему принадлежатъ ягодныя деревья: черемуха и рябина, которыя достигаютъ иногда значительной вышины и толщины. Къ чернолѣсью же надобно причислить всѣ породы кустовъ, которыя также теряютъ зимой свои листья: калину, орѣшникъ, жимолость, шиповникъ и проч.

По большей части чернолѣсье состоитъ изъ смѣшенiя разныхъ древесныхъ породъ, и это смѣшенiе особенно прiятно для глазъ; но иногда попадаются мѣста отдѣльными гривами или колками, гдѣ преобладаетъ какая-нибудь одна порода: дубъ, липа, береза или осина, растущiя гораздо въ большемъ числѣ, въ сравненiи съ другими древесными породами, и достигающiя объема строевого лѣса. Когда разнородныя деревья растутъ вмѣстѣ и составляютъ одну зеленую массу, то всѣ кажутся равно хороши, но въ отдѣльности одни другимъ уступаютъ. Хороша развѣсистая, бѣлоствольная, свѣтло-зеленая береза, но еще лучше стройная, кудрявая, круглолистая, сладко-душистая во время цвѣта, не ярко, а мягко-зеленая липа, прикрывающая своими лубьями и обувающая своими лыками православный русскiй народъ. Хорошъ и кленъ съ своими лапами и листами; высокъ, строенъ и красивъ бываетъ онъ. Коренастъ, крѣпокъ, высокъ и могучъ, въ нѣсколько обхватовъ толщины у корня, бываетъ многолѣтнiй дубъ, рѣдко попадающiйся въ такомъ величавомъ видѣ; мелкiй же дубнякъ не имѣетъ въ себѣ ничего особенно привлекательнаго: зелень его темна или тускла, вырѣзные листья, плотные и добротные, выражаютъ только признаки будущаго могущества и долголѣтiя. *(С. Аксаковъ).*

40. Краснолѣсье.

Всѣ породы деревъ смолистыхъ, какъ-то: сосна, ель, пихта и проч., называются краснымъ лѣсомъ, или краснолѣсьемъ. Отличительное ихъ качество состоитъ въ томъ, что вмѣсто листьевъ онѣ имѣютъ иглы, которыхъ зимою не теряютъ, а перемѣняютъ ихъ исподоволь, посте-

пенно, весною и въ началѣ лѣта; осенью же онѣ становятся полнѣе, свѣжѣе и зеленѣе, слѣдовательно встрѣчаютъ зиму во всей красѣ и силѣ.

Лѣсъ, состоящій исключительно изъ однѣхъ сосенъ, называется боромъ.

Красный лѣсъ любитъ землю глинистую, иловатую, а сосна—преимущественно песчаную; на чистомъ черноземѣ встрѣчается она въ самомъ маломъ числѣ, развѣ гдѣ-нибудь по горамъ, гдѣ обнажился суглинокъ и каменный плитнякъ. *(С. Аксаковъ).*

41. Рубка лѣса.

Сколько тутъ было кудрявыхъ березъ!
Тамъ изъ-за старой, нахмуренной ели
Красные грозды калины глядѣли;
Тамъ поднимался дубокъ молодой;
Птицы царили въ вершинѣ лѣсной;
По-низу всякіе звѣри таились.
Вдругъ мужики съ топорами явились—
Лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ.
Заяцъ послушалъ—и вонъ побѣжалъ;
Въ темную нору забилась лисица;
Машетъ крыломъ осторожнѣе птица.
Въ недоумѣньи тащатъ муравьи,
Что ни попало, въ жилища свои.
Съ пѣснями трудъ человѣка спорился:
Словно подкошенъ, осинникъ валился;
Съ трескомъ ломали сухой березнякъ,
Корчили съ корнемъ упорный дубнякъ;
Старую сосну сперва надрубали,
Послѣ арканомъ ее нагибали
И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы къ землѣ прилегла по плотнѣй.
Такъ, побѣдивъ послѣ долгаго боя,
Врагъ уже мертваго топчетъ героя.
Много тутъ было печальныхъ картинъ:
Стономъ стонали верхушки осинъ;
Изъ перерубленной старой березы
Градомъ лилися прощальныя слезы
И пропадали одна за другой
Данью послѣдней на почвѣ родной.
Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо свѣтила ночныя,
И надъ поверженнымъ лѣсомъ луна
Остановилась кругла и ясна.
Трупы деревьевъ недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипѣли, трещали;
Жалобно листья шумѣли кругомъ.
Такъ, послѣ битвы, во мракѣ ночномъ,

Раненый стонетъ, зоветъ, проклинаетъ.
Вѣтеръ надъ полемъ кровавымъ летаетъ,
Праздно лежащимъ оружьемъ звенитъ,
Волосы мертвыхъ бойцовъ шевелитъ!
Тѣни ходили по пнямъ бѣловатымъ,
Жидкимъ осинамъ, березамъ косматымъ;
Низко летали, вились колесомъ
Совы шарахаясь о земь крыломъ;
Звонко кукушка вдали куковала,
Да какъ безумная галка кричала. *(Некрасовъ)*.

42. Почвы.

I. Верхній слой земли, въ которомъ распространяются корни растеній, называется *почвою*. Она состоитъ изъ смѣси минеральныхъ частицъ и перегноя листьевъ, корней, костей и т. п.

Почвы бываютъ песчаныя, глинистыя, известковыя, рухляковыя, болотныя, или торфяныя и лучшія черноземныя. Бываютъ и смѣшанныя: суглинокъ и супесокъ, т. е. почва съ малою или большою примѣсью глины либо песку.

II. Каждый сортъ хлѣбовъ любитъ свою почву и тѣмъ охотнѣе растетъ, чѣмъ больше находитъ въ ней питательныхъ соковъ. Такъ на песчаной почвѣ лучше родится рожь, а на супескѣ растетъ еще охотнѣе: песчаная почва скоро и сильно нагрѣвается и долго остается теплою; въ супескѣ глина дольше задерживаетъ влагу и не такъ скоро сохнетъ. На глинистой почвѣ лучше родится пшеница, а если въ ней есть примѣсь извести, то—ячмень и овесъ; въ суглинкѣ же, гдѣ глины и песку поровну,—всего скорѣе и лучше выростаетъ ячмень, но и другимъ хлѣбамъ въ немъ меньше опасности: это самая лучшая почва.

Черноземъ для всѣхъ благодѣтель: тяжелыя глинистыя почвы онъ дѣлаетъ рыхлѣе и легче, песчаныя, т. е. легкія и разсыпчатыя, податливыя на дождяхъ и вѣтрахъ, черноземъ дѣлаетъ связными,—и всѣ улучшаетъ. Для пшеницы это самая благодатная и любимая почва.

Болотныя почвы для хлѣбовъ не годятся и требуютъ для превращенія въ пахатныя поля продолжительныхъ, усиленныхъ и усердныхъ хлопотъ и великихъ трудовъ.

Если слѣдъ сохи, нарѣзая борозды, лоснится, и на пашнѣ остаются глыбы, которыя такъ и засыхаютъ и не разсыпаются, и земля прилипаетъ къ ногамъ,—то почва глинистая. Если глыбы сами собою крошатся,—то земля известковая. Когда всего этого незамѣтно, то почва легкая, песчаная или супесокъ.

III. Подмѣсь недостающихъ веществъ въ почвѣ приноситъ большую пользу и иногда неизбѣжна. Дѣлали наблюденія надъ овсомъ и замѣтили, что безъ извести растеніе умерло уже при образованіи второго листа; безъ желѣза оно оставалось очень блѣднымъ, слабымъ и неправильнымъ; безъ фосфора овесъ развился правильно, но былъ слабъ и не далъ зерна. Когда овесъ питался желѣзомъ, то поражалъ темно-зеленымъ цвѣтомъ, сильнымъ ростомъ и надлежащей твердостью.

Есть и пословица: «всякому зерну своя борозда», т. е. всякому растенію требуется своя почва и своя пища.

Бѣловатая почва означаетъ присутствіе извести, желтоватая и красновая—желѣза; темнокоричневая или черная—черноземъ. На глинистой почвѣ дождевая вода застаивается, а на песчаной или известковой проходитъ насквозь; на безплодной, гдѣ много песку, вода получаетъ видъ сыворотки.

Деревья и другія растенія любятъ каждое свою почву и обходятъ другія: ива, береза, сосна, подорожникъ и гвоздика любятъ песчаную почву; пырей, тимоѳеева трава—глинистую; шалфей, клеверъ, можжевельникъ и ясень—известковую. Если хорошо растетъ осока и другія кислыя травы, криво выростаетъ береза и ольха,—то почва болотная. Это можетъ быть указаніемъ при первоначальномъ посѣвѣ хлѣбовъ.

Навозъ пахатный—землѣ и хлѣбу пища. Всего болѣе хлѣбъ любитъ навозъ коровій. Этотъ навозъ жиже, медленнѣе перегниваетъ и бродитъ.

Холодныя и глинистыя почвы освѣжаются лучше навозомъ коневьимъ. Этотъ навозъ силенъ и горячъ; скорѣе другихъ начинаетъ перегорать и разсыпаться въ пыль. За нимъ долженъ быть усердный присмотръ. На сухихъ и песчаныхъ поляхъ коровій навозъ—плохой слуга, равно и навозъ овечій. Свиной навозъ прежде хвалили, но теперь убѣдились, что онъ не лучше другихъ.

Хороши всѣ сорта навоза, когда перемѣшаны: чего недостаетъ одному, добавляетъ другой. Конскій съ коровьимъ медленнѣе загорается и разсыпается.

IV. Чѣмъ дольше стоитъ скотъ въ хлѣвахъ, тѣмъ больше навозу; чѣмъ ему тамъ теплѣе, тѣмъ навозъ лучше: подстилка больше вберетъ въ себя навозной жидкости. Догадливые хозяева прибавляютъ къ постилкѣ хвою, листа, подсыпаютъ и землю. Но чѣмъ дольше держится скотъ на навозной грязи, и чѣмъ сильнѣе гніетъ и бродитъ подстилка, тѣмъ скоту хуже и опаснѣе. Надо искать середины, соображать время, не лѣниться, пойти да посмотрѣть.

Если крѣпко пахнетъ въ хлѣвѣ навозомъ,—надо выгребать навозъ въ яму; яму прикрывать, чтобъ не жгло солнце, не разжижалъ снѣгъ или дождь. Если появится плѣсень,—значитъ онъ пересохъ и перегорѣлъ; надо облить его навозной жижей и прикрыть тонкимъ слоемъ земли. Словомъ, надо глядѣть, чтобы навозъ не прогоралъ снизу и жижа не уходила бы въ землю. Опытные хозяева для этого роютъ ямы въ глинникѣ: онъ не пропускаетъ сквозь себя воду.

(Максимовъ).

43. Сѣвъ и бороньба.

Какъ только провяла земля, начались полевыя работы, то-есть, посѣвъ яроваго хлѣба, и отецъ сталъ ѣздить всякій день на пашню. Всякій день я просился съ нимъ, и только одинъ разъ отпустила меня

мать. Видъ весеннихъ полей скоро привлекъ мое вниманіе, и радостное чувство овладѣло моей душой. Поднимаясь отъ гумна на гору, я увидѣлъ, что всѣ долочки, которые тянулись по скатамъ крутыхъ холмовъ, весело заленѣли сочной травой, и были осыпаны розовыми цвѣточками, издававшими сильный ароматическій запахъ. На горахъ расцвѣтала вишня и дикая акація или чилижникъ. Жаворонки такъ и разсыпались пѣснями вверху; иногда проносился крикъ журавлей; вдали заливался звонкими трелями кроншнепъ; стрепета поднимались съ дороги и тутъ же садились. Не одинъ разъ отецъ говорилъ: «жалко, что нѣтъ съ нами ружья». Это былъ особый птичій міръ, совсѣмъ непохожій на тотъ, который подъ горою населялъ воды и болота, и онъ показался мнѣ еще прекраснѣе. Тутъ только, на горѣ, почувствовалъ я неизмѣримую разность между атмосферами внизу и вверху! Тамъ пахло стоячею водой, тяжелою сыростью, а здѣсь воздухъ былъ сухъ, ароматенъ и легокъ; тутъ только я почувствовалъ справедливость жалобъ матери на низкое мѣсто въ Багровѣ. Вскорѣ зачернѣлись полосы вспаханной земли, и, подъѣхавъ, я увидѣлъ, что крестьянинъ, уже не молодой, мѣрно и бодро ходилъ взадъ и впередъ по десятинѣ, разсѣвая вокругъ себя хлѣбныя сѣмена, которыя доставалъ онъ изъ лукошка, висящаго у него черезъ плечо. Издали за нимъ шли три крестьянина за сохами; запряженныя въ нихъ лошадки казались мелки и слабы, но онѣ, не останавливаясь и безъ напряженнаго усилія взрывали сошниками черноземную почву, разсыпая рыхлую землю направо и налѣво, разумѣется не новь, а мякоть, какъ называлась тамъ нѣсколько разъ паханная земля; за ними тащились три бороны съ желѣзными зубьями, запряженныя такими же лошадками; ими управляли мальчики. Не смотря на утро и еще весеннюю свѣжесть, всѣ люди были въ однѣхъ рубашкахъ, босикомъ и съ непокрытыми головами. И весь этотъ, повидимому, тяжелый трудъ производился легко, бодро и весело. Глядя на эти правильно и непрерывно движущіяся фигуры людей и лошадей, я забылъ окружающую меня красоту весенняго утра. Важность и святость труда, которыхъ я не могъ тогда вполнѣ ни понять, ни оцѣнить, однако глубоко поразили меня. Отецъ пошелъ на вспаханную десятину, сталъ что-то мѣрить своей палочкой и считать; а я—оглянувшись вокругъ себя, и увидя, что въ разныхъ мѣстахъ много людей и лошадей двигались также мѣрно и въ такомъ же порядкѣ взадъ и впередъ,—я крѣпко задумался, самъ хорошенько не зная о чемъ. Отецъ, воротясь ко мнѣ и найдя меня въ томъ же положеніи, спросилъ: «что ты, Сережа»? Я отвѣчалъ множествомъ вопросовъ о работающихъ крестьянахъ и мальчикахъ, на которые отецъ отвѣчалъ мнѣ удовлетворительно и подробно. *(С. Аксаковъ).*

44. Хлѣбъ растетъ.

Стелется по полю рожь колосистая. Если посмотрѣть на нее, когда пройдетъ по ржаному полю вольный вѣтеръ и начнетъ шевелить

стеблями и наклонять колосья, глазамъ легко обмануться: ржаное поле кажется моремъ, по зеленому ковру его какъ будто бѣгутъ серебряныя волны. Видъ этотъ тѣмъ обманчивѣе, чѣмъ гуще заросло поле. Во ржи колосъ составляетъ со стеблемъ одно, поэтому и волненіе ржаного поля, равномѣрно колеблемаго вѣтромъ, напоминаетъ волненіе моря, временами до полнаго обмана. Но зато, какъ красивы тѣ поля, на которыхъ выросли хлѣба съ цвѣтами, не въ колосьяхъ, а метелками, каково, напр., овсяное! Когда тихій вѣтерокъ слегка колеблетъ стебли еще зеленаго или полудозрѣвшаго овса, въ немъ въ это время являются чудные, нѣжные волнистые отливы, особенно если поле освѣщено свѣтомъ, противоположнымъ направленію нашихъ глазъ. Въ такихъ случаяхъ овсяныя поля представляютъ одну изъ рѣдкостныхъ и красивыхъ картинъ въ природѣ. Для большей полноты ея и прелести природа озаботилась снабдить хлѣбныя поля такими цвѣтами, которые окрашены самымъ нѣжнымъ голубымъ цвѣтомъ, рѣдко встрѣчающимся на другихъ цвѣтахъ. Это васильки, безъ которыхъ никогда почти не растетъ рожь, и сами васильки почти исключительно любятъ садиться и красоваться лишь на хлѣбныхъ поляхъ. Очарователенъ голубенькій василекъ: солнечный лучъ здѣсь тотъ чародѣй, который приготовляетъ и наводитъ краски и привлекаетъ къ себѣ, на тепло и пригрѣву, и самый стебель изъ земли. Солнце затѣмъ поднимаетъ выше и ближе къ себѣ растеніе, чтобы свободнѣе оживлять и лелѣять его. Въ тѣни, безъ свѣта, въ густой темнотѣ растеніе хилѣетъ и слабѣетъ; подъ тѣми лѣсами, которые даютъ длинную и долгую тѣнь, оно вовсе не растетъ, да тамъ и хлѣбныхъ растеній не сѣютъ. Крестьяне говорятъ, что подъ увѣемъ, т. е. на всемъ томъ мѣстѣ, на которомъ лежитъ тѣнь отъ восхода до заката солнца, «подъ увѣемъ хлѣба не растетъ».

Въ теплѣ и свѣтѣ съ растеніемъ творятся чудеса роста: изъ одного хлѣбнаго зерна выростаютъ десятки и сотни зернышекъ. У насъ, даже на холодномъ сѣверѣ, посѣянный ячмень на пятой недѣлѣ колосится, на десятой его жнутъ, тогда какъ въ Германіи для полнаго роста вмѣсто 10 ему надобно отъ 14 до 16 недѣль. Все это оттого, что на сѣверѣ длинные дни, въ теченіе которыхъ солнышко не сходитъ съ неба, не закатывается. *(С. Максимовъ).*

45. Какъ живутъ и питаются растенія?

Въ каждомъ растеніи есть узкія волокнистыя канавки, и когда земля влажна, т. е. когда она напоена водой, то вода поднимается вверхъ по этимъ канавкамъ и разливается по всему растенію, по стволу, вѣтвямъ, листьямъ и т. д. Вмѣстѣ съ водою растеніе всасываетъ въ себя изъ земли и другую пищу, разныя вещества, находящіяся въ землѣ, которыя вода растворяетъ.

Изъ этого видно, что растеніе питается, какъ человѣкъ и животное, хотя у него и нѣтъ рта; только пища у растенія другая,

нежели у животнаго, и потомъ оно иначе её и ѣстъ, но также, какъ люди и животныя, безъ пищи жить не можетъ.

Когда долго нѣтъ дождя, и земля высохнетъ, то растенія, не находя въ почвѣ воды для своего питанія, не могутъ извлечь пищи, вянутъ, засыхаютъ и погибаютъ, но стоитъ только упасть обильному дождю, и растенія если еще не совсѣмъ умерли, тотчасъ оживаютъ, зеленѣютъ, принимаютъ веселый видъ, и тотчасъ радостно перешептываются съ вольнымъ вѣтеркомъ.

Канавки у растеній, благодаря которымъ травы и деревья могутъ питаться и жить, такъ узки, что ихъ можно разглядѣть только сквозь увеличительное стекло. *(С. Крамштика)*.

46. Конь.

Жадно, весело онъ дышитъ
Свѣжимъ воздухомъ полей:
Сизый паръ кипитъ и пышетъ
Изъ пылающихъ ноздрей;
Полонъ силъ, удалъ на волѣ,
Громкимъ голосомъ заржалъ,
Встрепенулся конь—и въ поле
Бурноногій поскакалъ!
Скачетъ, блещущій глазами,
Дико голову склонилъ;
Вдоль по вѣтру онъ волнами
Черну гриву распустилъ.
Самъ, какъ вѣтеръ: круть-ли встанетъ
На пути? отважный прянетъ—
И на ней ужъ! Ляжетъ ровъ
И потокъ клубится?—мигомъ,
Онъ широкимъ перепрыгомъ
Черезъ нихъ—и былъ таковъ!

Веселися, конь ретивый!
Щеголяй избыткомъ силъ!
Не на долго волны гривы
Вдоль по вѣтру ты пустилъ!
Не на долго жизнь и воля
Разомъ бурному даны,
И холодный воздухъ поля,
И отважны крутизны,
И стремнины роковыя....
Скоро, скоро подъ замокъ!
Тѣшь копыта удалыя,
Свой могучій бѣгъ и скокъ!
Снова въ дѣло, конь ретивый!
Въ сбруѣ легкой и красивой,
И блистающій сѣдломъ,
И бренчащій поводами,
Стройно—вѣрными шагами
Ты пойдешь подъ сѣдокомъ.

(Языковъ).

47. Журавль.

I. Журавль, такъ сказать, самая видимая, всѣмъ извѣстная, мало укрывающаяся, отлетная птица. Онъ живетъ и въ рѣчи, и въ пословицахъ, и въ примѣтахъ народныхъ. Длинношеяго или длинноногаго человѣка какъ-разъ прозовутъ журавлемъ; не желая мѣнять вѣрное малое на невѣрное большое, говорятъ: «не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки». Выраженіе «въ небѣ» уже показываетъ высоту журавлинаго полета. Кто не слыхалъ ихъ пронзительнаго *курлыканья*, похожаго на отдаленные звуки валторнъ [1]) и трубъ, падающаго съ неба, съ вышины, недоступной иногда глазу человѣческому? Весело слушаетъ крестьянинъ весною эти звуки и вѣритъ имъ, хотя

[1]) Валторна—музыкальный духовой инструментъ, называемый лѣснымъ охотничьимъ рогомъ.

бы стояла холодная погода: эти звуки обѣщаютъ близкое тепло; зато въ жаркіе дни, какіе изрѣдка бываютъ у насъ въ исходѣ августа и даже въ началѣ сентября, крикъ высоко летящихъ журавлей наводитъ грусть на его сердце: «быть рано зимѣ», говоритъ онъ,—«журавли пошли въ походъ»,—и всегда почти вѣрно бываетъ такое предсказаніе.

Полетъ и крикъ журавлиный имѣютъ въ себѣ что-то привлекательное. Иногда станица ихъ очень долго кружится на одномъ мѣстѣ, съ каждымъ кругомъ забираясь все выше и выше, такъ что наконецъ не увидитъ ихъ глазъ, и только крикъ, сначала густой, рѣзкій, зычный, потерявъ свою опредѣленность, доходитъ до насъ въ неясныхъ, мягкихъ, глухихъ и вмѣстѣ пріятныхъ звукахъ.

Вообще журавли весною прилетаютъ не рано, позднѣе другой дичи, и сейчасъ разбиваются на пары. Осенью отлетаютъ, собравшись предварительно въ большія стаи, въ весьма различные сроки—иногда въ началѣ августа, иногда въ исходѣ сентября; летятъ всегда днемъ. Они никогда не летятъ кучей, а всегда выстраиваются треугольникомъ, одна сторона котораго по большей части гораздо длиннѣе. Такой неправильный треугольникъ летящихъ журавлей очень вѣрно называютъ на югѣ Россіи «журавлиный ключъ», потому что онъ имѣетъ совершенное сходство не съ нашими желѣзными нѣмецкими ключами, а съ простымъ, самодѣльнымъ, деревяннымъ ключемъ, которымъ запираются и задвигаются деревянные же внутренніе засовы клѣтей и амбаровъ. Впрочемъ изрѣдка полетъ журавлей представляетъ фигуру тупого и почти равносторонняго треугольника.

II. Вообще журавль довольно осторожная птица, и къ журавлиной стаѣ подъѣхать и даже подкрасться очень мудрено; но въ одиночку или въ парѣ, особенно если найдешь ихъ около тѣхъ мѣстъ, гдѣ они затѣваютъ гнѣздо, журавли гораздо смирнѣе, и на простой телѣгѣ или охотничьихъ дрожкахъ иногда можно подъѣхать къ нимъ въ мѣру ружейнаго выстрѣла. Обыкновеннымъ образомъ стрѣлять журавлей очень трудно и мало убьешь ихъ, и надобно употреблять для этого особенные пріемы и хитрости, т. е. подкрадываться къ нимъ изъ-за кустовъ, скирдовъ хлѣба, стоговъ сѣна и пр. Можно также, узнавъ предварительно, куда летаютъ журавли кормиться, гдѣ проводятъ полдень, гдѣ ночуютъ и чрезъ какія мѣста пролетаютъ на ночевку, приготовить заблаговременно скрытное мѣсто и ожидать въ немъ журавлей на перелетѣ, на корму или ночевкѣ; ночевку журавли выбираютъ на мѣстахъ открытыхъ, даже иногда близъ проѣзжей дороги; обыкновенно всѣ спятъ стоя, заложивъ голову подъ крылья, вытянувшись въ одинъ или два ряда и выставивъ по краямъ одного или двухъ сторожей, которые только дремлютъ, не закладывая головъ подъ крылья, дремлютъ чутко, и какъ скоро замѣтятъ опасность, то зычнымъ [1]), тревожнымъ крикомъ разбудятъ товарищей, и всѣ улетятъ.

---

[1]) Зычный—издающій громкій крикъ.

III. Журавль—сильная птица; но къ этой силѣ присоединяются особенныя оборонительныя оружія, которыми снабдила его природа; они состоятъ въ крѣпости костей его крыльевъ, ударъ которыхъ ужасно силенъ, въ длинныхъ ногахъ и крѣпкихъ пальцахъ, съ твердыми когтями, и, наконецъ, въ довольно длинномъ, очень крѣпкомъ и остромъ клювѣ. При помощи такого оружія, легко раненый журавль дѣлается опасной птицею для охотника и собаки, если они вздумаютъ неосторожно его схватить. Сначала подстрѣленный журавль бѣжитъ прочь и очень шибко, такъ что безъ собаки трудно догнать его; скорость своему бѣгу придаетъ онъ подмахиваніемъ крыльевъ или крыла, если одно ранено; видя же, что ему не уйти, онъ на всемъ бѣгу бросается на спину, начинаетъ защищаться ногами и носомъ, проворно и сильно поражая противника. Я видѣлъ печальныя слѣдствія такой обороны: одного кривого охотника и одну кривую собаку; и тотъ и другая потеряли по глазу, неосторожно бросившись схватить раненаго журавля.

IV. Когда журавль серьезенъ и важно расхаживаетъ по полямъ, подбирая попадающійся ему кормъ всякаго рода, въ немъ нѣтъ ничего смѣшного; но какъ скоро онъ начнетъ бѣгать, играть, присѣдать и потомъ подпрыгивать вверхъ съ распущенными крыльями, то нельзя безъ смѣха смотрѣть на его продѣлки; до такой степени нейдетъ къ нему всякое живое и рѣзкое движеніе! Нѣсколько журавлей, выплясывающихъ другъ передъ другомъ, способны заставить расхохотаться всякаго несмѣшливаго человѣка. Разумѣется, такія сцены можно видѣть или издали, или подкравшись такъ осторожно, чтобы журавли не примѣтили человѣка. *(С. Аксаковъ).*

48. Ершъ.

I. Имя ерша очевидно происходитъ отъ его наружности: вся его спина, почти отъ головы и до хвоста, вооружена острыми, крѣпкими иглами, соединенными между собою тонкою, пестрою перепонкой; щеки, покрывающія его жабры, имѣютъ также по одной острой иглѣ, и когда вытащишь его изъ воды, то онъ имѣетъ способность такъ растопырить свои жабры, такъ взъерошить свой спинной хребетъ и загнуть хвостъ, что названіе ерша, вѣроятно, было ему дано въ ту же минуту, какъ только въ первый разъ его увидѣлъ человѣкъ.

II. Складомъ своимъ ершъ совершенно сходенъ съ окунемъ, хотя никогда не питается рыбой. Въ рѣкахъ средней полосы Россіи онъ не бываетъ и четырехъ вершковъ длиною, но въ Петербургѣ, въ устьѣ Невы, ловятся ерши необыкновенной величины: я самъ видалъ ихъ въ пять вершковъ длиною. Слыхалъ также объ огромныхъ ершахъ сибирскихъ. Ершъ имѣетъ необыкновенно большіе, на выкатѣ, темносиніе глаза; отъ самой головы, какъ я уже сказалъ, идетъ у него жесткій гребень, почти въ вершокъ вышиною, который онъ можетъ поднимать и опускать; онъ оканчивается, не доходя пальца на два до хвоста, но и это мѣсто занято у него другимъ небольшимъ гре-

бешкомъ, уже мягкимъ, похожимъ на обыкновенное плавательное рыбье перо; ершъ колется, какъ окунь, если взять его неосторожно; онъ весь пестрый, кромѣ брюшка, но пестрины эти какого-то темнаго цвѣта; онъ весь блеститъ зеленовато-золотистымъ лоскомъ, особенно щеки; кожа его покрыта густою слизью въ такомъ изобиліи, что ершъ превосходитъ въ этомъ отношеніи линя и налима. Хвостъ и верхнія перья пестроваты, нижнія перья бѣловато-сѣрыя.

III. Ерши водятся только въ чистыхъ водахъ, и въ большомъ количествѣ въ рѣкахъ песчаныхъ и глинистыхъ, также и въ озерахъ, заливаемыхъ полою весеннею водою. Гдѣ ершей много и они крупны, тамъ уженье ихъ необыкновенно изобильно и пріятно; клюютъ гораздо жаднѣе со дна, чѣмъ на вѣсу; удочки для нихъ употребляются среднія.

(*С. Аксаковъ*).

49. Заяцъ.

I. Наружность зайца извѣстна всѣмъ, но онъ имѣетъ въ себѣ замѣчательную способность: это—устройство его заднихъ ногъ, которыя гораздо длиннѣе, толще, сильнѣе переднихъ и снабжены необыкновенно эластическими [1]), крѣпкими, сухими жилами. Отсюда происходитъ диковинная легкость прыжковъ, иногда имѣющихъ въ длину до трехъ аршинъ, и вообще чудная рѣзвость заячьяго бѣга. Присѣвъ на заднія ноги, т. е. сложивъ ихъ на сгибѣ, упершись въ какое-нибудь твердое основаніе, заяцъ имѣетъ способность съ такою быстротою и силой разогнуть ихъ, что буквально бросаетъ на воздухъ все свое тѣло; едва обопрется онъ о землю передними лапками, какъ уже заднія, далеко перепрыгнувъ за переднія, даютъ опять такой же толчокъ, и бѣгъ зайца кажется одною линіей, вытянутою въ воздухѣ. Безъ сомнѣнія, быстротѣ прыжковъ много способствуетъ крѣпость спинного хребта. Теперь понятно, что зайцу неловко бѣжать подъ гору и, наоборотъ, очень ловко—на гору или въ гору. Перваго онъ всегда избѣгаетъ; но, вынужденный иногда къ тому преслѣдованіемъ враговъ, преимущественно борзыхъ собакъ, онъ нерѣдко скатывается кубаремъ съ вершины до самой подошвы горы. Заяцъ не ходитъ, а только прыгаетъ; онъ даже не можетъ стоять вдругъ на всѣхъ четырехъ ногахъ: какъ скоро онъ останавливается на своемъ бѣгу, то сейчасъ присядетъ на заднія ноги,—такъ онѣ длинны. Онъ особенный мастеръ вдругъ сѣсть на всемъ бѣгу, и охотники говорятъ, что заяцъ садокъ. Надобно еще замѣтить, что шея у зайца не повертывается, и онъ не можетъ оглянуться назадъ; услыхавъ какой-нибудь шумъ сзади или сбоку, онъ упирается на заднія ноги, перекидываетъ всего себя въ ту сторону, откуда послышался шумъ, садится на корточки, какъ сурокъ, и насторожитъ свои длинныя уши. Зайцы положительно травоядныя животныя, хотя имѣютъ очень острые зубы, которыми больно кусаются, если возьмутъ ихъ въ руки неловко: живого зайца должно всегда держать за уши и

---

1) Эластическій—упругій, растяжимый.

за заднія ноги. Когда есть трава, зайцы питаются ею, также древесными листьями, всякими хлѣбными посѣвами и особенно любятъ озимь. Зимою гложутъ они древесную кору предпочтительно молодыхъ осинъ и таловыхъ[1]) кустовъ, а въ степяхъ всякую травяную ветошь [2]), разгребая для того своими лапками довольно большіе снѣжные сугробы. Плодовые сады могутъ жестоко пострадать отъ зайцевъ въ продолженіе зимы, если не будутъ взяты извѣстныя предохранительныя мѣры.

II. Заяцъ—самое робкое и беззащитное творенье. Трусость видна во всѣхъ торопливыхъ его движеніяхъ и утверждена русскою пословицей: «труслывъ, какъ заяцъ». Мнѣ самому случалось видѣть, какъ онъ дрожитъ, сидя въ своемъ логовѣ, слыша какой-нибудь приближающійся шумъ и готовясь вскочить каждую минуту. Онъ по справедливости боится и звѣря, и птицы, и только ночью или по утреннимъ и вечернимъ зарямъ выходитъ изъ своего дневного убѣжища, встаетъ съ логова; ночь для него совершенно замѣняетъ день; въ продолженіе ея онъ бѣгаетъ, ѣстъ и жируетъ, то-есть рѣзвится и вообще исполняетъ всѣ требованія природы; съ разсвѣтомъ онъ выбираетъ укромное мѣстечко, ложится и съ открытыми глазами, по особенному устройству своихъ короткихъ вѣкъ, чутко дремлетъ до вечера, протянувъ по спинѣ длинныя уши и безпрестанно моргая своей мордочкой, опушенною рѣдкими, но довольно длинными бѣлыми усами. Въ долгія осеннія и зимнія ночи заяцъ исходитъ особенно по открытымъ полямъ и горамъ нѣсколько верстъ, что каждый охотникъ, сходившій русаковъ по маликамъ [3]), извѣдалъ на опытѣ.

III. Русскій народъ называетъ зайца косымъ. Его глаза, большіе, темные, на выкатѣ—не косы: это знаетъ каждый; но, будучи пугливъ, торопливъ и не имѣя способности оглядываться, онъ набѣгаетъ иногда прямо на охотника или на пенекъ; оторопѣвъ, круто бросается въ другую сторону и опять на что-нибудь набѣгаетъ. Вѣроятно, вслѣдствіе такихъ неловкихъ движеній назвали его косымъ, и даже человѣка, пробѣжавшаго второпяхъ мимо того предмета, который онъ ищетъ, или забѣжавшаго не туда, куда слѣдуетъ, привѣтствуютъ шуточнымъ восклицаніемъ: «Эхъ, ты, косой заяцъ», или: «Куда забѣжалъ скосу?» Къ тому же заяцъ, сидя на логовѣ, закатываетъ подъ лобъ иногда одинъ глазъ, иногда и оба; вѣроятно, это дремота, но при первомъ взглядѣ заяцъ покажется косымъ.

Зайцевъ истребляютъ всѣ, кто можетъ: волки, лисы, дворныя и легавыя собаки, которыя сами собою ходятъ охотиться за ними въ лѣсъ, даже горностаи и ласки. Но, кромѣ враговъ, бѣгающихъ по землѣ и отыскивающихъ чутьемъ свою добычу, такіе же враги ихъ

---

[1]) Талъ—особое растеніе.

[2]) Ветошь—здѣсь значитъ изсохшую и изгнившую траву.

[3]) Сходить зайца по малику—значитъ отыскать его по слѣдамъ.

летаютъ и по воздуху: орлы, беркуты, большіе ястреба готовы напасть на зайца, какъ скоро почему-нибудь онъ бываетъ принужденъ оставить днемъ свое потаенное убѣжище, свое логово; если же это логово выбрано неудачно, не довольно закрыто травой или степнымъ кустарникомъ (разумѣется въ чистыхъ поляхъ), то непремѣнно и тамъ увидитъ его зоркій до невѣроятности, черный беркутъ (степной орелъ), огромнѣйшій и сильнѣйшій изъ всѣхъ хищныхъ птицъ, похожій на копну сѣна, почернѣвшую отъ дождя, когда сидитъ на стогу или на сурчинѣ—увидитъ и, зашумѣвъ, какъ буря, упадетъ на бѣднаго зайца внезапно изъ облаковъ, унесетъ въ длинныхъ и острыхъ когтяхъ на далекое разстояніе и, опустясь на удобномъ мѣстѣ, съѣстъ почти всего, съ шерстью и мелкими костями. Мало этого; даже ночью сторожатъ зайцевъ, на мирныхъ гулянкахъ, большія совы и филины. Мнѣ разсказывали охотники, что совы и филины ловятъ по ночамъ зайцевъ слѣдующимъ образомъ: они подстерегаютъ ихъ на тропахъ; одною ногой сова вкогтится въ зайца, другою ухватится за вѣтку куста или дерева и, такимъ образомъ, держитъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не выбьется изъ силъ; тогда сова вкогтится въ него и другою лапой и окончательно задушитъ. (*С. Аксаковъ*).

50. Золото и желѣзо.

1. Сходство. И золото и желѣзо — металлы. И золото и желѣзо находятъ въ нѣдрахъ земли: очень рѣдко находятъ ихъ въ чистомъ видѣ, а почти всегда въ видѣ руды, т. е. съ примѣсью другихъ веществъ. Какъ золото, такъ и желѣзо добываются въ рудникахъ рудокопами, плавятся и не горятъ. Оба металла мягки и ковки; они тяжелѣе воды. И золото и желѣзо приносятъ пользу человѣку.

2. Различіе. Золото встрѣчается въ землѣ не только въ видѣ руды, но и въ видѣ розсыпей; этого не бываетъ съ желѣзомъ. Золото плавится легче желѣза, а желѣзо куется лучше золота. Золото употребляется на выдѣлку монетъ и различныхъ украшеній, а желѣзо на различныя полезныя издѣлія. Изъ золота не дѣлаютъ вещей, не добавляя къ нему другого металла; изъ желѣза же приготовляются различныя издѣлія, безъ всякой къ нему подмѣси; поэтому на желѣзѣ не выставляютъ пробы, а на золотыхъ вещахъ всегда есть проба. Золото полируется гораздо лучше желѣза и больше его блеститъ. Фунтъ желѣза стоитъ около пяти копѣекъ, а фунтъ золота пятьсотъ рублей; значитъ, золото почти въ десять тысячъ разъ дороже желѣза. Золотомъ покрываютъ другіе металлы, а желѣзо не имѣетъ такого назначенія. Въ природѣ встрѣчается вода, въ которой есть желѣзо; но нѣтъ такой воды, въ которой было бы золото. Мы знаемъ три вида желѣза: чугунъ, полосовое желѣзо и сталь; золото не производитъ различныхъ видовъ при переработкѣ. Желѣзо не только гораздо доступнѣе человѣку, чѣмъ золото, по цѣнѣ, но и совершенно необходимо, между тѣмъ какъ безъ золота человѣку легко обойтись. Золото—желтое, а

желѣзо—черное; желѣзо тверже и болѣе упруго, чѣмъ золото. Золото не ржавѣетъ, а желѣзо отъ сырости покрывается ржавчиной; золото не покрываютъ слоемъ краски, а желѣзо красятъ. Золото называютъ драгоцѣннымъ, а желѣзо—простымъ металломъ [1]).

51. Птица и рыба.

Сходство. Какъ птица, такъ и рыба принадлежатъ къ царству животныхъ. Онѣ одарены дыханіемъ, способностью быстро двигаться, добывать себѣ пищу и переваривать ее въ красную кровь. Въ обоихъ этихъ видахъ животнаго царства природа выказала удивительную изобрѣтательность и чрезвычайное разнообразіе какъ въ величинѣ, такъ и въ наружности. Даже въ самомъ наружномъ убранствѣ рыбъ и птицъ есть нѣчто сходное—это перья. Нѣкоторые виды рыбъ и птицъ живутъ исключительно хищничествомъ. Человѣкъ одинаково пользуется обоими видами животнаго царства, ибо онъ питается не только мясомъ и яйцами птицъ, но также мясомъ и икрою рыбъ.

Вотъ сходство двухъ названныхъ видовъ животныхъ, но есть между ними и много различныхъ признаковъ.

Различіе. Птица одѣта перьями и у ней есть крылья, чтобы летать, а рыба покрыта чешуей и приспособлена природой къ плаванію. Стихія птицы—воздухъ, а рыба живетъ въ водѣ. У птицы есть клювъ и ноги, а у рыбы плавательныя перья и плавательный пузырь. Всѣ птицы имѣютъ голосъ или издаютъ звуки, а многія даже плѣняютъ нашъ слухъ своимъ пѣніемъ, тогда какъ нѣмота и безгласіе рыбъ вошли въ пословицу. Рыба мечетъ въ прѣсной водѣ множество кропечныхъ яичекъ, оставляя ихъ на произволъ солнца, тогда какъ птицы сами высиживаютъ птенцовъ изъ немногихъ яицъ. У рыбы холодная кровь, а у птицъ теплая.

52. Дерево и трава.

У дерева крѣпкіе корни, твердый, толстый стволъ, раскидистыя суковатыя вѣтви, покрытыя или листьями или иглами.

У травы корень легко вырвать изъ земли, стебель ея тонкій, мягкій, вѣточки небольшія.

Деревья растутъ цѣлыми лѣсами; въ лѣсу тѣсно, прохладно, сыро. Тамъ водятся всякіе звѣри, тамъ много грибовъ, ягодъ.

Трава зеленѣетъ какъ коверъ на лугу, и на немъ пестрѣютъ желтые, бѣлые, красненькіе, синіе цвѣты. На лугу просторно, кругомъ видишь небо, солнце жарко мечетъ, но легкій вѣтерокъ спасаетъ отъ зноя.

Дерево идетъ на дрова, на постройки; трава служитъ кормомъ скоту.

---

[1]) *Замѣтка*. Опредѣлить сходство и различіе двухъ предметовъ—значитъ *сравнить* ихъ. Теперь мы показали, чѣмъ золото похоже на желѣзо и чѣмъ оно не похоже на него; слѣдовательно, мы сравнили золото съ желѣзомъ.

53. Конь и верблюдъ.

1. Верблюдъ—драгоцѣнное животное въ степи. Ни лошадь, ни какое другое животное не можетъ перенести того, что переноситъ здѣсь верблюдъ. Лошадь все-таки избалованное животное, требуетъ ухода, а если и можетъ обойтись безъ овса, то всегда нуждается въ чистой и вкусной водѣ, въ сочной травѣ; она не станетъ ни пить дурной воды, ни жевать негодной травы, покрывающей степь. А гдѣ прикажете взять и ту, и другую, когда каравану [1]) приходится на длинныхъ переходахъ, иногда нѣсколько дней сряду, тянуться по бѣдной и безплодной степи, на которой только и растетъ ковыль, или горькая полынь, или осока и другія противныя для лошади травы; откуда взять чистую воду, когда и горькая вода—рѣдкость въ степи? Совсѣмъ другое дѣло—верблюдъ. Верблюдъ переносчивъ: онъ пьетъ и горькую, и застоялую, и перепорченную воду; онъ можетъ день, два, три дня пробыть безъ пойла, и такъ же усердно носитъ свою ношу, какъ-будто никогда не былъ знакомъ съ водой. Обыкновенно же поятъ верблюда водой лѣтомъ, одинъ разъ въ продолженіе двухъ или трехъ сутокъ, если нѣтъ хорошаго водопоя. За лошадью много ухода: и безъ того ужъ усталому работнику надо тратить силы, чтобъ ее распрячь или развьючить, потомъ ее нужно выводить, потомъ напоить, стреножить, цѣлую ночь пасти, глядѣть за нею съ осторожностью, чтобъ она не заблудилась, не отошла далеко, не примкнула бы къ чужому табуну; наутро ее надо снова напоить и снова, при большихъ трудахъ, навьючить, т. е. работнику нужно высоко надъ собою, на рукахъ, поднимать тяжелые вьюки, чтобы взвалить ихъ ей на спину; потомъ должно искусно закрутить ношу веревками и заботливо наблюдать за вьюкомъ въ продолженіе цѣлой дороги.

2. Съ верблюдомъ хлопотъ меньше. Съ окончаніемъ перехода, нужно только потянуть верблюда за веревку, привязанную къ колышку, продѣтому у животнаго сквозь ноздри—и верблюдъ становится на колѣни; работникъ безъ труда сбрасываетъ съ него тюки и пускаетъ верблюда на волю. Ни треножить, ни пасти верблюда не нужно: онъ самъ найдетъ себѣ пищу, самъ себя упасетъ и не отойдетъ далеко отъ стоянки. Верблюдъ скоро наѣдается и потомъ всю ночь лежитъ, не вставая съ мѣста; только немногіе, какъ исключеніе изъ общаго правила, или бродятъ ночью по близости лагеря, или стоятъ на одномъ мѣстѣ, не сгибая колѣнъ. Къ утру верблюдъ, по слову «чокъ», опять падаетъ на колѣни; киргизъ безъ чувствительной траты силъ и безъ особенныхъ хлопотъ наложитъ ему ношу и кое-какъ перепутаетъ ее веревками, не опасаясь, что онѣ развяжутся въ дорогѣ отъ движенія животнаго, и что чужой товаръ можетъ свалиться съ

---

[1]) Караванъ—обыкновенно рядъ верблюдовъ, нагруженныхъ товарами, торговый обозъ въ степи, въ пустынѣ. Караванная торговля такая, которая ведется посредствомъ верблюдовъ.

горбатаго «корабля пустыни». Только зимою съ верблюдомъ немного больше хлопотъ, именно потому, что онъ никогда ни на снѣгъ, ни на мерзлую землю не ложится. Для этого нужно сгрести съ назначеннаго для ночлега верблюдовъ мѣста снѣгъ и вскопать промерзлую землю особеннымъ орудіемъ, называемымъ кептонъ: это родъ круглаго топора и вмѣстѣ заступа, надѣтаго на длинноватую палку въ нарочно устроенное для того отверстіе. Мѣсто для ночлега верблюдовъ выбирается такое, которое бы отовсюду защищено было отъ непогоды, напримѣръ: логъ или увалы между холмовъ, или заросшее кустарникомъ пространство. Ежели по близости оттуда растетъ камышъ, то сгребаютъ снѣгъ, а землю не вскапываютъ, но только покрываютъ ее камышемъ. Въ такомъ пріютѣ верблюды цѣлаго каравана ложатся рядомъ всѣ вмѣстѣ. Но если бы случилось, что на притонѣ нѣтъ удобнаго мѣста для укрытія животныхъ, то верблюдовъ на ночь окружаютъ высокою стѣною или оградою, сложенною изъ товарныхъ тюковъ. На этомъ-то животномъ, прозванномъ кораблемъ пустыни, и совершается въ степи караванная торговля. *(В. Даль)*

54. Ничего не пропадаетъ.

Правда-ли, что ничего не пропадаетъ? А вотъ, околѣла лошадка, бросили ее, зарыли въ полѣ,—и конецъ. Нѣтъ, тутъ еще не все кончено: трупъ лошадки истлѣетъ, часть его высохнетъ, часть обратится въ землю, изъ земли выростетъ трава, а этою травою будетъ кормиться другая молодая лошадка. Разсыпался камень, сталъ пескомъ; а изъ песку вышелъ вонъ тотъ холмъ, на которомъ растетъ столько сосенъ. Оврагъ высохъ, вода ушла въ воздухъ, а глядишь: потомъ опять гдѣ-нибудь упала изъ облаковъ и течетъ въ рѣчку. Такъ бываетъ въ природѣ; а и человѣкъ заботится о томъ, чтобы ничего не пропадало. Сколько сору и всякой нечистоты выбрасываютъ изъ избы, изъ домовъ въ тѣсныхъ городахъ! Соръ и нечистота, оставаясь на дворѣ, заразили-бы воздухъ, и всѣмъ извѣстно, что холера болѣе всего губила народу тамъ, гдѣ люди жили грязно. Но умный человѣкъ и то, что вредно, сумѣетъ обратить въ пользу. Помойныя ямы и вообще мѣста, гдѣ скопляется всякая гниль, засыпаютъ известью вмѣстѣ съ толченымъ углемъ: такъ онѣ не портятъ воздуха и потомъ даютъ отличное удобреніе для пашни. А затѣмъ тряпичники ходятъ въ городахъ собирать всякую дрянь: обглоданную кость, обломки желѣза, обрывки кожи, всякое негодное тряпье. Все это на фабрикахъ идетъ въ прокъ. Изъ костей и кожи вывариваютъ клей; изъ костей же добываютъ такое бѣлое, горючее вещество, называемое фосфоромъ, которое, вмѣстѣ съ сѣрою, вы найдете на кончикѣ зажигательной спички. Спичка и загорается отъ фосфора, да одинъ фосфоръ быстро сгорѣлъ-бы, не успѣвъ зажечь дерева, изъ котораго сдѣлана спичка; такъ чтобы этого не было, прибавляютъ сѣры; фосфоръ зажигаетъ горючую сѣру, а сѣра спичку. Фосфоръ похожъ цвѣтомъ на воскъ,

сѣра желтая, а кончики спички бываютъ красные, зеленые, всякіе— отъ краски, которой тутъ еще прибавляютъ. Такъ знай-же, что частица кости, которую ты глодалъ, можетъ быть, очутилась въ той самой спичкѣ, которую ты теперь разсматриваешь. Потри ея кончикъ въ темнотѣ хоть между пальцами, ты увидишь свѣтъ и на пальцахъ: это горитъ фосфоръ, добываемый изъ кости. Только смотри, не обожги руки: фосфоръ ядовитъ, и тутъ отъ обжога можетъ быть очень опасная рана. Древесная зола, какая остается въ печи, идетъ на добываніе поташа, который примѣшиваютъ къ песку, когда топятъ изъ него стекло, и къ салу, когда варятъ изъ сала мыло. Всякій ржавый гвоздь и обломки желѣза можно переплавить, и на заводѣ изъ нихъ можетъ выйдти красивый топоръ, ножикъ. Шерстяныя лохмотья тоже могутъ пригодиться: на шерстяныхъ фабрикахъ ихъ снова треплютъ, перемываютъ и опять получаютъ шерсть, изъ которой приготовляютъ платье. Если это шерсть тонкая, дорогая, то выгодно собирать такіе остатки старой одежды. А старое полотняное тряпье служитъ для приготовленія бумаги, на которой ты пишешь. Думалъ-ли ты, что твоя рубашка можетъ обратиться въ писчую бумагу? Тамъ, гдѣ народъ промышленный, идетъ въ прокъ все, что въ другомъ мѣстѣ бросаютъ. *(Изъ «Кн. для перв. чт.» Водовозова).*

55. Явленія природы должны возбуждать въ насъ какъ благодарность къ Богу, такъ и благоговѣніе предъ Нимъ.

I. По благости Божіей *замерзаніе воды* является могущественнымъ средствомъ для поддержанія жизни въ природѣ. Особенно замѣчателенъ тотъ законъ, отличающій воду отъ многихъ другихъ тѣлъ, по которому вода при своемъ замерзаніи расширяется и ледъ бываетъ легче воды. А потому вода замерзаетъ только на поверхности. Въ какомъ-либо большомъ прудѣ количество воды, превратившейся въ ледъ, оказывается весьма незначительнымъ въ сравненіи съ количествомъ воды, остающейся въ жидкомъ состояніи. Между тѣмъ ледяная кора защищаетъ находящуюся подъ ней воду отъ дальнѣйшаго охлажденія, такъ что даже въ сильные морозы вода рѣкъ и прудовъ содержитъ въ себѣ слишкомъ три градуса тепла. Пробивая ледяную кору, человѣкъ и зимой можетъ удобно доставать для себя воду. Жизнь рыбъ и другихъ тварей, обитающихъ въ водѣ, продолжается и въ холодное время года.

II. Весной и особенно лѣтомъ у насъ не рѣдко замѣчаются явленія *молніи и грома* Эти явленія много способствуютъ благорастворенію (т. е. очищенію) воздуха, но еще большее значеніе имѣютъ они для нашей души, возбуждая въ насъ спасительный страхъ и съ силой напоминая намъ о непрочности земного и о томъ, что наша земная жизнь легко можетъ прекратиться, и что продолженіе ея находится въ полной власти Господа Бога.

III. Въ теплое время года мы иногда видимъ явленіе *радуги*. Это явленіе происходитъ вслѣдствіе преломленія лучей солнца въ капляхъ дождя и отраженія отъ нихъ, причемъ солнечный свѣтъ разлагается на семь цвѣтовъ.

Красоту этого явленія такъ описываетъ Іисусъ, сынъ Сираха: «взгляни на радугу и прославь Сотворившаго ее; прекрасна она въ сіяніи своемъ! Величественнымъ кругомъ своимъ она обнимаетъ небо; руки Всевышняго распростерли ее» (Сир. 43, 12, 13). Но особенно дорого для насъ явленіе радуги, какъ напоминаніе о завѣтѣ, который послѣ всемірнаго потопа заключилъ Господь Богъ съ человѣческимъ родомъ (Быт. 9, 8—17); при семъ радуга поставлена знаменіемъ того, что «не будетъ болѣе вода потопомъ на истребленіе всякой плоти» (ст. 15).

IV. Плодородіе земли зависитъ отъ обилія *свѣта, тепла и влаги*, и равно отъ соразмѣрнаго и правильнаго теченія явленій природы. Но нерѣдко замѣчаются частыя нарушенія этой правильности. Такъ иногда лѣтніе жары дѣйствуютъ съ чрезмѣрною силой и при недостаткѣ дождей производятъ страшныя засухи; иногда обиліе дождей препятствуетъ уборкѣ хлѣба и травъ и бываетъ опустошительнымъ; иногда поздній холодъ гибельно дѣйствуетъ на растенія; иногда влага выдѣляется изъ атмосферы въ видѣ града, побивающаго засѣянныя поля; иногда появляются въ огромномъ количествѣ мелкія животныя и насѣкомыя, которыя много вредятъ хлѣбу и другимъ произрастеніямъ земли. Но значеніе всѣхъ такихъ явленій, разрушительныхъ для внѣшней жизни, ясно раскрыто намъ въ словѣ Божіемъ. По ученію его, эти явленія свидѣтельствуютъ о правосудіи и благости Божіей: потому, что съ одной стороны посылаются въ наказаніе за грѣхи людей, а съ другой служатъ средствомъ для исправленія ихъ. Пророкъ Моисей обѣщаетъ народу израильскому плодородіе земли только въ случаѣ покорности его волѣ Божіей и говоритъ: «откроетъ тебѣ Господь добрую сокровищницу Свою, небо, чтобъ оно давало дождь землѣ твоей во время свое, и чтобы благословлять всѣ дѣла рукъ твоихъ» (Втор. 28, 12); но за грѣхи и нечестіе угрожаетъ «засухою, палящимъ вѣтромъ» и другими бѣдствіями (ст. 22—24). Пророкъ Іоиль, говоря объ истребленіи плодовъ и хлѣба въ землѣ Іудейской саранчею и другими насѣкомыми, призываетъ народъ къ покаянію, и обѣщаетъ снова плодородіе и помилованіе (гл. 1 и 2). Святая Церковь не напрасно установила и общія молитвы объ изобиліи плодовъ, и особыя моленія, когда предстоитъ опасность неурожая. И опытъ древнихъ и новыхъ временъ ясно показываетъ, какъ сильны и дѣйственны бываютъ эти молитвы, приносимыя съ покаяніемъ и вѣрой.

Такъ, «милостивъ Господь, и праведенъ, и милосердъ Богъ нашъ» (Псал. 114, 5). «Праведенъ Господь во всѣхъ путяхъ Своихъ и благъ во всѣхъ дѣлахъ Своихъ» (Псал. 117, 17). И въ грозныхъ явленіяхъ природы открывается Его благость, многоразличными средствами устрояющая наше спасеніе. (*Д. Ѳ. Голубинскій*).

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

——

РОДИНА.

1. Русское государство.

I. Россія есть самое обширное изъ всѣхъ государствъ на свѣтѣ: она тянется отъ сѣвера къ югу на четыре тысячи верстъ, а отъ запада къ востоку на тринадцать тысячъ верстъ. На сѣверѣ земли русскія примыкаютъ къ Ледовитому океану, на западѣ — къ Балтійскому морю, а на югѣ къ Черному и Каспійскому морямъ. Ледовитый океанъ далеко вдается въ землю и образуетъ заливъ, называемый Бѣлымъ моремъ. Балтійское море образуетъ три залива: Рижскій, Финскій и Ботническій, а Черное море — одинъ заливъ, называемый Азовскимъ моремъ.

Отъ Ледовитаго океана къ Каспійскому морю тянутся Уральскія горы, которыя дѣлятъ Россію на двѣ неравныя части: большая часть Россіи лежитъ къ востоку отъ Уральскихъ горъ, въ Азіи, и называется Сибирью; меньшая же часть Россіи, по сю сторону Уральскихъ горъ, называется Европейской Россіею. Между Чернымъ и Каспійскимъ морями находятся Кавказскія горы; внутри Россіи лежатъ невысокія Валдайскія горы, которыя замѣчательны тѣмъ, что съ нихъ текутъ самыя большія рѣки Россіи.

Не мало скопилось воды и внутри Россіи; въ ней есть озера, которыя тянутся въ длину на сотни верстъ, а рѣки прорѣзываютъ ее по всѣмъ направленіямъ. Изъ рѣкъ особенно замѣчательны: Сѣверная Двина, Нева, Западная Двина, Нѣманъ, Висла, Днѣпръ, Донъ, Волга съ притоками Окой и Камой и Уралъ.

II. Какъ обширно наше отечество, такъ разнообразна и его природа. На крайнемъ сѣверѣ большую часть года свирѣпствуетъ зима, а на югѣ въ иныхъ мѣстахъ зимы почти совсѣмъ не бываетъ. На сѣверѣ растетъ одинъ только мохъ, а на югѣ растутъ самыя разнообразныя деревья, которыя круглый годъ покрыты зеленью. Однѣ мѣстности сплошь покрыты дремучими лѣсами, а въ другихъ мѣстахъ нѣтъ ни одного деревца. Въ Россіи есть плодородныя черноземныя мѣстности, но есть и безплодныя, песчаныя пустыни, которыя тянутся на сотни верстъ.

КАРТА
ЕВРОПЕЙСКОЙ
РОССИИ
НОВ. ЗЕМЛЯ
ЛЕДОВИТОЕ МОРЕ
ЛАПЛАНДІЯ
ШВЕЦІЯ
БѢЛОЕ МОРЕ
р. Печора
Горы Уральскія
СИБИРЬ
АРХАНГЕЛЬСКЪ
р. Онега
р. С. Двина
ФИНЛЯНДІЯ
БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ
ПЕТРОЗАВОДСКЪ
Оз. Онежское
Оз. Ладожское
р. Свирь
Зал. Финскій
Бѣлоозеро
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ВОЛОГДА
Оз. Чудское
Оз. Ильмень
р. Волховъ
НОВГОРОДЪ
р. Шексна
Рыбинскъ
КОСТРОМА
ВЯТКА
ПЕРМЬ
р. Вятка
РИГА
ПСКОВЪ
ТВЕРЬ
ЯРОСЛАВЛЬ
р. Волга
р. Кама
КАЗАНЬ
ВЛАДИМІРЪ
НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ
УФА
р. Бѣлая
р. Зап. Двина
р. Ловать
р. Каспля
р. Нѣманъ
КОВНО
ВИЛЬНО
СМОЛЕНСКЪ
МОСКВА
р. Ока
СИМБИРСКЪ
ПРУССІЯ
р. Висла
ГРОДНО
МИНСКЪ
КАЛУГА
РЯЗАНЬ
ТУЛА
Сызрань
САМАРА
ОРЕНБУРГЪ
ВАРШАВА
МОГИЛЕВЪ
ОРЕЛЪ
ПЕНЗА
р. Припеть
ТАМБОВЪ
ЧЕРНИГОВЪ
КУРСКЪ
ВОРОНЕЖЪ
УРАЛЬСКЪ
САРАТОВЪ
р. Десна
КІЕВЪ
р. Урал
АВСТРІЯ
ЖИТОМИРЪ
р. Днѣпръ
ПОЛТАВА
ХАРЬКОВЪ
К. ПОДОЛЬСКЪ
Калачъ
Царицынъ
р. Прутъ
ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ
НОВОЧЕРКАССКЪ
р. Донъ
РУМЫНІЯ
КИШИНЕВЪ
ХЕРСОНЪ
ОДЕССА
Ростовъ
АСТРАХАНЬ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
КРЫМЪ
р. Кубань
СТАВРОПОЛЬ
р. Дунай
СИМФЕРОПОЛЬ
Севастополь
р. Терекъ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Кавказскія горы
Потио
Батумъ
ТИФЛИСЪ
БАКУ
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
р. Кура
АЗІАТСКАЯ ТУРЦІЯ
р. Араксъ
Г. Араратъ
ПЕРСІЯ

Для удобства управленія вся Россія раздѣлена на губерніи и области; губерніи раздѣлены на уѣзды, а уѣзды на волости. Въ каждой губерніи находится по нѣскольку городовъ, изъ которыхъ одинъ называется губернскимъ, а другіе уѣздными. Въ губернскомъ городѣ сосредоточено управленіе губерніею, а въ уѣздномъ—управленіе уѣздомъ. Городъ, въ которомъ живетъ Государь Императоръ и сосредоточено управленіе всѣмъ государствомъ, называется столицею; столичныхъ городовъ въ Россіи два: Петербургъ и Москва. Въ Россіи насчитывается до ста губерній и областей, до ста различныхъ народовъ, въ ней живетъ болѣе ста милліоновъ людей. Всѣ эти губерніи и области, всѣ эти народы, всѣ эти милліоны людей повинуются одному Государю—Православному Русскому Царю.

2. Русская земля.

I. Сѣверный край Россіи.

1. По всей длинѣ своей, съ сѣвера, Россія прилегаетъ къ громадному океану, который называется Ледовитымъ, потому что покрытъ нетающими льдами. Въ этомъ заключается самое большое несчастье русскихъ. Цѣлую вѣчность, отъ сотворенія міра, бродятъ льды въ океанѣ съ мѣста на мѣсто. На мелкихъ мѣстахъ набивается ихъ столько, что они кажутся волшебными замками бѣлаго, какъ мѣлъ, или сѣраго цвѣта. На глубокихъ мѣстахъ льды громоздятъ цѣлыя высокія горы. Крѣпкіе, устойчивые и продолжительные вѣтры приносятъ ледяныя горы раннею осенью, на всю зиму, къ Россіи. Здѣсь онѣ уже находятъ намерзшій у береговъ молодой ледъ, такъ называемые припаи, толщиною до двухъ саженъ. Выходя изъ чудовищнаго громаднаго ледника и проходя по неоглянымъ ледянымъ полямъ, океанскіе вѣтры приносятъ на берега необычайное количество стужи. Стужи этой хватаетъ на большую половину Россіи; хватило бы ея и на все наше отечество, если бы холодъ вѣтровъ, въ теченіи ихъ, не удерживали попутныя горы, не умѣряли громадные лѣса, не смягчали теплые пары воздѣланныхъ земель, и если бы не осиливало ихъ встрѣчное теченіе южныхъ (теплыхъ) вѣтровъ.

Лѣтомъ прибрежные припаи и океанскіе льды уйдутъ частью въ даль, частью растаютъ на солнечныхъ лучахъ: океанъ у береговъ сдѣлается открытымъ и чистымъ; океанская вода отъ солнечнаго жара начнетъ испаряться, сдавать туманами. Туманы до того густы, что застилаютъ свѣтъ Божій и въ теченіе всѣхъ трехъ-четырехъ мѣсяцевъ затрудняютъ плаваніе, и столь часты и насыщены влагой, что влаги этой достаточно для образованія громады облаковъ. Облака покрываютъ сѣверное русское небо въ такомъ обиліи, что дожди весной и осенью и большую половину лѣта льютъ почти безпрерывно.

Частымъ дождямъ и глубокимъ снѣгамъ удалось превратить землю въ рыхлыя, мокрыя, неоглядныя и глубокія трясины и болота.

Въ этомъ второе несчастье нашего отечества отъ сосѣдства его съ Ледовитымъ океаномъ и съ тѣми частями его, которыя, въ видѣ морей и губъ (заливовъ), врѣзались въ твердую землю. Таковы моря: Бѣлое и Карское, губы: Обская, Енисейская, Ленская и другія.

Итакъ—весь сѣверный берегъ Россіи примыкаетъ къ студеному океану. Если мы придемъ на его берега и вглядимся въ нихъ, то на первыхъ же шагахъ у самой воды натолкнемся на мертвый, голый и холодный камень—гранитъ. Въ гранитные камни эти, какъ въ рамку или оправу, закованы всѣ берега океана на всемъ безпредѣльномъ протяженіи своемъ во всю длину Россіи. Вездѣ, на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя обращены прямо къ морю и сѣверу, холодные вѣтры изнобили всякую растительность, вывѣтрили даже самый гранитъ. Вѣтры разбиваютъ его на мелкіе камни, разсыпаютъ эти камни въ мелкій песокъ, и песокъ смываетъ вода или уносятъ тѣ же вѣтры прочь съ берега. Прозябанію здѣсь негдѣ быть, не за что уцѣпиться; а если и появляется оно отъ животворныхъ лучей лѣтняго солнца, то укрѣпляетъ корни подъ водою, растетъ въ водѣ, и потому называется водорослями. Самый берегъ мертвъ и пустыненъ. Бьютъ въ него вѣчно-холодныя волны, вздымаемыя морскими вѣтрами до пяти саженъ высотою. Обмываютъ каменныя твердыни, гранитныя громады и песчаные пустыри приливы и отливы воды, которая два раза въ сутки прибываетъ и два раза отливаетъ назадъ. Въ теченіе шести часовъ лѣзетъ море на берегъ и, дойдя до извѣстной границы, въ высоту иногда до 8 саженъ, начинаетъ отходить въ продолженіе слѣдующихъ шести часовъ. На самое короткое время вода остается неподвижною на той поверхности, которая всегда ниже всѣхъ мѣстъ на землѣ, даже дна самыхъ глубокихъ овраговъ. И снова вода пойдетъ прибывать, снова начнется на шесть часовъ приливъ,—и такъ вѣчно и непрерывно.

2. Изъ морской глубины выйдемъ на берегъ и оглядимся.

На берегу лѣто. Живительное солнышко не сходитъ съ неба въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ: съ конца мая почти до конца іюля. На берегахъ Ледовитаго океана на мѣсто десятимѣсячной зимы стоитъ девятинедѣльное красное лѣто. Снѣгъ подъ лучами солнца исчезъ; его нѣтъ даже и въ тѣнистыхъ мѣстахъ, гдѣ онъ вообще любитъ залеживаться. Кажутъ сѣрымъ, мертвымъ цвѣтомъ гранитныя массы подлѣ воды, и глядитъ голыцомъ весь тотъ берегъ, который обращенъ къ сѣверу и подверженъ вѣянію холодныхъ и зимнихъ вѣтровъ. Но мы видимъ и такія мѣста, ложбинки, лощины, такія углубленія, которыхъ морскіе вѣтры продувать не могутъ: они дуютъ только поверхъ ихъ. Въ углубленіяхъ этихъ мы разглядимъ прозябаніе и не ошибемся: вездѣ тамъ, гдѣ чуть успѣла прилѣпиться и улежаться хоть горсточка земли, вездѣ тамъ солнышко и теплота его сумѣли сдѣлать свое дѣло, т. е. завязали растеніе. Сѣлъ желтоватый мохъ, распластался сѣрый лишай, или ягиль. Подлѣ нихъ пустила корешокъ морошка, разбросала цѣпкія вѣтки и усики ягода вороница. Обѣ дали плодъ, т. е. ягоду, и

бѣ не проросли корнями всю землю, хоть и земли этой всего только горсточка, но подъ ней всегда лежитъ холодный камень.

Только тамъ, гдѣ земля ушла дальше отъ океана и гдѣ попадаются на ней склоны къ югу и на теплые вѣтры, выростаетъ терпѣливый можжевельникъ и цѣпко лѣпится книзу, къ землѣ. Еще дальше—растетъ и березка, но такая несчастная и сиротливая, что съ трудомъ признаютъ ее за березу и называютъ сланкой за то, что нейдетъ она вверхъ, а стелется по землѣ. Выше аршина не поднимаются отъ земли эти три сорта деревьевъ, только три сорта. Больше и неспособна произ-ращать и держать на себѣ эта земля, насквозь пропитанная водой, разсыпчатая, распластанная на каменномъ подножіи; это бураго цвѣта *тундра*. Тундра, лѣтомъ и на солнечной жарѣ успѣваетъ оттаивать только на полъ-аршина и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кое-гдѣ и кое-когда покрывается кой-какими цвѣтами. И эта жалкая, ни къ чему непригодная земля, эта мертвая тундра съ кустарниками, но безъ лѣса, съ растеніями, но безъ зелени, устилаетъ весь сѣверъ Россіи, верстъ на 500 отъ океана и тысячъ на пятнадцать верстъ во всю длину отечества нашего. Тундра тянется и дальше, входитъ въ лѣса, и тамъ имѣетъ видъ зыбуновъ и трясинъ и всѣмъ извѣстна подъ общимъ именемъ болотъ. Болота и топи далеко и обильно распространились по русской землѣ.

Въ тундрѣ постоянно можетъ жить одинъ только олень, и то потому, что онъ ничего больше не ѣстъ кромѣ ягиля и одаренъ такимъ чутьемъ, что слышитъ его и зимою, на аршинъ подъ снѣгомъ, и добирается до него, разбивая копытомъ ледяной черепъ. Разрывши снѣгъ въ одномъ мѣстѣ и съѣдая тутъ весь мохъ, олень идетъ дальше, туда, гдѣ мохъ не початъ. Такимъ образомъ олень постоянно кочуетъ, а съ нимъ и за нимъ и человѣкъ, который пристроилъ жизнь свою къ оленьимъ стадамъ и устроилъ ее такъ, что безъ этихъ животныхъ и жить не можетъ. Тамъ, гдѣ по тундрѣ разстилаются сухія пространства, являются и оленьи стада, а съ ними и человѣкъ; а тамъ, гдѣ пространство сухое защищено скалой или пригоркомъ, человѣкъ ладитъ свое утлое жилище. Лопари строятъ вѣжи, самоѣды—чумы, остяки, тунгусы, чукчи и алеуты—юрты *). И тѣ и другія жилища народы эти разбираютъ такъ же скоро, какъ и становятъ, и везутъ ихъ на иныя, новыя мѣста, какія укажутъ имъ тѣ же олени. Здѣсь не животное покоряется человѣку, а человѣкъ повинуется животному. Отъ оленя эти народы получаютъ все, что имъ нужно: и пищу, и одежду; на оленяхъ же кочуютъ они съ мѣста на мѣсто. Лѣтомъ, когда оттаетъ тундра и ее окружитъ безчисленное множество комаровъ и оводовъ, не рѣдко доводящихъ человѣка до изнеможенія и смерти, олень бѣжитъ спасаться въ воду, чаще на берегъ моря. Тамъ стоитъ онъ въ водѣ по самую шею въ то время, когда хозяева его обложи-

*) Вѣжи, чумы и юрты—родъ шалашей.

лись кругомъ хворостомъ, зажгли его и сидятъ окруженные густымъ, чернымъ дымомъ. Въ такую пустыню человѣкъ могъ зайти случайно и остался въ ней потому, что природа наградила его способностью привыкнуть и поселиться даже и тамъ, гдѣ ни одно животное не выдерживаетъ, и потому еще, что на тундрѣ, кромѣ оленя, существуютъ разныя приманки. Роетъ себѣ норы бѣлый песецъ—лакомый кусъ дикарей—съ теплымъ, густымъ мѣхомъ; играетъ на снѣгу маленькій серебристый горностай; рыщетъ голодный волкъ и хищная рысь. Лѣтомъ же прилетаютъ сюда изъ дальнихъ странъ безчисленныя стаи перелетныхъ птицъ: первою—дикій бѣлый лебедь, потомъ—четырехъ родовъ гуси, гага, гагары, каменная куропатка, а долгохвостая савка даже зимуетъ здѣсь. На неизмѣримыхъ болотахъ, на морскомъ берегу и въ самомъ морѣ, на берегахъ рѣкъ и на лѣсныхъ опушкахъ онѣ находятъ себѣ пищу. Въ то же время въ совершенной тишинѣ и безопасности онѣ могутъ устроивать и гнѣзда. Въ концѣ лѣта и осенью онѣ летятъ чрезъ всю Русь на югъ, на тихія и теплыя воды дальнихъ морей. Къ зимѣ и лосось и осетръ изъ рѣкъ уходятъ въ море, и олень бѣжитъ въ лѣсъ. Не зачѣмъ тутъ оставаться и человѣку.

II. Умѣренный край Россіи.

Умѣренными странами почитаются именно тѣ, въ которыхъ лѣса значительно расчищены и земля сильно воздѣлана; но лѣса не всѣ вырублены, они еще полезны своимъ добрымъ сосѣдствомъ, т. е. умѣряютъ вредное вліяніе вѣтровъ и дѣлаютъ воздухъ здоровымъ; они привлекаютъ къ себѣ облака для того только, чтобы они могли давать дожди и влагу, нужныя для орошенія жатвы, освѣжать воздухъ грозами и оживлять растительность зарницами. Обильная влага на такихъ мѣстахъ не затопляетъ полей, не заливаетъ пахоты. Листья деревьевъ днемъ поглощаютъ въ себя то, что вредно для дыханія человѣка, и разливаютъ ночью въ воздухѣ то, чѣмъ дышать здорово и полезно. Люди, живущіе на открытыхъ мѣстахъ, вблизи лѣсовъ—самые здоровые и свѣжіе люди. Листья деревьевъ принимаютъ на себя весь жаръ и пылъ солнечныхъ лучей и изсушающую силу ихъ удерживаютъ на себѣ.

Необыкновенно губительны и ужасны послѣдствія совершеннаго истребленія лѣсовъ. Вырубка ихъ ведетъ за собой то, что источники изсякаютъ, рѣки мелѣютъ съ годами, вѣтеръ засыплетъ луга пескомъ, которымъ рѣки затянутся вмѣстѣ съ иломъ; потомъ песокъ мало-по-малу станетъ высасывать воду, и рѣки начнутъ изсякать. Многія губерніи, которыя лѣтъ двѣсти—триста тому назадъ были густо и сплошь покрыты лѣсами, теперь стали такими пустырями, что народъ пошелъ изъ этихъ мѣстъ въ дальніе заработки, выдумалъ особые промыслы, потому что родная земля его сдѣлалась не хлѣбородною, безплодною отъ песковъ, и это все оттого, что отцы, дѣды и прадѣды наши не знали мѣры въ истребленіи лѣсовъ.

Лѣсъ полезно истреблять тамъ, гдѣ суровый климатъ: въ нашей Финляндіи чрезъ это сдѣлали плодородную почву, умягчили климатъ. Въ умѣренныхъ полосахъ надо вырубать лѣсъ съ осторожностью и оглядкой; надо знать мѣру; горы служатъ предѣломъ порубокъ. Въ теплыхъ полосахъ надо садить и сѣять лѣсъ, чтобы земля черноземная не перегорѣла, не превратилась бы со временемъ въ солончаки или не выветрилась бы въ песчаную, безплодную пустыню.

Но лѣса наши все-таки обширны; лѣсная область занимаетъ еще огромныя пространства. Въ лѣсныхъ губерніяхъ народъ еще не могъ сдѣлаться кореннымъ земледѣльцемъ при всѣхъ стараніяхъ и усиліяхъ. Народъ лѣсныхъ губерній—все-таки бѣденъ. Бѣдность заставляетъ его не полагаться на одну землю, а принуждаетъ искать въ помощь землѣ другихъ занятій. Вотъ почему у насъ такая охота на фабрики и вотъ почему около Москвы много фабрикъ и заводовъ. Всѣ они, и фабрики и заводы, большею частію приладились въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кончаются лѣса и еще не начинались благодарныя хлѣбородныя земли. Здѣсь служатъ подспорьемъ и рѣки (Ока, Кама и Волга), которыя потекли именно туда, куда всѣ эти товары требуются, гдѣ въ нихъ сильно нуждаются. Гдѣ не завелось фабрикъ, народъ пошелъ для заработковъ на чужую сторону: костромичи ходятъ плотниками и малярами въ столицы и большіе города, владимірцы занялись тѣмъ же и въ подспорье пустились въ извозъ, а изъ трехъ уѣздовъ (Вязниковскаго, Ковровскаго и малой части Суздальскаго) народъ пошелъ заниматься мелкой торговлей: офенями, коробейщиками, разносчиками. Для ихъ торговли у нихъ по сосѣдству съ десятокъ селъ только и дѣлаютъ, что образа пишутъ; въ другихъ селахъ только тѣмъ и занимаются, что выковываютъ ножи, ножницы, замки изъ стали, кольца, серьги, запонки, пуговицы изъ мѣди, серпы, косы, топоры и слесарскія вещи изъ желѣза. Въ однихъ мѣстахъ, напримѣръ, по Окѣ, всѣ дѣлаютъ гвозди для барокъ, въ другихъ (въ Ярославской губерніи) только удила, скребницы, подковы, стремена и весь лошадиный приборъ. Подъ Костромой въ селѣ Красномъ приготовляютъ только женскія украшенія: подвѣски, кольца, серьги и проч. Тамъ, гдѣ въ болотахъ желѣзной руды много, тамъ добываютъ ее сами, разрѣзаютъ въ прутья и перековываютъ потомъ въ гвозди, тамъ всѣ—кузнецы, какъ, напр., въ Новгородской губерніи. Гдѣ лѣса богаты пушнымъ звѣремъ, тамъ скорняки. Но всего не перечтешь.

Извѣстно, что гдѣ промыслы и ремесла, тамъ и мѣста для сбыта: тамъ народъ завелъ рынки, затѣялъ базары, установилъ ярмарки; тутъ родилась торговля, и отсюда же по всему лицу земли русской разбрелись торговые люди. Въ самыхъ дальнихъ мѣстахъ крупные купцы и мелкіе торговцы—уроженцы лѣсныхъ губерній. Эти губерніи самыя людныя, и человѣкъ, который выходитъ отсюда, самый трудолюбивый, изворотливый, смѣтливый. Мѣста эти расположились всѣ по близости къ Москвѣ, пріютились въ ея окрестностяхъ, рѣдко дальше

трехсотъ верстъ отъ нея. Бѣлокаменная столица пришлась какъ разъ въ серединѣ.

Но уже вблизи Москвы, въ двухъ уѣздахъ Московской губерніи (Рузскомъ и Волоколамскомъ) хлѣбъ, удовлетворяя жителей, остается въ избыткѣ. Промышленность тутъ становится слабѣе. Хлѣбопашество увеличивается, почитается главнымъ занятіемъ. И чѣмъ благодарнѣе становится земля дальше къ югу, тѣмъ охотнѣе отстаетъ народъ отъ побочныхъ занятій, ремесла и промысла. Они не ведутся тамъ, гдѣ земля—черноземъ, и требуетъ удобренія въ пять, а дальше въ десять лѣтъ одинъ разъ.

Такія мѣста начинаются сейчасъ за Окой, которая отдѣлила лѣсную полосу отъ черноземной. Лѣса, идущіе дальше, уже не такъ велики и красивы, и притомъ ихъ такъ не много, что безлѣсныя пространства берутъ верхъ. Но если переправиться отъ Москвы за Тулу или за Калугу, или за Рязань и направляться или на Кіевъ или на Воронежъ, лѣсовъ ужъ такъ мало, что они кажутся рѣдкостью. Тутъ, куда ни взглянешь, вездѣ встрѣчаешь неоглядныя поля, непрерывныя пашни. Чернымъ пластомъ лежитъ поднятый для пашенъ сочный черноземъ, черной пылью бросается вѣтеръ. Лѣниво бѣгутъ небогатыя водой рѣки, прорѣзаясь въ мягкой землѣ и обставляясь невысокими, обрывистыми и обсыпчивыми берегами. Ровною гладью лежатъ во всѣ стороны воздѣланныя поля и желтѣютъ спѣлыя пашни. Глазу не мѣшаютъ горы: кругомъ равнина. Горы на этихъ мѣстахъ только пригорки, холмы. Древесная растительность по большей части встрѣчается чаще въ видѣ искусственно и нарочно разведенныхъ садовъ, и притомъ сады эти фруктовые. На свѣжемъ воздухѣ, безъ большихъ усилій и безъ особеннаго труда, растутъ въ нихъ яблоки до 50-ти сортовъ, груши, бергамоты, вишни, черешня и сливы; а дальше, гдѣ давно уже земля поднимаетъ пшеницу, разводятъ даже виноградъ (на Дону, въ Малороссіи). На мѣсто огородовъ встаютъ цѣлыми полями бахчи съ дынями и арбузами; на мѣсто непроходимыхъ дремучихъ лѣсовъ являются неоглядныя травяныя степи. На мѣсто высокихъ домовъ, какими высятся и красуются лѣсныя селенія, здѣсь сначала утлыя, низенькія бревенчатыя хаты, а потомъ и вездѣ уже глиняныя мазанки. На сѣверѣ лѣсъ ни почемъ и идетъ онъ въ обиліи на изгороди и заборы, которые служатъ и за пастуха и за хозяина; на югѣ пастушество—ремесло, а топливомъ дорожатъ больше, чѣмъ въ лѣсныхъ мѣстахъ тепломъ самымъ.

Тамъ не щадятъ для топлива и дуба, и березы, у которыхъ есть лучшее, болѣе стоющее ихъ примѣненіе; здѣсь, за недостаткомъ лѣса для освѣщенія зимой вмѣсто лучины употребляютъ коноплю, вмѣсто березовыхъ дровъ пускаютъ для топлива кизякъ—животный пометъ, смѣшанный съ соломой. Земля сдѣлалась мягче. Соху смѣнилъ плугъ. Вмѣсто лошади работаетъ волъ.

За городами: тамбовскимъ Козловымъ, тульскимъ Ефремовымъ,

орловскими: Ельцомъ, Ливнами и Орломъ и губернскимъ Курскомъ черноземная полоса смѣняется той полосой, которая называется полосой пшеницы. Города эти обставились мельницами, обзавелись купечествомъ, разбогатѣли, стали рынками, стали пріемными мѣстами, складами для пшеницы. Въ городахъ этихъ приготовляется крупчатка (лучшій сортъ крупчатки — елецкая); въ нихъ свозится гужомъ (на лошадяхъ) вся та пшеница, которая выросла въ благословенной странѣ Малороссіи и назначена для Россіи. Сама Малороссія тутъ уже близко. Пшеницу везутъ малороссы-чумаки на волахъ къ пристанямъ на моряхъ Азовскомъ и Черномъ, гдѣ берутъ ее на корабли и везутъ въ иностранныя земли. И хотя полоса пшеницы меньше полосы ржи, однако нараждается ея столько, что три заморскіе города: Одесса на Черномъ морѣ, Таганрогъ на Азовскомъ и прусскій городъ Данцигъ при Балтійскомъ морѣ сдѣлались и людными, и торговыми. Всѣ три на русской пшеницѣ разбогатѣли: Одесса въ пятьдесятъ лѣтъ выросла такъ, какъ другіе города не выростаютъ и въ пятьсотъ лѣтъ.

Пристани по Волгѣ, куда свозятъ изъ ближнихъ мѣстъ пшеницу для отправленія ея на судахъ по водѣ до Петербурга, выросли такими богатырями, что Самара сдѣлалась однимъ изъ богатыхъ губернскихъ городовъ и растетъ не по днямъ, а по часамъ; въ Царицынѣ понадобилась желѣзная дорога до Дона; городъ Волочокъ (Тверской губ.) кажетъ лучше многихъ губернскихъ; село Балаково глядитъ красивымъ городомъ; село Лысково во сто разъ богаче и краше своего начальника—горемычнаго уѣзднаго городишка Макарьева въ Нижегородской губерніи. Также разбогатѣлъ и украсился Моршанскъ, городъ Тамбовской губерніи, въ которомъ мельница на Мокшѣ рѣкѣ о 23-хъ поставахъ, больше и лучше всѣхъ мельницъ въ Россіи; она перемалываетъ до тысячи четвертей въ сутки, и выстроена каменною двухъ-этажною.

III. Южный край Россіи.

Благодатная хлѣбная сторона идетъ въ ширину отъ Оки до травяныхъ новороссійскихъ степей, а въ длину отъ малороссійской границы до иностранныхъ земель: Австріи и Турціи. Въ Малороссіи лучшія мѣста располагаются по берегамъ трехъ большихъ рѣкъ: Буга, Днѣстра и Днѣпра, съ притоками ихъ и перерѣзаютъ травяныя степи. Потомъ, останавливаясь на песчаныхъ пустыняхъ подлѣ Азовскаго моря, огромнымъ клиномъ—большимъ полуостровомъ—о бокъ Азовскаго моря врѣзаются черезъ Перекопъ въ Черное море. Это Крымъ, самый цвѣтущій, самый благодатный край во всей Россіи, гдѣ Севастополь—самая большая бухта (защищенное и лучшее мѣсто для стоянки кораблей) изо всѣхъ бухтъ въ цѣлой Европѣ; здѣсь же и Южный берегъ съ очаровательными садами, превосходнымъ и цѣлебнымъ климатомъ, нашъ единственный русскій рай земной.

Къ Черному морю идетъ наклономъ вся та часть Россіи, которая справедливо почитается хлѣбородною; сначала холмистая и нерѣдко

покрытая лѣсами, черноземная; отъ рѣки Оки до границъ Малороссійскихъ губерній идетъ страна, съ избыткомъ воздѣлывающая ленъ и коноплю; за этой страной потянулась ровная, гладкая, благословенная равнина Малороссіи, сплошь засѣянная пшеницей и въ лучшихъ мѣстахъ кукурузой, или такъ называемой турецкой пшеницей. Малороссійская хлѣбная степь соединилась съ настоящею травяною степью или равнинами, на которыхъ растетъ только трава; здѣсь совсѣмъ уже нѣтъ лѣса и очень мало воды.

Степи травяныя, называемыя новороссійскими, примкнули къ Черному морю; нѣкогда онѣ служили соблазномъ для кочевыхъ народовъ, которые валились сюда изъ дальней Азіи съ большими стадами домашняго скота, питались ихъ молокомъ и мясомъ и одѣвались въ ихъ шкуры. Къ нимъ придвигались другіе народы, сгоняли ихъ съ насиженныхъ мѣстъ и въ свою очередь были сгоняемы новыми народами, которые прикочевывали сюда изъ внутреннихъ азіатскихъ степей. Сюда же, впослѣдствіи, уходили вольные русскіе люди; здѣсь завелось казачество. Когда весь край, около ста лѣтъ тому назадъ, завоеванъ былъ отъ турокъ, вмѣстѣ съ Крымомъ (при Екатеринѣ Второй), стали выселяться въ него русскіе люди изо всѣхъ тѣхъ черноземныхъ мѣстъ, гдѣ отъ накопленія народа стало жить тѣсно. Скоро всѣ благодатныя мѣста Новороссійскаго края населились осѣдлымъ народомъ; кочевники скоро исчезли, превратившись въ пахарей. Завелись большіе города, а съ ними явилась надежда и на то, что дикія степи сдѣлаются такими же воздѣланными странами, каковы Малороссія и подстепье. Отъ прежняго кочеваго быта осталось теперь только то, что степныя травы по прежнему воспитываютъ отличныя породы рогатаго скота. Изъ нихъ трудолюбивый, терпѣливый и необыкновенно сильный волъ является главнымъ товарищемъ и неоцѣненнымъ помощникомъ человѣка на лугахъ и пашняхъ; изъ своей шкуры на старости онъ даетъ сыромятную кожу, въ молодости — опоекъ, изъ костей—клей и уголь, которымъ очищаютъ сахаръ-рафинадъ. Въ сѣверныхъ странахъ волъ худо ведется; въ южныхъ онъ составляетъ выгодный предметъ торговли. Отработавъ полевую службу, волъ идетъ на мясо. Стада воловъ, подъ именемъ черкасскаго скота, гонятъ гуртами все отсюда: изъ степей малороссійскихъ и новороссійскихъ. Вмѣстѣ съ воломъ разводится тамъ же баранъ, ростъ и тучность котораго человѣкъ, при пособіи степи, успѣлъ увеличить искусствомъ своимъ и умѣньемъ. Онъ же довелъ овечью шерсть до высокой доброты и необыкновеннаго разнообразія. Ткани изъ овечьей шерсти удовлетворяютъ различнымъ потребностямъ людей; сало идетъ на свѣчи, шкура даетъ сафьянъ, изъ мѣха въ сѣверныхъ холодныхъ мѣстахъ шьютъ зимнюю одежду. Овцеводство въ травяныхъ степяхъ— самый важный и самый главный промыселъ. Сверхъ того, наши степи воспитываютъ многочисленные табуны лошадей, и Россія владѣетъ лучшими породами этихъ животныхъ, для которыхъ и ярмарки уста-

новились по близости степныхъ мѣстъ. Между ними тамбовскій городъ Лебедянь и губернскій Курскъ съ коренною ярмаркою пользуются большою извѣстностью. Въ степяхъ у кочевниковъ кобыла даетъ молоко, изъ котораго татары, киргизы и калмыки приготовляютъ цѣлебный и здоровый напитокъ, извѣстный всюду подъ именемъ «кумыса».

(С. Максимовъ).

IV. Кавказскій край.

1. Начиная съ границъ Саратовской губерніи и Земли Войска Донского до окрестностей главнаго Кавказскаго хребта край представляетъ равнину. Равнина эта раздѣляется на двѣ полосы. Первая полоса начинается съ сѣверныхъ границъ и идетъ къ югу до рѣкъ Кубани, Лабы, Малки и Терека, простираясь по теченію ихъ до береговъ морей. Все это огромное пространство представляетъ степь. Лѣсу здѣсь нѣтъ, да и воды очень мало. Вслѣдствіе отсутствія лѣсовъ и недостатка водъ дожди здѣсь рѣдки. Почва земли, состоящая изъ глинистаго легкаго чернозема, суха, тверда, но плодородна, и при дождяхъ даетъ хлѣбъ и травы въ изобиліи. Зима здѣсь бываетъ съ вьюгами и метелями, санный путь держится съ декабря до начала марта; лѣто знойно и постоянно. По ручьямъ и рѣчкамъ разсѣяно рѣдкое населеніе края. У сѣверныхъ границъ кочуютъ калмыки съ своими стадами овецъ, рогатаго скота и табунами тощихъ лошадей; осѣдлые жители состоятъ изъ линейныхъ казаковъ, крестьянъ собственниковъ и ногайцевъ; на востокѣ живутъ полукочевые кара-ногайцы. Промышленность находится здѣсь только на первой ступени развитія; бѣдное хлѣбопашество и бѣдное скотоводство составляютъ единственный промыселъ жителей. Вторая полоса Кавказской равнины простирается по подножію главнаго хребта, начиная съ прибрежья Чернаго моря до береговъ Каспійскаго, и представляетъ обширную долину, щедро надѣленную дарами природы. Съ горъ сбѣгаютъ въ эту долину большія рѣки и сотни малыхъ ручьевъ и рѣчекъ, освѣжающихъ теплый воздухъ. Лѣса наполнены фруктовыми деревьями, шелковицею: мѣстами встрѣчается дикій хлопчатый кустарникъ; въ садахъ, на вольномъ воздухѣ, растутъ абрикосы, персики, превосходныя груши и проч. Почва земли состоитъ преимущественно изъ глинистаго или чистаго чернозема, мѣстами только паханная, все же остальное количество состоитъ изъ нови. Отъ присутствія снѣговыхъ горъ, лѣсовъ и обильныхъ водъ дожди здѣсь часты, и всѣ роды хлѣбовъ даютъ обильнѣйшіе урожаи; травы лучшихъ сортовъ выростаютъ мѣстами въ человѣческій ростъ. Народонаселеніе этой полосы нѣсколько гуще, чѣмъ въ первой, но сравнительно съ пространствомъ оно еще очень мало. Здѣсь живутъ линейные казаки, армяне, грузины, чеченцы, осетины, кабардинцы, абазинцы, ногайцы и проч. Третья полоса этого края занята Кавказскимъ хребтомъ. Въ горахъ на каждомъ шагу другой климатъ, другая природа и другое населе-

ніе. Горный промыселъ въ этомъ краѣ мало развитъ: достаютъ соль и каменный уголь. Но въ цѣломъ мірѣ нѣтъ страны богаче нефтью[1]), какъ предгорья Кавказа. На вершинахъ горъ растетъ сосна, ель, лиственница; ниже ихъ дубъ, чинаръ, тополь, орѣшникъ; въ долинахъ фруктовыя деревья и плодовые кустарники, мѣстами встрѣчается дикій виноградникъ, хлопчатое и оливковое дерево. Въ лѣсахъ живутъ въ большомъ количествѣ волки, шакалы, лисицы, медвѣди, бѣлки, выдры, куницы, олени, дикія козы, кабаны и зайцы. Барсы и гіены часто посѣщаютъ горы, и нерѣдко въ долинахъ является съ береговъ Аракса огромный царскій тигръ. Всякаго рода дичь находится въ камышахъ, по устьямъ Кубани, Кумы и Терека.

2. Обитатели Кавказа дѣлятся на линейныхъ казаковъ, горцевъ и жителей Закавказья. Все народонаселеніе Кавказа, какъ русское, такъ и туземное, состоитъ изъ народа замѣчательно способнаго и добраго. По малому числу городовъ на линіи и отсутствію мануфактурныхъ товаровъ, казакъ долженъ изготовить для себя все самъ: и борону, и соху, и телѣгу, и холстину, и кожу; даже оружіе, кинжалъ, шашку и ружье онъ дѣлаетъ самъ. И надобно прибавить, что все, сдѣланное казакомъ, очень хорошо, по крайней мѣрѣ, прочно, чисто, исправно. Натура горца богата и полна; горецъ изященъ въ своей черкескѣ, въ косматой шапкѣ и буркѣ; манеры его просты и часто безупречны. Многія издѣлія горцевъ отличаются изяществомъ вкуса; превосходная работа галуновъ, выдѣлка сафьяна и кожи, конская сбруя и разныя украшенія на оружіи, все это дѣлается со вкусомъ и стараніемъ не изъ расчета, не на продажу, но для удовлетворенія своего вкуса. Замѣчательные города на Кавказѣ: Тифлисъ, мѣстопребываніе главноначальствующаго на Кавказѣ и средоточіе торговли Закавказья, и Баку, съ многочисленными заводами, выдѣлывающими керосинъ. (*Изъ кн. «Товарищъ» Д. Попова, годъ третій*).

V. Сибирь.

1. Сибирь дѣлится на Восточную и Западную. Въ Западной Сибири мѣстность по большей части низменная и ровная, Восточная же Сибирь почти вся наполнена отрогами горъ и высотами. По природѣ своей и климату Сибирь представляетъ тундры, тайги и степи.

По всему побережью Ледовитаго океана болѣе или менѣе узкой полосой тянется безконечная, пустынная, однообразная и безлѣсная тундра, покрытая лѣтомъ желтоватыми мхами и сѣрыми лишаями, и недоступная для человѣка во время девятимѣсячной зимы по страшнымъ морозамъ, вьюгамъ и метелямъ. Съ наступленіемъ весны тамъ творится своеобразная жизнь. Въ рѣки, рѣчки и озера изъ Ледовитаго океана поднимается для метанія икры въ безчисленномъ множествѣ разныхъ породъ рыба; поверхность болотъ, рѣкъ, рѣчекъ и озеръ

---

[1]) Нефть—горное масло.

чернѣетъ отъ безчисленныхъ стадъ утокъ, гусей, лебедей и чаекъ, прилетающихъ сюда на лѣто для вывода дѣтей. Идутъ сюда и рыболовъ, и звѣроловъ за богатой добычей.

2. Тайга состоитъ большею частію изъ дикаго первобытнаго лѣса. Въ иныхъ мѣстахъ онъ до того густъ, что одни дикіе звѣри въ состояніи проникнуть въ эти чащи. Лѣтомъ въ тайгѣ климатъ зноенъ и удушливъ и, при обиліи сырости и травяной растительности, способствуетъ обилію насѣкомыхъ. Отъ этого множества насѣкомыхъ звѣри тайги бѣгутъ спасаться въ тундры. Зима въ сѣверной тайгѣ очень сурова. Особенно страшна пурга, во время которой снѣгъ поднимается на воздухъ, кружится со свистомъ и стономъ, затемняетъ свѣтъ и слѣпитъ глаза. Степныя пространства Сибири покрыты богатою травяною растительностью; они представляютъ самое благопріятное условіе для скотоводства. Въ Минусинскихъ степяхъ главное занятіе жителей состоитъ изъ земледѣлія; эти степи по своему плодородію считаются житницей Сибири. Здѣсь дѣвственная почва въ изобиліи родитъ рожь, пшеницу и другіе роды зерноваго хлѣба.

По всей южной границѣ Сибири тянется полоса горъ, снѣжные хребты которыхъ даютъ начало могучимъ рѣкамъ. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ: Обь, Енисей, Лена, Амуръ. Рѣки эти многоводны и обильны рыбою. Озеро Байкалъ — самое обширное изъ прѣсноводныхъ озеръ Россіи.

Хотя 300 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ завоена Сибирь, но она до сихъ поръ крайне бѣдна народонаселеніемъ. Важнѣйшее богатство Сибири — безконечные лѣса. Они идутъ на постройки, даютъ топливо и служатъ матеріаломъ для издѣлій. Въ сѣверной и средней полосахъ Сибири по суровости климата земледѣліе невозможно. Въ южной же полосѣ свободно родятся хлѣбныя растенія и овощи. По всей Сибири сѣютъ преимущественно яровые хлѣба; озимые же хлѣба вымерзаютъ, и только на западѣ Сибири они даются хорошо. Прекрасные луга и степи и множество незанятыхъ земель даютъ возможность разводить жителямъ южной полосы Сибири сотнями и тысячами головъ рогатаго скота, лошадей и овецъ. Горный промыселъ весьма распространенъ въ Сибири, но онъ состоитъ главнымъ образомъ въ добываніи золота и серебра. Первобытные жители Сибири дѣлятся на бродячихъ и кочевыхъ. Бродячіе инородцы живутъ въ тундрахъ и лѣсахъ; ведутъ бродячую жизнь и занимаются звѣроловствомъ и рыболовствомъ. Кочевые инородцы живутъ въ степяхъ и занимаются скотоводствомъ. Городовъ въ Сибири пока еще очень мало. Самые большіе изъ нихъ: Тобольскъ, Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ, Чита.

3. Кромѣ Сибири Россія въ средней Азіи владѣетъ обширными землями. Земли эти занимаютъ Каспійско-Аральскую впадину съ поверхностью преимущественно плоскою, отличающеюся совершенно степнымъ характеромъ; но въ краѣ этомъ встрѣчаются и возвышен-

ности. Сѣверо-западная часть владѣній состоитъ изъ огромныхъ, пустынныхъ степей. Степи эти по качеству почвы раздѣляются на ковыльныя, солончаковыя и песчаныя. Ковыльныя степи, благодаря хорошей почвѣ, весной на сотни верстъ покрываются густою, высокою травою, а въ остальное время года онѣ по большей части бываютъ покрыты ковылемъ. Солончаковыя степи состоятъ изъ глины и мергеля, сильно пропитанныхъ солью; онѣ почти безплодны. Песчаныя степи состоятъ или изъ твердаго, или изъ сыпучаго песку; онѣ тоже почти безплодны. Въ степныхъ мѣстахъ, гдѣ растетъ трава, кочуютъ разные народы татарскаго племени. Всѣ они живутъ скотоводствомъ. Нѣтъ ни одного киргизскаго семейства, которое не имѣло бы нѣсколько десятковъ овецъ; у зажиточныхъ онѣ считаются сотнями, а у богатыхъ тысячами. Не мало вниманія кочевники обращаютъ на разведеніе лошадей и верблюдовъ; есть киргизы, у которыхъ имѣются табуны лошадей въ нѣсколько тысячъ головъ. Рогатый скотъ можно встрѣтить только у осѣдлаго населенія края и у киргизовъ-хлѣбопашцевъ, которые содержатъ по преимуществу быковъ для обработки полей. Въ юго-западной части средне-азіятскихъ владѣній почва по большей части плодородна и есть значительныя рѣки. Жители этой мѣстности ведутъ жизнь осѣдлую, занимаются земледѣліемъ, шелководствомъ и разными промыслами. Въ средне-азіятскихъ владѣніяхъ находится нѣсколько торговыхъ и промышленныхъ городовъ. Замѣчательные изъ нихъ: Уральскъ, Омскъ, Ташкентъ, Самаркандъ, Туркестанъ. *(Оттуда-же).*

3. Русская земля.

По обѣимъ сторонамъ столбового пути вновь пошли писать версты, станціонные смотрителя, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ, пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за восемьсотъ верстъ, городишки, выстроенные живьемъ, съ деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы [1]), чинимые мосты, поля неоглядныя и по ту сторону и по другую, помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: „такой-то артиллерійской батареи", зеленыя, желтыя и свѣже-разрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ, затянутая вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны, какъ мухи, и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу [2]): бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства, города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы,

1) Шлагбаумъ—перекладина на заставахъ, поднимающаяся и опускающаяся.

2) Поэтъ писалъ эти строки, находясь заграницей, вдали отъ Россіи.

картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, спутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто—пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся во всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ, и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и за чѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей, неестественной властью освѣтились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!..

(*Н. Гоголь*).

4. Степь.

1. Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда [1]) весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря, было зеленою дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній. Одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничто въ природѣ не могло быть лучше ихъ! Вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубые, синіе и лиловые волошки [2]); желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ откуда, колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ

[1]) Лѣтъ двѣсти тому назадъ.
[2]) Волошки—васильки.

неподвижно стояли цѣлою тучею ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался Богъ знаетъ въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою. Вонъ она перевернулась крылами и блеснула предъ солнцемъ.

2. Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась. Все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру [1]), и вся степь курилась благовоніемъ. По небу, изголубо-темному, какъ будто исполинскою кистью наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался къ щекамъ. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и смѣнялась другою. Пестрыя овражки [2]) выползывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлегъ, раскладывали огонь и становили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ [3]); паръ отдѣлялся и косвенно дымился на воздухѣ. Поужинавъ, казаки ложились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свиткахъ [4]). На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву; весь ихъ трескъ, свистъ, стрекотанье,—все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ и доходило до слуха гармоническимъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ подымался и вставалъ на время, то ему представлялась степь усѣянною блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухого тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу. *(Н. Гоголь).*

5. Рѣка Уралъ.

Яикъ, по указу Екатерины II переименованный въ *Уралъ*, выходитъ изъ горъ, давшихъ ему нынѣшнее его названіе; течетъ къ югу вдоль ихъ цѣпи, до того мѣста, гдѣ нѣкогда положено было осно-

---

1) Амбра—благовонное вещество.

2) Овражка—маленькій звѣрокъ, родъ пестро-сѣренькаго хомячка.

3) Кулишъ—похлебка изъ воды, муки и сала.

4) Свитка—родъ полукафтанья.

ваніе Оренбургу, и гдѣ теперь находится Орская крѣпость; тутъ, раздѣливъ каменистый хребетъ ихъ, поворачиваетъ на западъ, а потомъ близъ города Уральска на югъ, и протекши болѣе двухъ тысячъ пятисотъ верстъ, впадаетъ въ Каспійское море.

Онъ орошаетъ часть Башкиріи, составляетъ почти всю юго-восточную границу Оренбургской губерніи; справа примыкаютъ къ нему заволжскія степи; слѣва простираются печальныя пустыни, гдѣ кочуютъ орды дикихъ племенъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ киргизъ-кайсаковъ.

Его теченіе быстро; мутныя воды наполнены рыбой всякаго рода; берега большею частію глинистые, песчаные и безлѣсные, но въ мѣстахъ поемныхъ удобные для скотоводства. Близъ устья обросъ онъ высокимъ камышемъ, гдѣ кроются кабаны и тигры.

На сей рѣкѣ въ XV столѣтіи явились донскіе казаки, разъѣзжавшіе по Хвалынскому морю [1]) Они зимовали на ея берегахъ, въ то время еще покрытыхъ лѣсомъ и безопасныхъ по своему уединенію; весною снова пускались въ море, разбойничали до глубокой осени и къ зимѣ возвращались на Яикъ. (*А. Пушкинъ*).

6. Пятигорскъ.

Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынче въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ палисадникѣ. Вѣтви цвѣтущихъ черешенъ смотрятъ мнѣ въ окно, и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный. На западъ пятиглавый Бэшту синѣетъ, какъ «послѣдняя туча разсѣянной бури»; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона. На востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мною пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа,—а тамъ, дальше, амфитеатромъ [2]) громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка! солнце ярко, небо сине—чего бы, кажется, больше? зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?... Однако пора. Пойду къ Елизаветинскому источнику: тамъ, говорятъ, утромъ собирается все водяное общество. (*Лермонтовъ*).

---

[1]) Хвалынское море—Каспійское море.

[2]) Амфитеатромъ громоздятся—постепенно возвышаются одна гора надъ другою.

7. Кавказская дорога.

I. Чай былъ выпитъ; давно запряженные кони продрогли на снѣгу; мѣсяцъ блѣднѣлъ на западѣ и готовъ ужъ былъ погрузиться въ черныя свои тучи, висѣвшія на дальнихъ вершинахъ, какъ клочки разодраннаго занавѣса. Мы вышли изъ сакли. Вопреки предсказанію моего спутника, погода прояснилась и обѣщала намъ тихое утро; хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ, и одна за другою гасли по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутыя отлогости горъ, покрытыя дѣвственными снѣгами. Направо и налѣво чернѣли мрачныя, таинственныя пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, какъ змѣи, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто чувствуя и пугаясь приближенія дня.

Тихо было все на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы; только изрѣдка набѣгалъ прохладный вѣтеръ съ востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеемъ. Мы тронулись въ путь; съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извилистой дорогѣ на Гутъ-гору. Мы шли пѣшкомъ, сзади подкладывая камни подъ колеса, когда лошади выбивались изъ силъ; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все поднималась и наконецъ пропадала въ облакѣ, которое еще съ вечера отдыхало на вершинѣ Гутъ-горы, какъ коршунъ, ожидающій добычу; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими; воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать; кровь поминутно приливала въ голову, но, со всѣмъ тѣмъ, какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ. Тотъ, кому случалось, какъ мнѣ, бродить по горамъ пустыннымъ и долго, долго всматриваться въ ихъ причудливые образы, и жадно глотать животворящій воздухъ, разлитый въ ихъ ущельяхъ, тотъ, конечно, пойметъ мое желаніе передать, разсказать, нарисовать эти волшебныя картины.

II. Вотъ, наконецъ, мы взобрались на Гутъ-гору, остановились и оглянулись: на ней висѣло сѣрое облако, и его холодное дыханіе грозило близкой бурею; но на востокѣ все было такъ ясно и золотисто, что мы, т.е. я и штабсъ-капитанъ, совершенно о немъ забыли... Да, и штабсъ-капитанъ: въ сердцахъ простыхъ чувство красоты и величія природы сильнѣе, живѣе во сто кратъ, чѣмъ въ насъ, восторженныхъ разсказчикахъ на словахъ и на бумагѣ.

— Вы, я думаю, привыкли къ этимъ великолѣпнымъ картинамъ? сказалъ я ему.

— Да-съ, и къ свисту пули можно привыкнуть, т. е. привыкнуть скрывать невольное біеніе сердца.

— Я слышалъ, напротивъ, что для иныхъ старыхъ воиновъ эта музыка даже пріятна?

— Разумѣется, если хотите, она пріятна; только все же потому, что сердце бьется сильнѣе. „Посмотрите", прибавилъ онъ, указывая на востокъ: „что за край!"

И точно, такую панораму врядъ ли гдѣ еще удастся мнѣ видѣть: подъ нами тежала Койшаурская долина, пересѣкаемая Арагвой и другой рѣчкой, какъ двумя серебряными нитями; голубоватый туманъ скользилъ по ней, убѣгая въ сосѣднія тѣснины отъ теплыхъ лучей утра; направо и налѣво гребни горъ, одинъ выше другого, пересѣкались, тянулись, покрытые снѣгами, кустарникомъ; вдали тѣ же горы, но хоть бы двѣ скалы, похожія одна на другую,—и всѣ эти снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что, кажется, тутъ бы и остаться жить навѣки. Солнце чуть показалось изъ-за темно-синей горы, которую только привычный глазъ могъ бы различить отъ грозовой тучи; но надъ солнцемъ была кровавая полоса, на которую мой товарищъ обратилъ особенное вниманіе. „Я говорилъ вамъ," воскликнулъ онъ, „что нынче будетъ погода; надо торопиться, а то пожалуй она застанетъ насъ на Крестовой. Трогайтесь!" закричалъ онъ ямщикамъ.

Подложили цѣпи подъ колеса вмѣсто тормазовъ, чтобъ они не раскатывались, взяли лошадей подъ уздцы и начали спускаться; направо былъ утесъ, налѣво пропасть такая, что цѣлая деревушка осетинъ, живущихъ на днѣ ея, казалась гнѣздомъ ласточки; я содрогнулся, подумавъ, что часто здѣсь въ глухую ночь, по этой дорогѣ, гдѣ двѣ повозки не могутъ разъѣхаться, какой-нибудь курьеръ разъ десять въ годъ проѣзжаетъ, не вылѣзая изъ своего тряскаго экипажа. Одинъ изъ нашихъ извозчиковъ былъ русскій ярославскій мужикъ, другой осетинъ. Осетинъ велъ коренную подъ уздцы со всѣми возможными предосторожностями, отпрягши заранѣе уносныхъ,—а нашъ безпечный русакъ даже не слѣзъ съ облучка! Когда я ему замѣтилъ, что онъ могъ бы побезпокоиться въ пользу хотя моего чемодана, за которымъ я вовсе не желалъ лазить въ эту бездну, онъ отвѣчалъ мнѣ: „И, баринъ! Богъ дастъ не хуже ихъ доѣдемъ: вѣдь намъ не впервые"—и онъ былъ правъ: мы точно могли бы не доѣхать, однакожъ все-таки доѣхали... *(Лермонтовъ).*

8. Деревня.

I. Послѣдній день іюля мѣсяца; на тысячу верстъ кругомъ Россія—родной край.

Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на немъ—не то плыветъ, не то таетъ. Безвѣтріе, теплынь... воздухъ—молоко парное!

Жаворонки звенятъ; воркуютъ зобастые голуби; молча рѣютъ ласточки; лошади фыркаютъ и жуютъ; собаки не лаютъ и стоятъ, смирно повиливая хвостами.

И дымкомъ-то пахнетъ, и травой—и дегтемъ маленько—и ма-

ленько кожей. — Коноплянники уже вошли въ силу и пускаютъ свой тяжелый, но пріятный духъ.

II. Глубокій, но пологій оврагъ. По бокамъ въ нѣсколько рядовъ головастыя, книзу исщепленныя ракиты. По оврагу бѣжитъ ручей; на днѣ его мелкіе камешки словно дрожатъ сквозь свѣтлую рябь.— Вдали, на концѣ-краѣ земли и неба, синеватая черта большой рѣки. Вдоль оврага—по одной сторонѣ опрятные амбарчики, клѣтушки съ плотно-закрытыми дверьми; по другой сторонѣ пять—шесть сосновыхъ избъ съ тесовыми крышами. Надъ каждой крышей высокій шестъ скворешницы; надъ каждымъ крылечкомъ вырѣзной желѣзный крутогривый конекъ. Неровныя стекла оконъ отливаютъ цвѣтами радуги. Кувшины съ букетами намалеваны на ставняхъ. Передъ каждой избой чинно стоитъ исправная лавочка; на завалинкахъ кошки свернулись клубочкомъ, насторожívъ прозрачныя ушки; за высокими порогами прохладно темнѣютъ сѣни.

III. Я лежу у самаго края оврага, на разостланной попонѣ; кругомъ цѣлые вороха только-что скошеннаго, до истомы душистаго сѣна. Догадливые хозяева разбросали сѣно передъ избами: пусть еще немного посохнетъ на припекѣ; а тамъ и въ сарай! То-то будетъ спать на немъ славно!

Курчавыя дѣтскія головки торчатъ изъ каждаго вороха; хохлатыя курицы ищутъ въ сѣнѣ мошекъ да букашекъ; бѣлогубый щенокъ барахтается въ спутанныхъ былинкахъ.

Русокудрые парни въ чистыхъ, низко-подпоясанныхъ рубахахъ, въ тяжелыхъ сапогахъ съ оторочкой, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телѣгу,—зубоскалятъ.

Изъ окна выглядываетъ круглолицая молодка; смѣется, не то ихъ словамъ, не то featureвознѣ ребятъ въ наваленномъ сѣнѣ.

Другая молодка сильными руками тащитъ большое мокрое ведро изъ колодца... Ведро дрожитъ и качается на веревкѣ, роняя длинныя, огнистыя капли.

Передо мной стоитъ старуха хозяйка въ новой клѣтчатой паневѣ, въ новыхъ котахъ. Крупныя, дутыя бусы въ три ряда обвились вокругъ смуглой, худой шеи; сѣдая голова повязана желтымъ платкомъ съ красными крапинками; низко нависъ онъ надъ потускнѣвшими глазами.

Но привѣтливо улыбаются старческіе глаза; улыбается все морщинистое лицо. Чай седьмой десятокъ доживаетъ старушка... а и теперь еще видать: красавица была въ свое время!

Растопыривъ загорѣлые пальцы правой руки, держитъ она горшокъ съ холоднымъ, неснятымъ молокомъ, прямо изъ погреба; стѣнки горшка покрыты росинками, точно бисеромъ. На ладони лѣвой руки старушка подноситъ мнѣ большой ломоть еще теплаго хлѣба.—«Кушай, молъ, на здоровье, заѣзжій гость!»

Пѣтухъ вдругъ закричалъ и хлопотливо захлопалъ крыльями; ему въ отвѣтъ, не спѣша, промычалъ запертый теленокъ.

— «Ай да овесъ!» слышится голосъ моего кучера...

IV. О, довольство, покой, избытокъ русской, вольной деревни! О, тишь и благодать!

И думается мнѣ: къ чему намъ тутъ и крестъ на куполѣ святой Софіи въ Царь-Градѣ, и все, чего такъ добиваемся мы, городскіе люди. (*И. Тургеневъ*).

9. Императоръ Петръ Великій.

I. Съ водвореніемъ на престолѣ дома Романовыхъ Россія мало-по-малу начала увеличиваться. Особенно же она расширилась и переродилась въ царствованіе Петра Великаго.

Петръ Великій былъ младшій сынъ царя Алексѣя Михайловича. По смерти отца онъ остался еще ребенкомъ. Такъ какъ ближайшими наслѣдниками престола были старшіе братья его, то царевичъ Петръ вскорѣ послѣ смерти отца удалился вмѣстѣ съ своею матерью въ село Преображенское, которое находилось недалеко отъ Москвы. Здѣсь царевичъ поселился и проводилъ свое дѣтство. Съ раннихъ лѣтъ царевичъ Петръ выказывалъ большія способности, былъ весьма любознателенъ и хорошо учился грамотѣ. Въ часы, свободные отъ занятій грамотой, Петръ занимался военными играми съ своими сверстниками. Изъ этихъ сверстниковъ царевичъ составилъ двѣ потѣшныя роты, съ которыми онъ строилъ и бралъ приступомъ небольшія земляныя крѣпости. Къ этой забавѣ скоро прибавилась другая. Однажды царевичъ въ сараѣ нашелъ лодку особеннаго устройства, которая называлась ботомъ. Лодка эта была испорчена, но одинъ изъ иностранцевъ починилъ ее и спустилъ на воду. Петръ былъ такъ доволенъ этимъ и такъ полюбилъ плаваніе, что скоро изъ нѣсколькихъ подобныхъ ботовъ создалъ цѣлый потѣшный флотъ.

Петръ Великій.

II. Когда Петръ достигъ совершеннолѣтія, онъ сдѣлался царемъ и сталъ управлять государствомъ. Въ первое время своего царствованія Петръ попрежнему занимался своими потѣшными ротами и флотомъ. Но чтобы лучше изучить военное и морское дѣло, онъ задумалъ съѣздить за границу. Для этого онъ снарядилъ большое посольство къ

иностраннымъ государствамъ и вмѣстѣ съ этимъ посольствомъ отправился самъ подъ именемъ дворянина Петра Михайлова. Во время путешествія за границей Петръ Великій не оставлялъ ничего безъ вниманія: онъ осматривалъ крѣпости, заводы, фабрики, посѣщалъ школы, знакомился съ учеными людьми и изучалъ чужеземную жизнь и порядки. Но больше всего его интересовало кораблестроеніе. Чтобы основательно изучить это дѣло, царь поступилъ въ корабельную мастерскую и, какъ простой работникъ, работалъ тамъ топоромъ съ утра до вечера. Получивши званіе корабельнаго мастера, Петръ обратно поѣхалъ въ Россію. Находясь за границей, Петръ увидѣлъ, что русскіе во многомъ отстали отъ иностранцевъ. Поэтому, тотчасъ же по возвращеніи своемъ изъ-за границы, онъ началъ заводить новые порядки. Прежде всего онъ вмѣсто древнихъ стрѣлецкихъ полковъ учредилъ постоянное войско. Для завѣдыванія различными дѣлами государства Петръ учредилъ 12 коллегій; а для наблюденія за этими коллегіями онъ основалъ Сенатъ, который существуетъ и до сихъ поръ. Всѣ же церковныя дѣла, вмѣсто патріарха, были поручены вновь учрежденному Святѣйшему Синоду, который также существуетъ и донынѣ. Но больше всего Петръ Великій заботился о народномъ образованіи. Поэтому онъ устроилъ нѣсколько учебныхъ заведеній, для духовныхъ и дворянскихъ дѣтей, школу для мореходовъ и другія. При Петрѣ Великомъ впервые на Руси стали печатать гражданскія книги. Много и другихъ очень важныхъ дѣлъ совершено Петромъ Великимъ на пользу нашего отечества, а потому народъ и прозвалъ его *Великимъ Преобразователемъ* России.

III. Петръ Великій вполнѣ понималъ всю ту громадную пользу, которую Россія можетъ извлечь отъ прямого и непосредственнаго торговаго сношенія съ западными иностранными государствами. А такъ какъ иностранную торговлю всего удобнѣе производить моремъ, то Петръ Великій и задумалъ отвоевать отъ Швеціи земли, прилегающія къ Балтійскому морю. Заключивъ союзъ съ королями польскимъ и датскимъ, Петръ Великій объявилъ войну Швеціи, но первая встрѣча со шведами кончилась неудачею для русскихъ: русскіе разбиты были на́-голову. Побивши русскихъ, король шведскій отправился воевать съ поляками и пробылъ въ Польшѣ довольно долго. Въ это время Петръ Великій быстро составилъ новые полки, обучилъ войско, отлилъ пушки и двинулся со своимъ новымъ войскомъ къ Балтійскому морю. Въ этотъ разъ онъ завладѣлъ берегами Финскаго залива и при устьяхъ рѣки Невы заложилъ городъ Петербургъ, свою будущую столицу. Когда прослышалъ объ этихъ завоеваніяхъ король шведскій, онъ быстро двинулся въ Россію изъ Польши. Горячее сраженіе двухъ сильныхъ армій произошло близъ г. Полтавы. Наше войско здѣсь нанесло такое сильное пораженіе шведамъ, что самъ король шведскій едва спасся бѣгствомъ. Послѣ Полтавской битвы война со шведами тянулась еще нѣсколько лѣтъ, но русскіе все-таки удержали за собою

завоеванныя по прибрежьямъ Балтійскаго моря земли. Съ этого времени Петръ Великій принялъ титулъ Всероссійскаго Императора, а Русское царство стало называться Россійскою Имперіей.

(Изъ Хрест. Ермина и Волотовскаго).

10. Разсказы о Петрѣ Великомъ.

I. *Бережливость Петра Великаго.* Императоръ Петръ, щедрый въ награжденіи заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до его собственности; и могъ ли онъ жить расточительно, получая свои доходы съ имѣнія, въ Новгородской губерніи, въ которомъ считалось только 969 душъ? Въ первое путешествіе по чужимъ краямъ, прибывъ вечеромъ инкогнито [1]) съ небольшою свитою въ одинъ городъ, онъ остановился въ трактирѣ и потребовалъ ужинъ. Ему подали 12 яицъ, сыру, масла и двѣ бутылки вина. Когда надлежало расплачиваться, трактирщикъ, вѣроятно, узнавъ, кто былъ его гость, запросилъ сто червонцевъ. Петръ велѣлъ заплатить эти деньги, но не могъ забыть такой издержки, и, угощая въ Петербургѣ пріѣзжавшихъ на судахъ голландцевъ, всякій разъ почти съ упрекомъ напоминалъ имъ о корыстолюбіи трактирщика. «Мнѣ мотать не изъ чего, говорилъ онъ: и жалованья заслуженнаго у меня немного, а съ государственными доходами надлежитъ поступать осторожно; я долженъ отдать въ нихъ отчетъ Богу». Часто ходилъ онъ въ башмакахъ, имъ самимъ заплатанныхъ, и чулкахъ, штопанныхъ его супругою; носилъ по году и по два одно платье. Ѣздилъ онъ лѣтомъ въ длинной, выкрашенной въ красную краску одноколкѣ, на низкихъ колесахъ, парою; зимою, въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, съ двумя деньщиками, однимъ, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ, и другимъ, ѣхавшимъ сзади верхомъ. Одинъ только разъ, 25 мая 1723 года, удивилъ онъ петербургскихъ жителей необыкновенною пышностію. Увидѣли его окруженнаго отрядомъ гвардіи, въ выложенномъ краснымъ бархатомъ длинномъ фаэтонѣ [2]) тогдашняго вкуса—цугомъ, съ лакеями позади въ ливреѣ. Онъ поѣхалъ за городъ навстрѣчу князю Долгорукову и графу Головкину, которые, пробывъ около 15 лѣтъ въ званіи посланниковъ при разныхъ иностранныхъ дворахъ, возвращались въ Россію просвѣщенными европейцами. Петръ, остановившись въ 4 верстахъ отъ города, ждалъ ихъ около четверти часа. Когда они подъѣхали, посадилъ къ себѣ въ фаэтонъ, провезъ по главнымъ улицамъ столицы во дворецъ, куда созваны были знатнѣйшія особы, и тутъ, предъ всѣми, изъявилъ имъ свое благоволеніе.

II. *Обращеніе Петра Великаго съ подданными.* Въ Петербургѣ Царь былъ то же, что отецъ въ большомъ семействѣ. Онъ крестилъ у однихъ, при чемъ родильницамъ давалъ на зубокъ, при поцѣлуѣ

---

[1]) Подъ чужимъ именемъ, скрытно.

[2]) *Фаэтонъ*—экипажъ, родъ коляски.

въ голову, по рублю серебромъ; пировалъ съ другими, и ходилъ за гробомъ у иного. Случалось-ли ему имѣть къ кому-нибудь дѣло,—вельможѣ, купцу или ремесленнику, онъ часто, взявъ съ собою камышевую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, извѣстную болѣе подъ именемъ *дубинки*, отправлялся къ нему запросто пѣшкомъ и, если находилъ хозяина за обѣдомъ, то безъ чиновъ садился за столъ; приказывалъ подавать себѣ тоже, что подносили и другимъ, толковалъ съ мужемъ, шутилъ съ женою, заставлялъ при себѣ читать и писать дѣтей, требуя, чтобъ обходились съ нимъ безъ чиновъ. Онъ былъ весьма пріятенъ въ обществѣ, въ немногихъ словахъ говорилъ много и любилъ изъясняться аллегоріями [1]). Часто видали его на улицахъ идущимъ подъ руку съ честнымъ фабрикантомъ или иноземнымъ матросомъ,—иногда бродящимъ въ толпѣ и прислушивающимся къ молвѣ народной.

Но обращаясь открыто со всѣми, онъ требовалъ того же отъ всѣхъ для себя, и худо тому было, кто позволялъ себѣ въ разговорахъ или поступкахъ съ нимъ малѣйшую ложь. «За признаніе прощеніе, за утайку нѣтъ помилованія», повторялъ онъ часто; «лучше грѣхъ явный, нежели тайный».

Онъ любилъ правду даже въ такихъ случаяхъ, когда она могла бы другому показаться оскорбительною: «Князь Яковъ въ Сенатѣ», отзывался онъ о Долгорукомъ, «прямой мнѣ помощникъ. Онъ судитъ дѣльно, и мнѣ не потакаетъ; безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, несмотря на лицо».

III. *Занятія Петра*. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, царь жилъ лѣтомъ во дворцѣ Лѣтняго сада, зимою въ Зимнемъ. Онъ ложился въ 10 часовъ, вставалъ лѣтомъ и зимою въ три утра, и ходилъ часъ по комнатѣ; читалъ въ это время «С.-Петербургскія Вѣдомости», которымъ иногда самъ держалъ корректуру [2]) или пересматривалъ въ рукописи переводы книгъ, сдѣланные по его велѣнію. Петръ хорошо зналъ по-латыни, по-нѣмецки, по-голландски и понималъ французскій языкъ, хотя и не могъ на немъ изъясняться. Ни одна книга не выходила изъ печати, не бывъ пересмотрѣнною Петромъ. Въ 4 или 5 часовъ Петръ, безъ чаю и кофе, выпивъ рюмку анисовой водки, отправлялся, съ тростью въ одной и записною книжкою въ другой рукѣ, смотрѣть производившіяся въ Петербургѣ работы, а послѣ того въ свой кабинетъ, или въ Адмиралтейство [3]). Однажды назначилъ онъ вновь пріѣхавшему въ Петербургъ прусскому посланнику фонъ-Принцу пріемную аудіенцію [4]) въ 4 часа утра. Аудіен-

---

[1]) *Аллегорія*—иносказаніе.

[2]) *Держать корректуру*—исправлять ошибки наборщика, передъ отпечатаніемъ книги.

[3]) *Адмиралтейство* — мѣсто для постройки судовъ, при которомъ помѣщается высшее управленіе флотомъ.

[4]) *Аудіенція*—пріемъ, свиданіе.

ція эта была, конечно, единственная въ своемъ родѣ. Посланникъ, полагая, что государь не можетъ встать такъ рано, думалъ, что не опоздаетъ, явившись во дворецъ въ пять; но онъ уже не засталъ Петра. Онъ былъ на верфи и работалъ на марсѣ [1]) какого-то военнаго корабля. Фонъ-Принцъ, имѣвшій важныя порученія и не могшій вступить въ переговоры съ русскими министрами, не видѣвъ царя, принужденъ былъ отправиться вслѣдъ за нимъ въ Адмиралтейство. «Пусть побезпокоится взойти сюда, если не умѣлъ найти меня въ назначенный часъ въ аудіенцъ-залѣ», сказалъ Петръ, когда ему доложили о пріѣздѣ посланника. Тотъ принужденъ былъ по веревочной лѣстницѣ взбираться на гротъ-мачту [2]), и государь, сѣвъ на бревно, принялъ отъ него грамоту и обыкновенныя при подобныхъ случаяхъ привѣтствія, подъ открытымъ небомъ, на корабельномъ марсѣ.

Въ шесть или семь часовъ Петръ отправлялся въ Сенатъ [3]) или въ которую-нибудь изъ Коллегій [4]), и оставался тамъ до одиннадцати; слушалъ дѣла и споры присутствовавшихъ, излагалъ свои мнѣнія, надписывалъ на дѣлахъ рѣшенія. Дѣятельность его при этомъ достойна удивленія. Одинъ современный писатель говоритъ, что онъ въ одинъ часъ дѣлалъ болѣе, нежели другой успѣлъ бы сдѣлать въ четыре. За то государь умѣлъ и беречь время. Это примѣтно въ его разговорахъ, указахъ, письмахъ и во всемъ, что выходило изъ-подъ его пера. Нигдѣ не найдете больше ясности и менѣе многословія. 6 Марта 1781 года, отправляясь въ Прутскій походъ, написалъ онъ о совершенно разныхъ предметахъ 32 собственноручныхъ указа въ Сенатъ, изъ которыхъ ни одинъ не занималъ болѣе 4 строкъ. Въ 11 часовъ Петръ обыкновенно уходилъ изъ Сената, или Коллегіи, при чемъ подносили ему рюмку анисовой водки и крендель. Время до полудня назначено было для пріема просителей. Государь давалъ имъ аудіенцію въ средней галлереѣ Лѣтняго сада, построенной на берегу Невы, или, въ хорошую погоду, въ главной аллеѣ. Туда могъ приходить всякій,— и богатый, и неимущій, и знатный вельможа, и человѣкъ простого званія. Петръ отбиралъ у просителей просьбы, выслушивалъ ихъ жалобы, и немедленно давалъ свои рѣшенія. Въ 12 часовъ ворота Лѣтняго сада запирались. Царь садился за столъ и всегда почти обѣдалъ въ своемъ семействѣ. Чтобы кушанья не простывали, столовая его обыкновенно была рядомъ съ кухней; поваръ передавалъ въ первую блюда прямо изъ печи, черезъ окошко, и всегда одно за другимъ, а не вмѣстѣ. Молодой редисъ, лимбургскій сыръ, тарелка щей, студень, ветчина, каша и жареная утка въ кисломъ соусѣ, который при-

---

1) *Марсъ*—площадки изъ досокъ или рѣшетокъ около мачтъ.

2) *Гротъ-мачта*—самая большая мачта на кораблѣ.

3) *Сенатъ*—высшее правительственное учрежденіе въ Россіи.

4) *Коллегія*— присутственное мѣсто.

правлялся лукомъ съ огурцами, или солеными лимонами, были любимыми блюдами Петра, необходимымъ условіемъ его обѣдовъ. У прибора его клались всегда деревянная ложка, оправленная слоновою костью, ножикъ и вилка съ зелеными костяными черенками; и дежурному деньщику вмѣнялось въ обязанность носить ихъ съ собою и класть передъ царемъ и тогда, когда ему случалось обѣдать въ гостяхъ.—Петръ не терпѣлъ многочисленной прислуги, и вообще называлъ лакеевъ — шпіонами, которые худо слышатъ, а еще хуже разсказываютъ слышанное. Дежурный деньщикъ служилъ государю, императрицѣ и великимъ княжнамъ. Онъ находился при царѣ безотлучно днемъ и ночью, былъ довѣренною особою, и занималъ мѣсто камердинера, адъютанта, секретаря. Вообще Петръ ѣлъ мало вдругъ, не былъ разборчивъ въ пищѣ, и не терпѣлъ причудъ въ другихъ. Откушавъ, обыкновенно читалъ голландскія газеты и дѣлалъ на поляхъ замѣчанія карандашемъ, съ обозначеніемъ, что должно переводить въ «Петербургскія Вѣдомости»; потомъ уходилъ на свою яхту [1]), стоявшую передъ дворцомъ, ложился тутъ и отдыхалъ часъ или два. Иногда, во время торжественныхъ обѣдовъ, онъ вставалъ для этого изъ-за стола, приказавъ однако-жъ гостямъ не расходиться до его возвращенія. Въ 4 часа уходилъ онъ въ токарную или въ кабинетъ; сюда являлись къ нему по дѣламъ: канцлеръ [2]) графъ Головинъ, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ, Остерманъ, генералъ-прокуроръ Ягужинскій, генералъ-фельдцейхмейстеръ (начальникъ всей артиллеріи) графъ Брюсъ, графъ Толстой, сенаторъ князь Долгорукій, князь Меньшиковъ, генералъ-полицеймейстеръ Девіеръ или другой какой-нибудь изъ его министровъ. Одни только—князь Ромодановскій и фельдмаршалъ Шереметевъ могли входить безъ доклада; ихъ однихъ государь всегда провожалъ до двери кабинета; всѣ прочіе, даже сама Императрица Екатерина Алексѣевна, должны были напередъ сказаться. Окончивъ дѣла государственныя, Петръ развертывалъ свою записную книжку, въ которой отмѣчалъ все, что ему приходило въ тотъ день на мысль, и удостовѣрившись, что все означенное въ ней исполнено, остальное время дня посвящалъ собственнымъ занятіямъ. Ничто не поселитъ въ насъ столько уваженія къ памяти Петра, сколько сіи занятія, предпринимаемыя безъ свидѣтелей, или иногда въ мирномъ кругу немногихъ искренныхъ преданныхъ царю особъ, раздѣлявшихъ съ нимъ труды его. По дѣятельности Петра, по его любви ко всему полезному не было ему равнаго между его подданными. «Трудиться надобно, братецъ», говорилъ Петръ Ив. Ив. Неплюеву, когда опредѣлилъ лейтенантомъ [3]) во флотъ; «я и царь вашъ, а у меня на рукахъ мозоли, и все для того, чтобы показать вамъ примѣръ, и хотя

---

[1]) *Яхта*—небольшое судно.

[2]) *Канцлеръ*—лицо, завѣдующее министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и имѣющее чинъ перваго класса.

[3]) *Лейтенантъ*—чинъ во флотѣ.

бы подъ старость видѣть въ васъ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству».

IV. Взглядъ Петра на правосудіе. Однажды Петръ заболѣлъ весьма опасно горячкою. Сдѣлалось всеобщее уныніе, ибо уже совсѣмъ мало было надежды на выздоровленіе его. Во всѣхъ церквахъ день и ночь толпился народъ, прося у Бога милости для своего царя. Въ древности въ подобныхъ случаяхъ цари обыкновенно прощали нѣсколькихъ преступниковъ, грабителей и разбойниковъ, осужденныхъ на смерть съ тѣмъ, чтобы осужденные молили Бога о царскомъ здравіи. Такъ и теперь судья явился во дворецъ и предложилъ ему, чтобы Петръ, по старому обычаю, даровалъ жизнь девяти приговореннымъ къ смерти разбойникамъ. Узнавъ о прибытіи судьи, Петръ призвалъ его къ своей постели и приказалъ прочесть списокъ приговоренныхъ и ихъ преступленія. Прослушавъ это, Петръ слабымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Неужели ты думаешь, что я буду правосуденъ и сдѣлаю доброе дѣло тѣмъ, что прощу такихъ страшныхъ злодѣевъ? И неужели Богъ за это будетъ ко мнѣ милостивъ, и будетъ слышать молитвы такихъ злодѣевъ? Поди и завтра же вели исполнить приговоръ надъ всѣми девятью злодѣями. Я думаю, что Богъ чрезъ это правосудіе скорѣе будетъ ко мнѣ милостивъ и скорѣе за это даруетъ жизнь и здравіе, нежели за ихъ прощеніе!

На другой же день приговоръ былъ исполненъ, а царь затѣмъ началъ чувствовать себя лучше, и чрезъ нѣкоторое время совершенно выздоровѣлъ.

V. Награда по заслугамъ. Петръ Великій, бережливый въ своихъ расходахъ, щедро награждалъ людей, служившихъ ему вѣрно. Онъ жаловалъ многихъ деревнями въ завоеванныхъ провинціяхъ, даже вдовамъ и сиротамъ морскихъ и полевыхъ офицеровъ назначалъ пенсіи. Однажды доложили ему объ иностранцѣ, который прослужилъ около 30 лѣтъ и теперь за старостію и слабостію здоровья не можетъ продолжать службу, и просили разрѣшенія государя: назначить ли ему при отставкѣ полное или половинное жалованье. Государь отвѣчалъ съ неудовольствіемъ: «Какъ же! развѣ тотъ въ старости долженъ терпѣть нужду, кто лучшіе годы свои посвятилъ мнѣ на службу? Выдайте ему полное жалованье и не принуждайте его къ службѣ, если онъ не въ состояніи болѣе служить; но совѣтуйтесь съ нимъ о дѣлахъ, касающихся прежней его службы, и пользуйтесь его искусствомъ. Кто бы захотѣлъ служить мнѣ, если-бъ зналъ напередъ, что я, которому онъ посвятилъ лучшіе годы свои, въ старости оставлю его въ нуждѣ и бѣдности»?

VI. *Царь и подданный.* Когда Петръ Великій пожаловалъ одного изъ вѣрныхъ слугъ своихъ великими милостями, и этотъ палъ передъ нимъ и назвалъ его отцомъ, то государь, назвавъ его по русскому обычаю братомъ, сказалъ:

„Встань, братецъ. Я приставленъ надъ вами отъ Бога, и моя

должность, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнимать. *Буде хорошъ будешь, то не столько мнѣ, сколько самъ себѣ и отечеству добра сдѣлаешь*; а буде худъ—то я истецъ на тебя буду. Богъ отъ меня того за всѣхъ васъ потребуетъ, чтобъ я за всякаго отвѣтъ далъ, *чтобы доброму и умному былъ просторъ добро творить, а злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать*. Служи вѣрой и правдой: тогда Богъ и совѣсть твоя, а при немъ и я, тебя не оставимъ. Тогда найдешь ты во мнѣ и отца и брата».

VII. *Петръ въ Полтавской битвѣ*. Въ русскомъ лагерѣ подъ Полтавою ожидали нападенія шведскихъ войскъ на 29 іюня; между тѣмъ наступленіе шведовъ началось утромъ 27 числа. Петръ еще спалъ, когда началась пальба. Проснувшись, онъ приказалъ полкамъ двинуться, сказавъ, что самъ сейчасъ же прибудетъ къ войскамъ. Карлъ шведскій такъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ надъ Петромъ, что, отдавая приказъ о наступленіи, не велѣлъ брать войскамъ своимъ хлѣбнаго запаса. «Въ русскомъ лагерѣ, сказалъ онъ, довольно хлѣба; тамъ могутъ наѣсться досыта».

Между тѣмъ Петръ, двинувъ полки, одѣлся, помолился и вышелъ, сказавъ: „Теперь на начинающаго Богъ, а по Немъ и мы". Сѣвъ на лошадь, онъ прискакалъ къ войскамъ и лично предводительствуя, воодушевлялъ ихъ. Во время жаркаго боя, Петръ, несмотря на просьбы окружающихъ его, постоянно находился на самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Уже пуля прострѣлила шляпу его. Когда близкіе Петра упрашивали его беречь свою жизнь, онъ отвѣчалъ:

— Вы поставлены теперь вооруженные не за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой и за народъ россійскій. И для того не страшитесь славы непріятельской, но помните, сколько разъ онъ былъ отъ васъ самихъ побѣжденъ; слѣдовательно и нынѣ, по храбрости своей, побѣдить можете.

«А о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему недорога; была бы жива Россія и благоденствіе ваше», говорилъ Петръ въ приказѣ передъ Полтавскою битвою.

Когда, послѣ битвы, въ палаткѣ, въ собраніи генераловъ, поздравляли Петра съ побѣдой и дивились шляпѣ его, пробитой пулею, то Петръ отвѣчалъ:

— Ради благополучія государства, я, вы и солдаты жизни не щадили. Лучше смерть, нежели позоръ. Сія пуля не была жребіемъ смерти моей; десница Вышняго сохранила меня, чтобы спасти Россію и усмирить гордость брата Карла. Сія баталія [1])—счастье наше: она рѣшила судьбу обоихъ государствъ. Тако судилъ Промыслъ возвысить славою отчизну мою, и за то приносить будемъ благодареніе наше Богу въ день сей на вѣчныя времена.

На другой же день послѣ битвы государь приказалъ вырыть могилы: одну для офицеровъ, другую для нижнихъ чиновъ. По вы-

[1]) Баталія—битва, сраженіе.

тіи вокругъ могилъ были выстроены войска, къ которымъ вышелъ самъ царь, и началась панихида. Самъ Петръ, со слезами на глазахъ, стоялъ среди пѣвчихъ и пѣлъ вмѣстѣ съ ними. По окончаніи панихиды, царь сдѣлалъ мертвымъ три земныхъ поклона, самъ началъ засыпать могилы землею, сказалъ надгробную рѣчь и своими руками водрузилъ надъ курганомъ крестъ съ слѣдующею надписью: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1709 іюня 27 дня».

Тогда же отданъ былъ имъ указъ о вѣчномъ поминовеніи убіенныхъ вовѣки, что и совершается ежегодно.

Въ тотъ же день представлялись государю знатные шведскіе плѣнники. Петръ принялъ ихъ милостиво, возвратилъ имъ ихъ шпаги, сожалѣлъ о ихъ несчастіи. Затѣмъ онъ угощалъ ихъ въ своей палаткѣ и пилъ за здоровье ихъ, высказавъ при этомъ слѣдующее:

— Я пью за здоровье моихъ учителей, которые меня воевать научили! (*По Карниловичу и др. источникамъ*).

10. Петербургъ.

Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы[1]),
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ — нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся.
Въ гранитъ одѣлася Нева[2]);
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова.
Люблю тебя, Петра творенье[3]),
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ;
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный[4]).

(*А. Пушкинъ*).

---

[1]) Природа финскихъ береговъ бѣдная, суровая, какъ бы враждебно относящаяся (подобно мачехѣ) къ людямъ.

[2]) Набережная Невы въ Петербургѣ гранитная.

[3]) Петербургъ основанъ Петромъ Великимъ въ 1703 году.

[4]) Въ Петербургѣ въ маѣ мѣсяцѣ заря съ зарей сходится.

11. Полтавскій бой [1]).

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ,
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ,
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули,
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
Катятся ядра, свищутъ пули,
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленіе крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью,
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней [2]) благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло! Съ Богомъ!...» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь;
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.

Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ,
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Равняясь, строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се, равнину оглашая,
Далече грянуло: «ура!»
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могучъ и радостенъ, какъ бой;
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ во слѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земного,
Въ трудахъ державства и войны—
Его товарищи—сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И—счастья баловень безродный—
Полудержавный властелинъ [3]).

И передъ синими рядами [4])
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился,
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ [5]) руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму, среди равнины,
И—грянулъ бой, Полтавскій бой!..

---

[1]) Происходилъ 1709 г. 27 іюня.

[2]) Брань—сраженіе.

[3]) Здѣсь разумѣется Александръ Даниловичъ Меншиковъ, происходившій изъ простого сословія и впослѣдствіи возвысившійся до свѣтлѣйшаго князя.

[4]) Цвѣтъ мундировъ шведской арміи синій.

[5]) Маніемъ—движеніемъ.

Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами[1]), саблями стуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груду тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ,
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ!
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды...
Ура! мы ломимъ, гнутся шведы.
О, славный часъ! о, славный видъ!
Еще напоръ,—и врагъ бѣжитъ...
И слѣдомъ конница пустилась:
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.
Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

(Пушкинъ).

12. Петръ Великій.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной;
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

(Пушкинъ).

13. Кто онъ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ,
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ.

Только вотъ—рыбачья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,
Челнъ осматривалъ дырявый
И бранился, и вздыхалъ.

Всадникъ подлѣ—онъ не смотритъ.
Всадникъ молвилъ: „здравствуй, дѣдъ!“—
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.

Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
„Поздоровится тутъ, жди!
Времена уже не такія...
Жди, да у моря сиди.

Вамъ, вѣдь, все ничто, боярамъ,
А челнокъ для рыбака
То-жъ, что бабѣ веретена,
Али конь для сѣдока.

Шведы-ль, наши-ль шли тутъ утромъ,
Кто ихъ знаетъ—ото всѣхъ
Ныньче пахнетъ табачищемъ...
Ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ!

Чуть кого вдали завидишь—
Смотришь, въ лѣсъ бы... Вѣдь грѣшно!...
Лодка, вишь, имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно...

[1]) Удилами.

Да, ужъ стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!
Изъ-подъ Пскова вѣдь на лѣто
Промышлять сюда идемъ".

Всадникъ прочь съ коня, и молча
За работу принялся...
Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.

Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
Такъ и тычетъ долото—
И челнокъ на славу вышелъ,
А вѣдь былъ, что рѣшето.

—Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сѣть на счастье,
На Петрово, попытай.—

„На Петрово! эко слово
Молвилъ! думаетъ рыбакъ:
Съ топоромъ, гляди, какъ ловокъ...
А по рѣчи... Какъ же такъ!"...

И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

(Майковъ).

14. Домикъ Петра Великаго въ Сардамѣ.

Деревянный домикъ, подъ черепичатою кровлею, въ два окна, раздѣленный на двѣ небольшія комнаты, съ изразцовою печью для приготовленія пищи, съ глухою каморкою для кровати и съ пристроеннымъ при входѣ чуланчикомъ, въ наиболѣе уединенной части Сардама: вотъ чертогъ, гдѣ поселился Петръ, тщательно скрывая свой санъ и добровольно обрекая себя тяжкому труду, чтобы втайнѣ изучить искусство, которое должно было возвеличить Россію.

(Устряловъ).

15. Памятникъ Петру Великому.

I. Императрица Екатерина II воздвигла Петру Великому въ Петербургѣ величественный памятникъ. Онъ состоитъ изъ большой гранитной скалы, на верху которой преобразователь Россіи изображенъ, съ повелительно поднятою рукой, скачущимъ на конѣ. Конь Петра давитъ громаднаго змѣя, какъ-бы въ знакъ того, что могучій царь-работникъ первый рѣшился совершенно передѣлать русскую землю, вывести ее изъ тьмы на свѣтъ Божій и раздавить зло невѣжества—самаго стараго и страшнаго нашего змѣя.

Столицы Невской посѣтитель,
Кто-бъ ни былъ ты—Петру поклонъ!
Сей мѣдный всадникъ—это онъ,
Ея державный прародитель.
Какъ мощны конь и человѣкъ!
То Петръ творящей мыслью правитъ.
Летитъ, отважный, въ новый вѣкъ
И змѣя древнихъ козней давитъ...
И здѣсь руки простертой кисть
Еще въ металлѣ жизнью дышитъ,
Изъ мѣдныхъ устъ—Россія слышитъ—
Гремитъ: «да будетъ свѣтъ!» И бысть.

16. Малое слово о великомъ.

Много дѣлъ, «зѣло» успѣшныхъ,
Тѣмъ царемъ совершено.
Имъ заложено въ *Потѣшныхъ*
Войска дивнаго зерно.
Взялъ топоръ и первый ботикъ
Онъ устроилъ, сколотилъ,
И родилъ тотъ ботикъ-флотикъ,
Этотъ флотикъ флотъ родилъ.
Онъ—за истину прямую—
Дерзость дерзкому прощалъ,
А за ложь, неправду злую,
Живота «весьма» лишалъ; —
А иному напоминки
Кой-о-чемъ, на-чистоту,
Дѣлалъ съ помощью дубинки
Дома въ дружескомъ быту;
А, подъ совѣсти порукой,
Правдой тычь не въ бровь, а въ глазъ....
Царь вспылитъ, но вмигъ почуетъ
Силу истины живой,
И тебя онъ расцѣлуетъ
За порывъ правдивый твой...
И близъ жаркой царской груди
Были люди хороши,
Люди правды, чести люди,
Люди сердца и души:
Другъ Лефортъ сердцеотвѣтный
Вплоть до двери гробовой,
Шереметевъ—мужъ совѣтный,
Князь Голицынъ боевой;—
Князь Голицынъ — другъ побѣдамъ,
Личный недругъ Рѣпнину...
Царь съ Данилычемъ велъ дружбу,
А по службѣ все въ-строку, —
Спуску нѣтъ: самъ началъ службу
Барабанщикомъ въ полку...
— Какъ-бы въ мудрость иноземцевъ
Намъ проникнуть?—думалъ онъ:
— Дай, поучимся у нѣмцевъ!....
Только первый шагъ мудренъ.
Сердце бойко застучало....
Всталъ онъ, время не губя:
«На Руси всему начало —
Царь;—начну-же я съ себя!»
И съ ремесленной науки
Началъ онъ, и—въ дѣлѣ скоръ—
Крѣпко въ царственныя руки
Взялъ онъ плотничій топоръ.
Съ бодрымъ духомъ въ бодромъ тѣлѣ
Славно плотничаетъ царь;
Тамъ—успѣлъ въ столярномъ дѣлѣ;
Тамъ — глядишь — ужъ и токарь.
Къ мужику придетъ: «Богъ помочь!»
Тотъ трудится, лобъ въ поту...
—«Что ты дѣлаешь, Пахомычъ?»—
«Лапти, батюшка, плету;
Только дѣло плоховато,—
Ковыряю, какъ могу,
Черезъ пятое въ десято...»
—«Дай-ка я тѣ помогу!»—
Сѣлъ, продёрнетъ, стянетъ дырку,—
Знаетъ, гдѣ и какъ продѣть,
И плететъ въ частоковырку,
Такъ-что любо поглядѣть!
Въ поле къ праздному владѣльцу
Выйдетъ онъ, найдетъ досугъ
И исправитъ земледѣльцу
Борону его и плугъ.
А на трудъ свой съ недовѣрьемъ
Самъ все смотритъ... «Нѣтъ, пора
Перестать быть подмастерьемъ,—
Время вытти въ мастера».
И, покинувъ царедворскій
Штатъ, и чинъ, и скипетръ свой,
Онъ поѣхалъ въ край заморскій:
«Человѣкъ-де я простой —
Петръ Михайловъ, плотникъ, слесарь,
Подмастерье»—говоритъ...
А на царствѣ тамъ князь-кесарь
Ромодановскій сидитъ—
Ѳедоръ Юрьичъ... Онъ, вѣдь, спроситъ
Отъ Петра и то, и сё,—
И рапортомъ онъ доноситъ
Князю-кесарю про всё.
«Вотъ—онъ пишетъ—дѣло наше
Подвигается; тружусь.—
И о здравьи Вашемъ Ваше

Я Величество молюсь.»
И припишетъ вдругъ: «однако,
Все я знаю: не дури!
Не грызи людей, собака!
Худо будетъ, князь,—смотри!»
Навострившись у Голландцевъ,
Заглянувъ и въ Альбіонъ [1]),
У цесарцевъ [2]), итальянцевъ,
Поучился также онъ.
Для уроковъ же изустныхъ,
Что онъ Руси дать желалъ,
Онъ учителей искусныхъ
Ей изъ-за-моря прислалъ...
— Полно втунѣ волочиться,
Дворянинъ, сади сынка
Буквѣ, цыфири учиться,
Землемѣрію слегка.—
Только все успѣхи плохи,
И ученье ни-къ-чему.
Русскій смотритъ: скоморохи
Въ нѣмцахъ видятся ему,—
И учителямъ не хочетъ
Вѣрить, что-ни-говори;
Нѣмецъ—думаетъ—морочитъ,
Все фигляры, штукари!...
И державный нашъ работникъ
Посмотрѣлъ, нахмурилъ взоръ,
Снова вспомнилъ, что онъ плотникъ,
Да и взялся за топоръ...
И давай рубить онъ съ корня:
Роскошь прочь! Кафтанъ съ плеча!
Прочь хоромы, пышность, дворня!
Прочь и бархатъ, и парча!
Раззолоченныя тряпки,
Блестки—прочь! Все въ печь вались!
Скидавай собольи шапки:
Просто—нѣмцемъ нарядись!
Царь велѣлъ: слова коротки.
Простоты-жъ примѣръ въ глазахъ:
Самъ, подкинувъ онъ подметки,
Ходитъ въ старыхъ сапогахъ.
Изъ завѣтныхъ, тайныхъ горницъ,
Изъ невѣдомыхъ свѣтлицъ
Вывесть велѣно затворницъ—
И дѣвицъ, и молодицъ—
Въ ассамблею...[3]) Душегрѣйки
Съ плечъ долой! Таковъ приказъ...
Женки слезы трутъ платкомъ,
Царь-же потчуетъ радушно
Муженьковъ ихъ—табакомъ;
Табакерки! Трубки!... Въ глотку
Хоть не лѣзетъ, а тяни!
Порошку возьми щепотку—
Въ носъ пихни, нюхни, чихни!
Тянутъ, нюхаютъ... Ну, зелье!
Просто, одурь отъ него.
Эко знатное веселье!—
А привыкнешь—ничего,
Самъ попросишь... Въ плясъ голландскій
Хоть не хочется—иди!...
— Эй, ты тамъ, сынокъ дворянскій,
Выходи—ка, выходи!
Откружилъ [4]) —ступай въ науку,
А научишься—служи!
Мало дома школьныхъ храминъ—
За-границу поѣзжай;
А воротишься—экзаменъ
Царь задастъ: не оплошай!
Самъ допроситъ: выложь знанья—
Цифирь, линіи, круги,
А не сдержишь испытанья,
И жениться не моги...
Не позволитъ!—Оглянулся:
Онъ ужъ тамъ,—и снова весь
Мысль и дѣло;—покачнулся,
Задремалъ ты—онъ ужъ здѣсь.
Тамъ нашелъ онъ ключъ цѣлебный,
Тамъ—серебряный рудникъ,
Тамъ устроилъ домъ учебный,
Тамъ богатствъ открылъ родникъ;
Тамъ взрываетъ камней груду,
Тамъ дворянъ зоветъ на смотръ...
А межъ-тѣмъ наука всюду,
И въ наукѣ всюду—Петръ.
Разъ, замѣтивъ захолустье —
Лѣсъ, болотный уголокъ,

---

[1]) Альбіонъ—Англія.
[2]) Цесарцы—австрійцы.
[3]) Ассамблея—вечеринка, бесѣда.
[4]) Откружилъ—протанцовалъ.

Глушь кругомъ, при Невскомъ устьѣ—
Заложилъ онъ городокъ [1])...
— Шатокъ грунтъ — да сбоку море:
Расхлеснемъ къ Европѣ путь!
Эта дверь не на-затворѣ:
Дѣло сладимъ какъ-нибудь.—

Нынче сказана граница,
Завтра срублены лѣса,—
Чрезъ десятокъ лѣтъ—столица,
Черезъ сотню—чудеса!
Смерть смежила царски очи:
Но безсмертныя дѣла,
Но слѣды широкой мочи
Русь въ наслѣдье приняла.

(В. Бенедиктовъ).

17. Никита Демидовъ.

I. Молодость его относится къ первому времени царствованія Петра Великаго, т. е. къ концу XVII вѣка. Двадцати лѣтъ отъ роду онъ поступилъ въ работники къ кузнецу на тульскихъ заводахъ, получая платы алтынъ въ недѣлю. Весь свой заработокъ за первыя пять недѣль Никита отдалъ своей матери, сказавъ: «Вотъ тебѣ, матушка, за то, что ты меня кормила и поила»! Когда его стали перезывать въ другую мастерскую, обѣщая притомъ втрое большую плату, Демидовъ не согласился, а сказалъ о томъ своему хозяину, прибавивъ: «я не хочу забыть твоего хлѣба и соли: лучше ты самъ прибавь мнѣ что-нибудь».

II. Видя способности и прилежаніе Никиты, кузнецъ согласился. Въ 1699 году, по присланному Петромъ Великимъ иностранному образу, Демидовъ первый сдѣлалъ ядро и алебарду [2]), а вскорѣ, заведя свою фабрику, сработалъ по иностраннымъ же образцамъ первыя русскія ружья. Такъ какъ въ то время начиналась война со Швеціей, то издѣлія Демидова обратили на себя вниманіе Петра, который велѣлъ ему распространить свою фабрику, сказавъ, что самъ его не оставитъ. На полученныя отъ Государя деньги Демидовъ построилъ въ Тулѣ большой желѣзный заводъ и на немъ выдѣлывалъ для казны ружья и другіе военные снаряды, назначая за нихъ цѣну дешевле обыкновенной. Пожертвованія эти онъ продолжалъ дѣлать во все время войны. За такія дѣла, конечно, онъ получалъ и хорошее вознагражденіе: ему были даны земли въ Сибири, съ правомъ пріобрѣтать новыя покупкою; тамъ Демидовъ построилъ нѣсколько желѣзныхъ заводовъ и одинъ мѣдный въ нынѣшней пермской губерніи. Дѣла Демидова пошли такъ хорошо, что впослѣдствіи онъ владѣлъ уже многими заводами въ разныхъ губерніяхъ и постоянно старался, устраивая свои дѣла, приносить вмѣстѣ съ тѣмъ пользу и государству; бралъ на себя казенные подряды, на выгодныхъ для казны условіяхъ, производилъ горныя работы по добыванію гранита, порфира и мѣди въ рудникахъ нынѣшней Иркутской губерніи.

III. Человѣкъ вообще простой и скромный, Никита Демидовъ,

[1]) Петербургъ.
[2]) Алебарда—длинная пика, на концѣ которой находится родъ топора.

хотя и пріобрѣлъ уже большое богатство своими издѣліями и работами на принадлежавшихъ ему заводахъ, но рѣшительно отказался отъ всѣхъ чиновъ и отличій, предложенныхъ ему Петромъ Великимъ, и только едва принялъ дворянство. Этотъ Государь такъ цѣнилъ дѣятельность Демидова (которая въ то время, при переустройствѣ государства и при военныхъ обстоятельствахъ, дѣйствительно была очень полезна), что однажды сказалъ: «я счелъ-бы себя счастливымъ, если бы имѣлъ пять, шесть или даже меньше такихъ людей, какъ Демидовъ». Петръ Великій, самъ человѣкъ характера энергическаго и дѣятельнаго, любилъ встрѣчать тѣ же качества и въ другихъ, и потому, какъ извѣстно, взялъ многихъ своихъ приближенныхъ изъ простаго званія. А дѣятельность Никиты Демидова, поднявшагося изъ бѣдного крестьянина до богача-заводчика, была, сверхъ того, обращена на пользу молодого государства, чѣмъ объясняется и первоначальное его возвышеніе и позднѣйшее значеніе.

18. Ломоносовъ.

Первый русскій ученый и поэтъ.

I. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ родился въ 1711 году и былъ сынъ крестьянина деревни Денисовки, Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Отецъ его былъ рыбакъ и сына своего готовилъ къ тому же промыслу. Но Богъ опредѣлилъ ему другую жизнь. Мальчикъ какъ-то выучился грамотѣ и, будучи отъ природы очень уменъ и любознателенъ, пристрастился къ чтенію. Онъ прочиталъ все, что было подъ рукою — часословъ, псалтирь и другія церковныя книги; у сосѣда нашлись славянская грамматика и ариѳметика, напечатанныя по повелѣнію императора Петра для школъ; Ломоносовъ выпросилъ ихъ себѣ въ подарокъ и съ такимъ усердіемъ читалъ, что выучилъ наизусть. Но вскорѣ его постигло горе.

Ломоносовъ.

Онъ лишился матери, а отецъ женился на другой женѣ. Мачиха стала преслѣдовать и укорять пасынка за то, что онъ все читаетъ и не занимается «настоящимъ дѣломъ», не помогаетъ отцу ловить рыбу.

II. Между тѣмъ жажда къ знанію въ молодомъ рыбакѣ день ото дня становилась все сильнѣе. Кромѣ того ему приходилось слышать

разсказы отъ богомольцевъ и отъ купцовъ о великихъ дѣлахъ Петра, о школахъ, заведенныхъ имъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Это еще болѣе разжигало въ немъ желаніе учиться, и онъ рѣшился пробраться въ Москву, чтобы тамъ поступить въ школу. Но какъ же это сдѣлать? проситься у отца—нечего было и думать: отецъ къ сожалѣнію ничего не понималъ въ наукѣ; онъ, напротивъ, собирался женить сына и уже подыскалъ ему выгодную невѣсту. Тогда Ломоносовъ рѣшился покинуть родительскій домъ: тайкомъ отъ отца выхлопоталъ себѣ паспортъ, выпросилъ у знакомаго крестьянина китайчатое полукафтанье да нѣсколько денегъ и въ одну морозную ночь бѣжалъ, взявъ съ собой свои книги. Дорогою онъ нагналъ обозъ съ рыбою и съ этимъ обозомъ прибылъ въ Москву. Ему было тогда около 19 лѣтъ. Непривѣтливо встрѣтила Москва молодого крестьянина, жаждавшаго науки. У Ломоносова не было здѣсь ни родныхъ, ни знакомыхъ, а въ карманѣ ни копейки. Первую ночь онъ долженъ былъ провесть въ саняхъ подъ открытымъ небомъ. Но на другой день въ обозъ пришелъ какой-то землякъ, который, узнавъ, зачѣмъ пріѣхалъ парень въ Москву, взялъ его къ себѣ и обѣщался опредѣлить въ школу въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. При помощи знакомыхъ дѣло было устроено. Но только Ломоносова, несмотря на взрослыя лѣта, посадили въ самый низшій классъ, такъ какъ онъ не зналъ латинскаго языка, который былъ необходимъ въ этой школѣ. Съ жаромъ принялся Ломоносовъ за ученье; черезъ полгода онъ былъ уже переведенъ въ слѣдующій классъ и такъ въ теченіе пяти лѣтъ прошелъ весь курсъ наукъ и выучился латинскому и греческому языкамъ. Но это стоило ему большихъ трудовъ, страданій и лишеній. Съ одной стороны онъ терпѣлъ большую нужду въ средствахъ: школа выдавала только 90 к. въ мѣсяцъ, или по алтыну въ день, а этихъ денегъ едва доставало на хлѣбъ и квасъ. Съ другой стороны его сокрушали жалобы отца на то, что онъ покинулъ его. Все вынесъ и преодолѣлъ Михаилъ Васильевичъ, *сгорая любовію къ наукѣ*. Но вотъ и московская школа не удовлетворяетъ Ломоносова. Онъ просится въ Кіевъ, гдѣ, по слухамъ, учили лучше и больше.

III. Съ котомкой за плечами и съ палкою въ рукахъ прибылъ нашъ ученый крестьянинъ въ древнюю столицу Россіи. Здѣсь, дѣйствительно, книгъ онъ нашелъ больше и съ жадностію перечиталъ ихъ. Но и это ученье не особенно понравилось ему. По возвращеніи изъ Кіева Ломоносову представился случай продолжать образованіе.

По мысли и плану Петра Великаго, въ Петербургѣ учреждена была Академія Наукъ, т.-е. собраніе ученыхъ, которые занимались науками. При Академіи находилась также гимназія или школа, гдѣ учили молодыхъ людей. И въ эту-то школу потребовали теперь изъ Москвы нѣсколько лучшихъ учениковъ. Ломоносовъ былъ отправленъ въ числѣ этихъ лучшихъ, несмотря на то, что туда принимали только дворянскихъ дѣтей. Въ Петербургѣ онъ

поучился съ годъ времени, а потомъ, тоже какъ лучшій ученикъ, былъ отправленъ за границу учиться у нѣмецкихъ профессоровъ. Михаилъ Васильевичъ былъ внѣ себя отъ радости. Теперь онъ могъ узнать всю тогдашнюю премудрость. И дѣйствительно, уже одно пребываніе въ странѣ образованной принесло ему громадную пользу. Тутъ только онъ понялъ всю цѣну образованія. «Тѣ же люди, да не тѣ», говаривалъ онъ; «какая безконечная разница между образованнымъ человѣкомъ и необразованнымъ!» Но кромѣ того, за границею, въ Германіи, онъ попалъ въ ученики къ такому ученому человѣку (Вольфу), который своею ученостію былъ извѣстенъ всему свѣту. Ломоносовъ пробылъ за границею около 4 лѣтъ и все это время работалъ неустанно. Профессора удивлялись его трудолюбію, его успѣхамъ и природнымъ дарованіямъ. Онъ скоро усвоилъ нѣмецкій языкъ, выучился французскому, узналъ многія науки и, наконецъ, сдѣлался такимъ образованнымъ человѣкомъ, какихъ въ Россіи тогда не было.

IV. Живя за границей, Ломоносовъ удивилъ также и своихъ соотечественниковъ талантомъ своимъ. Въ это время въ Россіи царствовала Анна Іоанновна. Она вела войну съ Турціею. Послѣ Петра I турки и крымскіе татары были уже не страшны намъ. Русскіе разбивали ихъ на каждомъ шагу. Вотъ однажды мы взяли сильную турецкую крѣпость Хотинъ. Вѣсть объ этомъ облетѣла всю Европу. Ломоносовъ также услыхалъ объ этой побѣдѣ и пришелъ въ восторгъ. Онъ написалъ по этому случаю стихи («Оду на взятіе Хотина») и прислалъ ихъ въ Академію. Здѣсь всѣ были поражены звучностію и легкостію ихъ. Такихъ хорошихъ стиховъ тогда еще никто въ Россіи не могъ писать. Ихъ представили императрицѣ, читали при дворѣ, въ городѣ и вездѣ съ восторгомъ. Съ этихъ поръ и пошла слава о рыбакѣ Ломоносовѣ, какъ первомъ русскомъ поэтѣ, или стихотворцѣ.

V. Но, несмотря на славу, Ломоносову пришлось еще много вытерпѣть горя. Академія не слишкомъ исправно высылала за границу жалованье своимъ студентамъ, и они принуждены были дѣлать долги. Ломоносовъ же, кромѣ того, женился тамъ на бѣдной дѣвушкѣ, дочери одного ремесленника; у него родилась дочь, расходы увеличились, и онъ впалъ въ такіе долги, что долженъ былъ скрыться отъ своихъ заимодавцевъ и тайкомъ бѣжалъ въ Россію, оставивъ до времени жену и дочь за границей. Несчастія Ломоносова этимъ не кончились.

Повидимому, слѣдовало бы ожидать, что Академія съ радостію приметъ такого талантливаго и образованнаго человѣка, каковъ былъ Ломоносовъ. Оказалось противное. Академія наша была тогда наполнена нѣмецкими учеными, которые старались не давать ходу русскимъ. Когда Ломоносовъ, прибывши въ Петербургъ, обратился къ начальнику Академіи, то этотъ сначала даже не принялъ его, и первому русскому ученому пришлось бы, по возвращеніи на родину,

провесть первую ночь на улицѣ, если бы надъ нимъ не сжалился академическій сторожъ, который пустилъ его переночевать къ себѣ. Какъ ученѣйшій человѣкъ, Ломоносовъ, несмотря на нежеланіе нѣмцевъ-академиковъ, опредѣленъ былъ, однакожъ, профессоромъ въ Академію и теперь всего себя посвятилъ наукѣ. Онъ преподавалъ и занимался разными предметами: русскимъ языкомъ, русскою исторіею, физикою, химіею и другими; онъ написалъ *первую* русскую грамматику, учебникъ русской исторіи. Множество мыслей роилось въ головѣ этого геніальнаго человѣка. Онъ первый объяснилъ русскимъ, отчего бываетъ тепло, откуда берется дождь, что такое планеты небесныя, кометы, отчего происходитъ сѣверное сіяніе и многое другое. Много также Ломоносовъ сочинилъ стиховъ, а главное—показалъ, какъ нужно писать стихи, чтобы они выходили болѣе или менѣе хороши. Усталости не зналъ этотъ человѣкъ. Онъ трудился, можно сказать, за цѣлую Россію.

VI. Неутомимая дѣятельность Ломоносова тѣмъ болѣе должна поражать каждаго, что онъ, будучи уже профессоромъ, продолжалъ терпѣть нужду и разныя лишенія. Года черезъ два только по возвращеніи изъ-за границы онъ могъ перевезти къ себѣ свою семью. Много огорченій и непріятностей испытывалъ онъ также отъ нѣмцевъ-академиковъ. Положеніе Ломоносова стало улучшаться только съ того времени, когда въ немъ приняли участіе люди сильные, напримѣръ: Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, графъ Воронцовъ и другія лица, имѣвшія большую силу при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, дочери Петра Великаго. Они довели до свѣдѣнія императрицы объ его ученыхъ трудахъ, и она пожаловала ему мызу и деревню недалеко отъ Ораніенбаума. Еще болѣе цѣнила перваго русскаго поэта и ученаго императрица Екатерина II. Она наградила его чинами и орденами; ласково принимала его во дворцѣ и разговаривала съ нимъ объ ученыхъ предметахъ.

VII. Но не возгордился Михаилъ Васильевичъ ни высокою милостью царскою, ни чинами своими великими, ни дружбой вельможъ именитыхъ. До конца дней своихъ оставался онъ все такимъ же простымъ да привѣтливымъ ко всякому, кто бы онъ ни былъ; никогда не стыдился онъ своего происхожденія, всегда съ большой радостью и лаской принималъ своихъ холмогорскихъ родственниковъ и земляковъ.

Однажды ему говорятъ, что его ждетъ какой-то старичокъ... Ломоносовъ выходитъ и видитъ передъ собой Пимена Никитича, того самаго приказчика, который спасъ его отъ мороза и голода на архангельской дорогѣ и помогъ добраться до Москвы. Какъ же обрадовался ему Михаилъ Васильевичъ! Не зналъ, куда усадить, чѣмъ угостить дорогого гостя. Сначала долго не рѣшался Пименъ сѣсть предъ такимъ важнымъ бариномъ; но Михаилъ Васильевичъ такъ обласкалъ своего перваго благодѣтеля, что старикъ скоро ободрился и началъ разсказывать ему, какъ онъ разорился и теперь, въ нищетѣ,

не знаетъ, куда приклонить свою голову. На первое время Ломоносовъ пріютилъ его у себя, а потомъ выхлопоталъ ему мѣсто въ богадѣльнѣ, часто навѣщалъ его тамъ и помогалъ ему деньгами.

VIII. Неустанные и чрезмѣрные труды Ломоносова сильно разстроили его здоровье. На 54-мъ году его жизни недуги стали такъ крѣпко одолѣвать его, что онъ принужденъ былъ даже оставить свои занятія. Въ это время, уже подъ конецъ дней его, императрица почтила его послѣдней и величайшей наградой: она посѣтила больного Ломоносова въ его собственной квартирѣ, уговаривала его беречь себя и утѣшала надеждой на выздоровленіе. Слезы радости текли изъ глазъ его, когда онъ провожалъ царицу до ея экипажа, и въ теченіе нѣсколькихъ дней казался здоровымъ. Но болѣзнь брала свое, и 4-го апрѣля 1765 г. Ломоносовъ умеръ. И вотъ, бѣглаго холмогорскаго крестьянина, за тридцать лѣтъ передъ этимъ украдкой вошедшаго въ Москву, испытавшаго затѣмъ въ своей жизни много горя, лишеній и всякихъ бѣдъ, провожали теперь въ мѣсто упокоенія знатнѣйшее духовенство и вельможи. Государыня пожаловала большую сумму денегъ на его погребеніе, которое было такъ пышно, какъ обыкновенно хоронятъ только очень важныхъ особъ.

Тѣло его погребено въ С.-Петербургѣ на кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ покоятся первые вельможи русскіе и люди, особенно прославившіеся своими заслугами отечеству.

(По Рождественскому и друг.).

19. Отрокъ [1]).

Неводъ рыбакъ разстилалъ по берегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.

(Пушкинъ).

20. Ломоносовъ.

Его избралъ Господь отъ малыхъ;
Ему открылся въ блескѣ льдовъ,
Въ сіяньи звѣздъ и въ зоряхъ алыхъ,
Въ раскатѣ волнъ, въ шуму лѣсовъ...

—

И, повелѣвъ оставить сѣти,
Повелъ его изъ града въ градъ,—
Чтобъ Русь позналъ отъ темной клѣти
До свѣтлыхъ княжескихъ палатъ.

—

Повелъ его на западъ славный,
Чтобъ воспріялъ онъ въ разумъ тамъ

---

[1]) Подъ отрокомъ здѣсь разумѣется Ломоносовъ.

Все откровенное издавна
Великимъ, избраннымъ мужамъ;—
Чтобъ отъ свѣтильника ихъ знаній
Свѣтильникъ свой онъ воспалилъ
И, высоко держа во длани,
Весь край родной имъ озарилъ. (*Майковъ*).

21. Школьникъ.

—Ну, пошелъ же, ради Бога!
Небо, ельникъ и песокъ—
Невеселая дорога...
—Эй! садись ко мнѣ, дружокъ!—
Ноги босы, грязно тѣло,
И едва прикрыта грудь...
—Не стыдися! что за дѣло!
Это многихъ славныхъ путь.
Вижу я въ котомкѣ книжку,
Такъ, учиться ты идешь?..
Знаю: батька на сынишку
Издержалъ послѣдній грошъ,
Знаю, старая дьячиха
Отдала четвертачекъ,
Что проѣзжая купчиха
Подарила на чаекъ.
Или, можетъ, ты дворовый,
Изъ отпущенныхъ?.. Ну, что-жъ!
Случай тоже ужъ не новый—
Не робѣй, не пропадешь!..
Скоро ты узнаешь въ школѣ,
Какъ Архангельскій мужикъ,
По своей и Божьей волѣ,
Сталъ разуменъ и великъ.
Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ—
Кто-нибудь свезетъ въ Москву,
Будешь въ университетѣ [1])—
Сонъ свершится на яву!
Тутъ ужъ поприще широко:
Знай работай, да не трусь...
Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!
Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ то-и-знай,—
Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой,
Посреди пустыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой!.. (*Некрасовъ*).

22. Императрица Екатерина Великая.

I. Екатерина Великая, дочь владѣтельнаго нѣмецкаго князя, тринадцати лѣтъ пріѣхала въ Россію. Въ Россіи Екатерина приняла православную вѣру и вышла замужъ за наслѣдника русскаго престола Петра III. Со дня пріѣзда въ Россію она усердно принялась изучать русскій языкъ, русскіе обычаи, внимательно вслушивалась и всматривалась во все, что вокругъ ея дѣлалось, сносилась и бесѣдовала съ умными людьми и весь досугъ свой отдавала чтенію книгъ. Послѣ смерти супруга своего, императора Петра III, въ 1762 г., Екатерина, тридцати съ небольшимъ лѣтъ, сдѣлалась самодержавною русскою царицею, и тогда-то обнаружились накопленныя въ ней долгими годами мудрость, знаніе людей и опытность. Въ тридцати-четырехлѣтнее ея царствованіе въ Россіи шла безпрерывная работа: то докан-

[1]) Университетъ—высшее учебное заведеніе.

чивалось что—либо, начатое Петромъ Великимъ: то выполнялось только задуманное имъ, одно исправлялось и улучшалось, другое дѣлалось заново. Изъ внутреннихъ дѣлъ Екатерины особенно важны слѣдующія: она устроила новые лучшіе суды и очень заботилась, чтобы всякій обиженный могъ найти въ нихъ защиту и чтобы никто не страдалъ отъ суда безвинно. «Лучше», говорила мудрая царица, «оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить хоть одного невиннаго!» Для лучшаго устройства и порядка Екатерина раздѣлила Россію на 50 губерній, а каждую губернію на уѣзды. Жителямъ городовъ она предоставила право самимъ вѣдаться въ своихъ дѣлахъ; для этого по городамъ устроены были думы, состоящія изъ выборныхъ отъ горожанъ для завѣдыванія городскимъ хозяйствомъ. Подобныя же права управляться самимъ посредствомъ выборныхъ, Екатерина даровала и дворянамъ, и купцамъ, и крестьянамъ. Во многихъ городахъ императрица открыла новыя училища, какъ мужскія, такъ и женскія, и устроила нѣсколько благотворительныхъ заведеній для вдовъ и сиротъ; очень много заботилась объ увеличеніи въ Россіи фабрикъ и заводовъ и о расширеніи торговли; она со всѣми европейскими народами заключила торговые договоры и издала очень много полезныхъ для Россіи законовъ.

Императрица Екатерина Великая.

II. Все это и многое еще другое Екатерина успѣла сдѣлать среди длиннаго ряда войнъ, которыя пришлось ей вести съ сосѣдями. Главными врагами Россіи въ то время были турки; султанъ турецкій два раза объявлялъ войну Екатеринѣ и оба раза потерпѣлъ страшныя пораженія. Въ первую изъ этихъ войнъ начальникомъ русскихъ былъ Румянцевъ, который нѣсколько разъ жестоко побилъ турокъ; но особенно славна побѣда его была при рѣкѣ Кагулѣ, гдѣ онъ съ 17-ю тысячами русскаго войска разбилъ на-голову 150 тысячъ лучшаго турецкаго войска. Въ ту же войну русскій флотъ, подъ начальствомъ Орлова, взорвалъ и сжегъ всѣ турецкіе корабли при Чесмѣ. Вторая война для турокъ была еще гибельнѣе первой; въ эту войну прославился великій русскій полководецъ Суворовъ. Изъ множества большихъ и малыхъ побѣдъ его надъ турками самыми замѣчательными

были: взятіе штурмомъ неприступной крѣпости Измаила и уничтоженіе стотысячной турецкой арміи при рѣкѣ Рымникѣ. Эти славныя побѣды русскихъ войскъ принудили турецкаго султана уступить намъ сѣверный берегъ Чернаго моря и весь Крымъ. Кромѣ турокъ Екатерина вела еще нѣсколько большихъ войнъ съ поляками. Поводомъ къ этимъ войнамъ были древнія русскія земли, которыя еще во время татарской неволи отняты были у Россіи Литвою, а потомъ подпали подъ власть поляковъ. Народъ въ этихъ областяхъ исповѣдывалъ православную вѣру, а поляки, чтобы укрѣпить эти земли за собою навсегда, старались обратить жителей этихъ земель въ свою католическую вѣру. А какъ русскій народъ крѣпко стоялъ за свою вѣру, то поляки и дѣлали ему различныя притѣсненія. За этотъ-то угнетенный народъ и вступилась императрица. Войска наши разбили поляковъ и заняли Польшу. Въ Польшѣ начались неурядицы, безначаліе, смуты; тогда три сосѣднія государства—Россія, Австрія и Пруссія раздѣлили Польшу между собою. Россіи при этомъ дѣлежѣ досталась часть Балтійскаго побережья и старинныя русскія земли, бывшія подъ властью Польши. За блестящія побѣды Екатерины и ея мудрые внутренніе порядки всѣ единодушно назвали ее Великой.

(Изъ Хрест. Пуцыковича).

23. Екатерина Великая въ домашнемъ и царскомъ быту.

I. Екатерина была средняго роста, стройна, плѣнительной красоты, слѣды которой не истребились до самой ея кончины. Въ голубыхъ ея глазахъ изображалась скромность, доброта и спокойствіе духа. Она говорила тихо, и пріятная улыбка обворожала всѣхъ. Какъ ни старалась она скрывать свой санъ, но необыкновенно величественный видъ ея вселялъ уваженіе во всякомъ; не видавшій ея никогда призналъ бы въ ней императрицу и среди толпы. Знаменитые иностранцы говорили объ этой государынѣ, что она рождена быть владычицею народовъ.

II. Екатерина была нрава тихаго, спокойнаго, веселаго и, въ противоположность тому, иногда вспыльчиваго.

Оплошность, медленность, недогадливость служителей извиняла снисходительно, а при необходимости упрекала съ кротостью, какъ мать, поучающая своихъ дѣтей. Привѣтливость, одобреніе, доставленіе какого-нибудь удовольствія входили въ ея правила. Она обладала превосходнымъ искусствомъ давать оттѣнки всякой своей рѣчи, всякому своему движенію и даже взгляду.

Она кланялась, принимала вельможъ неодинаково, по достоинствамъ, лѣтамъ и заслугамъ каждаго.

III. Екатерина пробуждалась всегда въ 6 часовъ и не требовала себѣ никакой прислуги. Сама обуется, одѣнется, зажжетъ свѣчу, затопитъ каминъ, и тогда какъ почти всѣ люди во дворцѣ еще спали,

императрица уже исполняла свои обязанности. До такой степени она дорожила спокойствіемъ послѣдняго изъ своихъ подданныхъ!

Однажды, во время такого уединенія, когда пылалъ огонь въ каминѣ, когда все вокругъ ея безмолвствовало, раздался дикій голосъ: „потушите скорѣй огонь"! Изумленная Екатерина спросила: кто тамъ, кричитъ?—„Я, отозвался сквозь пустоту камина трубочистъ,—я чищу трубу: погасите скорѣй, мнѣ горячо".—Императрица принесла кружку воды, залила дрова, и узнавъ, что труба отъ самаго верха была прямая, приказала ее исправить.

IV. По окончаніи занятій своихъ и утренняго туалета, государыня вступала въ кабинетъ, куда приносили ей левантскій кофе съ густыми сливками. Потомъ опять садилась за дѣла и занималась до 9 часовъ. Въ это время являлись къ ней разныя должностныя лица съ бумагами. Первый входилъ оберъ-полицеймейстеръ съ докладомъ о происшествіяхъ, о цѣнахъ на жизненные припасы, потомъ приходили: генералъ-прокуроръ, президентъ, статсъ-секретари и другія лица.

Всѣ часы были распредѣлены, бумаги по статьямъ лежали на опредѣленныхъ мѣстахъ; особы съ отличными способностями, раздѣляя съ нею труды, пользовались ея довѣренностію, привыкали къ должностямъ, къ ея нраву, правиламъ. Всякій зналъ, что когда дѣлать, и единообразіе въ этомъ никогда не измѣнялось. Кто видѣлъ это при восшествіи Екатерины на престолъ, тотъ не примѣчалъ никакой въ томъ перемѣны чрезъ 34 года, до самой ея кончины.

V. Она была для домашнихъ не повелительницею, а нѣжнѣйшею матерью; они малѣйшее ея неудовольствіе принимали съ прискорбіемъ и легкій упрекъ почитали большимъ наказаніемъ. Государыня обходилась съ ними кротко, вѣжливо, извиняла ихъ недостатки, входила въ ихъ положеніе, доставляла имъ разныя удовольствія, покоила ихъ, дорожила ими. Однажды захотѣла она пить, и зная, что дневальный камердинеръ въ это время, по обыкновенію своему, дремлетъ, нѣсколько разъ осторожно отворяла дверь и всякій разъ безъ успѣха возвращалась къ своимъ кресламъ. Прошло болѣе получаса въ терпѣніи, наконецъ она позвонила; выспавшійся камердинеръ принесъ ей воды съ морсомъ, и тогда императрица объявила ему, что его дремота долго мучила ее жаждою.

VI. Екатерина садилась за обѣдъ въ два часа. За столомъ находилось всегда восемь или десять особъ. Обходились просто, говорили свободно. Разсуждали иногда объ европейскихъ новостяхъ, о поступившихъ въ свѣтъ сочиненіяхъ, о смѣшныхъ или примѣчательныхъ происшествіяхъ въ столицѣ. Все позволялось, исключая обидныхъ или острыхъ словъ насчетъ другого: Екатерина не терпѣла злословія. Гости видѣли въ ней ласковую, любезную хозяйку, а не императрицу, и время, проведенное съ нею, оставалось у всѣхъ надолго въ памяти. Она дорожила самолюбіемъ каждаго; обращала вниманіе на его разсужденія, соображая, что, кто доволенъ собою, тотъ доволенъ и ею.

Природа надѣлила Екатерину превосходнымъ искусствомъ восхищать взоры, душу и сердце.

VII. Послѣ обѣда, выпивъ чашку кофе, Екатерина уходила въ свой кибинетъ, садилась за рукодѣлье, вязала на длинныхъ спицахъ изъ шерсти одѣяла, фуфайки, а Иванъ Ивановичъ Бецкой (начальникъ воспитательныхъ заведеній) читалъ предъ нею книги. Ужиновъ, кромѣ праздничныхъ дней, не было. Въ 10-ть часовъ она удалялась, ложилась въ постель, пила отварную воду и спокойно засыпала.

VIII. Императрица исполняла съ точностію всѣ уставы вѣры, слушала въ воскресные и праздничные дни заутрени, обѣдни, наблюдала посты и собою подавала примѣръ въ благочестіи.

IX. Для параднагo женскаго наряда при дворѣ Екатерина ввела русское платье. Она сохранила русскіе обычаи, знала многія пословицы, поговорки.

На святкахъ пѣли при ней подблюдныя пѣсни, играли въ жмурки, въ веревочку, кошку и мышку, въ хороводы. Она хотѣла поддержать старинныя русскія обыкновенія и сама участвовала въ играхъ.

X. Русскій языкъ предпочитала всѣмъ другимъ. „Нашъ языкъ,—писала она къ одному извѣстному французскому сочинителю,—такъ богатъ, силенъ и выразителенъ, что изъ него можно дѣлать все по желанію, а вашъ столь бѣденъ, что надобно быть вами, чтобы изъясниться съ такою пріятностію".

XI. Она любила русское дворянство и вообще весь русскій народъ. Она говорила, что народъ русскій есть особенный во всемъ мірѣ, что Богъ далъ ему особенныя отъ другихъ свойства. Она была рождена для нашего отечества, гордилась званіемъ Сѣверной Владычицы; все, что только принадлежало Россіи, было для нея драгоцѣннымъ. Когда послѣ продолжительной болѣзни, она показалась собранію, всѣ обрадовались, подходили къ ней съ привѣтствіями. „Лучше поздравьте меня, сказала императрица, что мой докторъ выпустилъ изъ меня послѣднюю нѣмецкую кровь".

XII. Въ 1790-хъ годахъ служилъ въ сенатѣ секретаремъ Позднякъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ домашнимъ секретаремъ при Дм. Прокофьевичѣ Трощинскомъ. Однажды Трощинскій передалъ ему подписанный императрицею указъ для снятія съ него копіи. Позднякъ положилъ его отдѣльно отъ прочихъ бумагъ и, дабы онъ не запачкался, вложилъ его въ обложку. Придя домой, занялся разборкою бумагъ и черновыя, ненужныя, началъ разрывать; въ числѣ этихъ нечаянно захватилъ обложку, въ которой былъ указъ императрицы, и вмѣстѣ съ указомъ, разорвалъ ее. Увидавъ сейчасъ-же свою ошибку, онъ страшно испугался: сначала хотѣлъ броситься въ Неву, но потомъ, не измѣняя своего намѣренія, рѣшился прежде зайти въ Казанскій соборъ и, передъ смертью, помолиться и испросить у Бога прощенія своему невольному самоубійству. Во время молитвы ему почудилось, что будто кто-то совѣтовалъ ему все это объяснить прямо императ-

рицѣ. Изъ собора онъ возвратился домой и, надѣвъ свой сенатскій мундиръ, поѣхалъ въ Царское, гдѣ въ то время жила государыня. Тамъ онъ остановился у священника, которому разсказалъ свое горе. Священникъ принялъ въ немъ участіе и сказалъ ему, что обыкновенно, въ 7 часовъ утра, императрица гуляетъ съ одною дамою въ саду, указалъ мѣсто ея гулянья и даже посовѣтовалъ, гдѣ ему остановиться и ждать государыню, — это было на поворотѣ изъ одной аллеи въ другую.

Онъ такъ и сдѣлалъ.

На другой день, забравшись часовъ въ 6, онъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ императрицы. Дѣйствительно, въ 7 часовъ показалась она въ сопровожденіи одной дамы. Тогда онъ всталъ на колѣна; императрица замѣтила его, не доходя нѣсколько шаговъ, и остановилась въ нерѣшительности; но потомъ, видя сенатскій мундиръ и смиренную колѣнопреклоненную позу, подошла къ нему и спросила, что ему нужно. Онъ разсказалъ ей свое горе.

— Ты не лжешь, спросила его государыня, —дѣйствительно ты по ошибкѣ разорвалъ мой указъ?

— Богъ свидѣтель, матушка, что ошибкою, отвѣчалъ Позднякъ.

— А кто писалъ указъ? спросила императрица.

— Я, матушка государыня, отвѣчалъ онъ.

— Ну, ступай перепиши и завтра, въ это время, будь здѣсь.

Онъ такъ и исполнилъ.

На другой день, въ 7 часовъ утра, онъ былъ уже на томъ самомъ мѣстѣ: съ нимъ была чернильница и перо.

Императрица опять явилась въ сопровожденіи этой же дамы; увидѣвъ его, подозвала къ себѣ, взяла указъ, прочитала и, приказавъ ему наклониться, подписала у него на спинѣ. Отдавая ему, сказала:

— Прежде всего благодари Бога, что онъ удержалъ тебя отъ самоубійства и внушилъ тебѣ мысль явиться ко мнѣ, а потомъ, чтобъ объ этомъ никто, кромѣ тебя и меня, не зналъ.

Онъ свято исполнилъ волю императрицы: никогда и никому объ этомъ не говорилъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ требуетъ его къ себѣ Трощинскій; онъ является.

— Давно ли ты задними ходами, мимо начальства, ходишь къ императрицѣ?—грозно спросилъ его Трощинскій.

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство, я никогда не бывалъ у императрицы, отвѣчалъ Позднякъ.

— Врешь! Матушка-царица жалуетъ тебѣ 300 душъ и Владимірскій крестъ; на, возьми его и сейчасъ подавай въ отставку. Я не хочу служить съ тѣми, кто забѣгаетъ къ государынѣ задними ходами.

Позднякъ въ испугѣ передалъ тогда Трощинскому все происшествіе. Трощинскій взялъ его за руку, подвелъ къ образу, поставилъ на колѣна и самъ всталъ, сказавъ: „будемъ молиться за матушку ца-

рицу,—такой другой намъ не нажить,"—и оставилъ его на службѣ. („Рус. Стар". 1874 г. Т. II, стр. 370).

XIII. Въ одинъ изъ торжественныхъ дней, въ которые Екатерина всенародно приносила въ Казанскомъ соборѣ моленіе и благодареніе Господу Богу, небогатая дворянка, упавъ на колѣна передъ образомъ Божіей Матери, повергла предъ нимъ бумагу. Императрица, удивленная такимъ необыкновеннымъ дѣйствіемъ, приказываетъ подать себѣ эту бумагу, и что же видитъ? Жалобу Пресвятой Дѣвѣ на несправедливое рѣшеніе тяжбы, утвержденное Екатериной, которое повергаетъ просительницу въ совершенную бѣдность. „Владычица"! говоритъ она въ своей жалобѣ, просвѣти и вразуми благосердную нашу монархиню, да судитъ судъ правый".—Екатерина приказываетъ просительницѣ чрезъ три дня явиться къ ней во дворецъ. Между тѣмъ вытребываетъ изъ сената ея дѣло и прочитываетъ его съ великимъ вниманіемъ.

Прошло три дня. Дама, принесшая жалобу Царицѣ Небесной на царицу земную, является; ее вводятъ въ кабинетъ; съ трепетомъ приближается она къ императрицѣ.

— Вы правы, говоритъ Екатерина,—я виновата,—простите меня; одинъ Богъ совершенъ; а я вѣдь человѣкъ, но я поправляю мою ошибку; имѣніе ваше возвращается, а это (вручая ей драгоцѣнный подарокъ) примите отъ меня и не помните огорченій, вамъ нанесенныхъ. (Черты изъ жизни Екатерины II. „Древняя и новая Россія" Т. I).

XIV. Екатерина чрезвычайно любила маленькихъ дѣтей. Она привязывалась даже къ дѣтямъ своихъ служителей или къ сиротамъ, которыхъ воспитывала и которыми постоянно окружала себя, забавляясь ихъ проказами. Однажды полиція нашла на улицѣ ребенка, подкинутаго родителями. Императрица взяла его на свое попеченіе и такъ какъ онъ оказался красивымъ и умнымъ мальчикомъ, то сама занялась его образованіемъ и каждый день посылала въ школу брать уроки нѣмецкаго языка. Разъ ребенокъ возвратился изъ школы весьма печальный. Императрица посадила его къ себѣ на колѣна и съ участіемъ спросила о причинѣ горя.

— Ахъ, матушка, отвѣчалъ онъ, — я много плакалъ: нашъ учитель умеръ; его жена и дѣти въ большомъ отчаяніи; въ школѣ говорятъ, что они очень несчастливы, потому что бѣдны и теперь у нихъ нѣтъ никого, кто бы далъ имъ обѣдать.

Выслушавъ это, императрица поцѣловала ребенка и тотчасъ же послала одного изъ своихъ придворныхъ къ директору школы узнать подробнѣе о положеніи бѣднаго семейства. Когда ей донесли, что учитель умеръ, оставивъ семью въ крайней нищетѣ, она приказала выдать вдовѣ триста рублей, а дѣтей помѣстить на казенный счетъ въ одно изъ учебныхъ заведеній.

XV. Екатерина не терпѣла шутовъ, но держала около себя одну женщину по имени Матрену Даниловну, которая жила во дворцѣ на

всемъ готовомъ, могла всегда входить къ государынѣ, звала ее сестрицей и разсказывала о городскихъ новостяхъ и слухахъ. Слова ея нерѣдко принимались къ свѣдѣнію. Однажды Матрена Даниловна, питая почему-то неудовольствіе на оберъ-полицеймейстера Рылѣева, начала отзываться о немъ дурно.

— Знаешь ли, сестрица, говорила она императрицѣ,—всѣ имъ недовольны; увѣряютъ, что онъ нечистъ на руку.

На другой день, Екатерина, увидѣвъ Рылѣева, сказала ему:

— Никита Ивановичъ! пошли-ка Матренѣ Даниловнѣ что-нибудь изъ зимнихъ запасовъ твоихъ, право, сдѣлай это, только не говори, что я присовѣтовала.

Рылѣевъ не понималъ, съ какимъ намѣреніемъ императрица давала ему этотъ совѣтъ, однако же отправилъ къ шутихѣ нѣсколько свиныхъ тушъ, индѣекъ, гусей и т. п. Все это было принято весьма благосклонно.

Черезъ нѣсколько времени императрица сама начала въ присутствіи Матрены Даниловны дурно отзываться о Рылѣевѣ и выразила намѣреніе смѣнить его.

— Ахъ, нѣтъ, сестрица, отвѣчала Матрена Даниловна,—я передъ нимъ виновата: ошиблась въ немъ; всѣ твердятъ, что онъ человѣкъ добрый и безкорыстный.

— Да, да, возразила императрица съ улыбкой,—тебѣ нашептали это его гуси и утки. Помни, что я не люблю, чтобы при мнѣ порочили людей безъ основанія. Прошу впередъ быть осторожнѣе. (Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII в. Вейдемейера, СПБ. 1846 г. ч. II, стр. 158).

XVI. Камеръ-медхенъ императрицы, камчадалка Екатерина Ивановна, была очень забывчива. Однажды утромъ она не только забыла приготовить ледъ, составлявшій обыкновенно умываніе государыни, но даже сама ушла куда-то. Екатерина долго ее дожидалась, и когда, наконецъ, неисправная камеръ-медхенъ явилась, то императрица, вмѣсто ожидаемаго взысканія, обратилась къ ней съ слѣдующими словами:

— Скажи, пожалуйста, не думаешь ли ты навсегда остаться у меня во дворцѣ? Вспомни, что тебѣ надобно выходить замужъ, а ты не хочешь исправиться отъ своей безпечности. Вѣдь мужъ—не я: онъ будетъ строже меня взыскивать съ тебя. Право, подумай о будущемъ и лучше привыкай заранѣе. (Анекдоты объ императрицѣ Екатеринѣ Великой. Москва. 1839 г.).

XVII. Во время одного изъ съѣздовъ ко Двору, императрица стояла у окна и замѣтила, что какой-то кучеръ, сойдя съ козелъ, гладилъ и ласкалъ своихъ лошадей.

— Я слыхала, — сказала государыня присутствовавшимъ,—что кучерскими ухватками у насъ называются грубые, жестокіе поступки;

но посмотрите, какъ этотъ кучеръ обходится съ животными; онъ вѣрно добрый человѣкъ, узнайте, кто его господинъ?

Ей доложили, что кучеръ принадлежитъ сенатору Я. П. Шаховскому. Императрица приказала позвать Шаховского и встрѣтила его со слѣдующими словами:

— Къ вашему сiятельству есть челобитчица.

— Кто бы это, ваше величество? спросилъ удивленный Шаховской.

— Я, отвѣчала Екатерина:—вашъ кучеръ добросовѣстнѣе всѣхъ другихъ; я не могла довольно налюбоваться на его обращенiе съ лошадьми. Прибавьте, прошу, ему за это жалованье.

— Государыня! Сегодня же исполню ваше приказанiе.

— А чѣмъ же вы его наградите,—скажите мнѣ?

— Прибавкою пятидесяти рублей въ годъ.

— Очень довольна и благодарна, сказала императрица и подала Шаховскому руку. (Черты изъ жизни Екатерины Великой. СПБ. 1819 г. 218).

XVIII. Однажды графъ Салтыковъ поднесъ императрицѣ списокъ о производствѣ въ генералы. Чтобъ облегчить императрицѣ трудъ и обратить ея вниманiе, подчеркнулъ онъ красными чернилами имена тѣхъ, которыхъ производство, по его мнѣнiю, должно было остановить. Государыня нашла подчеркнутымъ имя бригадира князя Павла Дмитрiевича Цицiанова.

— Это за что?—спросила она.

— Офицеръ его ударилъ, отвѣчалъ Салтыковъ.

— Такъ что-жъ? Ты выйдешь отъ меня, изъ-за угла накинется на тебя собака, укуситъ, и я должна Салтыкова оставить? Князь Цицiановъ отличный, умный, храбрый офицеръ; имъ должно дорожить; онъ намъ пригодится. Такихъ людей у насъ немного!

И собственноручно отмѣтила: «Производится въ генералъ-майоры».

Екатерина не ошиблась: князь Цицiановъ оправдалъ ея мнѣнiе (Разсказы Де Санглена. „Русск. Стар.“ 1883 г.).

24. Суворовъ.

I. Василiй Ивановичъ Суворовъ, дослужившiйся до чина полнаго генерала и имѣвшiй нѣсколько деревень, вышелъ въ отставку и поселился въ одной деревнѣ Новгородской губернiи. Здѣсь жилъ съ нимъ и сынъ его Саша.

Саша былъ рѣзвый мальчикъ. Бѣгать, лазить по деревьямъ, купаться, ѣздить верхомъ—это была его страсть. Только за дверь—и пошелъ гулять подпрыгивая: тамъ перескочитъ, тамъ перелѣзетъ и очутится въ полѣ. Бродитъ, пока не устанетъ: то камешекъ поднимаетъ и разсматриваетъ его; то сорветъ цвѣтокъ и любуется имъ; то смотритъ вдаль и задумывается. Предъ нимъ яма: если узкая, перескочитъ ее; если неглубокая, прыгнетъ туда и, безъ сомнѣнiя, пере-

пачкается вдоволь, особенно на обратномъ пути оттуда. Предъ нимъ лѣсъ: онъ туда, и лазитъ по деревьямъ, не обращая вниманія на то, что изъ одной полы нерѣдко выходили у него двѣ-три, когда какому-нибудь сучку приходилось подружиться съ его кафтанчикомъ. Вотъ стреноженная лошадь пасется въ полѣ: онъ подходитъ къ ней, гладитъ ее, поправляетъ гриву, ласкаетъ морду, развязываетъ ноги, обѣими руками вцѣпляется въ гриву, взбирается на лошадь и мчится во весь опоръ, пока и тотъ, и другая не выбьются изъ силъ. Предъ нимъ ручеекъ, дай покупаться, и въ минуту онъ уже въ водѣ; часто купался онъ въ позднюю осень, когда начинались заморозки. Погоды не разбиралъ: вѣтеръ ли сильный, дождь ли большой, грязи ли много, а ужъ если затѣялъ прогулку, то непремѣнно пойдетъ. Весь промокнетъ, бывало, запачкаетъ и башмаки, и чулки, и кафтанчикъ: и все было ему ни почемъ. Точно готовилъ онъ себя для военныхъ походовъ.

II. Саша какъ рѣзвился отлично, такъ и учился прекрасно. Понуждать его къ ученію не нужно было: онъ занимался и усердно, и по доброй волѣ. Рѣдкое онъ былъ дитя,—не требовалъ ни побужденій и поощреній къ ученію, ни похвалъ или порицаній, ни угрозъ и наказаній, какъ это необходимо бываетъ для другихъ дѣтей! Тогда не было у насъ ни училищъ, ни учителей, ни наукъ такихъ, какія теперь есть: и Саша самъ учился уму-разуму чрезъ чтеніе книгъ, какія были въ библіотекѣ [1]) и въ библіотекѣ его отца; а домашній учитель сообщилъ ему только начальныя свѣдѣнія да выучилъ его французскому и нѣмецкому языкамъ. Саша читалъ книги преимущественно такія, въ которыхъ описывались герои, походы, битвы, или рѣчь шла о крѣпостяхъ, пушкахъ и т. п. Онъ разложитъ, бывало, на полу географическія карты, возьметъ въ руки книгу, ложится на карты, читаетъ въ книгѣ описаніе какой-нибудь войны, въ то же время слѣдитъ по картѣ за движеніемъ войскъ, потомъ беретъ бумагу и карандашъ и самъ чертитъ планы сраженій. Въ это время разражайся надъ нимъ громъ — не услышитъ; кто ни приходи къ нему — не замѣтитъ. Одинъ разъ въ шутку унесли при немъ все, что было у него на столѣ; и онъ тогда только замѣтилъ, когда перестачалъ заниматься.

Зато на двѣнадцатомъ году Саша зналъ гораздо болѣе многихъ пожилыхъ людей тогдашняго времени. Пріѣзжавшіе къ Василію Ивановичу его друзья и знакомые часто разговаривали съ Сашею и удивлялись, какъ онъ много помнилъ изъ читаннаго имъ, какъ хорошо все понималъ, какъ умно разсказывалъ, какъ дѣльно соображалъ и отвѣчалъ на дѣлаемые ему вопросы.

III. Слѣдя за всѣми поступками и занятіями сына, Василій Ивановичъ видѣлъ, что Сашу преимущественно занимаетъ военное дѣло:

1) Библіотека—собраніе книгъ.

и гулянья его походили на военныя упражненія, и въ книгахъ онъ любовался преимущественно военными дѣйствіями, походами, сраженіями, геройскими подвигами полководцевъ. Когда отецъ дѣлалъ ему выговоры за его шалости, Саша отвѣчалъ: «солдатъ долженъ привыкать ко всему», и онъ называлъ себя солдатомъ еще на седьмомъ году отъ роду.

Саша постоянно посѣщалъ храмъ Божій; тамъ пѣлъ вмѣстѣ съ дьячкомъ на клиросѣ и читалъ, что положено было по церковному уставу; изучилъ самый этотъ уставъ и порядокъ божественной службы такъ, что зналъ, что послѣ чего слѣдовало пѣть и читать. Василій Ивановичъ какъ самъ былъ благочестивъ, такъ то же благочестіе внушилъ и своему сыну.

Черезъ нѣсколько времени Александръ Васильевичъ былъ записанъ рядовымъ въ гвардейскій Семеновскій полкъ и съ величайшей радостію отправился въ Петербургъ.

IV. Кто изъ дворянъ записывался въ солдаты, тотъ до полученія офицерскаго чина обыкновенно считался только по спискамъ. Суворовъ состоялъ на лицо въ дѣйствительной службѣ и выполнялъ всѣ ея требованія: бывалъ на фронтовомъ ученіи, содержалъ караулы.

Были примѣры, что солдаты изъ дворянъ нанимали за себя на службу другихъ солдатъ, особенно въ дурную погоду или въ морозъ. Съ Суворовымъ этого никогда не случалось: чего требовала служба, то онъ строго самъ выполнялъ, самъ даже чистилъ свое ружье и амуницію. Живя на вольной квартирѣ, онъ постоянно посѣщалъ казармы: тамъ хотѣлъ изучить солдатъ, ихъ характеръ, ихъ бытъ, ихъ нужды. И изучилъ все это превосходно, разгадалъ русскаго солдата; потому-то ему и хотѣлось самому испытать солдатскій бытъ. Онъ превосходно также изучилъ языкъ солдатъ, умѣлъ говорить ихъ особеннымъ нарѣчіемъ такъ хорошо, какъ никто бы не заговорилъ. Зато скажетъ, бывало, нѣсколько словъ, такъ и вспыхивало солдатское сердце.

Солдатъ любилъ онъ, какъ братьевъ, и болѣе бѣднымъ изъ нихъ раздавалъ остававшіяся у него деньги. Когда, въ знакъ признательности, они искали случая, чтобы сдѣлать ему что-нибудь угодное, онъ принималъ отъ нихъ одно: чтобы поучились фронту подъ его командою. Это было для него величайшимъ наслажденіемъ.

V. Суворовъ жилъ на вольной квартирѣ, чтобъ удобнѣе ему было заниматься науками. Онъ до того преданъ былъ наукамъ и дорожилъ временемъ, что рѣдко посѣщалъ своихъ родныхъ. Когда спрашивали его о причинѣ такой странности, онъ отвѣчалъ: «мнѣ нечему у нихъ научиться, а время дорого». Часто говаривалъ онъ: «помни, что у худого пахаря хлѣбъ худо родится; а за ученаго двухъ неученыхъ даютъ». Письма его къ отцу всегда отличались необыкновенной краткостію, какъ потому, что онъ не способенъ былъ къ разглагольствованію, такъ и потому, что слишкомъ дорожилъ временемъ. Для при-

мѣра вотъ одно изъ нихъ: «Любезный батюшка! Я здоровъ, служу и учусь». А. Суворовъ.

Суворовъ прошелъ всѣ степени солдатскаго званія: былъ сначала рядовымъ, потомъ капраломъ, или унтеръ-офицеромъ, потомъ сержантомъ, или фельдфебелемъ; прошелъ ихъ примѣрнымъ образомъ, какъ проходитъ рѣдкій солдатъ. «Научись повиноваться прежде, нежели будешь повелѣвать другими; будь добрымъ солдатомъ, если хочешь быть хорошимъ фельдмаршаломъ», говаривалъ онъ, и слова оправдывалъ на дѣлѣ. Несмотря на то, прошло слишкомъ 12 лѣтъ, пока онъ получилъ первый офицерскій чинъ. Между сверстниками его лѣтъ Румянцевъ на 22 году былъ уже генераломъ-маіоромъ. Терпѣніе его вознаградилось впослѣдствіи: какъ не скоро досталея ему первый чинъ, такъ быстро пошли слѣдующіе за нимъ. И Суворовъ обыкновенно говаривалъ: «не прыгалъ я смолоду, зато теперь прыгаю».

Суворовъ.

VI. Начиная съ конца царствованія Елизаветы Петровны, Суворовъ участвовалъ во всѣхъ почти походахъ и войнахъ, которыя вела Россія съ сосѣдями. Командуя небольшими отрядами, исполняя порученія своихъ начальниковъ, онъ вездѣ обнаруживалъ быструю сообразительность и необыкновенную удаль и геройство. Онъ билъ нѣмцевъ, поляковъ, турокъ и татаръ. Но въ полномъ блескѣ геній Суворова началъ проявляться только со времени второй турецкой войны при Екатеринѣ (1787 — 1791). Турція никакъ не могла забыть потери Крыма, и чтобы возвратить его, начала съ нами новую войну. Екатерина назначила главнокомандующимъ своихъ войскъ Потемкина. Но главныя побѣды надъ турками въ эту войну были одержаны Суворовымъ.

Вторую турецкую войну мы вели въ союзѣ съ австрійцами. Вдругъ на австрійцевъ сдѣлалъ нападеніе самъ турецкій визирь съ арміею тысячъ въ сто. Главнокомандующій австрійскихъ войскъ, принцъ Кобургскій, въ ужасѣ пишетъ Суворову: «Спасите насъ!» Герой отвѣтилъ однимъ словомъ: «Иду!». И дѣйствительно, съ невѣроятною быстротою явился онъ на помощь. Принцъ тотчасъ же послалъ просить его къ себѣ. Но посланному сказали: «Суворовъ Богу молится». Черезъ нѣсколько времени принцъ снова шлетъ. Ему говорятъ: «Суворовъ ужинаетъ». На третье приглашеніе былъ отвѣтъ: «Суворовъ

«спитъ». Но Суворовъ вовсе не спалъ, а, взобравшись на высокое дерево, обозрѣвалъ оттуда расположеніе непріятельскаго войска. Только на утро пришелъ онъ къ принцу и предложилъ ему немедленно напасть на турокъ. Принцъ ужаснулся. Ему казалось немыслимымъ съ 25 тысячнымъ войскомъ, какое было у нихъ, нападать на стотысячную армію. Но довѣріе къ Суворову было такъ велико, что онъ не смѣлъ спорить. Турецкія войска были расположены близъ р. Рымника. Суворовъ, зная уже, какъ они были размѣщены, тихо и незамѣтно подошелъ къ нимъ и потомъ такъ быстро и неожиданно ударилъ, что турки всѣ переполошились и пустились въ бѣгство. Напрасно визирь останавливалъ ихъ, убѣждалъ, показывалъ имъ коранъ, или священную книгу ихъ пророка Магомета; онъ приказалъ, наконецъ, стрѣлять въ бѣгущихъ изъ пушекъ, чтобъ остановить ихъ. Ничто не помогло. Тѣснимые, поражаемые, преслѣдуемые, турки безъ оглядки бѣжали, бросая по дорогѣ оружіе, одежду и все, что было у нихъ. Тысячами труповъ ихъ покрылось поле битвы. Самъ визирь вскорѣ умеръ отъ горя. Суворовъ же за эту блистательную побѣду былъ пожалованъ въ графы съ прозваніемъ Рымникскаго, а имя его прогремѣло не только по всей Россіи, но и за границею.

VII. Скоро Рымникскому герою представился случай снова прославить себя такимъ подвигомъ, который затмилъ собою всѣ прежніе его подвиги. Русскіе осаждали турецкую крѣпость Измаилъ. Осада ведена была вяло и нерѣшительно. Распоряжавшійся осадою генералъ донесъ даже главнокомандующему, что взять ее, по крайней мѣрѣ въ скорости, невозможно. Между тѣмъ императрица Екатерина предписала нанести туркамъ рѣшительный ударъ. Тогда Потемкинъ поручилъ взять Измаилъ Суворову. Но крѣпость эта считалась неприступною. Несмотря на то, Суворовъ рѣшился взять ее. Какъ обыкновенно водится, онъ сначала потребовалъ добровольной сдачи крѣпости. Ему отвѣчали: «Скорѣе небо упадетъ на землю, а Дунай потечетъ вверхъ, нежели Измаилъ сдастся». Тогда русскіе стали готовиться къ штурму. Суворовъ самъ училъ солдатъ какъ переходить ровъ, ставить лѣстницы, лѣзть на стѣны; всѣмъ отданы были самыя точныя приказанія. Наступила темная, непроглядная декабрьская ночь (1790 г.). Въ три часа взвилась ракета. Войска встрепенулись. Черезъ часъ была пущена другая ракета, потомъ третья. Въ пять часовъ войска стояли уже въ боевомъ порядкѣ и какъ волны устремились на крѣпость. Подъ губительнымъ огнемъ со стѣнъ непріятельскихъ они быстро переходили ровъ и смѣло лѣзли на валъ, въ иныхъ мѣстахъ даже безъ лѣстницъ, втыкая въ валъ штыки и подсаживая другъ друга. Въ одномъ мѣстѣ солдаты смѣшались было, но среди ихъ явился священникъ съ крестомъ въ рукахъ—и они ободрились и опять полѣзли. При такомъ самоотверженіи, при такомъ забвеніи всякихъ опасностей ничто не могло остановить суворовцевъ.

Къ восьми часамъ утра они уже овладѣли стѣнами. Но въ самомъ

городѣ открылась еще болѣе страшная рѣзня: приходилось брать приступомъ каждую улицу, каждый домъ; сражались даже турчанки и дѣти. И только къ 3 часамъ пополудни Измаилъ сталъ русскимъ городомъ. За то болѣе 20 тысячъ турокъ полегло здѣсь; спасся только одинъ, который и принесъ верховному визирю горестную вѣсть о паденіи крѣпости. Суворовъ такъ доносилъ Императрицѣ о взятіи Измаила: «Гордый Измаилъ у ногъ Вашего Величества», а Потемкину писалъ: «Не бывало крѣпости крѣпче, не бывало обороны отчаяннѣе обороны Измаила, но онъ взятъ». Покореніе Измаила, какъ подвигъ, которому до сихъ поръ подобнаго не бывало, прославило Суворова на весь міръ. Вездѣ имя его произносилось съ уваженіемъ; вездѣ удивлялись этому великому русскому полководцу.

У Суворова, впрочемъ, было довольно враговъ и завистниковъ, которые побѣды его приписывали одному счастію. «Но, говорилъ Александръ Васильевичъ, сегодня счастіе, завтра счастіе, всегда счастіе; помилуй Богъ! Дайте же сколько-нибудь и ума». Императрица Екатерина, однакожъ, вполнѣ понимала Суворова и вполнѣ цѣнила его талантъ.

VIII. Въ это время наступалъ конецъ Польшѣ. Тамъ уже давно происходили страшные безпорядки, которые предвѣщали близкое паденіе ея. Польскіе паны и шляхтичи совсѣмъ не слушались своего короля, между собою ссорились и дрались, а крестьянъ своихъ, особенно православныхъ, сильно угнетали. Эти безпорядки причиняли много хлопотъ и сосѣдямъ, въ особенности Россіи. Наконецъ императрица Екатерина рѣшилась добиться во что бы то ни стало облегченія тяжкой участи православныхъ русскихъ христіанъ въ Польшѣ. Она силою оружія принудила къ этому поляковъ. Но такъ какъ въ Польшѣ была полная неурядица: нынче отмѣняли то, что вчера положили, вѣрить ничему нельзя было,—то Екатерина оставила свой гарнизонъ въ Варшавѣ, столицѣ польской. Поляки же разъ ночью, въ страстную пятницу, напали на сонныхъ и безоружныхъ русскихъ солдатъ и нѣсколько тысячъ ихъ перерѣзали. Императрица, узнавъ объ этомъ, сильно встревожилась и немедленно отправила въ Польшу армію, а главнокомандующимъ назначила Суворова. Суворову было тогда уже 64 года; но бодрость и живость его не измѣнились; неутомимость его была изумительна. Екатерина такъ вѣрила въ него, что, назначая его, сказала: «Я посылаю въ Польшу двойную силу—армію и Суворова». И дѣйствительно, страхъ напалъ на поляковъ, когда они узнали о назначеніи Суворова.

Суворовъ прискакалъ къ арміи въ простой телѣжкѣ и остановился передъ палаткой, приготовленной для него на лугу, близъ лагеря. Мгновенно по всему лагерю пронеслась вѣсть: «Суворовъ пріѣхалъ!» Всѣ встрепенулись и ожили, всѣ почувствовали какъ будто новыя силы въ себѣ. Въ палатку къ Суворову явились генералы и офицеры. Объявивъ имъ въ краткихъ словахъ волю императрицы, онъ вдругъ вы-

тянулся, зажмурилъ глаза и скороговоркою произнесъ: «Войскамъ выступать, когда пѣтухъ запоетъ. Итти быстро — полкъ за полкомъ. Голова хвоста не ждетъ». Знавшіе Суворова поняли этотъ приказъ и поэтому, хотя до пѣнія пѣтуховъ было еще далеко, начали сейчасъ же готовиться къ выступленію въ походъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени и именно въ семь часовъ вечера, изъ палатки главнокомандующаго послышалось хлопанье въ ладоши, подобное взмаху крыльевъ пѣтуха, и протяжное кукареку. Это сдѣлалъ самъ Суворовъ. По этому сигналу мгновенно все поднялось на ноги и двинулось въ походъ. Суворовъ ѣхалъ тутъ же вмѣстѣ съ войсками. Объѣзжая ряды солдатъ, онъ со многими изъ нихъ разговаривалъ. Такъ ободряя и воодушевляя солдатъ, быстро шелъ онъ къ Варшавѣ. Осенью 1794 года русскія войска подступили къ Прагѣ. Это было укрѣпленное предмѣстіе Варшавы, отдѣлявшееся отъ нея р. Вислою. Штурмъ Праги, какъ и штурмъ Измаила, начался рано утромъ, когда еще было темно. Мгновенно вся окрестность озарилась пламенемъ и на валахъ крѣпости открылся отчаянный рукопашный бой. Суворовъ стоялъ на высокомъ холмѣ вблизи вала, внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями и отдавалъ приказанія. Черезъ нѣсколько часовъ Прага была взята; за ней сдалась и Варшава.

О взятіи ея Суворовъ донесъ въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: «Всемилостивѣйшая государыня! Ура, Варшава наша!» Екатерина отвѣтила на это также кратко: «Ура, фельдмаршалъ!» Этимъ она возводила его въ фельдмаршалы. Послѣ взятія Варшавы судьба Польши была рѣшена окончательно. И прежде отъ нея были уже отдѣлены нѣкоторыя земли; теперь же она была окончательно подѣлена (1795 г.) между сосѣдями: часть отошла къ Пруссіи, другая къ Австріи, Россія же при паденіи Польши возвратила свои старинныя земли: Бѣлоруссію, Волынь, Подолію и другія. Изъ нихъ только Галиція осталась за Австріею.

IX. Между тѣмъ для подвиговъ великаго русскаго полководца открывалось новое поприще. Въ это время во Франціи происходили страшныя кровопролитія. Французы ниспровергли правительство и начали губить и рѣзать другъ друга. Цѣлыя тысячи народа гибли иногда совершенно безвинно. Въ то же время у нихъ появился молодой геніальный полководецъ, Наполеонъ Бонапартъ, подъ предводительствомъ котораго они стали нападать на чужія земли и завоевывать ихъ. Императрица Екатерина нерѣдко задумывалась надъ этими дѣлами и совѣтовалась съ Суворовымъ. Старый фельдмаршалъ съ радостію готовъ былъ итти противъ французовъ и даже просилъ объ этомъ императрицу. «Матушка! писалъ онъ ей разъ: пошли меня бить французовъ». Но прежде нежели рѣшенъ былъ походъ, она скончалась въ 1796 году. На престолъ вступилъ сынъ ея, императоръ Павелъ Петровичъ (1796—1801 г.), который хотѣлъ жить въ мирѣ со всѣми. Для Суворова же наступило теперь время тяжкаго испытанія. По на-

вѣтамъ враговъ онъ подвергся гнѣву императора, былъ уволенъ въ отставку и отправленъ на житье въ имѣніе свое, село Кончанское, Новгородской губерніи. Старый фельдмаршалъ повелъ здѣсь самую простую и оригинальную жизнь. Вставши рано по утру, шелъ на колокольню звонить; во время церковной службы отправлялъ должность дьячка—читалъ и пѣлъ, подавалъ священнику кадило; гуляя по деревнѣ, вмѣшивался въ игры крестьянскихъ мальчиковъ, бѣгалъ и прыгалъ съ ними, игралъ въ бабки. Живя въ деревнѣ, Суворовъ, казалось, всѣми былъ забытъ. Но слава прежнихъ великихъ дѣлъ его скоро заставила вспомнить о немъ.

Бонапартъ отнялъ у нѣмецкаго императора итальянскія земли и угрожалъ отнять еще болѣе. Не надѣясь на свои силы, императоръ сталъ просить помощи у нашего государя, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ прислать Суворова въ предводители войскъ. Немедленно въ село Кончанское поскакалъ курьеръ съ собственноручнымъ письмомъ императора Павла. Какъ будто ожилъ старый герой. Слезы радости покатились изъ глазъ его. Онъ поцѣловалъ письмо государя, отдалъ приказъ сейчасъ же собираться въ дорогу, а самъ побѣжалъ въ церковь и велѣлъ служить молебенъ; стоя на колѣнахъ, молился, пѣлъ и плакалъ.

Вотъ по улицамъ Петербурга мчится почтовая кибитка, а въ ней сидитъ сѣдой старичекъ. Кибитка останавливается у Зимняго дворца. Старичекъ бодро выскакиваетъ изъ нея и бѣжитъ по лѣстницѣ. Это былъ Суворовъ. Императоръ ласково принялъ его и долго разговаривалъ съ нимъ. Черезъ часъ во всемъ Петербургѣ заговорили о пріѣздѣ Суворова. Невозможно себѣ представить общаго восторга: съ пріѣздомъ его знакомые поздравляли другъ друга какъ бы съ праздникомъ; народъ бѣгалъ за его каретою по улицамъ, собирался толпами на парады, чтобы посмотрѣть на него. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ городѣ разсказывались тысячи анекдотовъ о разныхъ его шуткахъ и продѣлкахъ. Такъ разсказывали, будто съ однимъ вельможею онъ сыгралъ такую штуку. Пресерьезно разговаривая съ нимъ о важныхъ предметахъ, онъ вдругъ, когда тотъ превратился весь въ слухъ и вниманіе, остановился и запѣлъ пѣтухомъ: «Какъ это можно!» воскликнулъ вельможа, оскорбившись. «Поживи съ мое — запоешь курицей», отвѣтилъ ему Суворовъ. Однажды застали его прыгающимъ черезъ чемоданы, въ которые укладывались дорожныя вещи. «Что это вы дѣлаете?» спросили у него. «Учусь прыгать», отвѣтилъ онъ. «Вѣдь въ Италію-то прыгнуть—ой, ой! великъ прыжекъ! надобно поучиться».

Получивъ отъ государя полную волю дѣйствовать по своему усмотрѣнію, Суворовъ на почтовыхъ поскакалъ въ Вѣну, столицу Австріи, вслѣдъ за русскими войсками. Австрійскій или нѣмецкій императоръ принялъ его съ большими почестями, сдѣлалъ своимъ фельдмаршаломъ и вручилъ ему команду надъ своею арміею. Но совѣтники императора потребовали отъ Суворова самаго точнаго плана кампаніи. Русскій полководецъ, привыкшій дѣйствовать по своимъ правиламъ, гдѣ глав-

ную роль играли глазомѣръ, быстрота и натискъ, отказался представить такой планъ и доказывалъ, что до личнаго обозрѣнія мѣста дѣйствія ни о какомъ планѣ и рѣчи быть не можетъ. Когда же главный совѣтникъ и министръ сталъ настойчиво требовать у Суворова плана, то онъ, какъ говорятъ, выведенный изъ терпѣнія, развернулъ передъ нимъ бланкетъ, или пустой бѣлый листъ бумаги, подписанный императоромъ Павломъ, и сказалъ: «Вотъ мой планъ!» Такъ, не добившись плана, австрійцы и отпустили Суворова въ Италію воевать съ французами. Весело шли (1799 г.) русскіе солдаты на французовъ, считая себя непобѣдимыми подъ командою Суворова. Но однако воевать съ французами было совсѣмъ не то, что съ турками или поляками. Французы народъ очень храбрый и искусный на войнѣ, да и полководцы ихъ были не то, что турецкіе визири и паши, или польскіе паны. Съ французами трудно было справиться въ Италіи еще и потому, что ихъ было здѣсь очень много и что почти всѣ главныя крѣпости находились въ ихъ рукахъ. Несмотря на то, Суворовъ, съ своими чудобогатырями постоянно одерживалъ верхъ и надъ ними. Французы не могли надивиться его быстротѣ, сообразительности и искусству. Особенно замѣчательно одно дѣло съ ними, гдѣ вполнѣ выказался талантъ Суворова и его волшебное дѣйствіе на солдатъ. Французскіе полководцы, дѣйствуя сначала на разныхъ пунктахъ, задумали соединиться и общими силами ударить на Суворова. Съ этою цѣлію они старались разными маневрами ввести въ обманъ русскаго полководца. Но Суворовъ понялъ ихъ хитрости и въ свою очередь началъ производить такія странныя передвиженія войскъ, что совершенно сбилъ ихъ съ толку и не далъ имъ соединиться. Тогда онъ самъ напалъ (при Требіи) на одинъ отрядъ, несмотря на то, что у того было больше войска. Битва продолжалась три дня въ нестерпимый жаръ. Изнуренные зноемъ и неравною борьбою, русскіе подъ конецъ едва могли держаться. Суворовъ самъ былъ въ изнеможеніи. Но вотъ ему доносятъ, что русскіе полки колеблются. «Коня!» закричалъ онъ и поскакалъ въ передніе ряды въ одной рубашкѣ. Едва солдаты завидѣли своего стараго предводителя, заслышали его волшебную команду, какъ забыли усталость, ударили въ барабаны и бросились на непріятеля въ штыки. Французы подумали, что къ русскимъ на подмогу прибыли свѣжія войска, и съ большимъ урономъ отступили.

Послѣ этого пораженія французы убѣдились, что имъ не сладить съ русскими богатырями, и начали сдавать имъ одинъ городъ за другимъ. Въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ то и дѣло получали извѣстія о побѣдахъ и ключи отъ покоренныхъ городовъ. Въ какія-нибудь четыре, пять мѣсяцевъ Италія была свободна отъ власти французовъ. Они разбиты были въ двухъ большихъ и шести малыхъ битвахъ; у нихъ взято было въ плѣнъ до 80 тысячъ человѣкъ, отнято 25 крѣпостей. Императоръ Павелъ не зналъ ужъ чѣмъ наградить богатырскіе подвиги Суворова. «Вы поставили себя выше всѣхъ наградъ», писалъ

онъ ему. Суворовъ уже получилъ титулъ свѣтлѣйшаго князя съ прозваніемъ Италійскаго. Наконецъ повелѣно было отдавать ему воинскія почести, подобныя царскимъ, даже въ присутствіи государя. «Достойному достойное!» говорилъ императоръ въ своемъ рескриптѣ.

X. Но среди блистательныхъ побѣдъ, среди необыкновенныхъ почестей и наградъ, Суворовъ почти постоянно былъ скученъ и печаленъ.

Дѣло въ томъ, что австрійцы стали завидовать славѣ русскаго полководца, который повидимому, безъ всякихъ плановъ, всюду разбивалъ враговъ, тогда какъ они до сихъ поръ терпѣли отъ французовъ одни пораженія, несмотря на всѣ свои глубокомысленныя соображенія и планы. Своимъ вмѣшательствомъ они старались вредить ему теперь на каждомъ шагу. Суворовъ приходилъ въ отчаяніе. Онъ писалъ, жаловался императору Павлу, даже просилъ объ отзывѣ себя въ Россію, но, убѣждаемый государемъ, продолжалъ командовать.

XI. Вскорѣ, впрочемъ, императоръ Павелъ, недовольный своекорыстными и коварными дѣйствіями австрійцевъ, повелѣлъ Суворову возвратиться въ Россію. А вслѣдъ затѣмъ кончилась и самая жизнь его. Какъ будто жилъ онъ войною и для войны. Во все время похода онъ съ изумительною твердостію и терпѣніемъ переносилъ всѣ трудности и лишенія: то подъ проливнымъ дождемъ, то въ метель и вьюгу бодро ѣхалъ онъ на казацкой лошади, въ обыкновенномъ плащѣ—и все сходило съ рукъ семидесятилѣтнему герою. Но едва кончилась война, едва простился онъ съ своими чудо-богатырями, какъ силы его начали слабѣть, хотя лишеній и трудностей уже не было никакихъ. Когда его привезли въ Петербургъ, то онъ походилъ скорѣе на тѣнь и постоянно впадалъ въ безпамятство. Но и въ предсмертномъ бреду ему грезились битвы, войска—и онъ отдавалъ имъ приказанія. 6 мая 1800 г. великій русскій полководецъ, непобѣдимый на полѣ битвы, былъ сраженъ смертію. Вскорѣ императоръ Александръ Благословенный воздвигъ Суворову памятникъ. Онъ и теперь стоитъ въ Петербургѣ на площади, которая по памятнику называется Суворовскою. Кромѣ того Суворовъ красуется на памятникѣ Екатерины Великой. Прахъ же его покоится въ Александроневской Лаврѣ. На простой каменной плитѣ надъ его могилою написано: «Здѣсь лежитъ Суворовъ». Но память о немъ будетъ жива до тѣхъ поръ, пока будетъ стоять Русь. При одномъ имени его сильнѣе бьется русское сердце и горячѣе кипитъ русская кровь. *(По Новаковскому, Рождественскому, историч. журнальн. и др. источникамъ).*

25. Солдатскій катехизисъ Суворова.

1. «Герои-молодцы! Кто грудью стоитъ за вѣру, отечество и царя—того Богъ милуетъ.

2. Храбрый солдатъ выполняетъ данную имъ предъ Богомъ клятву.

3. Подлый трусъ нарушаетъ ее и подвергается страшному Его суду.

4. Храбрый солдатъ не боится пуль, идетъ впередъ, не выдаетъ своихъ товарищей; у непріятеля дрожатъ руки отъ его храбрости, и одна развѣ случайная пуля достигаетъ нашего солдата.

5. Мерзавецъ - трусъ боится и одного свисту пуль, бѣжитъ назадъ, прячется, непріятель ободряется его робостію — и десять вѣрныхъ пуль летятъ ему въ тылъ: негодный клятвопреступникъ погибаетъ.

6. Молодцы! Кто впередъ идетъ, тотъ одной пули боится, кто назадъ бѣжитъ, тотъ—десяти.

7. Храбрый солдатъ терпитъ раны, какъ мученикъ, а трусъ—какъ наказанный преступникъ.

8. Молодцы герои! Ваши начальники видятъ вашу нужду; болитъ у нихъ сердце за васъ; но не всегда пособить можно; наша участь терпѣть: *Богъ за все заплатитъ*.

9. Грабитель—не солдатъ: онъ не стоитъ ни Божьяго милосердія, ни царской милости.

10. Друзья! Бойтесь Бога, помните присягу, повинуйтесь начальникамъ; деритесь храбро—и все падетъ передъ вами»!

Суворовскіе служаки вѣрно слѣдовали завѣту своего отца-командира; зато онъ и хвалилъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Однажды принцъ Кобургскій спросилъ Суворова: «Много ли въ вашей арміи истинно-вѣрныхъ и преданныхъ солдатъ?»—«Много, очень много, не сосчитать», отвѣчалъ князь; сотня—мало, тысяча—мало, корпусъ—мало, вся, вся армія! У меня, когда чудо-богатырь поцѣлуетъ крестъ, то доколѣ дышитъ—своему долгу не измѣнитъ; пошли его въ огонь—идетъ; пошли въ воду — идетъ; уставь противъ него десять штыковъ—идетъ; сѣлъ за кашицу, и закричи: впередъ!—кашица въ сторону, а онъ идетъ; ноги едва тащутся, но пріударь въ барабанъ—идетъ... Службу онъ любитъ, присягѣ не измѣнитъ, вездѣ готовъ положить свою голову, только умѣй начальникъ его развеселить, только онъ не опрокинься и иди прямо; солдатъ же самъ-по-себѣ никогда съ прямой дороги не собьется: *для вѣры, Россіи и государя онъ всегда, вездѣ и на все готовъ, и цѣлый свѣтъ подобнаго ему не представляетъ*».

26. Какъ встарину, при Суворовѣ, готовились къ бою наши православные русскіе воины.

(*Канунъ штурма*[1]) Праги въ 1874 году).

I. «Всѣ мы, какъ подъ вѣнецъ», разсказываетъ одинъ изъ участвовавшихъ въ бою, «надѣли на себя чистое бѣлье и ждали испол-

1) Штурмъ—приступъ или стремительное нападеніе войска на осажденное мѣсто съ цѣлію взять его у непріятеля.

нить волю Александра Васильевича (Суворова—главнокомандующаго). Предъ полуночью былъ поставленъ близъ огней нашихъ ротный образъ святого угодника Божія Николая чудотворца, и затеплена передъ нимъ свѣча въ фонарѣ. Богатырь — нашъ начальникъ Харламовъ, явился въ кругу роты и говорилъ: «Слышите, дѣти, надобно намъ, какъ христіанамъ, какъ русскимъ, помолиться Господу Богу и Его святому угоднику Николаю о побѣдѣ надъ врагами и о покровительствѣ надъ нами... Да и помиримся со всѣми. Слышите, друзья мои? Это хорошо будетъ, это по-нашему, это по-русски; это нужно!»— «А мы только хотѣли просить о томъ васъ, ваше высокоблагородіе, отецъ нашъ», говорили гренадеры...

II. И вотъ вся рота окружила образъ святого Николая чудотворца. Впереди сталъ нашъ начальникъ съ офицерами, и онъ, старикъ-великанъ, перекрестился, сказавъ громко: „Дѣти, Господу помолимся!“ и ратники говорили, крестясь: „Господи, помилуй насъ!“— Отецъ нашъ, начальникъ, опустился на колѣни, и вся рота за нимъ то же сдѣлала. Всякій, воззрѣвши на образъ угодника, тихо про себя творилъ, съ душевнымъ умиленіемъ, Господу Богу молитву, и упадалъ челомъ своимъ къ землѣ. Не въ одной нашей ротѣ, но въ цѣломъ полку, да и во всей арміи приносимо было Господу Богу Создателю моленіе.

III. Послѣ молитвы ротный начальникъ тутъ же говорилъ намъ: „Слышите, дѣти, въ дракѣ помнить Бога! Напрасно непріятеля не убивать: они такіе же люди; бить — храбро, дружно вооруженнаго непріятеля, и слушать моего голоса. Теперь спать я вамъ не совѣтую: скоро настанетъ время итти на пиръ съ друзьями, которые ждутъ насъ со страстной недѣли“. Отецъ нашъ сѣлъ на обрубкѣ дерева. Между многими наставленіями онъ разсказывалъ намъ примѣры русскаго богатырства въ былое время, и, между прочимъ, сказалъ: „Чѣмъ ближе къ врагу, тѣмъ лучше. Храбрый впереди,—трусишку и позади убиваютъ; ему, если и живъ останется, ни чести, ни мѣста нѣтъ“.

27. Суворовъ.

Черная туча, мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла;
Вихрь полуночный, летитъ богатырь:
Тьма отъ чела, съ посвиста пыль;
Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы—горы трещатъ,
Ляжетъ на воды—воды кипятъ,
Граду коснется—градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ;
Дрогнетъ природа, блѣднѣя предъ нимъ,
Слабыя трости щадятся лишь имъ... (*Державинъ*).

28. Смерть капитана Миронова.

Пугачевъ [1]) сидѣлъ въ креслахъ на крыльцѣ комендантскаго дома. На немъ былъ красивый казацкій кафтанъ, обшитый галунами; высокая соболья шапка съ золотыми кистями была надвинута на его сверкающіе глаза. Лицо его мнѣ показалось знакомо. Казацкіе старшины окружали его. Отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца съ крестомъ въ рукахъ, и, казалось, молча умолялъ его за предстоящія жертвы. На площади ставили на-скоро висѣлицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народъ и насъ представили Пугачеву. Колокольный звонъ утихъ; настала глубокая тишина. «Который комендантъ?» спросилъ самозванецъ. Нашъ урядникъ выступилъ изъ толпы и указалъ на Ивана Кузьмича. Пугачевъ грозно взглянулъ на старика и сказалъ ему: «Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему государю?» Комендантъ, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣчалъ твердымъ голосомъ: «Ты мнѣ не государь, ты воръ и самозванецъ, слышь ты!» Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько казаковъ подхватили стараго капитана и потащили къ висѣлицѣ... Чрезъ минуту я увидѣлъ бѣднаго Ивана Кузьмича, вздернутаго на воздухъ. Тогда привели къ Пугачеву Ивана Игнатьича. «Присягай», сказалъ ему Пугачевъ, «государю Петру Ѳеодоровичу!»—«Ты намъ не государь», отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ, повторяя слова своего капитана,—«ты, дядюшка, воръ и самозванецъ!»—Пугачевъ махнулъ опять платкомъ—и добрый поручикъ повисъ подлѣ своего стараго начальника.

Очередь была за мною (Гриневымъ). Я глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей. Тогда, къ неописанному моему изумленію, я увидѣлъ, среди мятежныхъ старшинъ, Швабрина, (офицеръ, товарищъ Гринева, предавшійся на сторону Пугачева), обстриженнаго въ кружокъ и въ казацкомъ кафтанѣ. Онъ подошелъ къ Пугачеву и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ. «Вѣшать его!» сказалъ Пугачевъ, не взглянувъ уже на меня. Мнѣ накинули на шею петлю. Я сталъ читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ и моля Его о спасеніи всѣхъ, близкихъ моему сердцу. Меня притащили подъ висѣлицу: «не-бось, не-бось», повторяли мнѣ губители, можетъ быть и вправду желая меня ободрить. Вдругъ услышалъ я крикъ: «Постойте, окаянные, погоди!» Палачи остановились. Гляжу: Савельичъ лежитъ въ ногахъ у Пугачева. «Отецъ родной!» говорилъ бѣдный дядька: «что тебѣ въ смерти барскаго дитяти? Отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ, а для примѣра и страха ради, вели повѣсить хоть меня — старика!» Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развязали и отпустили.

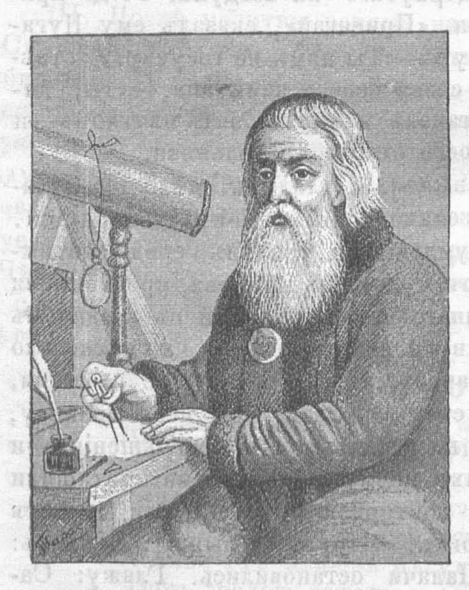
[1]) Самозванецъ въ царствованіи Императрицы Екатерины, выдававшій себя за Императора Петра Ѳеодоровича.

«Батюшка нашъ тебя милуетъ», говорили мнѣ. Меня снова привели къ самозванцу и поставили передъ нимъ на колѣни. Пугачевъ протянулъ мнѣ жилистую свою руку. «Цѣлуй руку, цѣлуй руку!» говорили около меня. Но я предпочелъ бы самую лютую казнь такому подлому униженію. «Батюшка, Петръ Андреевичъ!» шепталъ Савельичъ, стоя за мною и толкая меня: «не упрямься! Что тебѣ стоитъ? Плюнь да поцѣлуй у злод... (тьфу!), поцѣлуй у него ручку». Я не шевелился Пугачевъ опустилъ руку, сказавъ съ усмѣшкой: «Его благородіе, знать, одурѣлъ отъ радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободѣ. (*А. Пушкинъ*).

29. Иванъ Петровичъ Кулибинъ.

(Механикъ-самоучка).

I. Иванъ Петровичъ Кулибинъ, сынъ Нижегородскаго мѣщанина, мучного лабазника, родился въ Нижнемъ - Новгородѣ 10-го апрѣля 1735 года. Кулибинъ выучился грамотѣ и выкладкѣ на счетахъ у приходскаго дьячка. Съ малыхъ лѣтъ пристрастился Иванъ Петровичъ къ механикѣ, [1]) дѣлалъ флюгера и водяныя мельнички, которыя ставилъ на маленькихъ ручьяхъ; это его очень забавляло, несмотря на то, что отецъ его часто бранилъ и даже ломалъ и закидывалъ игрушки, отрывавшія сына отъ лавки. У Кулибиныхъ въ саду былъ прудъ, куда часто пускали рыбу, но вода была стоячая, и рыба въ ней засыпала. Кулибинъ придумалъ провести воду въ этотъ прудъ съ ближайшей горы, а изъ пруда выпустить лишнюю. Прудъ сталъ проточный. Отецъ Кулибина, увидѣвъ, что рыба не только не засыпала, но даже водилась въ пруду, не мало дивился хитрости сына и даже похвалилъ его. Это былъ его первый полезный трудъ.

Кулибинъ.

II. Кулибинъ часто ходилъ на соборную колокольню; его занимало устройство часовъ: и захотѣвши учиться механикѣ, онъ сталъ читать ученыя книги по этой части.

На восемнадцатомъ году онъ увидѣлъ у своего сосѣда стѣнные часы съ дубовыми колесами, по образцу которыхъ онъ самъ попробо-

[1]) Механика—наука, занимающаяся законами движенія и равновѣсія.

валъ сдѣлать такіе же, но неудачно: они не пошли. У него не было нужныхъ инструментовъ. Неудача его не остановила,— Кулибинъ не унывалъ. По порученію городской ратуши, [1]) которой нуженъ былъ человѣкъ грамотный и ученый (а грамотныхъ тогда было еще меньше, чѣмъ теперь), Кулибинъ поѣхалъ въ Москву.

III. Въ Москвѣ онъ занялся часовымъ мастерствомъ, купилъ всѣ нужные для этого мастерства инструменты и, пріѣхавши въ Нижній-Новгородъ, сталъ дѣлать часы деревянные съ кукушками и мѣдными колесами и починять карманные. Тогда въ Нижнемъ нуждались въ часовомъ мастерѣ, и всѣ стали отдавать свои часы Кулибину.

IV. Этого было мало для Ивана Петровича; онъ захотѣлъ самъ устроить часы, и часы какіе-нибудь небывалые. Онъ былъ уже тогда женатъ и имѣлъ дѣтей. Ему не на что было бы закупить необходимые матеріалы и инструменты, если бы Костроминъ, Нижегородскій купецъ, не вызвался ему не только помогать деньгами, но принять его къ себѣ въ домъ съ семействомъ и ученикомъ Пятериковымъ. Въ это время Кулибинъ случайно увидѣлъ телескопъ (зрительную трубу для разсматриванія солнца, мѣсяца и звѣздъ на небѣ). Составъ, изъ котораго дѣлались зеркала въ этихъ трубахъ, былъ тайною англичанъ, но нашъ механикъ-самоучка своимъ умомъ дошелъ до этой тайны и самъ сдѣлалъ такой же телескопъ

V. Мая 22-го дня 1763 года пріѣхала императрица Екатерина Вторая въ Нижній-Новгородъ. Губернаторъ представилъ Кулибина графу Владиміру Григорьевичу Орлову, который представилъ его Императрицѣ. Екатерина долго говорила съ Кулибинымъ, распрашивала его про часы, и онъ ей объяснялъ ихъ устройство по чертежамъ: часы не были еще готовы тогда, потому, уѣзжая, она пригласила его въ Петербургъ.

Послѣ отъѣзда императрицы въ Нижнемъ-Новгородѣ была получена слѣдующая бумага: «Не желаетъ-ли механическій мастеръ Иванъ Петровъ Кулибинъ опредѣлиться въ Академію, чтобъ усовершенствоваться еще болѣе»?

Когда Кулибинъ окончилъ часы, онъ поѣхалъ съ Костроминымъ въ Петербургъ и поднесъ ихъ императрицѣ. Она повелѣла: 1) часы и вещи, привезенныя Кулибинымъ, помѣстить во дворцѣ. 2) Кулибина причислить къ Академіи въ званіи механика и производить ему 300 рублей ежегоднаго жалованья. 3) Выдать за часы 1000 рублей. 4) Костромину выдать тоже 1000 рублей и сверхъ того серебряную кружку съ золотымъ портретомъ императрицы, за оказанную Кулибину помощь въ его полезныхъ трудахъ. Весь Петербургъ тотчасъ же узналъ объ этихъ милостяхъ,—и у Кулибина стало много завистниковъ.

VI. Въ Петербургѣ Кулибинъ сдѣлалъ образецъ висячаго моста, безъ свай и быковъ подъ нимъ. Мостъ, въ 14 саженъ шириною, сдер-

---

[1]) Ратуша—купеческая управа въ малыхъ городахъ и посадахъ.

живалъ около 6000 пудовъ въ продолженіе трехъ недѣль безъ малѣйшаго повреждения. Несмотря на насмѣшки и неудовольствія многихъ ученыхъ, императрица пожаловала ему 2000 рублей, а мостъ велѣла поставить въ саду Таврическаго дворца. Въ 1775 году Кулибинъ и его семейство были исключены изъ подушнаго оклада, и кромѣ того Иванъ Петровичъ получилъ золотую медаль, въ 34 золотника вѣсомъ, съ надписью съ одной стороны: «Академія Наукъ механику Ивану Кулибину», а съ другой: «Достойному для ношенія на Андреевской лентѣ».

VII. Зная дороговизну и трудности, сопряженныя съ судовой работой на Волгѣ, Кулибинъ изобрѣлъ водоходное судно, которое шло по рѣкѣ противъ теченія воды этой рѣки. Генералъ-прокуроръ, князь Вяземскій, съ членами адмиралтействъ [1]) совѣта взошли на это судно, нагруженное четырьмя тысячами пудовъ балласта, и судно пошло вверхъ по Невѣ. Несмотря на то, что удобство и польза этого судна были доказаны и признаны всѣми, видѣвшими его на дѣлѣ учеными, оно не было принято купечествомъ и не замѣнило трудный способъ, до сихъ поръ употребляемый, посредствомъ бечевы съ приводами для людей и лошадей. Это былъ жестокій ударъ для добросовѣстнаго и некорыстолюбиваго старика-труженика, который считалъ свой трудъ важнымъ и полезнымъ для Россіи. *А польза Россіи была для него всегда первою заботой.* Онъ изобрѣлъ еще самокатную телѣжку и искусственную ногу для безногихъ, позволявшую имъ не только ходить безъ палки, но даже бѣгать и плясать.

VIII. Въ 1800 году въ присутствіи Государя Павла Петровича въ главномъ адмиралтействѣ спускали три корабля. Первые два сошли въ воду благополучно, третій же остановился на полдорогѣ. Еще до спуска Кулибинъ, разсматривая его, обратилъ вниманіе главнаго строителя на нѣкоторыя, по его мнѣнію, важныя неправильности. На эти замѣчанія ему отвѣтили, чтобъ онъ не мѣшался не въ свое дѣло. Теперь же, когда предостереженія Кулибина оправдались, его вызвали изъ толпы, и онъ взялся на другой день спустить корабль. Цѣлую ночь работалъ Иванъ Петровичъ, и когда на другой день всѣ приготовленія по его плану были сдѣланы, онъ взошелъ на палубу и махнулъ платкомъ, рабочіе дружно налегли на канаты и рычаги, къ которымъ поставилъ ихъ Кулибинъ—и корабль плавно пошелъ въ рѣку при крикахъ толпы: «Спасибо русаку! Вотъ каковъ нашъ братъ, бородачъ!» и громкомъ «ура»!

IX. Въ 1801 году шестидесяти лѣтъ отъ роду Кулибинъ былъ отпущенъ на родину, получивъ 3000 рублей ежегоднаго пенсіона и 6000 рублей на уплату долговъ.

Въ послѣдніе годы жизни Ивана Петровича Кулибина судьба послала на него нѣсколько важныхъ потерь и лишеній. Такъ въ 1813

---

1) Адмиралтейство—мѣсто, гдѣ строятъ военные корабли.

году у него сгорѣлъ двухъ-этажный домъ, который онъ построилъ по своему-же плану. Бывшій ученикъ его Пятериковъ принялъ его къ себѣ съ семействомъ, но Кулибинъ, не хотѣвшій его стѣснять, перешелъ къ зятю своему Попову и наконецъ купилъ полуразвалившійся домикъ, куда перешелъ съ семьею. Онъ часто страдалъ отъ холода, сырости и тѣсноты и занемогъ, такъ что послѣдніе три года часто долженъ былъ цѣлые мѣсяцы оставаться въ постели, но и тутъ онъ всегда или работалъ, или чертилъ что-нибудь.

X. Іюня 30-го 1818 года умеръ знаменитый русскій механикъ Иванъ Петровичъ Кулибинъ, подвизавшійся всю жизнь на пользу отечества и согражданъ и прославившійся сколько полезною и ученою дѣятельностью, столько же и высокими качествами добродѣтели и набожности. Пятериковъ, которому всегда казалось, что онъ еще не отплатилъ своему учителю за все, что онъ для него сдѣлалъ, принялъ на себя издержки и хлопоты похоронъ. Учителя и ученики Нижегородской гимназіи, какъ особенной чести себѣ просили, чтобы имъ позволили сопровождать останки всѣми уважаемаго и любимаго Ивана Петровича. Гробъ несли учителя гимназіи, Пятериковъ и именитѣйшіе купцы Нижняго-Новгорода. Про народъ, который имъ гордился и которому онъ помогалъ, чѣмъ могъ, и говорить нечего: онъ въ немъ оплакивалъ своего друга. *(Изъ „Пчелы." Н. Щербины).*

30. Отечественная война.

I. Въ 1812 году, когда царствовалъ императоръ Александръ Павловичъ, вторгнулся въ Россію Наполеонъ, императоръ французовъ. Онъ привелъ съ собою несмѣтную силу войска.

Когда появились къ намъ непрошенные гости, Александръ Павловичъ прибылъ въ Москву и приказалъ оповѣстить жителей, что будетъ держать рѣчь всѣмъ сословіямъ въ своемъ слободскомъ дворцѣ. Въ назначенный день сошлись всѣ во дворецъ. Сталъ говорить царь, что пришли на насъ сильные враги и что онъ положилъ все свое упованіе на Бога и на вѣрность своихъ подданныхъ. И вдругъ онъ прослезился, дрогнулъ его голосъ. Всѣ вокругъ него заплакали и крикнули: «Отецъ нашъ! бери, что хочешь! веди насъ: умремъ или истребимъ злодѣя»! Тутъ же купцы обѣщали денежное пожертвованіе, а дворяне объявили, что составятъ ополченіе изъ своей среды.

И закипѣли приготовленія къ войнѣ.

II. А Наполеонъ, лишь къ намъ вступилъ, такъ послалъ сильный отрядъ на петербургскую дорогу, потому что думалъ и Петербургомъ завладѣть, а самъ пошелъ другимъ путемъ. Подступилъ онъ къ Смоленску. Наши войска защищали грудью городъ, но вышли изъ него, когда онъ уже былъ до половины разрушенъ непріятельскими ядрами, и отступили на московскую дорогу. Наполеонъ назначилъ свое начальство въ Смоленскѣ и пошелъ за нами.

А мы все разрушали на своемъ пути, чтобъ ничего не оставлять непріятелямъ и сокрушить ихъ голодомъ.

Главнокомандующій нашъ Барклай-де-Толли былъ изъ нѣмцевъ, а человѣкъ преданный, и свое дѣло зналъ. Однако царь рѣшилъ поставить на его мѣсто князя Михаила Иларіоновича Кутузова, потому что войско бывало съ нимъ въ походахъ и любило его, опять же свой братъ — русскій. Князь пріѣхалъ изъ Петербурга, нагналъ нашу армію въ полутораста верстахъ отъ Москвы и принялъ команду; отступилъ онъ еще немного и остановился въ Можайскомъ уѣздѣ, около села Бородина. Тутъ онъ сразился съ Наполеономъ въ самый день Владимирской Божіей Матери [1]). Цѣлыхъ пятнадцать часовъ бились не на животъ, а на смерть. Какъ у непріятелей, такъ и у насъ легло тысячъ по сорока на мать-сыру землю. Да мы-то были дома и могли пополнить наши войска; Бонапарту же не кѣмъ было замѣнить своихъ убитыхъ.

Кутузовъ.

Главнокомандующій далъ вздохнуть войскамъ и подвинулся еще къ Москвѣ, а Наполеонъ пошелъ опять за нимъ. Подъ самымъ городомъ князь собралъ своихъ генераловъ на военный совѣтъ, и рѣшили, что не будутъ отстаивать Москвы, что отдадутъ ее врагамъ для спасенія Россіи, потому что Наполеонъ попадетъ въ Москву, какъ волкъ въ капканъ. Такъ и было.

Давно ужъ говорили, что, можетъ быть, Москва попадетъ во вражьи руки, и какъ только прошелъ этотъ слухъ, всѣ стали изъ нея выбираться. Поднялась вездѣ суматоха: въ домахъ, въ храмахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ и лавкахъ. Иные зарывали въ землю свое добро; другіе свое вывозили. По улицамъ тянулись день и ночь экипажи и обозы; и сновали пѣшеходы съ узелками, либо корзинами въ рукахъ. Женщины несли дѣтей. Всѣ покидали городъ. Оставались въ немъ лишь бѣдняки, которымъ некуда было уходить, прислуга въ господскихъ домахъ, да часть братіи въ святыхъ обителяхъ.

III. Въ Семеновъ день [2]) архіепископъ служилъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, а послѣ обѣдни молебенъ Владимирской Божіей Матери. Онъ увозилъ съ собою икону. Когда онъ молвилъ: «Спаси отъ

1) 26 августа.

2) 1-го сентября, церковный новый годъ.

бѣдъ рабы Твоя, Богородице», народъ зарыдалъ. Лишь только всѣ приложились, вынесли образъ въ карету архіерея, и толпа бросилась его провожать по Красной площади. Тогда же увезли и икону Иверской Божіей Матери.

На другой день, съ утра, наше войско проходило Москвой, и солдаты плакали, когда шли, съ опущенными знаменами, мимо Кремля. Къ вечеру Наполеонъ вступилъ въ городъ. Его французы стали голодать, лишь только перешли за нашу границу, и кормились однимъ грабежомъ. Отъ границы до Москвы они шли около трехъ мѣсяцевъ, то и дѣло приходилось имъ отстрѣливаться отъ нашихъ, и совсѣмъ изнурились солдаты. Не вспомнили они себя отъ раодсти, когда заняли Москву. Думали бѣдняки, что тутъ имъ готовый провіантъ и покойныя квартиры, и разсыпались по пустымъ домамъ. Потаскали они изъ погребовъ, что было съѣстного, наѣлись досыта и улеглись спать. Да не надолго привелъ имъ Богъ у насъ отдохнуть. Въ ту же ночь вспыхнулъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ пожаръ. На бѣду поднялся вѣтеръ, а на другой день превратился въ бурю, такъ что огонь разлился настоящимъ моремъ и сталъ охватывать улицу за улицей.

Наполеонъ сначала расположился квартировать въ кремлевскомъ дворцѣ; но какъ ужъ очень разыгрался пожаръ, то онъ переѣхалъ въ Петровскій паркъ.

Тамъ онъ провелъ трое сутокъ, по ночамъ не спалъ, а все смотрѣлъ на пламя, и вернулся въ Кремль, когда сталъ утихать пожаръ, и уже выгорѣли три четверти города. Жутко было Бонапарту. Онъ воображалъ, что, какъ войдетъ въ Москву, нашъ царь попроситъ у него мира, а царь и не думалъ съ нимъ мириться. Между тѣмъ осень наступила, солдаты совсѣмъ износились, имъ нечѣмъ было прикрыться, а какая оставалась провизія въ Москвѣ — почти вся погибла во время пожара. Сталъ Наполеонъ посылать по окрестностямъ своихъ полковыхъ начальниковъ, отыскивать пищи людямъ и корму лошадямъ. Да наши крестьяне зарывали въ землю свои запасы овса и ржи, а сами жили въ лѣсахъ. Французы къ нимъ захаживали и отбивали у нихъ скотину, да этой малостью прокормиться было невозможно. Опять же наши казаки показывались то и дѣло около Москвы, нападали зачастую на французовъ и истребляли ихъ.

Горемычные жители Москвы искали себѣ утѣшенія въ молитвѣ. Въ нѣсколькихъ церквахъ, гдѣ уцѣлѣли престолы, шло богослуженіе. Французскіе начальники не запрещали намъ совершать службы. Они приставляли даже караулъ къ храмамъ во время обѣдни и по просьбѣ священниковъ присылали краснаго вина для литургіи и пшеничную муку на просвиры; ладонъ, свѣчи и масло мы добывали въ погребахъ и лавкахъ. Лишь только раздавался благовѣстъ, москвичи, которые пріютились по сосѣдству, спѣшили въ церковь. Блѣдные, исхудалые, они становились на колѣни и изливали свое горе передъ Богомъ. Матери подымали дѣтей на рукахъ и восклицали сквозь слезы: «Пре-

святая Богородица, спаси невинныхъ младенцевъ!» А когда на эктеніи дьяконъ молился о «царствующемъ градѣ», то рыданія раздавались во храмѣ.

IV. Уже больше мѣсяца стоялъ Наполеонъ въ Москвѣ. Онъ боялся, чтобы князь Кутузовъ не напалъ на него врасплохъ, и послалъ своего зятя развѣдать, гдѣ стоитъ русская армія. Зять его наткнулся на нашъ лагерь по старой калужской дорогѣ, и одинъ изъ генераловъ Кутузова напалъ на него, да такъ его разбилъ у села Тарутина, что французы бѣжали безъ оглядки. Какъ узналъ объ этомъ Наполеонъ, то увидалъ, что податься ему больше некуда, и тотчасъ же велѣлъ оповѣстить войскамъ, чтобъ они были наготовѣ, потому что на другой же день онъ выступаетъ изъ Москвы.

И точно, вывелъ онъ самъ свою армію изъ Москвы. Которые изъ нашихъ видѣли тогда его несчастныхъ солдатъ, говорили, что больно было взглянуть на нихъ. Изнуренные, въ лохмотьяхъ, они походили на нищихъ. Кто прикрывался женской юбкой, кто священнической ризой, у кого одна нога была въ дырявомъ сапогѣ, а другая босая. За ними шли пушки, фуры и множество повозокъ съ награбленнымъ добромъ, такъ что армія и обозъ тянулись на цѣлыхъ тридцать верстъ.

V. Вѣсть объ отступленіи французовъ разнеслась, что молнія, по городу, и обрадовались несказанно бѣдные москвичи. Но ихъ ожидало еще новое горе. Наполеону хотѣлось, со злости, истребить совсѣмъ Москву, чтобы не оставалось въ ней камня на камнѣ. Самъ-то онъ ушелъ, а оставилъ здѣсь нѣсколько отрядовъ и приказалъ начальникамъ, чтобы они взорвали Кремль и всѣ зданія, что уцѣлѣли отъ пожара.

Въ ночь съ 10 на 11-е октября жители Москвы были пробуждены страшнымъ взрывомъ. За первымъ взрывомъ прогремѣли еще два другихъ, и вспыхнулъ мѣстами пожаръ. Да пошелъ, на счастіе, дождь и не далъ огню разыграться. Москвичи пробродили всю ночь по улицамъ или среди дворовъ, молились и ожидали смерти, а что еще погибло въ несчастномъ городѣ, того никто не зналъ. Когда начало свѣтать, всѣ взглянули на Кремль: золотая глава Ивана Великаго блестѣла на солнцѣ. Многіе бросились къ Кремлю и такое увидали страшное разрушеніе, что сердца ихъ замерли. Повалились однѣ изъ крѣпостныхъ стѣнъ; Москворецкую башню перебросило цѣликомъ на другой берегъ рѣки; дворецъ сгорѣлъ; Ивановская колокольня дала страшную трещину сверху до низу, а верхъ Никольской башни былъ оторванъ. Но икона Чудотворца, что стоитъ и теперь на ней, осталась невредима, и не разбилось даже стекло кіота.

VI. А наполеоновскимъ солдатамъ выпали на долю неслыханныя бѣдствія. Наша армія ихъ преслѣдовала съ боковъ и съ тылу. Они гибли тысячами то отъ холода, то отъ нашихъ силъ. Снѣгъ валилъ хлопьями, а пріютиться было некуда на дорогѣ, гдѣ не оставалось ни кола, ни двора. Несчастныхъ сокрушили окончательно битва подъ

городомъ Краснымъ, а нѣсколько дней спустя переправа черезъ рѣку Березину. Только успѣла она встать, тонкій ледъ ломался подъ тяжестью обозовъ, и много, много труповъ похоронила рѣка. Вошли въ Москву сто пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, а вернулись къ нашей границѣ всего тысячъ шесть. Изъ всей арміи Наполеона уцѣлѣлъ лишь тотъ отрядъ, что онъ послалъ на петербургскую дорогу. А самъ Наполеонъ чуть не попалъ къ намъ въ плѣнъ и спасся, переодѣтый, въ санкахъ, которыя отнялъ на пути у какого-то помѣщика.

VII. Стала Москва отстраиваться, а государь повелъ нашу армію во Францію, чтобъ одолѣть окончательно врага. А Наполеонъ ужъ успѣлъ набрать новое войско. Но мы его разбили, заняли Парижъ, столицу Франціи, и Наполеонъ долженъ былъ отказаться отъ престола. Русскій народъ съ восторгомъ встрѣтилъ своего государя, спасителя Россіи, и прозвалъ его Благословеннымъ. *(Толычевой).*

31. Сказаніе о 1812 годѣ.

Вѣтеръ гонитъ отъ востока
Съ воемъ снѣжныя метели...
Дикой пѣснью злая вьюга
Заливается въ пустынѣ...
По безлюдному простору,
Безъ ночлега, безъ привала,
Точно сонмъ тѣней, проходятъ
Славной арміи остатки,
Егеря [1]) и гренадеры [2]),
Кто окутанъ дамской шалью,
Кто церковною завѣсой,—
То въ сугробахъ снѣжныхъ вязнутъ,
То скользятъ, въ разбродъ взбираясь
На подъемъ оледенѣлый...
Гдѣ пройдутъ—по всей дорогѣ
Пушки брошены, лафеты [3]);
Снѣгъ заноситъ трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженныя добычей
Изъ святыхъ московскихъ храмовъ...
Посреди разбитой рати
Ѣдетъ вождь ея, привыкшій
Къ торжествамъ лишь да побѣдамъ...
Въ пошевняхъ [4]) на жалкихъ клячахъ,
Ѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно
Полный гордости и славы,
Къ той загадочной столицѣ
Съ золотыми куполами,
Гдѣ, казалось, совершится
Въ полномъ блескѣ чудный жребій
Повелителя вселенной,
Сокрушителя имперій...
Гдѣ-жь вы, пышныя мечтанья!
Гордый замыселъ!.. надежды
И глубокіе расчеты
Прахомъ стали—и упорно
Ищетъ онъ всему разгадки,
Гдѣ и въ чемъ его ошибка?
Все напрасно!..
И поникъ онъ, и, въ дремотѣ,
Видитъ—какъ въ пріемномъ залѣ—
Не за долго до похода—
Въ Тюльери, стоитъ онъ, гнѣвный;
Вѣнценосцевъ всей Европы
Передъ нимъ послы: всѣ внемлютъ
Съ трепетомъ его угрозамъ...
Лишь одинъ стоитъ посланникъ,

[1]) Егерь—легко вооруженный солдатъ, принадлежащій къ стрѣлков. полку.

[2]) Гренадеръ—солдатъ изъ отборнаго войска, отличающ. высокимъ ростомъ и крѣпкимъ сложеніемъ.

[3]) Лафетъ—станокъ на колесахъ для пушки.

[4]) Пошевни—широкія сани, обшитыя внутри лубомъ.

Не склонивъ покорно взгляда,
Съ затаенною улыбкой...
И, вспыливши, императоръ—
«Князь, вы видите» — воскликнулъ—
«Мнѣ никто во всей Европѣ
«Не дерзаетъ поперечить:
«Императоръ вашъ—на что же
«Онъ надѣется—на что же?»

«Государь!» въ отвѣтъ посланникъ,
«Взять въ разсчетъ вы позабыли,
«Что за русскимъ государемъ
«Русскій весь стоитъ народъ!»

Онъ тогда расхохотался,—
А теперь — теперь онъ вздрогнулъ...
И глядитъ: утихла вьюга,
На морозномъ небѣ звѣзды,
А кругомъ на горизонтѣ
Всюду зарева пожаровъ...
Вспомнилъ онъ дворецъ петровскій,
Гдѣ бояръ онъ ждалъ съ поклономъ
И ключами отъ столицы...
Вспомнилъ онъ пустынный городъ,
Вдругъ со всѣхъ сторонъ объятый
Моремъ пламени... А мира—
Мира нѣтъ!.. и днемъ, и ночью
Неустанная погоня
Вслѣдъ за нимъ враговъ незримыхъ...
Справа, слѣва—ихъ мильоны
Тамъ въ лѣсахъ... «Такъ вотъ что значитъ—
«Весь народъ!. »

И безнадежно
Вдаль онъ взоры устремляетъ.
Что-то грозное таится
Тамъ за синими лѣсами,
Въ необъятной этой дали...

(Майковъ).

32. Разсказъ очевидца о Бородинскомъ сраженіи.

(26 Августа 1812 года).

Застонала земля и пробудила спавшихъ на ней воиновъ; дрогнули поля, но сердца покойны были. Такъ началось безпримѣрное сраженіе Бородинское 26 августа. Туча ядеръ, съ визгомъ пролетѣвшихъ надъ шалашемъ нашимъ, пробудила меня и товарищей. Вскакиваемъ, смотримъ — густой туманъ лежитъ надъ нами и ими. Заря только что начала зажигаться. Непріятель подвезъ нѣсколько сотъ орудій и открылъ цѣлый адъ. Бомбы и ядра сыплются градомъ. Трескъ и взрывы повсемѣстные. Одни шалаши валятся, другіе пылаютъ. Войска бѣгутъ къ ружью и въ огонь. Все это происходило въ срединѣ, а на лѣвомъ крылѣ нашемъ давно уже свирѣпѣла гроза въ безпрерывныхъ перекатахъ грома пушекъ и мелкаго оружія. Мы простились съ братомъ. Онъ побѣжалъ со стрѣлками защищать мостъ. Большую часть сего ужаснаго дня проводилъ я то на главной батареѣ [1]), гдѣ находился свѣтлѣйшій [2]), то на дорогѣ, гдѣ перевязывали раненыхъ... Мой другъ! я видѣлъ сіе неимовѣрно жестокое сраженіе, и ничего подобнаго въ жизнь мою не видалъ, ни о чемъ подобномъ не слыхалъ и едва ли читывалъ.

---

[1]) Батарея—насыпь (со рвомъ впереди) для постановки на ней пушекъ.

[2]) Свѣтлѣйшій—князь Кутузовъ, главнокомандующій, занявшій мѣсто Барклая де-Толли.

Я былъ подъ Аустерлицемъ, но то сраженіе въ сравненіи съ нимъ—ошибка. Тѣ, которые были подъ Прейсишъ-Эйлау [1]), дѣлаютъ почти такое же сравненіе. Подумай только, что до четырехъ сотъ тысячъ лучшихъ воиновъ, на самомъ тѣсномъ, по многочисленности ихъ, пространствѣ, почти, такъ сказать, толкаясь головами, дрались съ неслыханнымъ отчаяніемъ; двѣ тысячи пушекъ гремѣли безпрерывно. Тяжко воздыхали окрестности, и земля, казалось, шаталась подъ бременемъ сражающихся. Французы метались съ дикимъ остервенѣніемъ; русскіе стояли съ неподвижностію твердѣйшихъ стѣнъ. Одни стремились дорваться до вожделѣннаго конца всѣмъ трудамъ и дальнимъ походамъ, загрести сокровища, имъ обѣщанныя, и насладиться всѣми утѣхами жизни въ древней, знаменитой столицѣ; другіе помнили, что заслоняютъ собою сію самую столицу, сердце Россіи, мать городовъ. Оскорбленная вѣра, разоренныя области, поруганные алтари и прахи отцовъ, обиженные въ могилахъ, громко вопіяли о помощи и мужествѣ.

Сердца русскія внимали священному воплю сему: мужество нашихъ войскъ было неописанно. Они, казалось, дорожили каждымъ вершкомъ земли и бились до-смерти за каждый шагъ. Многія батареи до десяти разъ переходили изъ рукъ въ руки. Сраженіе горѣло въ глубокой долинѣ и въ разныхъ мѣстахъ, съ огнемъ и громомъ, на высоты восходило. Густой дымъ заступалъ мѣсто тумана. Сѣдыя облака клубились надъ лѣвымъ крыломъ нашимъ и заслоняли средину, между тѣмъ какъ на правомъ сіяло полное солнце. И самое свѣтило сіе мало видало такихъ браней на землѣ съ тѣхъ поръ, какъ освѣщаетъ ее... Сколько потоковъ крови! сколько тысячъ тѣлъ!—Не заглядывайте въ этотъ лѣсокъ, сказалъ мнѣ одинъ изъ лѣкарей, перевязывавшій раны:—тамъ цѣлые костры отпиленныхъ рукъ и ногъ!—Въ самомъ дѣлѣ, въ рѣдкомъ изъ сраженій прошлаго вѣка бывало вмѣстѣ столько убитыхъ, раненыхъ и въ плѣнъ взятыхъ, сколько подъ Бородинымъ было оторванныхъ ногъ и рукъ. На мѣстѣ, гдѣ перевязывали раны, лужи крови не изсыхали. Никогда не видалъ я такихъ ужасныхъ ранъ. Разбитыя головы, оторванныя ноги и размозженныя руки до плечъ были обыкновенны. Тѣ, которые несли раненыхъ, облиты были съ головы до ногъ кровью и мозгомъ своихъ товарищей.

Сраженіе неумолкало ни на минуту, и цѣлый день продолжался бѣглый огонь изъ пушекъ. Бомбы, ядра и картечи летали здѣсь такъ густо, какъ обыкновенно летаютъ пули, а сколько здѣсь пролетѣло пуль!.. Но это сраженіе неописанно.

(Изъ „Писемъ русскаго офицера“ Ѳ. Глинки).

---

1) Подъ Аустерлицемъ и подъ Прейсишъ-Эйлау русскіе сражались съ Наполеономъ.

33. Бородино.

(26 августа 1812 г.).

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя;
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»
— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля—
Немногіе вернулись съ поля:
Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы!
Мы, молча, долго отступали,
Досадно было, боя ждали;
Ворчали старики:
«Что жъ мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ [1]).
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ, какъ тутъ.
Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ, мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою:
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ,
Что толку въ эдакой бездѣлкѣ!
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ [2]) открытый:
Кто киверъ [3]) чистилъ весь избитый;
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ [4]),
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.
Ну-жъ, былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двигались, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ:
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами,
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни;
Въ дыму огонь блестѣлъ;
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

---

1) Редутъ—небольшое укрѣпленіе въ полѣ, обведенное землянымъ валомъ.
2) Бивакъ—временная остановка войска для отдыха.
3) Киверъ—головное украшеніе въ прежнее время въ арміи.
4) Булатъ—узорчатое стальное орудіе.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...

Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,—
Товарищей считать...
Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля—
Немногіе вернулись съ поля:
Когда бъ на то не Божья воля—
Не отдали-бъ Москвы!

(Лермонтовъ).

34. Подвигъ генерала Раевскаго.

Знаменитое сраженіе при Дашковкѣ, происходившее 11 іюля 1812 года, между корпусомъ генералъ-лейтенанта Раевскаго и французскими войсками, подъ начальствомъ маршала Даву, ознаменовано достопамятнымъ, геройскимъ подвигомъ генерала Раевскаго. Русскія войска должны были взять приступомъ двѣ непріятельскія батареи, занимавшія весьма сильныя позиціи Нѣсколько разъ храбрые полки бросались въ огонь, но принуждены были отступать съ большимъ урономъ; ядра и картечь, какъ градомъ, осыпали смѣльчаковъ, вырывая цѣлые ряды. Тогда генералъ Раевскій, зная, насколько примѣръ начальника одушевляетъ подчиненныхъ, взялъ за руку двухъ своихъ сыновей, еще не достигшихъ двадцатилѣтняго возраста, и пошелъ съ ними впереди атакующей колонны на одну изъ батарей, говоря: «Впередъ, ребята, за царя и за отечество! Я и дѣти мои, которыхъ я приношу нынѣ въ жертву, откроемъ вамъ путь!» Войска съ крикомъ «ура» послѣдовали за своимъ любимымъ вождемъ и батарея была взята. Но къ общему сожалѣнію, при этомъ отчаянномъ, кровопролитномъ приступѣ тяжело былъ раненъ, пулею въ грудь, одинъ изъ сыновей генерала Раевскаго, семнадцатилѣтній юноша. Его перенесли въ село Дашково, и тамъ молодой герой скончался отъ раны. Его похоронили въ ближайшемъ лѣсу. Несчастный отецъ, оплакивая кончину своего любимаго сына, воздвигнулъ надъ его прахомъ памятникъ. По окончаніи войны и до самой кончины своей Раевскій по нѣскольку разъ въ годъ пріѣзжалъ молиться надъ прахомъ погибшаго героя, имѣя только утѣшеніемъ сознаніе, что исполнилъ свой долгъ, не щадя, для пользы отечества, ни жизни своей, ни жизни дѣтей своихъ.

(Заимствов. изъ „Разсказ. о военныхъ подвигахъ“ изд. ред. журн. „Чтеніе для солдатъ“).

35. Подвигъ подполковника Энгельгарта и коллежскаго ассессора Шубина.

I. Французы, занявъ покинутый русскими разоренный Смоленскъ, спѣшили заготовить хлѣба и фуража для наполненія наскоро устроенныхъ магазиновъ; но исполнить это было довольно затруднительно. Посылаемые для закупки хлѣба коммиссары[1]) и отряжаемыя для фуражировки[2]) команды или гибли подъ ударами русскихъ, или возвращались избитые и израненные. Тогда непріятели вознамѣрились устрашить жителей казнями. Они захватили въ плѣнъ двухъ помѣщиковъ, предводительствовавшихъ вооруженными крестьянами и дворовыми людьми: отставного подполковника Энгельгарта и коллежскаго ассессора Шубина; привезли ихъ въ Смоленскъ и, посадивъ въ Спасскую церковь подъ стражу, стали строго допрашивать. Энгельгартъ, не колеблясь духомъ, отвѣчалъ: „Я русскій подданный; я исполнилъ свой долгъ. Мы должны разить врага, дерзнувшаго нарушить наше спокойствіе и напасть на нашего государя. Оковы мои лишаютъ меня теперь отрады мстить врагамъ моего отечества“. Выслушавъ затѣмъ безтрепетно смертный приговоръ, онъ прибавилъ: „Вы не поработите Россію, вы сами погибнете; *а я благодарю Бога за то, что умираю какъ вѣрный сынъ отечества*. Ведите меня скорѣе къ мѣсту моего торжества“. Враги предлагали ему жизнь и свободу, если онъ согласится вступить въ ихъ службу и присягнетъ Наполеону. Герой отвѣчалъ: „Свобода моя принадлежитъ Богу и русскому царю; русскіе дворяне умѣютъ умирать за отечество и не привыкли быть рабами иноплеменника“. Его отвезли въ ровъ, близъ разрушенныхъ смоленскихъ стѣнъ, и хотѣли завязать глаза. Отбросивъ платокъ, Энгельгартъ сказалъ: „русскій не боится смерти“. Французы прострѣлили сначала ему ногу и опять старались поколебать его вѣрность, обѣщая залѣчить рану, если онъ согласится на ихъ предложенія; но Энгельгартъ остался непреклоненъ и палъ подъ непріятельскими пулями за вѣрность царю и отечеству.

II. Такой же участи подвергся и Шубинъ. Черезъ годъ послѣ того императоръ Александръ, находясь за границею, вспомнилъ заслугу Энгельгарта и Шубина и повелѣлъ наградить родныхъ ихъ, какъ слѣдуетъ по-царски. „Удостовѣрясь въ истинѣ“, сказано было въ Высочайшемъ указѣ Правительствующему Сенату, „Я поспѣшилъ воздать справедливый долгъ симъ усерднымъ сынамъ отечества, при бѣдномъ состояніи, не прельстившимся на искушеніе непріятельское, пребывшимъ непоколебимыми въ привязанности къ государству своему и пожертвовавшимъ жизнію за вѣру и вѣрность“. Государь повелѣлъ

---

[1]) Коммиссаръ—лицо, завѣдывающее надзоромъ за поставкою съѣстныхъ припасовъ, вещей и т. п.

[2]) Фуражировка—добываніе продовольствія въ военное время.

производить пенсіи: брату Энгельгарта по 6 тысячъ р.; племяннику его и племянницѣ по 3 тысячи руб., вдовѣ Шубина по 10 тыс., матери по 6 тыс. и двумъ сестрамъ дѣвицамъ по 3 тыс. ежегодно. Впослѣдствіи, именно въ 1835 году, по повелѣнію Императора Николая Павловича, на мѣстѣ казни Энгельгарта воздвигнутъ чугунный памятникъ, съ надписью: „Подполковнику Павлу Энгельгарту, умершему въ 1812 г., за вѣрность и любовь къ отечеству". *(Заимствов. оттуда же.)*.

36. Савва Бѣляевъ.

Въ 1812 году, въ октябрѣ французы подступили подъ Малоярославецъ; тутъ рѣка Лужа, а на рѣкѣ мостъ. Казаки подоспѣли со стороны города и сожгли мостъ, а сами отступили. Французы стали наводить понтоны [1]). Работа кипѣла; все было тихо: ни пальбы, ни сопротивленія; только стукъ раздавался, да клики и команда на вновь наводимомъ мосту. Въ городѣ войскъ не было; жители не ожидали такъ скоро непріятеля и не успѣли уйти; теперь же всѣ стали выглядывать изъ-за угловъ и переулковъ на подходящія по ту сторону рѣки колонны и на работы французовъ. Мало-по-малу народъ сдѣлался смѣлѣе, высыпалъ большими толпами на возвышенный берегъ рѣки и съ любопытствомъ смотрѣлъ на подступающаго во множествѣ непріятеля. Тутъ стоялъ также и секретарь уѣзднаго суда Савва Бѣляевъ.—„А что", подумалъ онъ, „если разорить теперь плотину у мельницы, что стоитъ повыше этого моста, то французскому мосту нс устоять! Ребята, кто за мной?—„Идемъ!" Выискались ребята посмѣлѣе, спустились съ горы, и Бѣляевъ началъ свою работу: поднялъ всѣ заставки на плотинѣ—вода хлынула; тамъ стали ломать шлюзъ [2]), раскопали самую плотину, указавши водѣ дорогу, и скоро плотины не стало: разнесло ее прорвавшеюся водой. Прудъ за мельницей былъ огромный, верстъ на семь, вода высока; она съ такою силою понеслась на непріятельскій мостъ, что его въ одинъ мигъ какъ не бывало: понтоны разорвало; французы едва сами успѣли выскочить на берегъ, и вода вскорѣ залила всю окрестность, весь низменный берегъ, гдѣ расположились было французы, которые, такимъ образомъ, отъ сопротивленія одного человѣка, Бѣляева, на этотъ разъ въ городъ не попали. Вотъ что значитъ патріотизмъ [3]) во время войны!

37. Слуга царскій и его жена.

Въ 1812 году, Коломенской округи, пожилыхъ лѣтъ крестьянинъ, Павелъ Петровъ, имѣвшій двухъ женатыхъ сыновей и внучатъ, возгорѣлъ желаніемъ вступить въ ряды воиновъ — поселянъ. Несмотря

---

[1]) Понтоны—мосты, которые наводятся на рѣкахъ для перехода войскъ.
[2]) Шлюзъ—плотина на рѣкахъ.
[3]) Патріотизмъ—любовь къ отечеству.

на всѣ убѣжденія семейства своего, явился онъ къ начальнику, набиравшему коломенское ополченіе. „Хотя я старъ“, сказалъ онъ: „но радъ умереть за землю русскую, за вѣру и за царя православнаго. Не смотрите на мои лѣта: вѣрою и правдою постою противъ враговъ“. Начальникъ, похваляя его усердіе, убѣждалъ однако, чтобы за старостію лѣтъ онъ остался дома. Но видя непреодолимую его ревность, согласился наконецъ принять его.

Уже ополченцамъ сказанъ былъ походъ. Поруча себя Богу, радостно приготовились они на смертный подвигъ. Крестьянинъ Павелъ Петровъ, благословя свое семейство, сталъ въ ряды и отправился. Жена его Ксенія Васильева, почти равныхъ съ нимъ лѣтъ, запаслась на дорогу чѣмъ могла, и пустилась за нимъ вслѣдъ; настигла его и сказала: „Сердце мое не утерпѣло; жаль мнѣ стало тебя, нашего кормильца: пока велитъ Господь Богъ, буду съ тобою неразлучна“!

Безъ малѣйшаго ропота, съ твердостію и терпѣніемъ дѣлила она съ мужемъ своимъ въ походѣ всѣ тягости, заготовляла для него все нужное, и отъ всего сердца радовалась, что хотя мало, но могла успокоивать того, съ кѣмъ Богъ велѣлъ ей жить и умереть. Непрестанные труды истощили силы этой крестьянки, оставившей домъ, дѣтей и внучатъ, чтобы только облегчить тягости престарѣлому мужу. Къ неутѣшной его скорби, она умерла на пути къ Смоленску, оставивъ дѣтямъ и внучатамъ примѣръ супружеской любви.

Въ награжденіе за ревность къ службѣ государевой помѣщикъ уволилъ Павла Петрова отъ оброка и всѣхъ повинностей. Въ кругу дѣтей и внучатъ Павелъ часто вспоминалъ жену и говорилъ: „Тоска, какъ камень, лежитъ на моемъ сердцѣ: я думалъ, что она мнѣ закроетъ глаза, а она не пожалѣла для меня жизни своей... Но да будетъ воля Божія! Господь Богъ наградитъ ее въ небесахъ“!

(Изъ писемъ Ѳ. Глинки).

38. Великая панихида.

(1812 г.).

Не отъ ливня, не отъ града,
И залиты, и побиты,
Полегли хлѣба на полѣ:
То подъ матушкой Москвою,
По доламъ и по равнинамъ,
Много храбрыхъ ратей русскихъ
И французскихъ полчищъ много
Ко сырой землѣ приникло,
Переколотыхъ, побитыхъ
Палашами и штыками,
И дождемъ и пуль, и ядеръ...
Дѣти матери великой,
Милой родины защита,
Доброму царю радѣльцы!
За любовь, за жертвы ваши,
Что вы душу положили
За народъ свой и за землю,
Въ память вѣчную вамъ, братья,
Мы отпѣли панихиду,
И такую панихиду,
Что невидано на свѣтѣ
И не слыхано донынѣ!...
Но за всѣхъ васъ, славно павшихъ,

Свѣчъ у васъ не доставало,
Воску вдоволь не хватало;
И подъ небомъ, храмомъ Божьимъ,
Мы зажгли отъ всей Россіи
Лишь одну свѣчу большую—
Матушку Москву родную,
Чтобы та свѣча горѣла
Вамъ за упокой душевный,
А врагамъ на посрамленье!...
(Н. Щербина).

39. Изъ жизни императора Александра I.

I. Проѣзжая въ 1824 году черезъ Екатеринославскую губернію, императоръ Александръ I-й остановился на одной станціи пить чай. Пока ставили самоваръ, государь разговаривалъ со станціоннымъ смотрителемъ и, увидѣвъ у него на столѣ книгу Новаго Завѣта, спросилъ:

— А часто ли ты заглядываешь въ эту книгу?

— Постоянно читаю, ваше величество.

— Хорошо. Читай, читай,—замѣтилъ императоръ. Будешь искать блага для души,—найдешь и земное счастье. А гдѣ ты остановился въ послѣдній разъ?

— На евангеліи св. Матѳея, ваше величество.

Государь выслалъ зачѣмъ-то смотрителя и въ его отсутствіе проворно развернулъ книгу, отыскалъ одну изъ страницъ евангелія отъ Матѳея и, положивъ въ нее нѣсколько ассигнацій [1]), закрылъ книгу.

Прошло нѣсколько недѣль. Возвращаясь обратно по той же дорогѣ, государь узналъ станцію и приказалъ остановиться.

— Здравствуй, старый знакомый,—сказалъ онъ, входя къ смотрителю. А читалъ ли ты безъ меня свое Евангеліе?

— Какъ же, ваше величество, ежедневно читалъ.

— И далеко дошелъ?

— До св. Луки.

— Посмотримъ. Дай сюда книгу.

Государь развернулъ ее и нашелъ положенныя имъ деньги на томъ же мѣстѣ.

— Ложь—великій грѣхъ!—сказалъ онъ, вынувъ бумажки и, указавши смотрителю на прикрытую ими страницу, прибавилъ:—Читай!

Смотритель съ трепетомъ прочиталъ: «Ищите прежде всего царствія Божія, а прочее приложится вамъ».

— Ты не искалъ царствія Божія,—замѣтилъ государь,—а потому не достоинъ и царскаго приложенія.

Съ этими словами онъ вышелъ, отдалъ деньги на бѣдныхъ и уѣхалъ.

II. Императоръ Александръ съ самой юности обнаруживалъ стремленіе къ добру и спѣшилъ на помощь ближнему, не соображая ни средствъ своихъ, ни обстоятельствъ. Случилось ему услышать, что какой-то старикъ, иностранецъ, нѣкогда служившій при Академіи [2]), находится въ крайней бѣдности,—онъ поспѣшно вынулъ 25 рублей и

[1]) Ассигнаціи—деньги, кредитные билеты.

[2]) Академія—высшее учебное учрежденіе.

поторопился отослать ихъ къ бѣдному, хотя у него самого не оставалось болѣе денегъ. Въ другой разъ, узналъ онъ, что одинъ изъ штукатуровъ, работавшихъ у дворца, упалъ съ лѣсовъ и сильно расшибся: отправить его въ больницу, послать къ нему своего лейбъ-медика, приказать хирургу [1]) пользовать его, дать на все это деньги, подарить больному нѣкоторую сумму, постель, свою простыню,—было для него дѣломъ одной минуты. Мало этого, — онъ справлялся и заботился о больномъ каждый день, пока тотъ не выздоровѣлъ, скрывая отъ всѣхъ свой поступокъ, «который — какъ онъ самъ выразился — считалъ долгомъ человѣчества, къ чему всякій непремѣнно обязанъ».

III. *Человѣколюбивый поступокъ императора Александра I Благословеннаго.* Это было въ 1823 г. въ Петербургѣ, подъ вечеръ, въ зимнюю и довольно ненастную пору на набережной Мойки. Тутъ у портомойни какая-то баба—прачка тащила па взвозъ салазки съ вымытымъ мокрымъ бѣльемъ. Бѣлье, разумѣется, было тяжелое, и прачка чуть его могла тащить; а какъ довезла до взвоза, по которому надо подниматься на набережную, — тутъ и началась для нея настоящая мука, потому что по этому взвозу водовозы таскали кадки съ водою, которая плескалась и до того ровно облила весь взвозъ, что онъ обледенѣлъ, осклизъ, и подняться по немъ было чрезвычайно трудно, особенно съ тяжестью. Бѣдная баба съ своими салазками, въ обмерзшихъ сапогахъ, карабкалась, карабкалась, и едва дотягивала до половины, какъ ноги ея въ обмерзшей обуви скользили и она опять съѣзжала внизъ. Досада ее брала, и она стала горько плакать, чему нѣкоторые рѣдкіе въ этомъ мѣстѣ Мойки прохожіе имѣли жестокость смѣяться вмѣсто того, чтобъ, схвативъ залазки за веревку, помочь бѣднягѣ выйти изъ бѣды.

Изъ числа проходившихъ тутъ въ эту пору были два кадета [2]) лѣтъ 14—15, въ полной своей кадетской формѣ при киверахъ [3]), тесакахъ и въ шинеляхъ въ рукава, да только безъ отпускныхъ билетовъ, потому что они тайкомъ ушли изъ корпуса въ гости къ какому-то двоюродному братцу, балованному бабушкину внучку. Мальчики также поглядѣли на неудачное карабканье прачки и также имѣли глупость и малодутіе посмѣяться надъ ея горемъ. Но въ это самое время они издали, не взирая на снѣжную заметь и легкій туманъ, привычнымъ кадетскимъ глазомъ завидѣли вдали императора Александра Павловича, ежедневно прогуливавшагося, несмотря ни на какую погоду. Зная свою провинность и опасаясь попасться на глаза государю,—кадетики юркнули съ быстротою молніи въ полузапертыя ворота какаго-то дома, и оттуда, невидимые, стали наблюдать.

---

[1]) Хирургъ—врачъ, имѣющій право дѣлать операціи, т. е. отрѣзывать больные части тѣла.

[2]) Кадетъ—воспитанникъ военно-учебнаго заведенія—корпуса.

[3]) Киверъ—головное украшеніе военныхъ.

Императоръ остановился противъ взвоза и сталъ осматриваться— нѣтъ ли свидѣтелей того, что онъ намѣревался сдѣлать. Убѣдясь, что на набережной ни души и не подозрѣвая двухъ мальчугановъ въ кадетскихъ шинеляхъ и киверахъ, спрятавшихся тутъ, онъ мгновенно сбросилъ на гранитный парапетъ [1]) свою ваточную шинель и въ одномъ семеновскомъ мундирѣ поспѣшилъ на помощь прачкѣ, взялъ изъ ея рукъ веревку салазокъ, перекинулъ черезъ плечо и, согнувшись, шибко взвезъ салазки съ бѣльемъ на тротуаръ.

— Дай Богъ здоровья твоему благородію! — кричала ему снизу поднимавшаяся баба, очевидно, принявшая его за простого офицера.

— Хорошо, матушка, хорошо, — буду здоровъ! — отвѣчалъ онъ и, накинувъ шинель, скоро пошелъ своею дорогою, вѣроятно спѣша согрѣться.

IV. Въ 1813 году, во время пребыванія въ Дрезденѣ, государь, по обыкновенію, совершалъ свои прогулки по городу пѣшкомъ, одинъ, безъ всякой свиты. Одна крестьянка, увидѣвъ его прогуливающимся такимъ образомъ, въ изумленіи сказала:—„Смотрите-ка! вѣдь это русскій императоръ идетъ одинъ! Право, видно, у него чистая совѣсть“.

V. Въ 1816 году, находясь въ Кіевѣ, императоръ Александръ послалъ сказать извѣстному въ то время по святости своей жизни схимнику Вассіану, что вечеромъ въ восемь часовъ его намѣренъ посѣтить князь Волконскій. Въ назначенный часъ ожидаемый гость тихо вошелъ въ келью слѣпого старца и сталъ говорить съ нимъ. Вассіанъ спросилъ гостя: женатъ ли онъ? имѣетъ ли дѣтей? давно ли служитъ государю?—„Благодареніе Господу Богу, продолжалъ схимникъ,—что государь удостоилъ и Кіевъ и Лавру своимъ посѣщеніемъ. Онъ вчера въ Лаврѣ всѣхъ обрадовалъ своимъ благочестіемъ и своею кротостью“.

— Да онъ здѣсь, сказалъ посѣтитель.

— Въ Кіевѣ? опросилъ Вассіанъ.

— Онъ у васъ, отвѣчалъ Александръ,—благословите меня! Еще въ Петербургѣ я наслышался о васъ и пришелъ поговорить съ вами; благословите меня!

Вассіанъ хотѣлъ поклониться въ ноги царю, но Александръ не допустилъ его до этого, поцѣловалъ его руку, говоря:

— Поклоненіе принадлежитъ одному Богу. Я человѣкъ, какъ и прочіе, и христіанинъ, исповѣдуйте меня и притомъ какъ всѣхъ, какъ вообще духовныхъ сыновъ своихъ.

Послѣ исповѣди и долгой бесѣды, государь пожелалъ знать, кто въ Лаврѣ болѣе другихъ заслуживаетъ вниманія, и когда схимникъ назвалъ намѣстника іеромонаха Антонія, приказалъ послушнику позвать намѣстника, будто-бы къ князю Волконскому, ожидающему его

---

[1]) Парапетъ—перила на мосту.

у Вассіана. Когда же Антоній, узнавъ государя, хотѣлъ отдать ему должную честь, Александръ удержалъ его, сказавъ:

— Благословите, какъ священникъ и обходитесь со мной какъ съ простымъ поклонникомъ, пришедшимъ въ сію обитель искать путей къ спасенію, потому что всѣ дѣла мои и вся слава принадлежитъ не мнѣ, а имени Божію, научившему меня познавать истинное величіе.

Только въ полночь государь вышелъ отъ Вассіана, запретивъ намѣстнику провожать себя, а на другой день послалъ ему и Вассіану по бриллiантовому кресту.

VI. Во время одного путешествія императору Александру Павловичу вздумалось пройтись пѣшкомъ, какъ онъ часто это дѣлалъ; онъ вышелъ изъ экипажа съ постояннымъ своимъ спутникомъ, княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ. Экипажу же велѣно было ѣхать сзади шажкомъ, а они пошли впередъ по дорогѣ. Въ полуверстѣ отъ дороги виднѣлась деревенька малороссійская. Государь зашелъ въ крестьянскую хату-мазанку, отличавшуюся, какъ и всѣ хохлацкія хатки, примѣрною чистотою и опрятностью, о которыхъ рачительно заботятся домовитыя хозяюшки-хохлачки. Государю захотѣлось, увидѣвъ по близости ключъ студеной воды, напиться. Хозяйка была старушка-вдова. Въ избушкѣ, несмотря на крестьянскую бѣдность, во всемъ былъ порядокъ, вездѣ чистота: полъ хоть и земляной, доведенъ стараніемъ до цѣльности черепка, печь расписана разными цвѣтными глинами; образа убраны были живыми цвѣтами: все вѣяло свѣжестью и манило къ отдыху. Государь сѣлъ на небольшой лавкѣ у стола и попросилъ пить. Хозяйка подала только что принесенной ею ключевой воды и, подавая, сказала радушное малороссійское привѣтствіе: „здоровы пейте"!—Когда государь и князь Волконскій, простясь съ хозяйкой, уходили, послѣдній, отдавая ей синюю (пятирублевку) ассигнацію, сказалъ:

— Ну, помни, тетушка, у тебя царь былъ сегодня въ гостяхъ и угощался твоею водою.

— Царь, самъ царь! только и могла вымолвить старуха, и долго, долго смотрѣла ему вслѣдъ, пока онъ не скрылся изъ виду, а потомъ, вбѣжавши въ избу, очертила мѣсто на скамейкѣ, гдѣ сидѣлъ государь, мѣломъ, а очертивши, взяла буравчикъ—и ну сверлить на томъ мѣстѣ дырочки, и набила въ эти дырочки колышковъ. Съ тѣхъ поръ она никому не позволяла сидѣть на томъ мѣстѣ.

— Это мѣсто святое! Тутъ самъ царь, самъ Александръ Павловичъ сидѣлъ, говорила она простодушно, и такой запретъ налагала она до самой своей смерти.

(Изъ журн. „Досугъ и Дѣло", „Ист. царствов. Александра Благослов." Богдановича и др. источн.).

40. Оборона Севастополя [1]).

I. Турки издавна владѣютъ ключами отъ Гроба Господня въ Іерусалимѣ и дѣлаютъ притѣсненія православнымъ поклонникамъ. Издавна, со времени взятія Константинополя (1453), турки угнетаютъ православныхъ славянъ, живущихъ въ предѣлахъ Турціи. Покойный императоръ Николай I вступился за права своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ.

Началась война съ турками. Турецкій флотъ почти былъ уничтоженъ при Синопѣ Нахимовымъ (18-го ноября 1853 г.). Но за турокъ заступились французы, англичане. Огромный союзный флотъ присталъ 2-го сентября 1854 г. къ берегамъ Крыма, близъ Евпаторіи, и высадилъ многочисленную армію. Наши войска, малочисленныя, сравнительно съ непріятельскими, встрѣтили враговъ близъ рѣки Альмы, въ 30 верстахъ отъ Севастополя, и должны были отступить. При этомъ, чтобы преградить путь непріятельскому флоту въ Севастопольскую бухту, при входѣ въ нее, было затоплено нѣсколько кораблей.

Тогда непріятели отправились на южную сторону Севастополя, и, не рѣшаясь напасть на городъ вдругъ, штурмомъ—повели правильную осаду съ сухого пути, откуда Севастополь, какъ городъ приморскій, былъ беззащитенъ, такъ какъ всѣ укрѣпленія и батареи находились со стороны моря и обстрѣливали входъ въ бухту.

II. При такомъ беззащитномъ положеніи, городъ легко могъ сдѣлаться добычею сильнаго врага. Но храбрые черноморскіе моряки рѣшились лечь костьми, а не отдавать горячо любимый городъ: со слезами топятъ дорогіе свои корабли, перетаскиваютъ съ кораблей пушки на берегъ и вооружаютъ ими батареи; изъ моряковъ перерождаются въ пѣхотинцевъ и, подъ начальствомъ своихъ адмираловъ: Корнилова, Нахимова, Истомина и др., совершаютъ безпримѣрные подвиги. Въ виду непріятеля началось укрѣпленіе Севастополя подъ руководствомъ искуснаго инженера Тотлебена. Вокругъ всего города, на окружающихъ его холмахъ, копались рвы, насыпались валы; валы покрывались и обставлялись мѣшками съ пескомъ, корзинами съ землей, плетушками съ каменьями. Всѣ люди и вещи, находившіеся въ городѣ, были употреблены на защиту. Фургоны, телѣги и всякіе частные экипажи возили на батареи землю, снаряды; съ разсвѣта до поздней ночи, 5—6 тысячъ человѣкъ неутомимо работали по оборонительной линіи. Другіе продолжали работу и ночью, при свѣтѣ факеловъ и фонарей, работали дружно, весело. Тѣ, которые не принадлежали къ военному сословію, составили изъ себя стражу для содержанія карауловъ и ночныхъ обходовъ; другіе же помогали войскамъ на батареяхъ. Даже дѣвицы, женщины и дѣти оказывали посильную помощь.

---

[1]) Севастополь—городъ въ южной Россіи (въ Крыму) на берегу Чернаго моря.

За неимѣніемъ корзинъ и тачекъ, носили землю для насыпей въ подолахъ. Одна батарея насыпана была однѣми женщинами и до конца осады сохранила названіе *Дѣвичьей*. Арестанты, выпущенные изъ тюремъ, не воспользовались свободой, а испросили себѣ позволеніе принять участіе въ общей работѣ.

Такимъ образомъ вокругъ Севастополя, на протяженіи 8 верстъ, явилась цѣпь укрѣпленій или земляныхъ окоповъ и насыпей, уставленныхъ пушками и соединенныхъ траншеями (рвами въ ростъ человѣка съ небольшимъ валомъ, по которымъ могли бы безопасно переходить солдаты съ одного укрѣпленія на другое). На болѣе возвышенныхъ мѣстахъ устроены были бастіоны, т. е. четырехъ-стороннія земляныя укрѣпленія, съ высокимъ валомъ и глубокимъ рвомъ впереди; за валомъ помѣщаются на досчатыхъ помостахъ (платформахъ) пушки, концы которыхъ выглядываютъ изъ прорѣзовъ (амбразуръ) въ этомъ валу. Въ срединѣ бастіона обыкновенно находились пороховые погреба, землянки (блиндажи), поперечныя стѣнки для защиты (траверсы).

На севастопольской оборонительной линіи главныхъ бастіоновъ было семь: четыре—1, 2, 3 и Малаховъ курганъ—защищали южную бухту и Корабельную сторону съ адмиралтействомъ, а три: 4, 5 и 6—городъ. Между бастіонами было много промежуточныхъ батарей, т. е. мелкихъ земляныхъ укрѣпленій. Ближайшимъ къ городу бастіономъ былъ четвертый, а, по своему высокому положенію на всей линіи, Малаховъ курганъ представлялъ самое выгодное мѣсто для обороны. Имъ воспользовались защитники отлично: на курганѣ поставлено было 63 орудія, такъ что онъ имѣлъ видъ небольшой отдѣльной крѣпости. Необходимо было укрѣпить курганъ еще и потому, что онъ защищалъ собою бухту съ судами и адмиралтейскими постройками, которыя какъ-разъ находились сзади него.

III. Противъ нашихъ укрѣпленій непріятели возвели свои, и—началась знаменитая въ лѣтописяхъ міра Севастопольская осада и безпримѣрная Севастопольская оборона, длившаяся 11 мѣсяцевъ (съ 12-го сентября 1854 по 27-е августа 1855 годовъ). Но каждый мѣсяцъ этой обороны, въ силу огромности подъятыхъ въ это время трудовъ и геройскихъ подвиговъ, по причинѣ грамадности опасностей и утратъ, понесенныхъ нашимъ славнымъ воинствомъ, Высочайше повелѣно считать за годъ

Въ продолженіи этихъ 11 мѣсяцевъ — годовъ произошло четыре генеральныхъ сраженія: при Альмѣ—8-го сентября, при Балаклавѣ—12-го октября, Инкерманское—24-го октября 1854 и на Черной рѣчкѣ 4-го августа 1855 г., и множество вылазокъ, которыя стоютъ настоящихъ сраженій. Защитники Севастополя выдержали шесть страшныхъ опустошительныхъ бомбардированій, три общихъ штурма или приступа... Въ эти 11 мѣсяцевъ брошено врагами въ многострадальный городъ 2,128,000 штукъ метательныхъ снарядовъ, истрачено

330,000 пудовъ пороху и безсчетное множество пуль. Бой происходилъ на землѣ и подъ землей, — въ минныхъ [1]) галлереяхъ и подкопахъ. Сильный врагъ стоялъ лицомъ къ лицу лишь на разстояніи 70 саженъ отъ нашихъ бастіоновъ. Три нашихъ укрѣпленія (Камчатскій, Селенгинскій и Волынскій редуты) по причинѣ ужаснаго огня, который на нихъ былъ направленъ и который они мужественно выносили, прозваны были „тремя отроками въ пещи"... Малаховъ курганъ, въ послѣдніе мѣсяцы осады, пѣхотинцы называли „бойней", моряки— „толчеей"... Сколько на этой бойнѣ пало жертвъ любви къ родинѣ, сколько смолото людей въ этой огненной толчеѣ!! Бывали дни, когда люди падали не сотнями, а тысячами, десятками тысячъ! Бородинскій бой—замѣчательный въ исторіи войнъ. Немного было до 1812 года такихъ сраженій, когда—

Въ дыму огонь блестѣлъ;
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Представьте себѣ, что не день, а 349 дней длится такой бой, что земля тряслась, и залпы тысячи орудій слились въ протяжный вой... Оборонителей Севастополя не страшилъ ни адскій огонь, ни сыпавшійся на нихъ чугунный градъ; презрѣніе къ выстрѣламъ они выразили въ различныхъ прозвищахъ: пули на ихъ языкѣ были „мухи", ядра—„галки", картечь—„картошка", бомба—„жеребецъ"... Не перечислишь всѣхъ подвиговъ доблести, совершенныхъ храбрыми защитниками Севастополя. Между Севастопольскими героями были лаже дѣти! Хоть чрезъ 11 мѣсяцевъ и палъ Севастополь, потому что „и для героевъ есть невозможное", по словамъ государя, но въ эти 349 дней—

„Извѣдалъ врагъ не мало,
Что значитъ русскій бой удалый—
Нашъ рукопашный бой!"

Севастопольцы смѣло и съ гордостью могутъ сказать:

Да, были люди въ наше время—
Могучее, лихое племя—
Богатыри!...
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...

(Изъ „Родины" Радонежскаго).

41. Севастополь въ 1854 и 1855 г.

I. Если вы въ первый разъ въѣзжаете въ Севастополь, то напрасно вы будете искать хотя на одномъ лицѣ слѣдовъ суетливости, расте-

---

1) Минный отъ мины, что значитъ подкопъ, устраиваемый для произведенія взрыва.

рянности или даже готовности къ смерти, рѣшимости,—ничего этого нѣтъ: вы видите людей, спокойно занятыхъ будничнымъ дѣломъ. Но сходите на бастіоны [1]), посмотрите защитниковъ Севастополя на самомъ мѣстѣ защиты, или, лучше, зайдите прямо въ домъ, бывшій прежде Севастопольскимъ Собраніемъ и на крыльцѣ котораго стоятъ солдаты съ носилками,—вы увидите тамъ защитниковъ Севастополя, увидите тамъ ужасныя, грустныя, великія, изумительныя, возвышающія душу зрѣлища.

Вы входите въ большую залу Собранія. Только-что вы отворили дверь, видъ и запахъ 40 или 50 самыхъ тяжело-раненыхъ больныхъ, однихъ на койкахъ, большей же части на полу, вдругъ поражаетъ васъ. Не вѣрьте чувству, которое удерживаетъ васъ на порогѣ залы—это дурное чувство; идите впередъ, не стыдитесь того, что вы какъ будто пришли смотрѣть на страдальцевъ, не стыдитесь подойти и поговорить съ ними: несчастные любятъ видѣть человѣческое сочувствующее лицо, любятъ разсказать про свои страданія и услышать слова любви и участія. Вы проходите посрединѣ постелей и ищете лицо менѣе строгое и страдающее, къ которому вы рѣшитесь подойти, чтобы побесѣдовать.

— Ты куда раненъ? спрашиваете вы нерѣшительно и робко у одного стараго, исхудалаго солдата, который, сидя на койкѣ, слѣдитъ за вами добродушнымъ взглядомъ и какъ-будто приглашаетъ подойти къ себѣ. Я говорю: «робко спрашиваете», потому-что страданія, кромѣ глубокаго сочувствія, внушаютъ почему-то страхъ оскорбить и высокое уваженіе къ тому, кто переноситъ ихъ.

— Въ ногу, отвѣчаетъ солдатъ; но въ это самое время вы сами замѣчаете по складкамъ одѣяла, что у него ноги нѣтъ выше колѣна.—Слава Богу, теперь, прибавляетъ онъ:—на выписку хочу.

— А давно ты уже раненъ?

— Да вотъ шестая недѣля пошла, ваше благородіе!

— Что же болитъ у тебя теперь?

— Нѣтъ, теперь не болитъ ничего; только какъ будто въ икрѣ ноетъ, когда непогода, а то ничего.

— Какъ же ты былъ раненъ?

— На 5-мъ бастіонѣ, ваше благородіе, какъ первая бандировка [2]) была: навелъ пушку, сталъ отходить, эдакимъ манеромъ, къ другой амбразурѣ, [3]) какъ онъ [4]) ударитъ меня по ногѣ, ровно какъ въ яму оступился,—глядь, а ноги нѣтъ.

— Неужели больно не было въ эту первую минуту?

— Ничего; только какъ горячимъ чѣмъ меня пхнуло въ ногу.

— Ну, а потомъ?

---

[1]) Бастіонъ—укрѣпленіе, обнесенное высокимъ валомъ.

[2]) Бомбардировка—пальба изъ пушекъ.

[3]) Амбразуры—отверстія въ бастіонномъ валѣ для пушекъ.

[4]) Такъ называютъ русскіе непріятеля.

— И потомъ ничего; только какъ кожу натягивать стали, такъ саднило какъ будто. Оно, первое дѣло, ваше благородіе—не думать ничего; какъ не думаешь, оно тебѣ и ничего. Все больше отъ того, что думаетъ человѣкъ.

Въ это время къ вамъ подходитъ женщина въ сѣренькомъ полосатомъ платьѣ и повязанная черным платкомъ; она вмѣшивается въ вашъ разговоръ съ матросомъ и начинаетъ разсказывать про него, про его страданія, про отчаянное положеніе, въ которомъ онъ былъ четыре недѣли, про то, какъ бывши раненъ, остановилъ носилки, съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть на залпъ нашей батареи, какъ великіе князья говорили съ нимъ и пожаловали ему 25 рублей, и какъ онъ сказалъ имъ, что онъ опять хочетъ на бастіонъ, съ тѣмъ, чтобъ учить молодыхъ, ежели уже самъ работать не можетъ. Говоря все это однимъ духомъ, женщина эта смотритъ то на васъ, то на матроса, который, отвернувшись и какъ будто не слушая ее, щиплетъ у себя на подушкѣ корпію, и глаза ея блестятъ какимъ-то особеннымъ восторгомъ.

— Это хозяйка моя, ваше благородіе! замѣчаетъ вамъ матросъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говоритъ: «ужъ вы ее извините. Извѣстно, бабье дѣло—глупыя слова говоритъ».

— Ну, дай Богъ тебѣ поскорѣе поправиться, говорите вы ему и останавливаетесь передъ другимъ больнымъ, который лежитъ на полу и, какъ кажется, въ нестерпимыхъ страданіяхъ ожидаетъ смерти.

Это бѣлокурый, съ пухлымъ и блѣднымъ лицомъ человѣкъ. Онъ лежитъ навзничь, закинувъ назадъ лѣвую руку, въ положеніи, выражающемъ жестокое страданіе. Сухой открытый ротъ съ трудомъ выпускаетъ хрипящее дыханіе; голубые оловянные глаза закачены кверху, и изъ подбившагося одѣяла высунутъ остатокъ правой руки, обвернутый бинтами. Тяжелый запахъ мертваго тѣла сильнѣе поражаетъ васъ, и пожирающій внутренній жаръ, проникающій всѣ члены страдальца, проникаетъ какъ будто и васъ.

— Что, онъ безъ памяти? спрашиваете вы у женщины, которая идетъ за вами и ласково, какъ на родного, смотритъ на васъ.

— Нѣтъ еще, слышитъ, да очень плохъ, прибавляетъ она шопотомъ.—Я его нынче чаемъ поила; что-жъ, хоть и чужой, все надо жалость имѣть,—такъ ужъ не пилъ почти.

— Какъ ты себя чувствуешь? спрашиваете вы его.

Раненый поворачиваетъ зрачки на вашъ голосъ, но не видитъ и не понимаетъ васъ.

— Усердцѣ гхорить (т. е. чувствую жаръ около сердца).

Немного далѣе вы видите стараго солдата, который перемѣняетъ бѣлье. Лицо и тѣло его какого-то коричневаго цвѣта и худы, какъ скелетъ. Руки у него совсѣмъ нѣтъ: она вылущена въ плечѣ. Онъ сидитъ бодро, онъ поправился.

Съ другой стороны, вы увидите на койкѣ страдальческое блѣдное и нѣжное лицо женщины, на которомъ играетъ во всю щеку горячечный румянецъ.

— Это нашу матроску 5-го числа въ ногу задѣло бомбой [1]), скажетъ вамъ ваша путеводительница: она мужу на бастіонъ обѣдать носила.

— Что-жъ, отрѣзали?

— Выше колѣна отрѣзали.

II. Теперь пройдите въ дверь налѣво: въ той комнатѣ дѣлаютъ перевязки и операціи (операціей называется отрѣзываніе больныхъ или пораненыхъ частей тѣла). Вы увидите тамъ докторовъ съ окровавленными по локти руками и блѣдными, угрюмыми лицами, занятыхъ около койки, на которой, съ открытыми глазами и говоря, какъ въ бреду, безсмысленныя, иногда простыя и трогательныя слова, лежитъ раненый. Доктора заняты отвратительнымъ, но благодѣтельнымъ дѣломъ. Вы увидите, какъ острый кривой ножъ входитъ въ бѣлое, здоровое тѣло,—увидите, какъ съ ужаснымъ, раздирающимъ крикомъ и проклятіями раненый вдругъ приходитъ въ чувство, — увидите, какъ фельдшеръ бросить въ уголъ отрѣзанную руку, — увидите, какъ на носилкахъ лежитъ, въ той же комнатѣ, другой раненый и, глядя на операцію товарища, корчится и стонетъ, не только отъ боли, сколько отъ страданій ожиданія, — увидите ужасныя, потрясающія душу зрѣлища.

Выходя изъ этого дома страданія, вы непремѣнно испытаете отрадное чувство, полнѣе вдохнете въ себя свѣжій воздухъ, почувствуете удовольствіе въ сознаніи своего здоровья, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ созерцаніи этихъ страданій, почерпнете сознаніе своего ничтожества и спокойно, безъ нерѣшимости, войдете на бастіоны...

«Что значитъ смерть и страданія такого ничтожнаго червяка, какъ я, въ сравненіи съ столькими смертями и столькими страданіями?...»

Навстрѣчу попадутся вамъ, можетъ быть, изъ церкви похороны какого-нибудь офицера, съ розовымъ гробомъ и музыкой и развѣвающимися хоругвями; до слуха вашего долетятъ, можетъ быть, звуки стрѣльбы съ бастіоновъ.

Пройдя церковь и баррикаду [2]), вы войдете въ самую оживленную внутреннею жизнью часть города. Съ обѣихъ сторонъ—вывѣски лавокъ, трактировъ. Купцы, женщины въ шляпкахъ и платочкахъ, щеголеватые офицеры—все говоритъ вамъ о твердости духа, самоувѣренности, безопасности жителей. *(Гр. Л. Толстой).*

42. Разсказы объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

I. Во время крымской войны императоръ Николай былъ очень занятъ, такъ что ни одной ночи не спалъ спокойно, а иныя напролетъ просиживалъ. Но за этими занятіями онъ не забывалъ перваго долга христіанина, долга молитвы. Однажды (разсказывалъ его камер-

---

[1]) Бомба—ядро, начиненное разрывнымъ составомъ.

[2]) Баррикада—загородка изъ бревенъ и досокъ.

динеръ) государь, умывшись поутру, сталъ молиться Богу; камердинеръ его дожидался въ другой комнатѣ, когда онъ его позоветъ; проходитъ 15 минутъ—все еще тихо въ кабинетѣ; еще пять, еще нѣсколько минутъ, наконецъ, камердинеръ, видя, что уже почти полчаса прошло, въ безпокойствѣ тихонько отворяетъ дверь и видитъ, что государь, какъ стоялъ на колѣняхъ предъ образомъ и земно поклонясь, такъ и заснулъ. Въ первую минуту камердинеръ такъ испугался, что потихоньку позвалъ людей, и, съ осторожностью подойдя къ царю, сталъ его будить. Государь проснулся, перекрестился и сказалъ:—«Какъ я усталъ! Даже на молитвѣ заснулъ!»

II. Петербургское народонаселеніе, разсказываетъ поэтъ Жуковскій, испуганное распоряженіями, принятыми по необходимости для того, чтобы остановить развитіе холеры, а можетъ быть и настроенное нѣкоторыми злонамѣренными людьми и, во всякомъ случаѣ, побуждаемое варварскимъ невѣжествомъ, произвело мятежъ въ Петербургѣ. Кричали объ отравѣ, обвиняли докторовъ, что они хотѣли воспользоваться Богъ знаетъ чѣмъ. Напослѣдокъ на одной изъ Петербургскихъ площадей собралась толпа человѣкъ тысячъ въ 5 или 6. Кидаются въ одну больницу, находятъ тамъ несчастнаго доктора въ то время, какъ онъ подавалъ помощь умиравшему отъ холеры. Его убиваютъ, больница опустошена; больныхъ разносятъ съ ихъ постелями по разнымъ домамъ, откуда они поступили въ больницу. Полиція ничего не можетъ сдѣлать противъ мятежа: но появляются строевыя войска—и сходбище разсѣяно. Весь Петербургъ въ тревогѣ: безпокойство овладѣваетъ жителями; ждутъ общаго возстанія. Извѣщенный о положеніи дѣлъ императоръ рѣшается ѣхать въ Петербургъ. Онъ отплываетъ изъ Петергофа на пароходѣ. Онъ прибылъ. Зловѣщія донесенія встрѣчаютъ его. Онъ садится въ коляску и направляется по самымъ многолюднымъ улицамъ, прямо къ тому мѣсту, которое наканунѣ было театромъ безпорядковъ. Безчисленная толпа бѣжитъ за нимъ; нѣсколько разъ онъ останавливается для разговора съ тѣми, кто тѣснился вокругъ самой его коляски. Наконецъ, доѣхавъ до площади, онъ останавливается возлѣ церкви, окруженный толпою отъ 20-ти до 35-ти тысячъ человѣкъ. Тогда онъ встаетъ: представьте себѣ эту прекрасную фигуру, этотъ громкій и звучный голосъ, этотъ внушающій и строгій видъ, и эту толпу, наканунѣ столь мятежную, столь сильную въ своей смутѣ, а теперь столь спокойную, столь покоренную присутствіемъ самодержавнаго величія и магическимъ обаяніемъ геройской отваги. Вотъ слова, имъ произнесенныя: «Вѣнчаясь на царство, я поклялся поддерживать порядокъ и законы. Я исполню мою присягу. Я добръ для добрыхъ: они всегда найдутъ во мнѣ друга и отца; но горе злонамѣреннымъ: у меня есть противъ нихъ оружіе! Я не боюсь васъ: вамъ меня бояться! Намъ послано великое испытаніе—зараза. Надо было принять мѣры, дабы остановить ея распространеніе. Всѣ эти мѣры приняты по моимъ повелѣніямъ; стало быть,

вы жалуетесь на меня. Ну, вотъ я здѣсь! и я приказываю вамъ повиноваться. Вы, отцы семействъ, люди смирные; я вамъ вѣрю и убѣжденъ, что вы всегда прежде другихъ уговорите людей несвѣдущихъ и образумите мятежниковъ. Но горе тѣмъ, кто позволяетъ себѣ противиться моимъ повелѣніямъ! Къ нимъ не будетъ никакой жалости! Теперь расходитесь. Въ городѣ зараза. Вредно собираться толпами. Но напередъ слѣдуетъ примириться съ Богомъ. Если вы оскорбили меня вашимъ непослушаніемъ, то еще больше оскорбили Бога преступленіемъ: совершено было убійство; невинная кровь пролита. Молитесь Богу, чтобъ Онъ васъ простилъ». При этихъ словахъ, онъ обнажилъ голову, обернулся къ церкви и перекрестился. Тогда вся толпа, по невольному движенію, пала ницъ съ молитвенными возгласами. Императоръ уѣзжаетъ, народъ тихо расходится, наставленный и проникнутый сознаніемъ своего проступка. *(Жуковскій)*.

43. Дѣдушка Крыловъ.

I. Дѣдушку Крылова звали Иваномъ Андреевичемъ. Родился онъ не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ. Отецъ его былъ военный и служилъ сперва въ Москвѣ, а потомъ въ Оренбургѣ, и наконецъ переѣхалъ въ Тверь, гдѣ поступилъ на службу по гражданской части. Ивану Андреевичу было всего 11 лѣтъ, когда отецъ его умеръ, оставивъ его съ матерью въ крайней бѣдности; кромѣ сундука съ книгами, послѣ отца почти ничего не осталось, и несчастная вдова только съ трудомъ могла прокормить себя и сына. Мать Ивана Андреевича была женщина очень добрая, и онъ любилъ ее всѣмъ сердцемъ. Марья Алексѣевна—такъ звали ее—сама учила своего Ванюшу читать и писать по-русски, да нашелся добрый человѣкъ, который научилъ его читать и по-французски. За каждый хорошо выученный урокъ мать давала ему по нѣскольку копеекъ, а онъ копилъ эти деньги и покупалъ на нихъ самыя необходимыя вещи, какъ-то: сапоги, шапку и т. п. Въ свободное время онъ часто ходилъ гулять и съ особеннымъ удовольствіемъ посѣщалъ народныя сборища, торговыя площади, качели и кулачные бои, вмѣшивался въ толпу и съ жадностью прислушивался къ разговору простолюдиновъ; нерѣдко сиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ на берегу Волги и слушалъ, что̀ и какъ говорятъ собиравшіеся тутъ изъ разныхъ мѣстъ рабочіе. Тутъ-то онъ и научился тому выразительному и чисто русскому языку, которымъ от-

Крыловъ.

личаются всѣ его басни. Но самымъ любимымъ занятіемъ его было чтеніе, и онъ перечиталъ всѣ книги, которыя остались отъ отца; особенно же ему нравились вымыслы о волшебникахъ, которыхъ часто выводили на сцену [1]) въ старинныхъ комедіяхъ [2]). Подобныя пьесы [3]) до того занимали его, что онъ почувствовалъ охоту самъ сочинить что-нибудь въ этомъ родѣ, и дѣйствительно написалъ цѣлую оперу [4]) подъ названіемъ Кофейница. Въ этой оперѣ представлена женщина, которая ворожитъ на кофе. Ему тогда было только 14 лѣтъ.

II. Ничему еще порядочно не научился Иванъ Андреевичъ, какъ ему уже пришлось поступить на службу; матери одной слишкомъ трудно было зарабатывать хлѣбъ, и потому онъ долженъ былъ помогать ей. Но жалованье ему дали такое маленькое, что оно никакъ не могло улучшить ихъ положенія. Тогда мать рѣшилась ѣхать въ Петербургъ, чтобы хлопотать о пенсіи [5]) по службѣ мужа. Сына она взяла съ собой. Въ Петербургѣ Ивану Андреевичу удалось продать свое сочиненіе «Кофейница» одному книгопродавцу за 60 рублей, и на эти деньги онъ купилъ себѣ французскихъ книгъ. Это были большею частію все пьесы для игры на театрѣ [6]), къ которому Иванъ Андреевичъ сильно пристрастился. Вскорѣ за тѣмъ онъ поступилъ на службу и въ свободное время сталъ писать театральныя пьесы, изъ которыхъ нѣкоторыя потомъ были играны на театрѣ. Но всѣ его сочиненія, написанныя въ молодости, были вовсе не такъ хороши, какъ впослѣдствіи его басни. Это оттого, что Иванъ Андреевичъ самъ долженъ былъ до всего доходить, самъ всему учиться. У него не было хорошихъ учителей, и потому онъ потратилъ много времени на чтеніе безполезныхъ книгъ; не съ кѣмъ было посовѣтоваться о выборѣ ихъ. Мать ему въ этомъ помочь не могла, потому-что сама была не ученая; да къ тому же она скоро умерла, и Иванъ Андреевичъ на 21 году своей жизни остался совершенно одинъ. Долго еще онъ писалъ пьесы для театра и разныя мелкія стихотворенія.

III. Мать Ивана Андреевича, какъ я уже сказалъ, была женщина очень хорошая, и сына своего тоже научила быть хорошимъ, добрымъ и честнымъ; а между тѣмъ Иванъ Андреевичъ, то и дѣло, встрѣчался съ людьми, которые вовсе не были такими, какимъ мать его научила быть. Одни изъ нихъ часто лгали, другіе хитрили, третьи брались не за свое дѣло, многіе ссорились изъ-за пустяковъ, многіе были недовольны тѣмъ, что имѣли, и т. д. Все это видѣлъ Иванъ Андреевичъ; жаль ему стало этихъ людей, и ему захотѣлось исправить ихъ, по-

---

1) Сцена—возвышенное мѣсто въ театрѣ.

2) Комедія—сценическое представленіе въ театрѣ, гдѣ выводятся смѣшныя стороны нѣкоторыхъ лицъ.

3) Пьеса—всякое сочиненіе, которое играютъ въ театрѣ.

4) Опера—сочиненіе съ пѣніемъ и музыкою, которое играютъ въ театрѣ.

5) Пенсія—деньги, получаемыя за службу послѣ оставленія ея.

6) Театръ—зданіе, устроенное для представленія разныхъ зрѣлищъ.

мочь имъ быть правдивыми, честными, миролюбивыми и довольными. А какъ помочь? Сказать имъ прямо, что они поступаютъ дурно, — они могутъ обидѣться; а обижать онъ никого не хотѣлъ. Да, пожалуй, и не исправятся, а останутся такими же, какими были. Надо было такъ устроить, чтобы люди сами видѣли, какъ смѣшны они бываютъ, когда дѣлаютъ какія-нибудь глупости, и какъ худо жить на свѣтѣ тѣмъ, кто думаетъ только о себѣ и не заботится вовсе о другихъ. Думалъ онъ такъ, да какъ-то разъ и случилось ему прочесть басни одного французскаго писателя. Онѣ ему очень понравились; онъ перевелъ нѣсколько басенъ на русскій языкъ и показалъ свой переводъ друзьямъ. Тѣ похвалили переводъ и совѣтовали Ивану Андреевичу продолжать эту работу. Онъ перевелъ еще нѣсколько басенъ, а за тѣмъ попробовалъ и самъ сочинить, и его собственныя басни вышли еще лучше переводныхъ. Теперь онъ понялъ, какимъ образомъ онъ можетъ учить людей и показывать имъ всѣ ихъ недостатки. Разсказывая про хитрыхъ и льстивыхъ лисицъ, глупыхъ обезьянъ, жадныхъ волковъ и т. д., говорящихъ и дѣйствующихъ совершенно такъ, какъ люди, онъ этимъ не только никого не обижалъ, но и доставлялъ еще всѣмъ удовольствіе; а между тѣмъ, читая эти живые и забавные разсказы, всякій понималъ, что тутъ дѣло идетъ вовсе не объ этихъ животныхъ, а о похожихъ на нихъ людяхъ. Въ это время Ивану Андреевичу было около сорока лѣтъ. Съ этихъ поръ онъ уже не сочинялъ болѣе пьесъ для театра, а сталъ писать однѣ только басни; и такъ-какъ онъ прожилъ еще около сорока лѣтъ, то и успѣлъ написать ихъ болѣе двухъ сотъ. Этимъ онъ принесъ людямъ большую пользу. Всѣ читали его басни, всѣ восхищались ими, а дѣти въ школѣ и дома заучивали ихъ наизусть; всѣмъ онѣ были понятны: и знатнымъ, и простымъ людямъ, и взрослымъ, и дѣтямъ, всѣхъ онѣ учили уму-разуму. Въ Петербургѣ личность Ивана Андреевича сдѣлалась до того извѣстною, что, когда онъ шелъ по улицѣ, матери показывали его дѣтямъ, говоря: «Смотрите, вотъ идетъ дѣдушка Крыловъ, который написалъ столько прелестныхъ басенъ».

Иванъ Андреевичъ умеръ въ 1844 году, проживъ 76 лѣтъ, а по другимъ извѣстіямъ — ровно 80 лѣтъ. *(Изъ второй учебной книги Паульсона).*

44. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

(Род. въ 1799 г., ум. въ 1837 г.).

„И долго буду я народу тѣмъ любезенъ,
Что чувства добрыя въ немъ лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ".

(Памятникъ, ст. Пушкина).

I. Родина Пушкина—Москва; въ ней онъ получилъ воспитаніе и первоначальное образованіе. Отецъ Пушкина принадлежалъ къ высшему

московскому обществу и для своего времени былъ человѣкъ хорошо образованный, хотя это образованіе было чисто свѣтское: онъ отлично владѣлъ французскимъ языкомъ, даже писалъ на немъ стихи, былъ извѣстенъ въ обществѣ, какъ веселый и остроумный собесѣдникъ, и славился искусствомъ выразительнаго чтенія. Какъ человѣкъ свѣтскій, отецъ Пушкина хотѣлъ дать и сыну такое образованіе, какое было принято въ богатыхъ домахъ: свѣтское — французское. И вотъ Пушкинъ попадаетъ въ руки гувернантокъ [1]) и гувернеровъ—французовъ. При ихъ настойчивости онъ быстро сдѣлалъ навыкъ во французскомъ языкѣ. Но занятія научными предметами и при многихъ учителяхъ, вслѣдствіе лѣности ученика, не сопровождались блестящими успѣхами. Какимъ же образомъ Пушкинъ пріобрѣлъ многостороннія знанія, безъ которыхъ трудно сдѣлаться хорошимъ литераторомъ? Дѣло въ томъ, что Пушкинъ плохо занимался только тѣмъ, чѣмъ его заставляли заниматься; но въ немъ была сильная любознательность, и онъ вознаграждалъ себя чтеніемъ. Кромѣ того, достигнувъ лѣтъ, когда человѣкъ располагаетъ самъ своими дѣйствіями, онъ неутомимо трудился надъ самообразованіемъ: *онъ учился всю свою жизнь.*

А. С. Пушкинъ.

Изучая всѣ уроки на французскомъ языкѣ, слыша вокругъ себя французскую рѣчь, Пушкинъ рано освоился съ этимъ языкомъ, и когда въ немъ пробудилась страсть къ чтенію, которую поощрялъ отецъ, самъ читая иногда дѣтямъ лучшія литературныя произведенія,—Пушкинъ естественно взялся за книги французскія. Въ чтеніи онъ не имѣлъ недостатка: отецъ его, отлично знавшій французскую литературу, имѣлъ хорошую библіотеку французскихъ писателей. Будущій поэтъ забирался въ эту библіотеку и проводилъ въ ней по нѣскольку часовъ и даже цѣлыя ночи, читая все безъ разбора.

II. Къ счастію, французское вліяніе [2]) ослаблялось вліяніемъ старой няни Пушкина, Арины Родіоновны, подъ ближайшимъ надзоромъ которой онъ развивался въ эти годы дѣтства. Эта простая женщина какъ нельзя короче знала весь русскій сказочный міръ и передавала

[1]) Гувернантка—надзирательница за дѣтьми.
[2]) Вліяніе—дѣйствіе, воздѣйствіе, впечатлѣніе.

его чрезвычайно оригинально: (т. е. своеобразно) поговорки, пословицы и присказки не сходили у ней съ языка. Большую часть народныхъ былинъ и пѣсенъ, которыхъ Пушкинъ зналъ очень много, онъ слышалъ отъ Арины Родіоновны. Можно сказать, что ея разсказамъ и пѣснямъ онъ обязанъ знакомству съ лучшими образцами народной рѣчи и развитію фантазіи [1]) народными образами. Добродушная и ворчливая, нѣжно расположенная и притворно строгая, она оставила въ сердцѣ нашего поэта неизгладимыя воспоминанія. Онъ любилъ ее родственною, неизмѣнною любовью и въ годы славы и возмужалости бесѣдовалъ съ нею по цѣлымъ часамъ и увѣковѣчилъ потомъ память о ней многими прекрасными стихами.

III. Когда Пушкину исполнилось 12 лѣтъ, въ это время около Петербурга только-что открылось учебное заведеніе «Царскосельскій Лицей», имѣвшее задачей образованіе юношества, предназначеннаго къ важнымъ должностямъ государственной службы, и Пушкинъ былъ отданъ въ лицей. Учебная жизнь Пушкина была такъ же блестяща, какъ и дома; въ лицеѣ, какъ и дома, онъ не утомлялъ себя усидчивыми занятіями, не напрягалъ своего вниманія.

Годы, проведенные Пушкинымъ въ лицеѣ, остались навсегда лучшими годами его жизни; въ лицеѣ онъ встрѣтилъ друзей, которые имѣли на него хорошее вліяніе; въ лицеѣ впервые развернулись основныя черты его характера: обнаружилось любящее и довѣрчивое его сердце, расположеніе къ насмѣшкѣ; въ лицеѣ развился и его поэтическій талантъ подъ вліяніемъ литературной обстановки: литература [2]) въ лицеѣ была любимымъ предметомъ и занятіемъ въ свободное время.

Въ первые годы лицейской жизни Пушкинъ продолжалъ писать и попрежнему—на французскомъ языкѣ. Но, подъ вліяніемъ занятій русской литературой, Пушкинъ началъ писать стихи на русскомъ языкѣ, сперва опять-таки въ подражаніе французскимъ писателямъ, а затѣмъ—уже и русскимъ поэтамъ.

Въ непродолжительномъ времени стихи его начинаютъ распространяться, и онъ дѣлается извѣстнымъ, какъ диковинный мальчикъ, много обѣщающій въ будущемъ. Впослѣдствіи произведенія, написанныя въ лицеѣ, сдѣлались извѣстными подъ именемъ «лицейскихъ».

IV. По выходѣ изъ лицея, Пушкинъ поступилъ на службу въ иностранную коллегію, вошелъ въ кругъ свѣтской жизни и очутился среди тогдашнихъ знаменитыхъ писателей, которые привѣтствовали его восторженными похвалами.

Между тѣмъ за одно свободное стихотвореніе, гдѣ осмѣивались важныя лица, Пушкинъ былъ высланъ изъ Петербурга на югъ Россіи, гдѣ пробылъ четыре года. Это обстоятельство имѣло большое вліяніе на развитіе его, какъ поэта. Удалившись отъ шумной столичной жиз-

---

[1]) Фантазія—творческая сила воображенія.

[2]) Литература—всѣ словесныя произведенія какого-либо народа.

ни, Пушкинъ имѣлъ много времени подумать о своемъ призваніи и серьезно отнестись къ своей задачѣ: въ немъ возбудилась жажда къ ученію, самообразованію, поднялись вопросы, для рѣшенія которыхъ требовалась привычка къ размышленію и кругъ знаній, до сихъ поръ у него не достававшихъ. И вотъ онъ начинаетъ собирать народныя пѣсни, легенды, читать и дѣлать выписки изъ прочитаннаго. Кромѣ того пребываніе на югѣ Россіи дало Пушкину матеріалъ для его произведеній. Суровыя красоты Кавказа съ его дикими, воинственными горцами, очаровательные виды Крыма—порождали въ душѣ его новые образы и возбуждали чувство. Слѣдствіемъ этого явился цѣлый рядъ поэмъ [1]). Большинство произведеній Пушкина, написанныхъ въ это время, отличается грустнымъ чувствомъ, ибо Пушкинъ находился подъ вліяніемъ Байрона, чрезвычайно грустнаго англійскаго поэта.

V. Это вліяніе прекращается съ переселеніемъ Пушкина на родину—въ село Михайловское, Псковской губерніи. Здѣсь онъ поселился въ одной изъ комнатъ запущеннаго дома и сталъ жить жизнью затворника, проводя время—днемъ за работой, а вечеромъ въ бесѣдахъ со старухой-няней; только спустя нѣкоторое время его стали посѣщать знакомые и друзья. Бесѣдуя съ Ариной Родіоновной, Пушкинъ внимательно слушалъ ея разсказы, записывалъ ихъ и тѣмъ самымъ вознаграждалъ, какъ самъ говоритъ, недостатки французскаго воспитанія. Живя въ одиночествѣ, Пушкинъ получилъ еще большую возможность глубже сосредоточиваться и продолжать самообразованіе. Еще на югѣ онъ сталъ собирать книги, и теперь у него образовалась хорошая библіотека, которая оказывала немаловажную помощь въ занятіяхъ. Онъ усердно предается чтенію, перечитываетъ по нѣскольку разъ лучшія сочиненія, дѣлаетъ замѣтки, наполняетъ тетради множествомъ выписокъ, свидѣтельствовавшихъ о большой его начитанности, изучаетъ Шекспира, англійскаго драматическаго [2]) писателя, и русскую исторію. Подъ вліяніемъ исторіи Карамзина здѣсь создается одно изъ лучшихъ произведеній: «Борисъ Годуновъ». Вообще время, проведенное въ Михайловскомъ, богато поэтическою дѣятельностью. Проведя около 3-хъ лѣтъ въ деревнѣ, Пушкинъ оставилъ Михайловское и съ этого времени не имѣетъ опредѣленнаго мѣстопребыванія: живетъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Михайловскомъ, совершаетъ поѣздку на Кавказъ. И самая жизнь его въ это время идетъ неровно: онъ то начинаетъ жить свѣтскою жизнью, то оставляетъ общество и ищетъ успокоенія въ деревенской жизни; отъ полной беззаботности переходитъ къ кипучей дѣятельности; наслажденія славой смѣняются усталостью и разочарованіемъ. Затѣмъ Пушкинъ женился и поселился почти на постоянное жительство въ Петербургѣ, окруживъ себя знакомствомъ. Пушкинъ благоговѣлъ къ

---

[1]) Поэма—поэтическое повѣствованіе о важномъ или занимательномъ дѣйствіи.

[2]) Драматическій—отъ слова „драма"—театральное сочиненіе, заключающее въ себѣ много дѣйствія.

памяти Петра Великаго. Онъ задумалъ написать исторію этого государя. Изучая матеріалы для этого труда, въ архивѣ (т. е. мѣсто храненія старинныхъ рукописей) онъ случайно натолкнулся на бумаги о пугачевскомъ бунтѣ, которыя и дали поэту канву для повѣсти «Капитанская дочка» и навели на мысль написать «Исторію пугачевскаго бунта». Желая ознакомиться съ мѣстомъ дѣйствія описываемыхъ событій, Пушкинъ ѣздилъ въ Казань и Оренбургъ.

Нѣсколько лѣтъ Пушкинъ думалъ объ изданіи журнала. И вотъ въ 1836 году онъ сталъ издавать журналъ «Современникъ». Но ему не суждено было долго быть издателемъ этого журнала. Свѣтскія сплетни, касавшіяся его семейной жизни, были причиной дуэли его съ сыномъ голландскаго посланника Гекерна, на которой нашъ великій поэтъ былъ смертельно раненъ; чрезъ два дня послѣ дуэли онъ умеръ, 38 лѣтъ отъ роду, въ пору самаго блестящаго развитія своего таланта.

VI. Какъ человѣкъ, Пушкинъ отличался благородствомъ, мягкостью и живостью. Онъ былъ весьма впечатлителенъ: каждое явленіе оставляло въ немъ глубокій слѣдъ; онъ не любилъ изысканности, принужденности и утонченности. Его сердце располагало его къ простотѣ и прямотѣ обращенія съ другими. Онъ былъ вполнѣ русскій человѣкъ. Истинно русскій человѣкъ искренно вѣруетъ въ Бога; религіозность (т. е. набожность) составляетъ національную (т. е. народную) нашу черту. Всѣ наши великіе писатели были весьма религіозны. Таковъ былъ и Пушкинъ.

Какъ писатель, Пушкинъ имѣетъ громадное значеніе: онъ улучшилъ литературный языкъ, придалъ ему большую легкость и музыкальность, обогатилъ нашу литературу многими прекрасными произведеніями, развилъ вкусъ публики и еще большую любовь къ чтенію.

(Извлеч. и сокращ. изъ соч. Павлова „Біографіи русск. образц. писателей“.)

45. Царствованіе Императора Александра II.

I. Въ 1818 году Ихъ Императорскія Высочества, Великій князь Николай Павловичъ и Великая княгиня Александра Ѳеодоровна осчастливили Москву своимъ посѣщеніемъ. Здѣсь 17 апрѣля Господь даровалъ Имъ сына первенца, великаго князя Александра. Василій Андреевичъ Жуковскій, знаменитый поэтъ того времени, привѣтствовалъ это событіе стихотвореніемъ, въ которомъ замѣчательны слѣдующія пророческія слова:

„Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ;
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ!“

Прошло семь лѣтъ. Въ 1825 году воошелъ на Всероссійскій престолъ Николай Павловичъ, и первенецъ его провозглашенъ былъ Наслѣдникомъ престола. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ великій князь Алек

сандръ Николаевичъ находился подъ руководствомъ наставниковъ, которые были знамениты и своимъ разумомъ, и прекрасными качествами. Во главѣ ихъ стоялъ Василій Андреевичъ Жуковскій. Августѣйшіе родители цесаревича желали, чтобы наставники воспитали изъ него прежде всего добраго человѣка. Наставники находились съ нимъ неотлучно; обучали его наукамъ, направляли его волю къ добру для народа, надъ которымъ предназначено было ему царствовать. «Могущество государя», поучали они Августѣйшаго воспитанника, «состоитъ въ благоденствіи его подданныхъ». Они научили его жить только для народа; для блага всѣхъ себя позабывать. Доброта души цесаревича показалась съ самыхъ отроческихъ лѣтъ. Войдя въ возрастъ, цесаревичъ отправился по Россіи, для знакомства съ своимъ народомъ. Объѣхалъ онъ почти всю Россію, побывалъ даже въ далекой Сибири.

II. 18 февраля 1855 года скончался императоръ Николай Павловичъ. «Служи Россіи! завѣщалъ онъ на смертномъ одрѣ своему наслѣднику,—мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное, счастливое... Провидѣніе судило иначе!» Страшные, тажкіе дни переживала Россія, когда воcшелъ на престолъ Александръ Николаевичъ. Враги нападали на нее со всѣхъ сторонъ: съ сѣвера и востока, съ запада и юга. Твердыни Севастополя, громимыя пушками четырехъ соединенныхъ царствъ, начали колебаться и наконецъ не выдержали. Но и непріятели не желали больше вести войну, такъ какъ они потеряли множество войска и потратили много денегъ. Вскорѣ заключенъ былъ миръ. Государь видѣлъ, что Россія нуждалась въ мирѣ. Онъ возвѣстилъ своимъ подданнымъ, что для славы Россіи сдѣлано достаточно, но что и для героевъ есть невозможное.

Окончивъ войну, императоръ обратилъ особенное вниманіе на внутреннія дѣла Россіи и совершилъ много разныхъ преобразованій. Первымъ и самымъ важнымъ дѣломъ было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Изстари, съ самаго начала русской земли, крестьяне считались людьми вольными. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли собственную землю, но большая часть жили на чужой землѣ и рядились съ вотчинникомъ. Вотчинникъ отводилъ имъ землю, давалъ рабочую скотину и все, что нужно на хозяйство. За это крестьяне пахали на него пашню, косили луга, работали и всякую другую работу, которую по рядной записи порядились отбывать. Если житье крестьянамъ у вотчинника не нравилось, они отходили къ другому. Сначала крестьяне переходили съ одной земли на другую, когда хотѣли, а потомъ на это установился срокъ: они могли уходить только около Юрьева осенняго дня, покончивъ съ хозяиномъ всѣ разсчеты по уговору. При царѣ Борисѣ Годуновѣ былъ изданъ указъ, по которому крестьяне должны были оставаться на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ они въ то время жили. Съ той поры крестьяне были прикрѣплены

къ землѣ и стали *крѣпостными*. Сначала крѣпостные не видѣли ничего худого, помѣщики давали землю, а крестьяне за это работали 2—3 дня въ недѣлю на своихъ господъ. Но чѣмъ дальше, крестьянамъ становилось все хуже и хуже. Дошло наконецъ до того, что помѣщики получили право продавать своихъ крестьянъ съ землею и безъ земли, семьями и въ одиночку. Нерѣдко почти всѣ шесть дней крестьяне должны были работать на помѣщиковъ. Крестьяне даже не могли сами собой жениться, ни распоряжаться своимъ добромъ и не находили себѣ защиты отъ самыхъ жестокихъ притѣсненій; иногда они и пробовали жаловаться, да толку не было: суды были совсѣмъ не такіе, какъ теперь. Но Государь Александръ Николаевичъ имѣлъ у себя хорошихъ наставниковъ, многое онъ слышалъ отъ нихъ, иное читалъ самъ и видѣлъ онъ довольно горе народное въ свои поѣздки по Россіи. Онъ былъ свидѣтелемъ постоянныхъ заботъ своего отца, Императора Николая, объ освобожденіи крестьянъ. Ему прежде всего хотѣлось исполнить то, что покойный родитель его всегда желалъ. Онъ обратился къ дворянамъ съ милостивымъ выраженіемъ полнаго довѣрія, старался привлечь ихъ къ себѣ и ихъ содѣйствіемъ произвести освобожденіе крестьянъ. «Я увѣренъ, — говорилъ онъ, — что дворянство будетъ въ началѣ всего добраго... Крѣпостное право не можетъ продолжаться вѣчно»... Сначала онъ почти никого не имѣлъ, кто бы помогъ ему, а было очень много людей, которые употребляли всѣ усилія, чтобы помѣшать ему. «Но дѣло это»—говорилъ Государь, «меня постоянно занимаетъ; надо довести его до конца; я болѣе чѣмъ когда-либо рѣшился». И началъ онъ скромно и осторожно; многіе думали, что дѣло это такъ и станетъ; но Государь не пропускалъ случая подвигать его, подбиралъ сочувствующихъ людей, настаивалъ, чтобы не откладывали дѣла въ долгій ящикъ; назначилъ своего брата Михаила Николаевича—членомъ, потомъ предсѣдателемъ комитета, и не разъ повторялъ: «Это моя непремѣнная воля... Я желаю только блага Россіи». Первыми отозвались на это помѣщики западныхъ губерній, потомъ нижегородскіе, петербургскіе, московскіе, а за ними и всѣ другіе стали соглашаться на волю крестьянъ, только безъ земли; но Государь хорошо понималъ, что бездомные крестьяне будутъ вредны и для помѣщиковъ, и для государства, что безъ земли крестьянамъ не прожить, и убѣждалъ дворянъ уступить нѣкоторую часть земли, по выкупу, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при помощи казны. Государь твердо настаивалъ на томъ; чтобы надѣлить крестьянъ землею. Онъ поручилъ помѣщикамъ, въ каждой губерніи, составлять изъ себя комитеты для обсужденія, какимъ-бы образомъ получше это устроить.

И вотъ наконецъ 19-го февраля 1861 года Государь подписалъ замѣчательнѣйшій въ исторіи Высочайшій манифестъ о свободѣ крестьянъ, который начинался слѣдующими достопамятными словами. «*Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный русскій народъ, и при-*

зови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ—залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго»!

Эти царскія слова раздавались во всѣхъ церквахъ обширнаго русскаго государства, раздавались, какъ благовѣстъ небесный, во всей русской землѣ. Болѣе двадцати милліоновъ, страдавшихъ цѣлые вѣка въ неволѣ, какъ бы воскресли къ новой гражданской жизни. Освобожденіе крестьянъ привѣтствовано, какъ величайшій праздникъ, не одними крестьянами, но всею мыслящею и чувствующею Русью. «Христосъ воскресъ, во истину воскресъ!—восклицаетъ поэтъ Розенгеймъ,—блеснулъ свободы лучъ и намъ съ родныхъ небесъ. Разбита рабства цѣпь! Вставайте мертвецы, вставайте Лазари изъ гроба вѣкового. Христосъ воскресъ! Хвала и честь Тому, Кто вызвалъ свой народъ отъ рабства!»

Еще яснѣе выразилъ отъ лица всей Россіи значеніе 19-го февраля 1861 года русскій поэтъ, князь Одоевскій. Слова его обращены къ самому Царю-Освободителю:

«Тобой свершилося желанное вѣками;
Возрадовалась Русь, довольна и горда,
И празднуетъ народъ молитвой и слезами
Великій первый день свободнаго труда».

Но трогательнѣе всего выразилось отношеніе народа къ великому событію народной свободы. Спокойно народъ ждалъ конца дѣла, и еще спокойнѣе и трезвѣе праздновалъ онъ великое событіе. Не слышно было праздничнаго разгула. Все вниманіе стараго и малаго сосредоточено было на одномъ—на Царскомъ манифестѣ о волѣ. Вотъ бѣдная крестьянская избушка. На самомъ видномъ мѣстѣ, при свѣтѣ лучины, читаетъ манифестъ малютка-дѣвочка. Какая чудная картина! На лицахъ внимательныхъ слушателей спокойствіе и какая-то торжественная задумчивость. Такъ и видно, что каждый всею душою ушелъ въ смыслъ и значеніе царскихъ словъ.

А вотъ другая картина. По улицамъ шумнаго Петербурга ѣдетъ Государь - Императоръ. Народная толпа освобожденныхъ крестьянъ встрѣчаетъ Монарха-Благодѣтеля. Государь велѣлъ остановиться. Старики на колѣняхъ подносятъ хлѣбъ-соль. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, проникнуты глубокимъ чувствомъ безпредѣльной благодарности Царю-Освободителю.

IV. Для наблюденія за правильнымъ надѣломъ земли и составленіемъ между помѣщиками и крестьянами „Уставныхъ грамотъ" (въ которыхъ опредѣлялось количество земли и выкупа) Государь назначилъ особыхъ людей — «мировыхъ посредниковъ». За усадьбы, за полевыя угодья, крестьяне выплачивали помѣщикамъ, по частямъ, опредѣленный, по взаимному согласію, денежный оброкъ. Выкупъ былъ разсроченъ на 49 лѣтъ; а кто могъ, откупался и раньше, и сразу. Государь велѣлъ казнѣ выдавать крестьянамъ денежную ссуду, въ долгъ. Такимъ образомъ казна выдала впередъ 750 милліоновъ рублей, да

кромѣ того роздано крестьянскимъ обществамъ около 120-ти милліоновъ десятинъ казенной земли. Домъ и дворъ каждаго крестьянина и все, что у него было, принадлежало уже ему самому. Обработывая свою землю, занимаясь у себя дома, онъ пользовался заработками для себя, для семьи, для общества. Понятно, что каждый добросовѣстный, работящій человѣкъ скоро сталъ бодрѣе духомъ, зажиточнѣе. Крестьянамъ даровано право производить, безъ особыхъ пошлинъ, разрѣшенную имъ торговлю, открывать и содержать фабрики, заводы, мастерскія и другія заведенія, записываться въ купечество, заниматься подрядами и проч. Дѣтямъ ихъ открыта дорога къ наукѣ и службѣ, и не одинъ уже изъ нихъ, слава Богу, сталъ умнымъ человѣкомъ и полезнымъ членомъ общества.

V. Въ 1874 г. Государь уравнялъ всѣхъ своихъ подданныхъ передъ закономъ и судомъ. Онъ желалъ, чтобы порядки въ нашихъ судахъ были болѣе правильные, чѣмъ прежніе. «Правда и милость да царствуютъ въ судахъ!» возвѣстилъ Государь, и народъ получилъ судъ правый, скорый, милостивый и для всѣхъ равный. Въ прежнее время судъ велся въ тайнѣ, обвиняемые не могли приносить оправданій при всемъ народѣ, *гласно*, и потому часто какъ было угодно судьѣ, такъ и выходило. Нерѣдко виновные оправдывались, а невинные страдали. Эти старые суды замѣнены новыми—*мировыми и окружными*. Въ первыхъ разбираются незначительныя дѣла, а вторые вѣдаютъ (т. е. рѣшаютъ) дѣла болѣе важныя. Когда въ *окружныхъ* судахъ обвиняется кто-нибудь въ тяжкомъ преступленіи, напримѣръ въ убійствѣ, то на разбирательствѣ присутствуютъ выборныя лица изъ мѣстныхъ жителей, которые называются *присяжными засѣдателями*. Они рѣшаютъ вопросъ: виновенъ ли подсудимый или нѣтъ? а судьи по закону назначаютъ наказаніе. Въ тѣхъ и другихъ судахъ всѣ дѣла разбираются *гласно*, въ присутствіи всѣхъ желающихъ слушать, и для всѣхъ одинаково—передъ судомъ всѣ равны.

VI. Послѣ судебной реформы особенно важное значеніе имѣла реформа воинской повинности. До реформы солдаты въ наше войско набирались главнымъ образомъ изъ крестьянъ, на которыхъ главнымъ образомъ и лежала эта повинность, или рекрутчина. Служба военная продолжалась 25 лѣтъ и была служба трудная, тяжелая, особенно для крестьянъ, взятыхъ прямо отъ сохи... Много и много горькихъ слезъ пролито было въ дни наборовъ: отцы, матери и жены оплакивали своихъ сыновей и мужей, точно похороненныхъ заживо. Государь видѣлъ это горе народное и всѣми силами стремился облегчить для народа воинскую повинность. Государству нельзя быть безъ защитниковъ, а особенно такому большому, какъ Россія; нельзя оставаться безъ постояннаго многочисленнаго войска. Государь рѣшилъ во 1-хъ, уравнять и въ этомъ своихъ подданныхъ, во 2-хъ не отрывать солдата навсегда или на слишкомъ многіе годы отъ его обществъ, отъ его семьи и дома. Онъ повелѣлъ сократить срокъ военной службы и

ввелъ общую повинность. Съ этихъ поръ не одни уже крестьяне, но и дворяне, купцы, словомъ, всѣ сословія должны были поступать въ ряды защитниковъ отечества и отбывать срокъ своей службы, сократившійся до 6 лѣтъ и даже менѣе. При этомъ каждый, поступившій въ солдаты, не удаляется навсегда изъ своего общества или своей деревни, и сохраняетъ права на свою землю, на свой участокъ. Самая военная служба стала почетною, измѣнилась къ лучшему, сдѣлалась много легче, вольнѣе... Прежде сдавали въ рекруты людей опороченыхъ и негодныхъ для обществъ, теперь же такихъ и вовсе не принимаютъ на военную службу. Званіе и обязанность солдата почетны, и нужны честные люди, вѣрные сыны родины, чтобы свято выполнить высокій долгъ воина.

VII. Въ 1859 году былъ окончательно покоренъ Кавказъ: шестьдесятъ лѣтъ боролись русскіе съ полудикими племенами Кавказа. Высочайшія и крутыя кавказскія горы долго мѣшали русскимъ войскамъ овладѣть Кавказомъ. Наконецъ въ 1859 году былъ взятъ въ плѣнъ предводитель горцевъ Шамиль, и всѣ кавказскія племена изъявили покорность. Вслѣдъ за покореніемъ Кавказа Россія усмирила Коканъ, Бухару и Хиву. Это три небольшія царства въ средней Азіи, населенныя разбойническими племенами; эти хищники дерзко нападали на русскихъ людей, особенно купцовъ, грабили ихъ, убивали, или же, захвативъ въ плѣнъ, продавали на своихъ рынкахъ, какъ скотъ.

VIII. Императоръ Александръ Николаевичъ рѣшилъ кромѣ того освободить нашихъ братьевъ славянъ, которые находились подъ властію турокъ. Онъ сначала потребовалъ отъ турецкаго султана, чтобъ онъ улучшилъ положеніе славянъ; когда же это не было исполнено, Императоръ объявилъ Турціи войну. «Исчерпавъ до конца миролюбіе Наше», сказано было въ Высочайшемъ манифестѣ, «Мы вынуждены къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ». — «Не для завоеваній идемъ мы», гласилъ приказъ Главнокомандующаго [1]), «а на защиту поруганныхъ братьевъ нашихъ и на защиту вѣры Христовой».

Началась война,—съ нею, за немногими неудачами, рядъ побѣдъ и геройскихъ подвиговъ русскаго воинства. Въ апрѣлѣ 1877 года двѣ русскія арміи перешли русскую границу. Одна изъ нихъ двинулась на Кавказъ, а другая—къ рѣкѣ Дунаю (впадаетъ въ Черное море). Сами Государь Императоръ и Государь Цесаревичъ Наслѣдникъ отправились въ дѣйствующую армію.

Турки сражались отчаянно, но все-таки не могли устоять; ихъ арміи одна за другой были разбиты и забраны въ плѣнъ со всѣмъ оружіемъ. Русскіе двигались быстро и не останавливались ни передъ какими препятствіями. Зимою въ жестокій морозъ они перешли Балканскія горы и подошли къ турецкой столицѣ — Константинополю.

[1]) Брата Государя, Великаго Князя Николая Николаевича.

Турки должны были смириться и заключить миръ. По этому миру почти всѣ славяне были освобождены отъ власти турокъ.

Государь Императоръ терпѣливо переносилъ всѣ трудности походной жизни. Онъ вездѣ являлся великимъ утѣшителемъ раненыхъ и умирающихъ воиновъ.

16-го іюня 1877 года Государь посѣтилъ Зимницкій госпиталь... Глубоко прочувствованными словами онъ выразилъ страдальцамъ свою признательность за ихъ молодецкую службу.

— Постараемся, Ваше Императорское Величество, постараемся, отвѣчали ему израненные воины.

«Чего—постараетесь!—сказалъ Императоръ—уже постарались и большое Мое и Россіи вамъ за это спасибо, ребята!»

Тутъ же лежалъ тяжко раненый офицеръ гвардіи.

«Ты очень страдаешь?»—спросилъ его Государь.

— Да, Ваше Величество,—отвѣчалъ раненый—дайте руку поцѣловать!..

«Нѣтъ! Я тебя поцѣлую!» отвѣчалъ Государь, обнимая доблестнаго воина.

«Что за люди!» говорилъ Императоръ. «Ни одной жалобы! ни одной просьбы! Одно только желаніе, одно у всѣхъ стремленіе: поскорѣе въ полкъ, чтобъ итти на непріятеля!»

Посѣщая раненыхъ, Государь показывалъ столько доброты, столько душевной простоты и нѣжнаго обращенія, что трудно себѣ и представить. Онъ глубоко чувствовалъ страданія храбрыхъ воиновъ и искалъ въ своемъ сердцѣ всѣхъ средствъ, которыя могли бы облегчить страданія.

19-го февраля 1880 года исполнилось первое двадцатипятилѣтіе царствованія Императора Александра Николаевича. Вся Россія радостно встрѣтила этотъ день, всѣ молили Бога, чтобъ Онъ продлилъ драгоцѣнную жизнь. Но Богъ судилъ иное: 1-го марта 1881 года Царь-Освободитель былъ тяжело изувѣченъ нѣсколькими злодѣями и принялъ кончину мученика и не погрѣшимъ, если скажемъ—вѣнецъ мученика.

Все царствованіе Императора Александра II прошло въ дѣлахъ правды и человѣколюбія. Народъ назвалъ его своимъ Царемъ-Освободителемъ и всегда будетъ о немъ возносить самыя горячія, самыя сердечныя мольбы ко Престолу Всевышняго, до тѣхъ поръ пока будетъ стоять русское царство и пока будетъ жить на землѣ русскій народъ.

(По брош.: «Императоръ Александръ II Николаевичъ.» С. П. Б. 1887 г. Изд. ред. журн. „Чтеніе для солдатъ“, и друг. источн.).

46. Завѣтъ старины.

(На манифестъ 19-го февраля 1861 г.).

Снилось мнѣ: по всей Россіи
Свѣтлый праздникъ: древній храмъ,
Звонъ, служенье литургіи,
Блескъ свѣчей и ѳиміамъ,—

На амвонѣ-жъ, въ ѳиміамѣ,
Точно въ облакѣ, стоитъ
Старцевъ сонмъ, и намъ, во храмѣ
Преклоненнымъ, говоритъ:

«Труденъ въ мірѣ, Русь родная,
Былъ твой путь; но дни пришли—
И въ свой новый вѣкъ вступая,
Ты у Господа моли,

«Чтобъ въ сынахъ твоихъ свободныхъ
Коренилось и росло
То, что въ годы бѣдъ народныхъ,
Осѣнивъ тебя, спасло;

«Чтобы ты была готова,—
Сердце чисто, духъ великъ,—
Стать на Судище Христово
Всѣмъ народомъ каждый мигъ;

«Чтобъ въ вождяхъ своихъ сіяя
Силъ духовныхъ полнотой,
Богоносица святая,
Міръ вела ты за собой

«Въ свѣтъ—къ свободѣ безконечной
Изъ-подъ рабства суеты,—
На исканье правды вѣчной
И душевной красоты»...

(А. Майковъ).

47. Картинка.

(Послѣ манифеста 19-го февраля 1861 г.).

Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки малютки
Собрался кружокъ;

* * *

И съ трудомъ отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

* * *

Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.

* * *

Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.

* * *

Даже съ печи не слѣзавшій
Много много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.

* * *

Что-жъ такъ слушаютъ малютку,—
Аль ужъ такъ умна?...
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.

* * *

И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть.

* * *

Самой вѣсти смыслъ покамѣстъ
Теменъ имъ и ей:
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зарю новыхъ дней...

* * *

Вспыхнетъ, братья, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!

* * *

Тьма пускай еще яриться!
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучъ.

* * *

Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы малютки
Съ книжкою въ рукахъ!

* * *

Воля, братья,—это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.

(А. Майковъ).

48. На освобожденіе крестьянъ

(19-го февраля 1861 г.).

День встаетъ багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь;
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день,
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла, съ Богомъ, на работу
Пробужденная страна.

Такъ торжественно-прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,
И не помнится о злѣ:
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ.

Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ... Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ разсчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ...

Слышишь, новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
«Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ;
Людямъ—миръ, благоволенье!
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ...
Дню вчерашнему—забвенье,
Дню грядущему—привѣтъ!»

(*И. Аксаковъ*).

49. Клеветникамъ Россіи.

О чемъ шумите вы, народные витіи! [1]).
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ?—вотъ вопросъ.
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда!
Для васъ безмолвны Кремль [2]) и Прага [3]),
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насъ...

---

[1]) Витія—искусный въ словѣ, говорящій, ораторъ.

[2]) Кремль Московскій, свидѣтель славы Россіи и геройства ея сыновъ въ 1812-мъ году.

[3]) Предмѣстье Варшавы, взятое штурмомъ Суворовымъ при Императрицѣ Екатеринѣ II. „Прага у ногъ Вашего Величества!“ писалъ Суворовъ въ своемъ донесеніи Государынѣ. „Ура, фельдмаршалъ Суворовъ!“ отвѣчала Екатерина II, хотя онъ не былъ тогда фельдмаршаломъ. Этимъ она возвела его въ фельдмаршальское достоинство.

За что-жъ? отвѣтствуйте: за толи,
Что на развалинахъ пылающей Москвы [1])
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то-ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?
Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій [2]) штыкъ?
Иль русскаго царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново,
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

А. Пушкинъ.

50. Москва.

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты [3]), и дворцы!

Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ.
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!

Исполинскою [4]) рукою
Ты, какъ хартія [5]), развитъ,
И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ.

На твоихъ церквахъ старинныхъ
Выростаютъ дерева.
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ:
Это матушка Москва!

Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля-богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана-звонаря?

Кто царь-колоколъ подниметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?..

---

[1]) Разумѣется 1812 годъ, когда Москва предана была сожженію во время вшествія въ нее Наполеона I.

[2]) Измаилъ—крѣпость турецкая на берегахъ Дуная. Она взята была штурмомъ Суворовымъ при Императрицѣ Екатеринѣ II. „Двадцать четыре часа на размышленіе", писалъ Суворовъ сераскиру-пашѣ, намѣреваясь штурмовать Измаилъ,—„и штурмъ. Мой штурмъ—смерть".

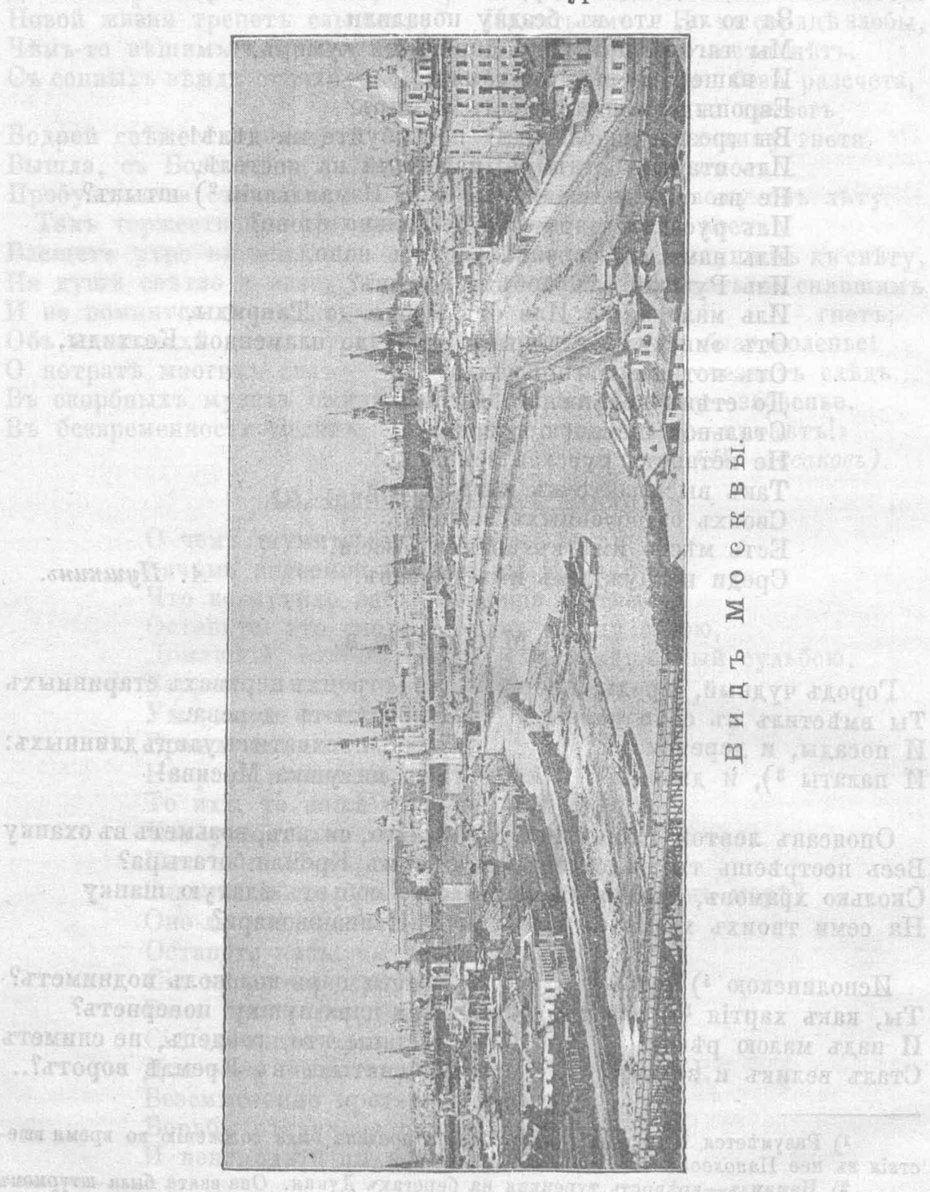
[3]) Палата—каменное зданіе, великолѣпный домъ.

[4]) Исполинскій—величественный, огромный, сильный.

[5]) Хартія—древняя рукопись.

Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ:
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ!

Ты, какъ мученикъ, горѣла
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурнопламенная!

Видъ Москвы

И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною!

Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ!
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ.

(*Ѳ. Глинка*).

51. Кремль.

Кремль—алтарь нашъ и твердыня!
Онъ собралъ Русь, скрѣпилъ, воздвигъ;
Онъ—наша сила и святыня,
Молельникъ и архистратигъ.

Князь Вяземскій.

Москва—сердце Россіи; Кремль—сердце Москвы. Слово *Кремль* по-татарски значитъ *крѣпость*.

При вступленіи въ Кремль, васъ встрѣчаетъ гигантскій [1]) столбъ Ивановской колокольни, храмы, дворцы, палаты, терема. Весь Кремль громаднѣйшій историческій памятникъ; каждый шагъ въ Кремлѣ ознаменованъ историческимъ событіемъ; всякій зубецъ кремлевскихъ стѣнъ облитъ кровію доблестныхъ защитниковъ нашей родины.

Вотъ Успенскій соборъ. Здѣсь коронуются наши государи. Около праваго клироса почиваютъ мощи св. митрополита Филиппа, страдальца и мученика за правду!

Подлѣ Успенскаго стоитъ Архангельскій соборъ — усыпальница князей и царей. Среди пятидесяти пяти гробницъ — одна гробница Грознаго, находящаяся въ южномъ придѣлѣ, покрыта черною пеленою, такъ какъ онъ передъ смертію постригся въ монахи.

Посрединѣ собора серебряная рака съ мощами Димитрія царевича.

Стражемъ-исполиномъ Кремля стоитъ Иванъ Великій. У ногъ его, словно огромный шлемъ, лежитъ Царь-колоколъ.

Французы, въ 1812 году, уходя изъ Кремля, взорвали нѣкоторыя башни, унесли изъ храмовъ сосуды и даже сняли крестъ съ колокольни Ивана Великаго, въ предположеніи, что онъ изъ чистаго серебра.

Здѣсь же, въ Кремлѣ, Оружейная Палата. Въ ней хранится старинное оружіе, царское древнее облаченіе, вѣнцы, короны, святыя бармы [2]) и шапка Мономаха, которыя возлагали на себя, при короновании, русскіе цари; короны царей покоренныхъ царствъ: Астраханскаго, Казанскаго, Сибирскаго; державы, жезлы, посохи, старинная золотая и серебряная посуда, древніе мечи, копья, самопалы, сабли, оружіе, сверкавшее на страхъ врагамъ въ рукахъ нашихъ богатырей, славныхъ людей: Димитрія Донского, Іоанна Третьяго, Іоанна Грознаго, Петра Великаго, и носилки имъ побѣжденнаго шведскаго короля Карла XII, на которыхъ носили раненаго героя по полю Полтавскаго сраженія.

Въ Кремлѣ находятся терема — древній дворецъ царя Алексѣя

---

[1]) Гигантскій—величественный, высокій.

[2]) Бармы—родъ воротника, сдѣланы изъ золотой матеріи, на нихъ семь золотыхъ бляхъ съ изображеніемъ изъ Св. Писанія. Онѣ присланы изъ Царьграда въ въ 1116 г. Бармы значитъ бремя. Шапкой Мономаха и этими регаліями до временъ Петра I цари вѣнчались на царство.

Михайловича. Здѣсь посѣтитель видитъ, какъ скромно жили-поживали встарину наши цари, какъ засѣдали въ думной палатѣ; — видитъ сѣни темныя и переходы, по коимъ невидимо проходили въ церковь царицы и царевны.

Въ Кремлѣ патріаршая ризница—хранилище облаченій первосвятителей московскихъ: митрополитовъ и патріарховъ. Тамъ же хранятся сосуды для муроваренія.

Среди памятниковъ дорогой старины, предъ посѣтителемъ Кремля красуются два дворца: одинъ, поражающій своимъ величіемъ, большой Кремлевскій дворецъ, знаменитый краснымъ (т. е. красивымъ, параднымъ) крыльцомъ, по ступенямъ котораго шествуютъ наши Государи при большихъ выходахъ въ соборы. Особенно пышно шествіе въ Успенскій соборъ бываетъ для священнаго коронованія; и другой— дворецъ, скромный, похожій скорѣе на частный домъ; но этотъ скромный домъ — чертогъ для русскаго человѣка: въ немъ колыбель-Царя-Освободителя.

Безъ шапки входитъ посѣтитель въ Кремль чрезъ Спасскія ворота и выходитъ чрезъ нихъ съ обнаженною головой.

52. Святая Русь!

Какъ я люблю твое значенье
Въ земномъ, всемірномъ бытіи,
Твое высокое смиренье
И жертвы частыя твои,
Твое предъ Промысломъ покорство,
Твое безстрашье предъ врагомъ,
Когда идешь на ратоборство,
Пріосѣнивъ себя крестомъ.

Горжусь вѣнцомъ многодержавнымъ,
Блестящимъ на челѣ твоемъ,
И, нѣкогда не меньше славнымъ,
Твоимъ страдальческимъ вѣнцомъ.
Мнѣ святы всѣ твои скрижали:
Изъ нихъ стереть бы не хотѣлъ
Я ни одной твоей печали,
Ни одного изъ громкихъ дѣлъ.

Мнѣ святы старины могилы,
И дней грядущихъ колыбель,
И наша церковь—благъ и силы,
И душъ и доблестей купель.
Мнѣ святъ языкъ нашъ величавый:
Столѣтья въ немъ отозвались;
Живая вѣтвь отъ корня славы,
Подъ нею царства улеглись.

На немъ мы призываемъ Бога,
Имъ братья мы семьи одной
И у послѣдняго порога
На немъ прощаемся съ землей.

Святая Русь! родного слова
Многозначительная рѣчь!
Завѣтъ намъ Божьяго покрова,
И окликъ нашъ средь бурныхъ сѣчъ!
Изъ словъ земныхъ живѣй и чаще
Звучишь ты сердцу и уму,
Всѣхъ пѣсней ласковѣй и слаще
Поешь ты слуху моему.
О, дорожи своимъ залогомъ,
Блюди тобой избранный путь,
И предъ людьми и передъ Богомъ,
Святая Русь, святою будь!
О, будь всегда, какъ и донынѣ,
Ковчегомъ нашимъ подъ грозой,
И сердцу русскому святыней,
И нашей силой предъ враждой!

(Кн. Вяземскій).

53. Родина.

Люблю отчизну я, но странною любовью,
Не побѣдитъ ее разсудокъ мой:
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья,
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.
Но я люблю,—за что, не знаю самъ—
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету [1]) бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ.

(Лермонтовъ).

---

[1]) Чета—пара, двоица.

54. Любовь къ отечеству.

I. Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Эта привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастіе, а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Переселите насъ на югъ, мы взоромъ и сердцемъ будемъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ нашей душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ намъ отечество!—Самое расположеніе нервовъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ медики [1]) совѣтуютъ иногда больнымъ лѣчиться ея воздухомъ.—Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней, но красоты эти и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ привязанности людей къ отечеству.

II. Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ сообразуется съ нашею, дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ; служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій и обращается въ предметъ склонности для сердца. Эта любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая или нравственная любовь къ отечеству. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ излить душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями отечества! *(Карамзинъ).*

---

1) Медики—врачи.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЦЕРКОВЬ.

1. Что такое церковь Христова?

(Выписки изъ сочиненій Святителя Димитрія М. Ростовскаго).

I. Она есть градъ великій Царя небеснаго, куда укрываются всѣ, навѣтуемые отъ проклятаго діавола. Господь утвердилъ церковь Свою

такъ, что врата адова, то есть вся сила демонская, всѣ еретики и невѣры никогда не возмогутъ одолѣть ее, потому что премудрѣйшій Архитектонъ [1]) круговъ небесныхъ основалъ ее не на слабомъ пескѣ, но на твердомъ камени, на истинномъ исповѣданіи ап. Петра: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Мѳ. 16, 16),—на исповѣданіи, которое Самъ Христосъ Господь назвалъ *камнемъ: на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (18). Эта истина тверда и непреложна, потому что она есть слово Самого Христа, Который также именуется у апостола *камнемъ: камень же бѣ Христосъ* (1 Кор. 10, 4). Такъ непоколебимо основаніе церкви! (III, 194). Она стоитъ какъ высокая скала, въ которую и день и ночь со всѣхъ сторонъ бьютъ волны морскія,—стоитъ невредимо, а ея хулители, какъ волны о камень, разбиваются и исчезаютъ; она прославляется, а тѣ постыждаются; она воцарится со Христомъ, а тѣ низвержены будутъ въ бездну огненную съ своимъ начальвождемъ-діаволомъ; она будетъ

---

1) Архитектонъ—строитель, основатель.

вѣчно торжествовать на небѣ, а тѣ вѣчно будутъ плакать и рыдать въ подземныхъ адскихъ темницахъ... (Розыск. 531 стр.) Тотъ, Кто создалъ Адаму помощницу изъ ребра его, Онъ же, Женихъ Небесный, создалъ Себѣ, отъ Своего же прободеннаго ребра возлюбленную невѣсту, а намъ любезную Матерь—церковь Свою Святую, дабы она возродила множество чадъ водою и духомъ (Ч. I, 180). Церковь есть наша истинная Матерь, ея голосъ есть голосъ горлицы нѣжно пекущейся о дѣтяхъ, ея уста источаютъ мѵро апостольскихъ ученій, отъ ея рукъ—каплетъ смирна благодѣяній, совершаемыхъ любовію и милосердіемъ, ея два сосца—это два завѣта: ветхій, пророками возвѣщенный, и новый, апостолами проповѣданный; св. крещеніемъ она раждаетъ чадъ своихъ въ жизнь безсмертную. Иди же къ ней, о сынъ мой, питайся отъ сосцовъ этой истинной Матери! (Четь-Мин. Іюль). Она съ своими пастырями и учителями не укрывается, не подъ спудомъ свѣтитъ, но открыто сіяетъ для всей вселенной, какъ свѣча на свѣщникѣ. (Розыск. 125).

II. Господь содѣлалъ Свою Церковь непогрѣшимою, Она есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15). Она пребудетъ на землѣ до послѣдняго дня суднаго, и *врата адова*, по слову Господа, никогда *не одолѣютъ ей*. Непреложны слова Господа нашего, пречистыми устами Его изреченныя: *Азъ есмь съ вами во вся дни до скончанія вѣка* (Мѳ. 28, 20). *Вѣренъ Господь въ словесѣхъ Своихъ* (Пс. 54, 13). *Небо и земля прейдутъ, а словеса* Его *не мимо идутъ* (Мѳ. 26, 35). Значитъ никогда не отниметъ Господь благодати Своей у церкви, потому что гдѣ Христосъ, тамъ и благодать Его (Розыс. 530—1). *Господь въ церкви святѣй Своей* (Пс. 10, 10), въ церкви святѣй православной, апостольской; хотя бы враги и озлобляли ее, притѣсняли и терзали, однако же она непреодолима: съ нею Господь, и кто удаляется отъ нея, тотъ удаляется отъ Господа и отъ своего спасенія (Ч. II, 117). Сію церковь хранитъ Духъ Божій, по слову псалмопѣвца: *не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй Израиля* (Пс. 120, 4) (стр. 172). Отъ сего Духа всѣ дарованія, въ церкви сіяющія. Со времени сошествія Св. Духа на апостоловъ св. церковь процвѣла, какъ маслина плодовитая, различными вѣтвями—ликами праведниковъ (—173). Пострадавшій за насъ на крестѣ Господь Іисусъ содѣлался Главою церкви и ея начальникомъ. Послѣ него—вождями церкви были апостолы, за ними учители, святители, священники, и такимъ образомъ дошелъ до насъ сей жребій святительскаго и священническаго служенія, и послѣ насъ пребудетъ до скончанія вѣка (Роз. 120).

III. Какъ между пшеницею, пока она не сжата, нельзя не быть плевеламъ: такъ и во св. церкви, пока она пребываетъ, какъ пшеница на нивѣ, въ сей юдоли плачевной, нельзя не найтись между добрыми—и грѣшнымъ. Однако же ради грѣшныхъ Господь не оставляетъ церкви Своей, и не оставитъ до конца вѣковъ, какъ Самъ обѣщалъ сіе (Мѳ. 28, 20). (Роз. 528). Въ Христовой церкви есть и добрые и

злые, и праведные и грѣшные, есть овцы и козлища, но церковь, какъ нѣжная мать всѣхъ дѣтей своихъ питаетъ и согрѣваетъ, добрыхъ любя, а недобрыхъ терпя и жалѣя (Ч. II, 117).

VI. Кромѣ церкви нельзя найти нигдѣ благодатнаго освященія (I, 57). Тѣ добрыя дѣла, которыя дѣлаются помимо православной церкви, хотя бы были и очень добрыми, однако же не могутъ заслужить человѣку спасенія, ибо Глава церкви—Христосъ говоритъ: *иже нѣсть со Мною, на Мя есть: и иже не собираетъ со Мною, расточаетъ* (Лук. 11, 23). *Якоже розга не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ, тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете. Азъ есмь лоза, вы же рождіе. Безъ Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мнѣ не пребудетъ, извержется вонъ, якоже розга, и изсышетъ: и собираютъ ю, и во огнь влагаютъ, и сгараетъ* (Іоан. 15, 4—6). Кто присоединился къ церкви Христовой, тотъ присоединился Христу, Который неразлученъ съ Своею церковію, какъ глава съ тѣломъ. А кто чуждается Христовой церкви, тотъ чуждается Самого Христа—главы церковной; безъ Христа же всѣ его добрыя дѣла, которыя онъ думаетъ собирать во спасеніе,—онъ не собираетъ, а расточаетъ, и спасенія себѣ ими не заслужитъ. Членъ, отсѣченный отъ тѣла, главою оживляемаго и управляемаго, можетъ ли быть живымъ членомъ и дѣйствовать? Вѣтка, отрѣзанная отъ лозы виноградной или отломленная отъ яблони, можетъ ли плоды приносить? Никогда. Вотъ такъ же и человѣкъ—христіанинъ, хотя бы онъ и проходилъ жизнь добродѣтельную, какъ скоро отлучится отъ единенія съ церковію православною,—не можетъ получить спасенія. Послушайте, что говоритъ святѣйшій Аѳанасій, патріархъ александрійскій, въ своемъ сумволѣ: «кто хочетъ спастись, тому надобно содержать вѣру православную; и кто не сохранитъ ее въ цѣлости и чистотѣ, тотъ, безъ всякаго сомнѣнія, погибнетъ на вѣки». Изъ сихъ словъ святителя очевидно, что никто не можетъ спастись помимо православной церкви каѳолической, какъ во дни Ноя никто не спасся отъ потопа кромѣ тѣхъ, кои находились въ ковчегѣ. И Самъ Господь сказалъ: *аще кто не слушаетъ церкви, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Мѳ. 18, 17).

2. Изъ жизни св. Василія Великаго.

I. Св. Василій былъ непоколебимый столпъ православной вѣры. Онъ жилъ въ то время (въ IV в.), когда православные терпѣли большія притѣсненія отъ еретиковъ аріанъ[1]), на сторонѣ которыхъ былъ императоръ Валентъ. Зная силу св. Василія, архіепископа Кесарійской церкви, онъ очень желалъ съ нимъ сблизиться. Собираясь самъ ѣхать въ Кесарію, онъ сначала послалъ туда перваго сановника имперіи, префекта (губернатора) Модеста, аріанина, поручивъ ему расположить Василія къ аріанамъ; въ случаѣ же неудачи—изгнать его изъ Кесаріи. Сколько ни старался Модестъ преклонить на свою

1) Аріане (отъ еретика Арія) унижали достоинство Сына Божія.

сторону Василія, онъ въ этомъ не имѣлъ никакого успѣха. Раздраженный Модестъ сталъ угрожать св. Василію изгнаніемъ изъ Кесаріи, отнятіемъ имущества, мученіями, смертію. Но святителя не испугали никакія угрозы, и онъ смѣло отвѣчалъ: «Если можешь, угрожай чѣмъ-нибудь другимъ, а этого я не страшусь. Кто ничего не имѣетъ, у того нечего отнимать; развѣ потребуешь это волосяное рубище и, немногихъ книгъ, въ которыхъ всѣ мои пожитки; изгнанія не знаю, ибо вся земля Господня. А истязанія что причинятъ мнѣ, когда нѣтъ у меня тѣла? Смерть же для меня благодѣяніе: она скорѣе соединитъ меня съ Господомъ, для Котораго живу и тружусь и къ Которому давно поспѣшаю». Модестъ былъ пораженъ величіемъ и неустрашимостію св. Василія. «Никто еще такъ со мною не говорилъ», сказалъ Модестъ. Василій отвѣчалъ: «Вѣроятно, тебѣ еще не случалось говорить съ епископомъ; иначе, безъ сомнѣнія, говоря о подобномъ предметѣ, услышалъ бы такія же слова. Мы во всѣхъ другихъ случаяхъ кротки, смиреннѣе всякаго: этого требуетъ отъ насъ заповѣдь Божія; а когда дѣло идетъ о славѣ Божіей—тогда, презирая все, имѣемъ въ виду одного Бога. Огонь, мечъ, звѣри и желѣзные когти скорѣе будутъ для насъ наслажденіемъ, нежели произведутъ ужасъ». Видя, что никакія угрозы не дѣйствуютъ на святителя, Модестъ думалъ склонить его лаской и обѣщаніями. Но если великаго святителя не могли заставить отречься страшныя угрозы, то какъ же можно было отъ него ожидать отреченія ради наградъ, которыя онъ презиралъ?—«Не почитай маловажнымъ,—сказалъ Модестъ,—что великій императоръ хочетъ соединиться съ твоею паствою... не противься его волѣ. Онъ хочетъ только, чтобы исключено было изъ символа одно слово: единосущный». Но св. Василій рѣшительно отвѣчалъ: «царю стать членомъ церкви—очень важное дѣло, ибо важно спасеніе души; но исключить въ символѣ вѣры хотя бы одно слово, или прибавить къ символу вѣры что-либо, даже перемѣнить въ немъ порядокъ, никакъ не соглашусь». Отпуская Василія, Модестъ совѣтовалъ ему подумать до слѣдующаго дня. «Не нужно,—рѣшительно и спокойно отвѣчалъ великій святитель: я нынѣ и завтра таковъ же».

Св. Василий Великий.

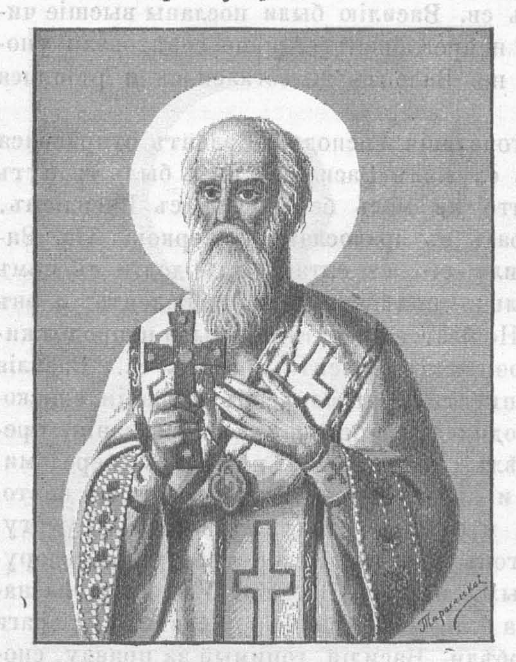
II. Вскорѣ затѣмъ и самъ Валентъ прибылъ въ Кесарію. Модестъ донесъ ему о своей неудачѣ. Валентъ, и прежде слышавшій о непоколебимой твердости святителя, все же не потерялъ надежды склонить его на свою сторону. Къ св. Василію были посланы высшіе чиновники двора. Василій былъ непреклоненъ. Аріане совѣтовали употребить противъ него силу; но Валентъ не согласился и рѣшился имѣть съ нимъ свиданіе.

Наступилъ праздникъ Богоявленія Господня; Валентъ отправился въ православную церковь, гдѣ служилъ Василій, и такъ былъ тронутъ торжественностію служенія, что не могъ бесѣдовать съ Василіемъ. Валентъ пришелъ въ другой разъ въ православную церковь. Св. Василій не служилъ и пригласилъ его въ алтарь, гдѣ долго съ нимъ бесѣдовалъ. Слова Василія сильно подѣйствовали на Валента, и онъ оставилъ епископа въ покоѣ. Но благое впечатлѣніе было непродолжительно. Аріане продолжали вооружать Валента противъ св. Василія и, наконецъ, убѣдили его подписать приговоръ объ изгнаніи епископа. Когда Валентъ хотѣлъ подписать приговоръ объ изгнаніи, престолъ, на которомъ онъ сидѣлъ, покачнулся, и трость переломилась; онъ взялъ другую, но и съ другой и съ третьей тоже повторилось; рука его затряслась, и онъ въ страхѣ разорвалъ бумагу. И это чудо не вразумило враговъ Василія! Вскорѣ они снова вооружили Валента. Онъ готовъ былъ изгнать Василія. Уже была назначена ночь для изгнанія, готова была и колесница для святителя; враги его радовались, а друзья скорбѣли. Василій, гонимый за правду, спокойно готовился къ отъѣзду. Но Господу было угодно образумить Валента несчастіемъ. Единственный сынъ царя—Галатъ заболѣлъ горячкою такъ сильно, что никто не могъ ему помочь. Валентъ понялъ, что его наказываетъ Господь за преслѣдованіе Василія, отложилъ приговоръ объ изгнаніи, пригласилъ къ себѣ святителя и сказалъ ему: «Помолись о здоровьѣ моего сына». Св. Василій отвѣчалъ: «Царь, твой сынъ будетъ живъ, если ты присоединишься къ православной вѣрѣ и помиришь церкви». Царь обѣщалъ это исполнить, если выздоровѣетъ его сынъ. Св. Василій помолился—и младенецъ выздоровѣлъ. Аріане, узнавъ объ этомъ чудѣ, убѣдили Валента, что и они могли бы сдѣлать такое чудо, такъ что онъ дозволилъ имъ крестить своего сына. Когда же Аріане взяли ребенка крестить, онъ умеръ. Это чудо всѣхъ поразило. Вскорѣ послѣ этого очень опасно захворалъ Валентъ. Больной просилъ помолиться св. Василія: онъ помолился—и Валентъ выздоровѣлъ. Слухъ объ этихъ событіяхъ быстро распространился, и имя Василія сдѣлалось славнымъ во всей имперіи. *(Ч.-М.)*.

3. Святитель Григорій Богословъ.

I. Великій вселенскій учитель, сверстникъ, другъ и сподвижникъ св. Василія Великаго, Григорій Богословъ, родился въ самомъ началѣ второй четверти IV вѣка, въ малоазійской Каппадокійской области,

въ селѣ Аріанзѣ, вблизи города Назіанза. Отецъ Григорія Богослова, по имени также Григорій, былъ сначала язычникомъ и обращенъ былъ ко Христу уже послѣ своей женитьбы, своею благочестивою супругою Нонною; впослѣдствіи за свою благочестивую христіанскую жизнь онъ былъ избранъ епископомъ Назіанза. Отъ этого благочестиваго супружества родился благословенный сынъ—первенецъ Григорій — плодъ усердныхъ материхъ молитвъ. Одаренный отъ природы блестящимъ умомъ и мягкимъ впечатлительнымъ характеромъ, Григорій, подъ руководствомъ своей матери, съ ранняго дѣтства усвоилъ себѣ правила и духъ христіанства. «Ты рожденъ у меня по молитвамъ моимъ; я обѣщала тебя Богу: исполни же, сынъ мой, мое желаніе; дорожи безцѣннымъ сокровищемъ христіанскимъ», говорила ему часто мать, поучая его въ законѣ Божіемъ и предлагая для чтенія книги Св. Писанія. И добрый сынъ въ совершенствѣ исполнилъ волю своей матери.

Св. Григорій Богословъ.

II. По окончаніи домашняго воспитанія, въ которомъ дѣятельное участіе между прочимъ принималъ одинъ родственникъ—Амфилохій, отличный наставникъ въ краснорѣчіи, родители Григорія, располагая достаточными средствами, отправили своего сына для продолженія воспитанія сначала въ Кесарію Каппадокійскую, потомъ Кесарію Палестинскую, затѣмъ въ Александрію, а наконецъ и въ Аѳины, особенно славившіяся въ то время своими школами.

Въ Аѳинахъ Григорій встрѣтился съ своимъ давнишнимъ товарищемъ Василіемъ каппадокіяниномъ, съ которымъ нѣкоторое время учился въ Кесаріи Каппадокійской. Въ Аѳинахъ молодые товарищи такъ сблизились между собою, что ихъ нѣжная дружба не прекращалась уже до конца ихъ жизни.

III. Прибывши по окончаніи образованія къ родителямъ въ Назіанзъ, Григорій только теперь принялъ христіанское крещеніе, по обычаю тогдашняго времени; Василій въ это уже время жилъ въ своемъ прекрасномъ уединеніи, близъ рѣки Ириса, невдали отъ обители, гдѣ жили его мать и сестра. Изъ глубины пустыни онъ звалъ къ себѣ и своего друга Григорія, рисуя ему картину своего прекрас-

наго мѣстопребыванія. Рвался всею душою въ это пустынное уединеніе къ своему другу для совмѣстнаго духовнаго дѣланія Григорій; но разныя обстоятельста, особенно семейныя дѣла его родителей, удерживали его отъ этого, къ крайнему его огорченію.

По временамъ, впрочемъ, Григорій уединялся и къ своему другу Василію, въ его прелестную пустыню. Здѣсь святые друзья вполнѣ наслаждались излюбленною ими подвижническою жизнью.

Святые друзья часто переписывались между собою, находясь въ разлукѣ,—и эта переписка ихъ обоихъ много утѣшала и ободряла. Святые друзья живо принимали къ сердцу и тогдашнее положеніе церкви Христовой, волнуемой разными ересями, особенно аріанскою; они много писали въ обличеніе этихъ ересей; но, какъ истинные ратоборцы, они предпринимали для этого и другія, болѣе дѣйствительныя средства. По смерти своего отца въ 374 году, св. Григорій, по желанію паствы назіанзской, былъ нѣкоторое время ея мѣстоблюстителемъ въ санѣ уже епископа. Скоро скончался и другъ его св. Василій. У Григорія теперь не было уже въ живыхъ тѣхъ лицъ, къ которымъ онъ былъ привязанъ и узами родства, и узами дружбы: родители Григорій и Нонна были уже покойники; умерли уже предъ тѣмъ и его присные—благочестивый братъ Кесарій и блаженная сестра Горгонія; не стало теперь и друга Василія. Душа св. Григорія томилась жизнью на землѣ и жаждала горняго жилища, созерцаніемъ котораго онъ утѣшалъ себя въ уединеніи. Но промыслъ Божій судилъ св. Григорію еще одинъ великій подвигъ на землѣ ко благу церкви Христовой.

IV. Въ восточной Римской имперіи, при жизни Василія и Григорія, царствовали послѣ Константина Великаго, аріанинъ Констанцій, богоотступникъ Юліанъ и аріанинъ Валентъ. Въ Константинополѣ въ это время аріанство оказалось господствующимъ. Въ продолженіе 40 лѣтъ православная церковь въ Константинополѣ была въ крайнемъ запустѣніи; православные не имѣли даже ни одного храма для своихъ молитвенныхъ собраній: всѣ столичные храмы были въ рукахъ аріанъ. Тогда взоры православныхъ цареградцевъ устремились къ свѣтильнику того времени, скрывавшемуся подъ спудомъ, къ Григорію, въ надеждѣ только чрезъ него поправить дѣла своей церкви; къ Григорію они теперь между прочимъ обратились и потому, что онъ, живя въ пустынѣ 10 лѣтъ, оставался епископомъ безъ церкви. И антіохійскій соборъ въ 378 году, разсуждавшій о дѣлахъ Константинопольской церкви, призналъ именно Григорія благопотребнымъ для устроенія здѣшнихъ церковныхъ дѣлъ. Григорій согласился остатокъ дней своихъ посвятить на великій подвигъ служенія угнетенной столичной церкви.

V. Прибывши въ Константинополь, св. Григорій устроилъ въ домѣ своихъ родственниковъ, у которыхъ на первыхъ порахъ нашелъ для себя пріютъ, небольшой храмъ, названный имъ потомъ Анастасіею (что съ греческаго значитъ воскресеніе), въ память возстановленія

отсюда православія въ столицѣ, и началъ проповѣдывать объ истинахъ православія. Сильныя краснорѣчивыя слова его, особенно слова о св. Троицѣ, доставившія ему званіе Богослова, гремѣли въ храмѣ Анастасіи и привлекали толпы народа, даже изъ аріанъ и язычниковъ. Аріане находили теперь въ Григоріи опаснѣйшаго для себя соперника и старались вредить ему, чѣмъ только можно: то они обносили его публичными ругательствами, то бросали въ него камнями, когда онъ появлялся на улицахъ; то клеветали на него предъ судьями и подвергали суду; то цѣлыми толпами дѣлали открытыя нападенія съ палками и дрекольями на его храмъ во время его торжественныхъ священнослуженій; то наконецъ подсылали къ нему тайныхъ убійцъ. Но всѣ эти огорченія великій святитель сносилъ великодушно съ свойственнымъ ему смиреніемъ и съ христіанскимъ всепрощеніемъ; и Господь видимо хранилъ благопотребнаго въ ту пору святителя.

VI. Такъ какъ въ это время, кромѣ осужденныхъ уже соборами ересей, оказалась въ Константинополѣ и еще новая, такъ называемая македоніанская (отъ имени лжеучителя Македонія), духоборческая, унижавшая достоинство Св. Духа, и такимъ образомъ продолжавшая дѣло Арія: то Григорій уговорилъ императора созвать вселенскій соборъ въ Константинополѣ для произнесенія суда надъ этою новою ересью и вообще для умиротворенія церкви. Въ 381 году созванъ былъ второй вселенскій соборъ въ числѣ 150 епископовъ, подъ предсѣдательствомъ Мелетія, епископа антіохійскаго, какъ старѣйшаго, по смерти котораго предсѣдательство перешло къ самому Григорію. На этомъ соборѣ, къ концу его, былъ поднятъ вопросъ о назначеніи Григорія на столичную каѳедру. Къ сожалѣнію, на соборѣ были и такіе недоброжелатели Григорія, которые оспаривали правильность его избранія на упомянутую каѳедру.

Не желая возмущать мира церковнаго, святитель Григорій рѣшился пожертвовать собою, или, лучше сказать, своимъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что онъ теперь особенно чувствовалъ слабость своихъ силъ для великаго первосвятительскаго служенія въ столицѣ. «Пастыри церкви!» говорилъ святитель отцамъ собора; «я пришелъ сюда не по своей волѣ, не по собственному вызову, но призванный, принужденный и покорный страху и Духу. Народъ, кипя ревностью и гнѣвомъ, несмотря на мой вопль и слезы, возвелъ меня на этотъ престолъ. Мужи и сопастыри! Стыдно вамъ враждовать и спорить, когда вы другихъ должны учить любви и миру. Прошу васъ устройте мирно дѣла церкви. Если я причиною волненія, то, какъ пророка Іону, бросьте меня въ море, и утихнетъ буря, которой я не воздвигалъ. Отнимите у меня престолъ, изгоните меня; я на все согласенъ и довольно удрученъ болѣзнію, чтобы жаждать тихой и спокойной кончины». Многіе изъ отцовъ собора и изъ Константинопольской паствы со слезами умоляли святителя Григорія не оставлять паствы, для которой онъ такъ много сдѣлалъ въ продолженіе краткаго времени пребыванія у нихъ, всего только трехъ лѣтъ; и императоръ Ѳеодосій удерживалъ въ столицѣ

высокочтимаго святителя; но Григорій былъ непреклоненъ въ своей рѣшимости и оставилъ послѣ трогательнаго прощанія свою паству.

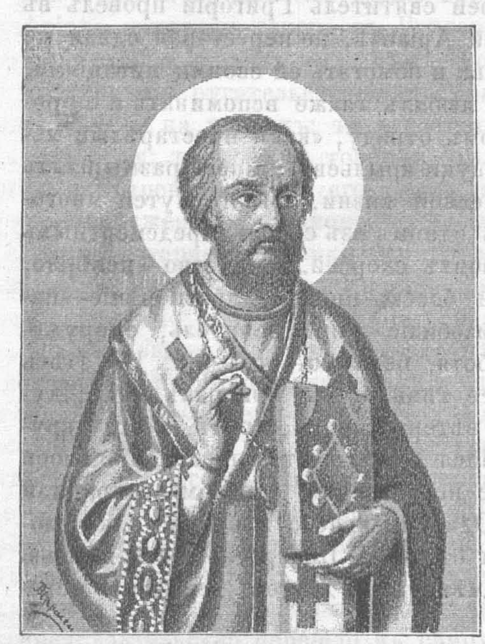
VII. Послѣдніе дни жизни своей святитель Григорій провелъ въ уединеніи, въ отеческой вѣси своей Аріанзѣ, не переставая однакоже и отсюда заботиться о дѣлахъ церкви и помогать ей своими писаніями. Въ уединеніи старецъ-подвижникъ любилъ также вспоминать и о прошломъ своей жизни, находя въ этомъ отраду, «какъ престарѣлый лебедь, пересказывающій самъ себѣ звуки крыльевъ»; много размышлялъ онъ теперь и о суетности человѣческой жизни. «Много путей многобѣдственной жизни», писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ предсмертныхъ твореній, «и каждый исполненъ своихъ скорбей. Богатство—невѣрно, бѣдность—оковы, красота—краткій блескъ молніи, краснорѣчіе—парящая птица, слава — воздухъ, изобиліе — притѣснитель, супружество—иго, многочадіе—трудная забота, безчадіе—болѣзнь... Все здѣсь скорбь для смертныхъ: все здѣшнее тѣнь, пухъ, призракъ, роса, дуновеніе, перо, паръ, сонъ, волна, вѣтеръ, прахъ, кругъ, всегда кружащійся и все одинаково вращающійся... И это есть опредѣленіе Твоей премудрости, Творче и Слово! Все непостоянно, чтобы мы сохранили въ себѣ любовь къ постоянному! Одно прекрасно и прочно для человѣка: взять крестъ и переселяться отселѣ... Прекрасно жить жизнью чуждою жизни, и одинъ міръ перемѣнять на другой, терпѣливо переносить всѣ горести!»

Въ 389 году, 25 января, Григорій скончался въ Назіанзѣ, имѣя отъ роду около 62 лѣтъ. Здѣсь, въ Назіанзѣ, онъ былъ и погребенъ. Въ 950 году, при императорѣ Константинѣ Багрянородномъ, мощи св. Григорія были перенесены изъ Назіанза въ Константинополь. Часть мощей св. Григорія нынѣ хранится въ Римѣ, въ церкви св. Петра. Глава же Григорія Богослова въ 1654 году, вмѣстѣ съ Влахернскою иконою Божіей матери, прислана была изъ Царьграда въ Россію, въ даръ царю Алексѣю Михайловичу. (*Заимст. изъ Четь-Минеи*).

4. Св. Іоаннъ Златоустъ.

I. Святый Іоаннъ Златоустъ былъ архіепископъ константинопольскій (397—404). Онъ родился въ Антіохіи (въ 347 г.), отъ благородныхъ и богатыхъ родителей. Отецъ его—*Секундъ* былъ начальникомъ войска въ Сиріи, а мать—*Анѳуса* отличалась глубокимъ благочестіемъ. Лишившись своего мужа въ ранней молодости (20 лѣтъ), она не рѣшилась вступить во второй бракъ и посвятила себя единственно воспитанію своего сына. И первые уроки матери въ христіанскомъ благочестіи такъ глубоко напечатлѣлись въ умѣ и сердцѣ св. Іоанна, что ни что впослѣдствіи не могло изгладить ихъ изъ души его: ни образованіе въ школахъ языческихъ наставниковъ, ни примѣры товарищей, ни увлеченія молодости. Послѣ первоначальнаго домашняго воспитанія онъ учился въ Антіохіи и былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ знаменитаго въ то время языческаго оратора *Ливанія*.

По окончаніи образованія, св. Іоаннъ сначала поступилъ на гражданскую службу [1]); но вскорѣ, убѣдившись въ суетности мірскихъ почестей и удовольствій, предпочелъ имъ подвиги духовной жизни, сталъ ревностно изучать Священное Писаніе и часто ходить въ церковь, и наконецъ совсѣмъ оставилъ гражданскую службу. Принявъ крещеніе отъ епископа антіохійскаго Мелетія, онъ хотѣлъ было удалиться въ пустыню; но, по усиленной просьбѣ матери своей, остался вмѣстѣ съ нею до ея кончины и сталъ вести самую строгую жизнь. По смерти же матери, раздавъ все имущество свое бѣднымъ, онъ удалился въ монастырь близъ Антіохіи. Сюда стало стекаться къ нему множество посѣтителей, одни—для совѣтовъ и наставленій, другіе — для исцѣленія болѣзней. Желая избѣжать славы человѣческой, онъ чрезъ четыре года удалился отсюда въ уединенную пещеру. Но разстройство здоровья отъ чрезмѣрныхъ подвиговъ побудило его чрезъ два года возвратиться въ Антіохію. Здѣсь вскорѣ онъ посвященъ былъ въ діакона, а чрезъ пять лѣтъ—во священника.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

II. Въ этомъ санѣ двѣнадцать лѣтъ онъ былъ проповѣдникомъ въ соборной церкви въ Антіохіи, и своимъ краснорѣчіемъ пріобрѣлъ себѣ всеобщую любовь и уваженіе народа. Слова его, какъ бы сами собою, лились изъ златыхъ устъ его и во многихъ невольно возбуждали слезы и рыданія; а другіе охотно оставляли мірскія развлеченія, желая лучше слушать знаменитаго проповѣдника. Иногда слушатели невольно прерывали его рѣчь похвалами и рукоплесканіями [2]). А одна женщина изъ среды народа однажды воскликнула: «учитель духовный, Іоаннъ, златыя уста! Кладезь ученія твоего слишкомъ глубокъ, а вервія ума нашего слишкомъ коротки»! Съ того времени св. Іоаннъ началъ говорить свои бесѣды гораздо проще, а народъ сталъ называть его *Златоустомъ*.

---

[1]) Именно—онъ занялъ должность адвоката.

[2]) Св. Златоустъ всегда останавливалъ такія выраженія похвалы. „Что мнѣ въ вашихъ рукоплесканіяхъ — говорилъ онъ своимъ слушателямъ; — исправленіе вашей жизни и обращеніе къ Богу—вотъ похвала для меня!“ И этой похвалы онъ достигалъ: жители Антіохіи стали чаще посѣщать храмы Божіи, нежели зрѣлища, и въ храмахъ своими слезами выражали раскаяніе въ прежней грѣховной жизни своей.

III. Слухъ о такихъ достоинствахъ знаменитаго проповѣдника достигъ столицы имперіи. И когда въ 397 г. кончилъ жизнь архіепископъ константинопольскій св. *Нектарій*, преемникъ св. Григорія Богослова, тогда императоръ *Аркадій* избралъ на каѳедру константинопольскую св. Златоуста. Но, зная сильную привязанность къ нему жителей Антіохіи и, опасаясь волненія между ними по случаю удаленія его, императоръ потребовалъ его въ Константинополь тайно. Здѣсь съ восторгомъ принятъ былъ великій проповѣдникъ. Но—для него самого это назначеніе послужило поводомъ ко многимъ огорченіямъ.

Сначала св. Златоустъ, пользуясь расположеніемъ императора, свободно занимался и въ столицѣ дѣлами пастырскаго служенія. Стараясь отвлечь православныхъ отъ посѣщенія аріанскихъ собраній, онъ ввелъ въ православныхъ церквахъ *стройное пѣніе*, установилъ *всенощныя бдѣнія* и *крестные ходы*, и не только самъ нѣсколько разъ въ недѣлю проповѣдывалъ истинное ученіе, но старался водворить вѣру Христову и въ другихъ странахъ. Съ этою цѣлію онъ отправлялъ проповѣдниковъ въ *Персію*, *Финикію*, *Скиѳію*, *Ѳракію*. Но особенно онъ заботился объ исправленіи нравовъ своей собственной паствы. И эта ревность вооружила противъ него многихъ въ Константинополѣ.

Особенно же возстали противъ св. Златоуста аріане и сама императрица *Евдоксія*. Первые возненавидѣли архіепископа за то, что онъ силою своего краснорѣчія привлекалъ всѣхъ къ православію, и не дозволялъ имъ совершать богослуженія въ самомъ Константинополѣ; императрица, зараженная сребролюбіемъ, оскорблялась, съ одной стороны, строгими обличеніями св. Іоанна, съ другой, частымъ ходатайствомъ его за обиженныхъ. Каждую бесѣду его противъ сребролюбцевъ она относила къ себѣ и болѣе и болѣе вооружалась противъ него. Таково было вліяніе бесѣдъ св. Златоуста на высшее общество и духовенство!—Одинъ только простой народъ былъ въ восторгѣ отъ этихъ бесѣдъ и безгранично любилъ великаго проповѣдника, какъ своего отца и истиннаго пастыря, и во множествѣ стекался слушать его слова.

Между тѣмъ, враги святаго Златоуста старались воспользоваться нерасположеніемъ къ нему императрицы. И когда одинъ изъ нихъ,—архіепископъ александрійскій *Ѳеофилъ*, вызванъ былъ въ Константинополь для оправданія по многимъ жалобамъ на него, онъ вмѣсто того составилъ изъ преданныхъ ему епископовъ соборъ противъ св. Іоанна. На этомъ соборѣ враги его, пользуясь покровительствомъ императрицы, обвинили его въ оскорбительныхъ словахъ противъ нея и во многихъ другихъ преступленіяхъ, и объявили его лишеннымъ епископской каѳедры. Императоръ утвердилъ рѣшеніе собора и осудилъ св. Іоанна на изгнаніе въ *Виѳинію*.

Узнавъ объ этомъ, св. Златоустъ старался успокоить народъ. «Сильныя волны, говорилъ онъ въ послѣднемъ словѣ своемъ, жестокая

буря! Но я не боюсь потопленія, потому что стою на камнѣ». И едва онъ оставилъ Константинополь, какъ узнавшій объ этомъ народъ пришелъ въ сильное волненіе, а слѣдующую затѣмъ ночь произошло въ столицѣ великое землетрясеніе. Это привело императрицу въ такой страхъ, что въ ту же ночь она послала святителю письмо, въ которомъ увѣряла его, что нисколько не виновата въ его осужденіи, и умоляла его возвратиться въ столицу. Такимъ образомъ, чрезъ два дня, св. Златоустъ снова былъ въ Константинополѣ, гдѣ народъ встрѣтилъ его съ великимъ восторгомъ.

IV. Новый соборъ, учрежденный послѣ того въ Константинополѣ, объявилъ не дѣйствительнымъ низложеніе св. Іоанна и возвратилъ ему константинопольскую каѳедру. Но недолго продолжалось его служеніе. Враги нашли новый поводъ къ низложенію его. Вскорѣ въ Константинополѣ, на площади, близь Софійскаго храма, поставлена была серебряная статуя императрицы. По этому случаю начались здѣсь пѣсни, пляски и музыка. Все это нарушало порядокъ богослуженія, совершаемаго въ самомъ храмѣ. И св. Златоустъ не могъ не возстать противъ этого злоупотребленія. Онъ произнесъ сильную обличительную рѣчь противъ зрѣлищъ. Императрицѣ донесли, что въ этой рѣчи сказаны были оскорбительныя для нея слова. Гнѣвъ ея еще болѣе усилился, когда ей сказали, что св. Іоаннъ началъ одну бесѣду къ народу слѣдующими словами: «Опять Иродіада бѣснуется! Опять Иродіада пляшетъ! Опять требуетъ главы Іоанна!» Послѣ того императрица поклялась лишить Іоанна епископской каѳедры и исполнила свою клятву. Снова созванъ былъ въ Константинополѣ соборъ изъ враговъ св. Златоуста. И онъ снова былъ низложенъ и осужденъ на изгнаніе въ *Кукузъ*, безплодное мѣстечко въ Арменіи.

Въ теченіе 70 дней онъ принужденъ былъ итти въ Арменію пѣшкомъ, подъ воинскою стражею[1]). Но враги не ограничились и этимъ. Чрезъ три года они убѣдили слабаго императора Аркадія сослать его еще далѣе, именно—въ *Питіусъ*, на берегъ Чернаго моря (въ нынѣшней Абхазіи). И это приведено было въ исполненіе самымъ жестокимъ образомъ. Не обращая вниманія на болѣзненное состояніе св. Іоанна, его вели и въ зной и въ проливной дождь. И святитель, изнуренный страданіями, кончилъ жизнь на пути, въ городѣ *Команахъ* (въ 407 году, 14 сентября).

Чрезъ 30 лѣтъ послѣ того, святыя мощи его обрѣтены были

---

1) Во время пути св. Златоустъ принужденъ былъ много терпѣть и отъ зноя солнечнаго, и отъ набѣговъ варваровъ—*исавровъ*, и отъ своихъ болѣзней. Но достигнувъ мѣста изгнанія, онъ нашелъ здѣсь покой и радушный пріемъ отъ преданныхъ ему христіанъ. Тогда, заботясь объ истинныхъ христіанахъ константинопольской Церкви, онъ вошелъ съ ними въ сношенія, старался утѣшить и успокоить ихъ помощію Божіею. Поэтому враги его постарались заточить его еще далѣе—въ нынѣшнюю Абхазію.

нетлѣнными и съ торжествомъ перенесены были въ Константинополь [1]).

Замѣчательныя изъ твореній св. Іоанна Златоустаго. Изъ твореній св. Іоанна Златоуста особенно замѣчательны его *бесѣды*, заключающія въ себѣ толкованіе на многія книги Священнаго Писанія (такихъ бесѣдъ до 800). Всѣ онѣ отличаются какъ ясностію и глубиною въ объясненіи слова Божія, такъ особенно живымъ изложеніемъ правилъ христіанской нравственности и сильнымъ обличеніемъ пороковъ. Замѣчательны также шесть словъ его *о священствѣ*. Въ нихъ ясно и живо изображена высота священнаго сана, а вмѣстѣ и соотвѣтственныя этой высотѣ свойства истинныхъ пастырей церкви Христовой. Но особенно замѣчательна изъ твореній св. Златоуста *литургія* Его. Она сокращена изъ литургіи Василія Великаго. Это сокращеніе сдѣлано по снисхожденію къ христіанамъ, которые тяготились продолжительностію литургіи Василія Великаго. Впрочемъ, сокращеніе это касается только молитвъ, тайно читаемыхъ священникомъ при совершеніи таинства св. Причащенія. Въ сущности же литургія св. Златоуста совершенно сходна съ литургіею Василія Великаго.

5. Свв. и равноапостольные Кириллъ и Меѳодій.

I. *Жизнь ихъ до выступленія на дѣло проповѣди.* Они были сыновья правителя Солунской области *Льва*, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, былъ славянскаго происхожденія, а по другимъ— грекъ. Св. Кириллъ, до подстриженія въ монашество, назывался *Константиномъ*, а за высокую ученость свою прозванъ былъ *философомъ*. Отличаясь прекрасными дарованіями и любовію къ наукамъ, оба брата получили лучшее, по своему времени, воспитаніе. Меѳодій, по окончаніи образованія въ Солуни, поступилъ въ военную службу и вскорѣ получилъ въ управленіе славянскую Струмскую область. А Константинъ, желая получить высшее образованіе, отправился въ Константинополь къ знатному родственнику своему великому логоѳету Ѳеоктисту, который былъ одинъ изъ опекуновъ несовершеннолѣтняго императора греческаго Михаила III. Здѣсь онъ изучилъ высшія науки, подъ руководствомъ лучшихъ ученыхъ того времени,— Льва, главнаго наставника высшей константинопольской школы, основанной правителемъ имперіи Вардою, и Фотія, бывшаго впослѣдствіи патріархомъ константинопольскимъ. Особенное расположеніе имѣлъ Константинъ къ богословскимъ наукамъ; любимымъ занятіемъ его послѣ Свящ. Писанія, было чтеніе твореній св. Григорія Богослова. По-

---

[1]) Императоръ Ѳеодосій младшій, сынъ Аркадія и Евдоксіи, выѣхалъ навстрѣчу св. мощамъ въ Халкидонѣ и, повергшись на землю, молилъ святителя простить его родителей, осудившихъ его на изгнаніе. (См. Подробное описаніе жизни и пастырской дѣятельности св. Іоанаа Златоуста, составленное свящ. Василіемъ Лебедевымъ).

кровитель его Θеоктистъ готовилъ ему почетное мѣсто при дворѣ и богатую женитьбу. Но Константинъ отказался отъ того и другого, принялъ монашество и рѣшился посвятить свою жизнь служенію Богу и занятіямъ науками. Его сдѣлали наставникомъ и библіотекаремъ Софійской библіотеки. Здѣсь онъ пріобрѣлъ большую извѣстность своею ученостью и успѣшнымъ исполненіемъ важныхъ порученій. Такъ онъ съ успѣхомъ велъ споръ съ приверженцами иконоборства, которые оставались еще въ Константинополѣ. Потомъ въ 851 году, по порученію греческаго императора, онъ отправлялся ко двору митиленскаго эмира, для разсужденій о вѣрѣ съ арабскими учеными, и здѣсь твердая защита имъ христіанства привела въ сильное раздраженіе магометанскихъ ученыхъ.—Св. Меθодій также оставилъ свѣтскую жизнь и, принявъ монашество, прославился своими аскетическими (т. е. строго монашескими) подвигами. Его хотѣли избрать въ митрополиты, но онъ отказался отъ этого, и съ трудомъ убѣдили его принять игуменство въ монастырѣ св. Полихронія. Такою жизнію оба брата приготовили себя къ апостольскимъ подвигамъ.

II. *Обращеніе хозаръ* (около 840 года). Когда *хозары*, около половины IX вѣка (ок. 840 г.), обратились къ греческому императору Михаилу III съ просьбою прислать къ нимъ проповѣдниковъ истинной вѣры, тогда правительство греческое избрало для этого свв. Кирилла и Меθодія. Познакомившись въ Херсонѣ съ языкомъ хозарскимъ, они немедленно отправились въ землю хозаръ [1]). Здѣсь они принуждены были вступить въ борьбу съ магометанами и евреями, которые старались склонить хозаръ въ свою вѣру. Доказавъ превосходство христіанскаго ученія предъ магометанскимъ и іудейскимъ, они успѣли до 200 человѣкъ хозаръ обратить въ вѣру Христову. Самъ ханъ (т. е. князь) хозарскій и многіе изъ вельможъ и народа приняли крещеніе. Оставивъ у хозаръ священниковъ, прибывшихъ изъ Херсона, Кириллъ и Меθодій возвратились въ свое отечество.

Здѣсь—въ Солуни они продолжали проповѣдывать вѣру Христову между славянами *македонскими* [2]). И для большаго успѣха въ этой проповѣди, св. Кириллъ рѣшился положить начало *письменности* между славянами, не имѣвшими у себя собственной азбуки. Приступая къ такому святому и великому дѣлу, Кириллъ постился 40 дней и усердно молилъ Господа о помощи. Въ этихъ трудахъ помогалъ ему братъ его св. Меθодій. И наконецъ съ помощію Божіею св. Кириллъ совершилъ великое и многополезное дѣло: онъ составилъ *сла-*

---

[1]) Хозары жили въ южныхъ предѣлахъ нынѣшней Россіи, между Чернымъ, Азовскимъ и Каспійскимъ морями. Подъ ихъ управленіемъ находились здѣсь, между прочимъ, и различныя славянскія племена.

[2]) Сколь успѣшна была эта проповѣдь святыхъ Кирилла и Меθодія, видно изъ того, что въ округѣ одного города Брегальницы (не далеко отъ Солуня) приняли крещеніе 4500 славянъ.

вянскую азбуку, по образцу греческой [1]), и сталъ переводить на славянскій языкъ священныя и богослужебныя книги [2]). Этотъ переводъ вскорѣ принесъ большую пользу, по случаю отправленія проповѣдниковъ къ славянамъ моравскимъ.

III. *Обращеніе моравовъ* (въ 862 году). Въ 862 году, моравскіе князья *Ростиславъ* и *Святополкъ* и Паннонскій *Коцелъ* просили греческаго императора Михаила III прислать къ нимъ такихъ учителей, которые бы знали славянскій языкъ и могли сдѣлать понятнымъ для славянъ богослуженіе. Моравы готовы были принимать христіанство, но затруднялись тѣмъ, что нѣмецкіе проповѣдники, находившіеся у нихъ, совершали богослуженіе на непонятномъ для нихъ латинскомъ языкѣ. Императоръ и патріархъ Фотій отправили въ Моравію св. Кирилла и Меѳодія. И они имѣли здѣсь великій успѣхъ, которому много содѣйствовалъ сдѣланный ими переводъ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ. Славяне моравскіе и паннонскіе съ радостію слушали богослуженіе на родномъ языкѣ и охотно принимали православную вѣру Христову.

IV. *Отношеніе св. Кирилла и Меѳодія къ римскому папѣ.* Успѣхи проповѣди св. Кирилла и Меѳодія въ Моравіи и Панноніи возбудили зависть къ нимъ въ сосѣднихъ нѣмецкихъ епископахъ. На нихъ донесено было папѣ Николаю I, что они отдѣляютъ отъ римской церкви принадлежащія ей славянскія области и совершаютъ богослуженіе не на священномъ языкѣ [3]). Поэтому св. Кириллъ и Меѳодій принуждены были отправиться въ Римъ. Они взяли съ собою часть мощей св. Климента римскаго, обрѣтенныхъ ими въ Херсонѣ, и приняты были въ Римѣ съ большою честію. Здѣсь они вполнѣ доказали правоту своего дѣла, и папа Адріанъ II одобрилъ сдѣланный ими переводъ священныхъ книгъ и осудилъ тѣхъ, которые старались препятствовать ихъ проповѣди. Но св. Кириллъ вскорѣ сильно занемогъ въ

---

[1]) Именно къ 24 буквамъ греческой азбуки онъ присоединилъ 14-ть новыхъ знаковъ, которые бы могли соотвѣтствовать особеннымъ звукамъ славянской рѣчи (напр. ж, ч, ш, щ и проч.). Эта азбука, по имени составителя ея, извѣстна подъ именемъ *Кириллицы.* Она издревле употреблялась у славянъ, а нынѣ (съ нѣкоторыми измѣненіями) употребляется у восточныхъ славянъ—(сербовъ, болгаръ и русскихъ).

[2]) И первыми словами славянской письменности были: *Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово.* (Іоан. 1, 1).

[3]) Священными языками римское духовенство признавало только: еврейскій, греческій и латинскій, на которыхъ была сдѣлана Пилатомъ надпись на крестѣ Іисуса Христа. И приверженцы латинства старались доказать св. Кириллу и Меѳодію, что только на этихъ трехъ языкахъ можно проповѣдывать слово Божіе. Святые Кириллъ и Меѳодій, въ опроверженіе этого мнѣнія, представляли, что Господь раздаетъ дары своей благодати—солнечный свѣтъ, благорастворение воздуховъ и дожди плодоносные всѣмъ людямъ, и слѣдовательно всѣ народы могутъ и должны славить величіе и благодѣянія Божіи каждый—на своемъ языкѣ. Въ подтвержденіе этого они представляли свидѣтельства Священ. Писанія и примѣры восточной церкви, гдѣ различные народы, принимающіе христіанство, имѣютъ священныя и богослужебныя книги на своемъ языкѣ.

Римѣ. Передъ кончиною онъ принялъ схиму и имя Кирилла. Умирая, онъ просилъ брата своего не покидать дѣла проповѣди между славянами. «Братъ мой», говорилъ Кириллъ: «до сихъ поръ мы были съ тобою какъ бы два вола, запряженныя въ одинъ плугъ; вотъ я умираю и падаю на бороздѣ. Но молю тебя: не оставляй нашего дѣла,

ибо этимъ подвигомъ ты скорѣе спасешься, чѣмъ въ своей обители.» Вскорѣ послѣ смерти брата Меѳодій, посвященный во епископа моравскаго и паннонскаго, отправился обратно въ Моравію.

Впослѣдствіи онъ снова вызванъ былъ въ Римъ для оправданія

въ томъ, будто явно отступаетъ отъ ученія римской церкви и не хочетъ совершать богослуженія на латинскомъ языкѣ. Явившись въ Римъ, св. Меѳодій доказалъ папѣ Іоанну VIII, что его исповѣданіе символа вѣры совершенно согласно съ постановленіями 6-ти вселенскихъ соборовъ и древнимъ ученіемъ римской церкви. А употребленіе славянскаго языка при богослуженіи онъ представилъ столь полезнымъ для славянъ, что самъ папа согласился на это, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы Евангеліе на литургіи читано было сначала на латинскомъ, а потомъ на славянскомъ языкѣ. Послѣ того св. Меѳодій въ санѣ архіепископа еще нѣсколько лѣтъ трудился въ Моравіи для церквей славянскихъ и до конца своей жизни принужденъ былъ вести борьбу съ латинскимъ духовенствомъ. Онъ успѣлъ перевесть Библію на славянскій языкъ и кончилъ жизнь въ 885 году.

V. *Особенное значеніе ихъ для русской церкви.* Апостольскіе труды святыхъ Кирилла и Меѳодія среди славянскихъ племенъ имѣли особенное значеніе для нашей русской церкви. Переводъ священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ, сдѣланный ими для моравовъ, впослѣдствіи весьма содѣйствовалъ распрост раненію и утвержденію вѣры Христовой въ Россіи. Потому русская Церковь съ особеннымъ благоговѣніемъ чтитъ память первыхъ славянскихъ просвѣтителей. (По Ч. М. и др. источн,).

6. Гимнъ въ память свв. Кирилла и Меѳодія.

Ужъ десять столѣтій промчалось, собратья,
Съ тѣхъ поръ какъ родные по плоти намъ братья,
Кириллъ и Меѳодій, съ любящей душой
Внесли въ міръ славянства свѣтъ вѣры святой:
Пришли намъ открыть наши грѣшныя очи,
И тьму разгоняя, какъ звѣзды средь ночи,
Намъ путь къ Богу Слову собой освѣтить,
И въ сердце отрадное чувство пролить.
Восхвалимъ же, братья,
Апостоловъ вѣры,
И въ общемъ семействѣ
Славянскомъ своемъ,
Съ открытой душою,
Не какъ лицемѣры,
Хвалебную пѣснь имъ
Достойно споемъ!

* *
*

Ужъ десять столѣтій труды ихъ святые
Вливаютъ намъ въ сердце потоки живые
Божественныхъ истинъ посредствомъ письмянъ,
Что создали братья на благо славянъ...
Съ тѣхъ поръ и простое народа преданье,
И жизнь его въ мірѣ, и бытъ, и страданье,

И цѣлыя труды дѣяній людскихъ
Мы можемъ хранить на страницахъ живыхъ.
Восхвалимъ же, братья,
Ревнителей вѣры!
И въ общемъ семействѣ
Славянскомъ своемъ
Слова ихъ святыя,
Святые примѣры,
Какъ высшее благо,
Вѣка соблюдемъ.

* * *

Хвала вамъ, апостолы вѣры Христовой,
Хвала вамъ, Меѳодій и свѣтлый Кириллъ!
Приходъ вашъ къ славянамъ и Руси путь новый
Къ познанію истинной вѣры открылъ...
Дай Богъ, чтобъ ученіе ваше святое—
„*Быть крѣпкими въ вѣрѣ и братской любви*“
Хранило всегда наше племя родное
Въ своей благородной, славянской крови!
Восхвалимъ же, братья,
Ревнителей вѣры!
И въ общемъ семействѣ
Славянскомъ своемъ
Слова ихъ святыя,
Какъ высшее благо,
Вѣка соблюдемъ.

(Изъ «Азбуки рус. и церк.-слав. языка» епископа Викторина).

7. Преподобный Ѳеодосій.

I. Съ юныхъ лѣтъ Ѳеодосій стремился душею къ жизни для Бога. На 14 году лишась отца, не зналъ онъ иного утѣшенія, какъ ходить въ церковь. Разъ случилось ему встрѣтиться съ странниками; плѣненный мыслію о ихъ подвигѣ, онъ тайно идетъ съ ними въ св. землю. Мать, узнавъ о семъ, догоняетъ его, бьетъ, приводитъ въ домъ и на нѣсколько дней заключаетъ въ оковы. Продолжая ходить въ церковь, Ѳеодосій видитъ, что иногда не бываетъ литургіи за недостаткомъ просфоръ и рѣшается печь просфоры; въ этомъ занятіи проходятъ два года. Мать уговариваетъ его оставить занятіе, низкое, по ея понятію; сынъ еще годъ продолжаетъ тотъ же трудъ. Мать, то угрозами, то побоями, доводитъ его до того, что онъ удаляется въ другой городъ и тамъ у одного пресвитера (т. е. священника) занимается по прежнему печеніемъ просфоръ. Довольно времени спустя, мать находитъ его и опять возвращаетъ въ домъ. Тогда *властелинъ града*, видя смиреніе и благочестіе его, дозволяетъ ему пребывать у своей церкви. Ѳеодосій тайно заказываетъ вериги и носитъ ихъ. Разъ властелинъ давалъ пиръ; Ѳеодосію надобно было явиться для угощенія въ чистой одеждѣ; при перемѣнѣ бѣлья, мать, и прежде слышавшая о веригахъ, увидѣла на

одеждѣ кровь отъ веригъ и съ яростію сняла съ сына вериги. Всѣ эти препятствія къ жизни святой не погасили въ Ѳеодосіи желанія святой жизни,—онъ рвется къ монашеской жизни. Въ отсутствіе матери удаляется изъ дома въ Кіевъ, находитъ Антонія, и постриженный Никономъ, вступаетъ въ подвигп. Это было въ 1032 году. Четыре года спустя, мать является и въ Кіевъ за сыномъ, но сынъ былъ уже столько крѣпокъ духомъ, что, по молитвѣ его, сама мать перемѣняетъ свои желанія и остается въ женскомъ монастырѣ. Ѳеодосій поставленъ въ пресвитера. Жизнь собиравшейся къ Антонію братіи была вообще строга, но Ѳеодосій не щадилъ себя. Пищею были: ржаной хлѣбъ, и только въ субботу и воскресеніе—сочиво, а за недостаткомъ его травяная снѣдь; чтобы имѣть хлѣбъ, занимались простымъ рукодѣліемъ и, купивъ зерна, мололи сами; по окончаніи утрени шли въ огородъ и копали; послѣ литургіи опять трудъ. Ѳеодосій, крѣпкій тѣломъ, бралъ на себя часть трудовъ у другихъ, носилъ другимъ воду, рубилъ дрова, мололъ рожь и относилъ каждому муку. Иногда, въ знойную ночь, нагой, отдавалъ тѣло свое въ пищу комарамъ и мошкамъ,—кровь текла по немъ, а онъ покойно прялъ волну.

II. Въ началѣ 1062 года, братія, по благословенію Антонія, избрали Ѳеодосія въ игумены. Ѳеодосій присовокупилъ къ прежнимъ подвигамъ своимъ тяжкую бдительность игумена, устроилъ монастырь и общежитіе, ночью обходилъ онъ келліи иноковъ, чтобы видѣть житіе ихъ; кого заставалъ на молитвѣ, благодарилъ Господа; а если слышалъ бесѣду двухъ или трехъ, ударялъ въ двери и на утро давалъ краткое наставленіе о вниманіи къ своей душѣ. И словомъ, и примѣромъ одушевлялъ паству свою на подвиги. Каждый день дѣлалъ своими руками, приходилъ въ пекарню и весело трудился съ хлѣбопекарями, мѣсилъ тѣсто, пекъ хлѣбы; всѣхъ немощныхъ училъ, укрѣплялъ и утѣшалъ. Разъ предъ праздникомъ келарь говорилъ, что некому носить воду; блаженный поспѣшно всталъ и началъ носить воду; одинъ изъ братіи увидѣлъ это и поспѣшилъ сказать о томъ нѣсколькимъ братіямъ; тѣ побѣжали дѣлить трудъ съ игуменомъ. Въ другой разъ некому было нарубить дровъ для общей кухни. «Я празденъ», говорилъ игуменъ, «и пойду»; братіи повелѣлъ итти за трапезу, такъ какъ было время тому, а самъ сталъ рубить дрова. По окончаніи стола, братія, увидѣвъ, что преподобный игуменъ ихъ усердно рубитъ дрова, взяли каждый топоръ свой и наготовили дровъ на много дней. На трапезѣ онъ довольствовался сухимъ хлѣбомъ и щами безъ масла, но никогда не видали его дряхлымъ и невесслымъ на трапезѣ. Никто и никогда не видалъ, чтобы онъ для сна ложился на бокъ, а обыкновенно засыпалъ онъ сидя и проснувшись становился на молитву; никогда не омывалъ тѣла водою, кромѣ лица и рукъ. Одежда его была шерстяная, и та весьма худая, которую часто покрывалъ онъ заплатами, чтобы не видно было власяницы на его

тѣлѣ; нерѣдко осуждали его за эту худую одежду,—онъ укоризну выслушивалъ съ радостію. Разъ в. к. Изяславъ, любившій и уважавшій его, приказалъ по случаю поздняго времени отвезть его въ покойной телѣжкѣ; слуга видитъ инока въ худой одеждѣ и говоритъ: ты, черноризецъ, каждый день праздень, а я живу въ хлопотахъ и трудахъ; садись на лошадь, а я лягу на твоемъ мѣстѣ и отдохну. Преподобный, не сказавъ ни слова, обмѣнялся мѣстомъ и въ обители угостилъ слугу лучшимъ образомъ. Ночи проходили у него безъ сна, въ слезной молитвѣ за себя и за братію, что много разъ замѣчали церковные будильники, хотя подвижникъ Божій старался скрывать свои подвиги отъ людей. Такіе труды столько очистили и возвысили духъ его, что преподобный получилъ даръ исцѣленій и прозрѣнія и творилъ знаменія по вѣрѣ своей. Полный любви къ бѣднымъ и страждущимъ, для которыхъ построенъ имъ былъ и домъ, онъ отдавалъ послѣднее требующимъ и награждаемъ былъ сторицею. Бояре и князья приходили исповѣдывать ему грѣхи свои и выслушивать наставленія его; онъ говорилъ каждому правду съ любовію, а иногда и съ строгостію. Послѣднее испыталъ на себѣ кн. Святославъ, выгнавшій брата своего Изяслава изъ Кіева. Такъ какъ число братій весьма умножилось, и мѣсто становилось тѣсно, пр. игуменъ избралъ другое мѣсто для обители (получившей впослѣдствіи названіе Кіево-Печерской лавры); разныя знаменія обозначили основаніе новаго каменнаго храма въ честь Богоматери; положивъ основаніе ему, пр. Ѳеодосій скончался въ слѣдующемъ 1074 г. мая 3 дня [1]).

8. Кіево-Печерская обитель.

I. *Входъ въ Кіево-Печерскую обитель.* Вотъ послышался звонъ колокола, вотъ доносится тихій благовѣстъ. Это призывъ къ молитвѣ въ Печерскую Лавру. Войдемте же въ это святилище... Мы уже миновали крѣпость, прошли мимо громаднаго арсенала [2]), обставленнаго пушками, бомбами и ядрами, прошли чрезъ пространство, отдѣляющее самую крѣпость отъ стѣнъ обители... Вотъ и святыя врата, вдавшіяся между двумя изворотами стѣны, исписанными священными изображеніями, и надъ вратами церковь Св. Троицы. Это истинно святое мѣсто: это входъ въ святилище. На этомъ мѣстѣ слишкомъ за 750 лѣтъ до нашего времени (въ 1106 году) была сооружена церковь и устроена больница черниговскимъ княземъ Николаемъ, именованнымъ Святошею, и самъ онъ, постригшись, не устыдился быть здѣсь привратникомъ.

Отсюда, пройдя подъ сводомъ самой церкви, вы видите улицу, обставленную двумя рядами невысокихъ келлій, осѣненныхъ вѣтвистыми деревьями грецкихъ орѣховъ и оживленныхъ изображеніями

---

1) Несторово житіе пр. Ѳеодосія по ркп. Сн. „Исторію рус. церкви"—Филарета Гумилевскаго.

2) Арсеналъ—зданіе, гдѣ хранится оружіе.

изъ св. исторіи. Здѣсь на крыльцахъ или подъ тѣнію деревъ часто сидятъ старцы, углубившіеся въ чтеніе книгъ. Въ концѣ улицы взоръ невольно останавливается на главномъ храмѣ Успенія Божіей Матери, а нѣсколько правѣе подъемлется громадная колокольня.

По помосту отъ святыхъ вратъ ко храму идутъ на поклоненіе Богу и св. угодникамъ люди, притекшіе почти изъ всѣхъ странъ русскаго царства. Двери храма отверсты и спокойно пріемлютъ каждаго; вошедшіе въ нихъ исчезаютъ отъ взора одинъ за другимъ, и вы только слышите, какъ оттуда доносится священное пѣніе.

II. *Храмъ Успенія.* Одна наружность храма Успенія говоритъ о его внутреннемъ великолѣпіи: это—четвероугольное зданіе, занимающее болѣе 20 саж. въ длину и столько же въ ширину, со впадиною съ запада, украшенною живописью, съ двумя притворами съ боковъ и пятью выпуклостями съ восточной стороны; его стѣны исписаны священными изображеніями; навѣсъ надъ его входомъ горитъ золотомъ; надъ нимъ возносятся семь позолоченныхъ главъ съ куполами изъ червоннаго золота, осѣненныя семью позлащенными крестами, изъ которыхъ средній подъемлется надъ зданіемъ отъ основанія земли на 22 сажени.

Вступая въ храмъ, невольно поражаешься богатствомъ и великолѣпіемъ иконостаса, залитаго золотомъ и серебромъ. Съ него взираютъ лики Спасителя, Божіей Матери и святыхъ угодниковъ, полуозаренные свѣтомъ лампадъ и обложенные золотыми и позлащенными [1]) окладами, украшенные драгоцѣнными камнями. Взирая на это богатство, забываешь цѣнность золота и всѣхъ драгоцѣнностей и видишь въ нихъ одну готовность жертвовать земнымъ достояніемъ для украшенія Божія храма. За царскими вратами установленъ престолъ, и на немъ водружено распятіе, украшенное яхонтовыми и другими каменьями. Направо и налѣво въ самой церкви, за крестообразными столпами и темными входами устроены для монаховъ мѣста, обнесенныя перилами, съ отдѣльными дверцами для каждаго: тамъ они пребываютъ во время службы, и ихъ видъ, почти неподвижный, ихъ лица, смиренно обращенныя къ иконамъ, ихъ черная одежда и четки, а за ними по стѣнамъ изображенія святыхъ и всѣхъ князей, покровительствовавшихъ обители, полусвѣтъ, разлитый за переходами, духовное пѣніе, служба, воскуренія, глава св. Владимира, поставленная при самомъ входѣ, и тысячи великихъ воспоминаній, и толпы народа, притекшаго издалече,—все это вливаетъ чувство новое, невѣдомое для непосѣщавшихъ Печерской обители, и возноситъ душу отъ всего земного къ лону Создателя.

При храмѣ устроено девять придѣловъ, изъ которыхъ въ одномъ, во имя св. Стефана, сооруженнаго Борецкими, находится икона Бо-

---

[1]) Позлащенный—позолоченный, покрытый позолотою.

жiей Матери, предъ которою молился, почти за 750 лѣтъ, князь Игорь Ольговичъ, убитый въ 1147 году.

На этомъ-то мѣстѣ была основана еще при св. Антонiи церковь во имя Успенiя Божiей Матери, оконченная постройкою почти за 850 лѣтъ до нашего времени.

Въ большой церкви Успенiя покоится князь Константинъ Iоанновичъ Острожскiй (1533), ревностный христiанинъ, распространитель училищъ и покровитель немощныхъ; генералъ-фельдмаршалъ Гудовичъ (1821); архимандритъ Печерскiй Гизель (1683); графъ Румянцевъ-Задунайскiй.

Въ обители находится *братская трапеза* на томъ же мѣстѣ, гдѣ была при св. Θеодосiи, разныя кельи, хозяйственныя строенiя, библiотека, устроенная при великой церкви, типографiя, заведенная не позже 1618 года, гостиница для бѣдныхъ богомольцевъ, церковь Всѣхъ Святыхъ, за южной стороной стѣны, надъ Экономическими вратами, сооруженная гетманомъ [1]) Мазепою. Далѣе за стѣною къ востоку находятся пещеры и собственно печерскiя зданiя, не разъ измѣненныя въ своемъ видѣ, кромѣ главныхъ улицъ, и не разъ скрывавшiя подъ спудомъ своимъ мощи святыхъ отъ хищенiя и неистовства враговъ.

III. *Ближнiя пещеры.* Выйдемъ сѣверными дверями церкви Успенiя и послѣдуемъ за потокомъ народа. Нашъ путь извивается то къ сѣверу, то къ востоку, то къ югу, то снова къ сѣверу и востоку, пока мы не оставимъ за собою монастырскихъ зданiй и стѣны. Пройдя ихъ, мы увидимъ церковь на отлогости горы, изрытой оврагами и зеленѣющей полянами и садами, а далѣе опять виденъ Днѣпръ, и за нимъ снова синева лѣса и синева дали.

Церковь Ближнихъ пещеръ сооружена въ 1700 году, во имя Воздвиженiя Честнаго Креста полтавскимъ полковникомъ Герцикомъ. Главы и кресты на ней, равно и на колокольнѣ, позлащены червоннымъ золотомъ, а куполы покрыты зеленою краскою. На стѣнѣ, предохраняющей церковь и самыя пещеры отъ обвала, построены двѣ башни: въ одной изъ нихъ хранится печерская ризница, а въ другой сдѣланъ открытымъ сводомъ входъ въ галлерею, ведущую къ Дальнимъ пещерамъ.

Начало Ближнимъ пещерамъ положено св. Антонiемъ, когда онъ удалился для уединенiя изъ первой пещеры, ископанной Илларiономъ. Входъ въ Ближнiя пещеры сдѣланъ изъ церкви Воздвиженiя Креста Господня. Здѣсь почти во всякое время дня встрѣтите толпу народа, стекшагося изъ Украйны, Россiи, съ Дона, даже изъ Сибири, съ своими особенными нарѣчiемъ и одеждою.

Болѣе сотни богомольцевъ, съ выраженiемъ ожиданiя, смотрятъ,

---

[1]) Гетманъ—прежнiй предводитель малороссiйскихъ казаковъ.

скоро ли откроется дверь въ подземелье. Въ рукахъ каждаго теплится свѣча. Въ храмѣ тишина, одинъ или два монаха.

Вотъ желѣзная дверь отворилась, и толпа народа тронулась, шагнула и сжалась у входа, но нѣтъ ни шума, ни безпорядка, и всѣ идутъ медленно, руководимые монахомъ. Переступивши за дверь, взгляните, какъ живая рѣка народа движется въ этомъ сжатомъ сѣроватомъ сводѣ, полуозаренномъ одними свѣчами и склоненномъ отлогою покатостью въ глубину земли. Народъ останавливается предъ каждымъ святымъ, творитъ молитвы, расспрашиваетъ о его жизни, движется далѣе и далѣе, и исчезаетъ, разливаясь по переходамъ.

Каждый святый покоится въ четырехъ-угольномъ углубленіи пещеры, въ деревянной гробницѣ, а иные въ украшенныхъ серебромъ и золотомъ, и подъ каждымъ изображены его имя и жизнь. Въ иныхъ мѣстахъ пещеръ видны наглухо запертыя двери съ небольшимъ окошечкомъ; онѣ ведутъ въ келліи почивающихъ тамъ затворниковъ.

Въ иныхъ мѣстахъ покажется изъ-за желѣзной рѣшетки огонь, освѣщающій подземную келлію и слышится молитва и тихое пѣніе: здѣсь совершается служба. Такъ слѣдуете вы по всѣмъ проходамъ пещеръ, доколѣ не достигнете выхода, гдѣ снова озаритъ васъ свѣтъ дня, повѣетъ свѣжестію воздухъ.

Но вотъ и галлерея [1]) съ окнами и деревяннымъ помостомъ, ведущимъ къ Дальнимъ пещерамъ. Въ ней располагаются убогіе и калѣки, испрашивая духовными пѣснями насущнаго хлѣба.

IV. *Дальнія пещеры.* При Дальнихъ пещерахъ, изъ которыхъ иныя существовали еще до принятія христіанской вѣры св. Владиміромъ, а другія начаты Илларіономъ, находятся церкви Рождества Богородицы и Зачатія св. Анны, съ главами позлащенными червоннымъ золотомъ.

Входовъ въ пещеры два: западный и восточный. Расположеніе ихъ хотя другое, нежели на Ближнихъ, но общее устройство то же. По народному сказанію, въ нихъ есть завалившійся ходъ подъ Днѣпръ, и даже на противоположный его берегъ.

V. *Колокольня Кіево-Печерской Лавры.* Теперь, поклонившись святынѣ и обозрѣвши все достопамятное, взойдемъ на главную колокольню Печерской обители. Она установлена въ 20 саженяхъ отъ великой церкви, въ направленіи къ югозападу. Она выше всѣхъ русскихъ колоколенъ и даже выше московской колокольни Ивана Великаго слишкомъ пятью саженями: въ ней $43^1/_2$ сажени и 10 вершковъ до основанія креста. Куполъ покрытъ листовымъ желѣзомъ, а глава позолочена чрезъ огонь. Она кончена постройкою въ 1745 году. Главный ея колоколъ, называемый Успенскимъ, вѣситъ 1000 пудовъ. Вверху колокольни устроены часы.

Если подниметесь на колокольню, то увидите подъ собою всѣ

1) Галлерея—длинный ходъ съ крышею.

монастырскія зданія, кресты и главы церквей, переходы, дорожки, зелень садовъ, каменную стѣну около обители въ окружности болѣе версты, и за нею съ одной стороны—крѣпость съ своими строеніями, а съ другой—зданія печерскія. Это мѣсто называлось нѣкогда—Берестовымъ. *(Изъ соч. Пассека).*

9. Обитель.

За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкій
Въ крутыхъ брегахъ кипитъ, шумитъ,
У рощи, на горѣ высокой
Обитель иноковъ стоитъ.
Вокругъ нея стѣна съ зубцами,
Четыре башни по угламъ,
И посрединѣ Божій храмъ
Съ позолоченными главами;
Рядъ келій, темный переходъ,
Часовня у святыхъ воротъ
Съ чудотворящею иконой
И подлѣ ключъ воды студеной
Журчитъ цѣлительной струей
Подъ тѣнью липы вѣковой. *(Козловъ).*

10. Лѣтній снѣгъ.

(Изъ жизни преп. Варлаама Хутынскаго).

I. Шелъ іюнь мѣсяцъ 1192 года. Теплая лѣтняя ночь спустилась на землю и окутала своимъ мглистымъ покровомъ дома, храмы и башни великаго Нова-града. Подъ этимъ покровомъ мирно спитъ вольный городъ, утомясь отъ дневной суеты и шума; безмолвіе царитъ и на Софійской сторонѣ, и въ столь шумныхъ днемъ концахъ Торговой стороны; притихъ самъ буйный Волховъ и неслышно катитъ свои сонныя воды во мракѣ ночи.

Тихо и на Ярославскомъ дворищѣ, тамъ, гдѣ виситъ стражъ новгородской свободы, вѣчевой [1]) колоколъ; не шелохнется его мѣдный языкъ, столько разъ сзывавшій всѣхъ гражданъ на шумное вѣче. Одинъ только сторожевой воинъ у колокола еще бодрствуетъ, но и его начинаетъ одолѣвать дремота. Чтобы прогнать сонъ, пробовалъ онъ пѣть, но какъ-то странно слышались въ ночномъ безмолвіи звуки тропаря св. Софіи и скоро оборвались. Не смогъ старый рубака, много на своемъ вѣку одолѣвшій и нѣмцевъ и бѣлоглазой Чуди, одолѣть сладкой дремоты и задремалъ, опершись на широкій бердышъ [2]). И снова все тихо, какъ въ могилѣ. Не спятъ только звѣзды, кротко

---

[1]) Вѣчевой отъ слова вѣче,—что значитъ народное собраніе и самое мѣсто народнаго собранія.

[2]) Бердышъ—широкій на подобіе полумѣсяца топоръ.

мерцая среди темной синевы неба и словно любуясь уснувшимъ Божьимъ міромъ...

II. Утренняя заря ярко-алой полоской только-что начала заниматься на далекомъ востокѣ, какъ вдругъ что-то разбудило спавшаго стража. Съ трудомъ онъ поднимаетъ отяжелѣвшія вѣки, озирается кругомъ... и внезапно вскакиваетъ, словно ужаленный. «Съ нами крестная сила... Мать Пресвятая Богородица, Никола угодникъ, святая Софія... Ужъ не во снѣ ли мнѣ снится? Что за диво дивное»?!— шепчетъ онъ, въ испугѣ крестясь.

И было чему подивиться: точно по мановенію волшебнаго жезла, лѣто вдругъ превратилось въ зиму; іюньское тепло внезапно смѣнилось рождественскимъ морозомъ; съ потемнѣвшаго неба густыми хлопьями валилъ снѣгъ и бѣлымъ саваномъ покрывалъ землю. Крутясь и вздымаясь, летали въ воздухѣ тучи этихъ хлопьевъ, и съ каждою минутою все толще и толще становился пушистый снѣжный коверъ.

«Ужъ не дьявольское ли навожденіе»?—думаетъ испуганный воинъ.—«Да воскреснетъ Богъ... Отыди, сгинь ты, лукавый»!—крестясь, шепчетъ онъ,—но снѣгъ все гуще валитъ съ неба.

Не зная, что дѣлать, бѣжитъ стражъ къ вѣчевому колоколу и дрожащею рукою дергаетъ за веревку... Звонко раздается въ ночной тиши отрывистый звукъ, гулко проносится въ ночномъ воздухѣ и замираетъ вдали... Еще и еще—и скоро колокольный звонъ разносится во всѣ концы Нова-города.

Знакомые звуки скоро поднимаютъ на ноги весь Новгородъ: просыпаются посадникъ [1]) и тысяцкій, посадскіе люди и заморскіе гости-купцы. Спавшій городъ оживаетъ. Недоумѣвая о причинѣ звона, вольные новгородскіе вѣчники выходятъ на улицы и, при видѣ покрывающаго землю снѣжнаго савана, останавливаются въ смятеніи и ужасѣ. Во всѣхъ домахъ поднимается тревога: плачъ дѣтей, причитанія женщинъ смѣшиваются со словами молитвъ; у многихъ мелькаетъ въ головѣ мысль о послѣднемъ днѣ и кончинѣ міра... А снѣгъ все валитъ и валитъ, словно желая похоронить подъ собою весь Новгородъ.

Вотъ раздается гулъ колоколовъ на всѣхъ городскихъ колокольняхъ. Отверзаются темные дотолѣ храмы и наполняются молящимся людомъ. Въ трепетѣ простираются и пастыри, и паства предъ святыми иконами, умоляя Господа умилосердиться надъ Новымъ-градомъ, призывая помощь Небесной Заступницы и всѣхъ святыхъ... Кротко глядятъ озаренные мерцающимъ свѣтомъ лампадъ лики съ образовъ на колѣнопреклоненную толпу... Рыданія по временамъ заглушаютъ голосъ пѣвцовъ и чтецовъ и прерываютъ служеніе умилительныхъ молебновъ.

---

[1]) Посадникъ—начальникъ общинной расправы, предсѣдательствовавшій на вѣчѣ.

Долго лилась горячая молитва новгородскихъ гражданъ, долго со слезами молили іереи Господа не предать до конца стадо своихъ вѣрныхъ. Уже брезжилъ разсвѣтъ, уже пламенная заря огненнымъ пожаромъ охватила полнебосклона, а трепетъ новгородцевъ передъ грознымъ и дивнымъ явленіемъ не стихалъ. Наконецъ передъ самымъ восходомъ перестали сыпаться снѣжные хлопья. Когда яркое лѣтнее солнце показалось на небѣ, оно озарило своими лучами чудное зрѣлище: ослѣпительно-бѣлая пелена покрывала землю и зелень, дома и башни, стѣны и церкви Великаго Новгорода; точно алмазы и жемчугъ, горѣли и переливались снѣжные кристаллы подъ лучами дневного свѣтила.

За одну ночь, точно въ сказкѣ, городъ совершенно перемѣнилъ свой видъ.

Съ ранняго утра Ярославовъ дворъ былъ залитъ густыми толпами народа, но, противъ обыкновенія, на вѣчѣ не слышно было шума и крика. Въ безмолвіи, съ обнаженными головами стояли новгородцы: посадникъ, тысяцкій, именитые люди, гости, дружинники и всѣ посадскіе вольные люди. Никто не рѣшался говорить.—«Прогнѣвали мы Господа, люди новгородскіе»,—началъ, было, посадникъ, но тотчасъ смолкъ. Только глубокіе вздохи нарушали безмолвіе. Всѣ ждали, не придетъ ли какого совѣта гражданамъ или указанія отъ владыки.

III. Въ это время въ городъ, по той дорогѣ, что шла по самому берегу Волхова, въѣзжали простыя сани-пошевни, запряженныя въ одну лошадь. Высокаго роста инокъ, одѣтый въ бѣдное одѣяніе схимника [1]), сидѣлъ въ саняхъ. Чуденъ былъ видъ этого инока: въ то время, какъ на лицахъ всѣхъ прохожихъ, попадавшихся навстрѣчу, изображались страхъ и тревога, на его постническомъ, изможденномъ лицѣ виднѣлось совершенное спокойствіе.

Вотъ незатѣйливый экипажъ перебрался чрезъ Великій Волховскій мостъ, поѣхалъ Софійской стороной и остановился у владычнихъ покоевъ. Чередной монахъ, завидѣвъ пріѣзжаго, тотчасъ выбѣжалъ къ нему навстрѣчу, почтительно принялъ благословеніе инока и повелъ его въ палаты архіепископа.

Этотъ бѣдно одѣтый инокъ былъ славившійся своею святостію и прозорливостью игуменъ Варлаамъ, настоятель Хутынской обители.

IV. Чрезъ нѣсколько минутъ Софійскій дьякъ, сломя голову, бѣжалъ отъ владычнаго дома по направленію къ Ярославову дворищу. Прибѣжавъ на вѣче, онъ протолкался сквозь толпу къ посаднику и, отдавъ ему поклонъ, проговорилъ: «отъ владыки». Посадникъ далъ знакъ, и дьякъ [2]) вошелъ на красное мѣсто. Мертвое молчаніе тот-

---

[1]) Схимникъ—монахъ, принявшій схиму, т.-е. великій ангельскій образъ, налагающій на принявшаго его самыя строгія правила.

[2]) Дьякъ—письмоводецъ.

часъ воцарилось въ толпѣ, всѣ насторожили уши, ожидая, что скажетъ посланный архіепископа.

—«Мужи новгородскіе»,—торжественно началъ дьякъ, отвѣсивъ предварительно поясные поклоны на всѣ четыре стороны,—«шлетъ вамъ, своимъ дѣтямъ, отецъ вашъ владыка, свое владычнее благословеніе, тако-жъ и всему Великому Нову-граду. Посѣтилъ насъ Господь въ сію ночь Своимъ предивнымъ посѣщеніемъ, молитвами отца нашего Варлаама. Сей-бо, бывъ у владыки нашего, при процаніи прорекъ: «если благословитъ Богъ, пріѣду къ святынѣ твоей на саняхъ въ пятницу первыя недѣли поста святыхъ апостоловъ». И нынѣ сбылось все по глаголу. Вы же не смущайтеся, мужи новгородскіе; сіе-бо не въ пагубу сотворилось, но въ благостыню и спасеніе».

Съ этими словами дьякъ, снова поклонившись народу и властямъ, сошелъ съ краснаго мѣста. Глухой вздохъ облегченія, вырвавшійся изъ устъ многочисленной толпы, сопровождалъ его рѣчь. Затѣмъ на вѣчѣ раздался шумный говоръ. Среди гула голосовъ можно было разслышать имя Варлаама,—Хутынскій игуменъ былъ извѣстенъ всѣмъ новгородцамъ; они считали его святымъ и вѣрили его прорицаніямъ. Тѣмъ радостнѣе для нихъ было слышать, что необычайное явленіе было «не въ пагубу», но «въ благостыню».

Толпа вѣчниковъ продолжала шумно волноваться, когда къ Ярославову дворищу подъѣхали упомянутыя сани-пошевни, изъ которыхъ вышелъ св. Варлаамъ. Мгновенно святый игуменъ былъ окруженъ народомъ. Благословивъ новгородцевъ, онъ успокоилъ ихъ, далъ имъ проникнутое отеческою любовью наставленіе и предсказалъ въ этомъ году обильный урожай. Когда онъ кончилъ рѣчь и, снова благословивъ народъ, сѣлъ въ сани,—толпа бросилась за нимъ и далеко провожала преподобнаго по дорогѣ къ Хутыни.

Снова въ этотъ день отверзлись и наполнились молящимся людомъ новгородскіе храмы, снова полились горячія молитвы гражданъ, но не умилостивительныя, а благодарственныя; снова слезы оросили церковные помосты, но не слезы трепета, а слезы умиленія.

V. Наступилъ вечеръ этого достопамятнаго для новгородцевъ дня. Солнце клонилось уже къ западу. Въ воздухѣ было по прежнему морозно, и снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами прохожихъ.

Вдругъ новая перемѣна произошла въ природѣ: въ воздухѣ пахнуло тепломъ, горячѣй стали солнечные лучи, и снѣгъ началъ быстро таять. Еще не успѣло солнце сѣсть, а уже земля освободилась отъ зимнихъ оковъ, снѣжный коверъ исчезъ также быстро, какъ и появился; снова зазеленѣли поля, луга, сады и лѣса, снова защебетали на деревьяхъ лѣтніе пернатые гости.

И когда пригородные селяне вышли взглянуть на свои поля, то увидѣли, что воистину, по слову чудотворца, необычайное явленіе природы «было имъ въ благостыню»: кишѣвшій въ поляхъ червь,

во множествѣ появившійся весною этого года, былъ совершенно истребленъ морозомъ. И пронеслось съ того времени имя славнаго угодника Божія Варлаама по всей области новгородской и по всей землѣ русской.

Почти семь вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, но сказаніе о чудѣ преподобнаго живетъ и до сихъ поръ среди мѣстныхъ жителей, которые ежегодно, въ пятницу первой недѣли поста святыхъ апостоловъ, воспоминаютъ о немъ, совершая крестный ходъ изъ Новгорода въ Хутынскую обитель.

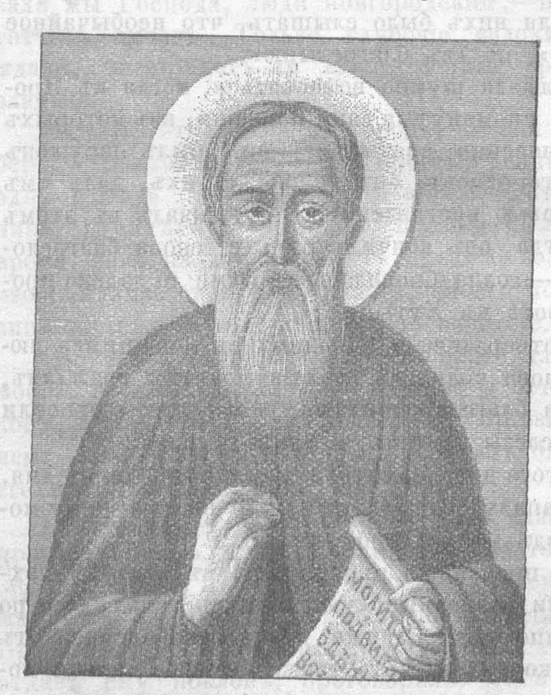
(Русск. Паломн. № 44, 1887 г.).

11. Преподобный Сергій Радонежскій.

I. Преподобный Сергій Радонежскій былъ основателемъ Троицкой Лавры.

Онъ происходилъ изъ боярскаго рода. Родители его, Кириллъ и Марія, нѣкоторое время жили въ Ростовѣ. Здѣсь въ 1314 году родился Богоизбранный младенецъ.

Святое призваніе Сергія проявилось очень рано.

Преп. Сергій Радонежскій

Въ 1328 году, въ смутное для Ростова время, боринъ Кириллъ переѣхалъ на житье въ городъ Радонежъ, теперь село Городокъ, верстахъ въ 50-ти отъ Москвы.

Въ Радонежѣ четырнадцатилѣтній Сергій всецѣло посвятилъ себя духовному подвижничеству, почему и получилъ прозваніе Радонежскаго. Онъ строго постился, въ среду и пятницу не принималъ никакой пищи, а въ другіе дни хлѣбъ да воду. День проводилъ въ чтеніи слова Божія, пѣніи псалмовъ, большую часть ночи въ усердной молитвѣ; ревностно посѣщалъ церковныя службы. Дѣтскія игры и забавы его не тѣшили.

Избѣгая мірской суеты, желая въ уединеніи славить Творца, Сергій убѣждалъ отца съ матерью отпустить его въ пустыню. Роди-

тели не противились, но просили привести это въ исполненіе послѣ ихъ кончины.

Сергій послушался любимыхъ родителей. Вскорѣ они скончались, принявъ предъ смертію иноческій чинъ.

II. По смерти родителей, Сергій, отдавъ свое имущество младшему брату Петру, уговорилъ старшаго брата Стефана, овдовѣвшаго къ этому времени и принявшаго обѣтъ монашества, искать мѣста для пустынножительства.

Въ двѣнадцати верстахъ отъ Радонежа братья выбрали для подвижничества въ дремучемъ лѣсу то мѣсто, гдѣ теперь расположена Троице-Сергіева лавра. Тамъ въ то время не было кругомъ на нѣсколько верстъ никакого жилья, теперь же понастроили много церквей и цѣлый посадъ. Св. Сергій оживилъ пустыню. «До Сергія здѣсь была непроходимая пустыня, а теперь всѣ видятъ вокругъ обители мірскія поля, села и деревни многолюдныя. Прежде здѣсь и тропинки не было для людей, а теперь явились большія дороги и проѣздъ, людный днемъ и ночью. До Сергія это мѣсто было безводное; но съ тѣхъ поръ множество источниковъ открыто въ окрестности обители. Множество гадовъ и змѣй нарушали безмолвный покой Сергія, а теперь вы не встрѣтите ихъ».

Сергій и Стефанъ начали рубить лѣсъ, носить бревна, чтобы устроить кельи. Затѣмъ братья построили маленькую церковь. Митрополитъ московскій, по просьбѣ устроителей, прислалъ священника для освященія сооруженнаго храма. Церковь освятили во имя Святыя Троицы.

Житье братьевъ въ пустынѣ было трудное, суровое: кругомъ безконечный, необитаемый лѣсъ, оглашаемый ревомъ дикихъ звѣрей; даже птицы не залетали сюда, веселаго щебетанья ихъ не было слышно. Ягоды да травы составляли пищу отшельниковъ; воды не было близко,—приходилось часто нуждаться въ питьѣ.

Стефанъ не могъ долго выносить тяжести уединенія; отъ лишеній вскорѣ впалъ въ совершенное изнеможеніе, ушелъ въ Москву, въ Богоявленскій монастырь, гдѣ нашелъ болѣе спокойную, безбѣдную жизнь.

Сергій остался среди дремучаго лѣса съ товарищами—звѣрями, которыхъ онъ кротостію къ себѣ приручилъ; звѣри приходили кормиться изъ его рукъ. Одинъ медвѣдь привыкъ ежедневно являться къ пустыннику за своимъ обѣдомъ; случалось иногда, что оба голодали отъ недостатка пищи. Безмолвіе, грозная буря, ненастная вьюга, лишенія только закаляли мужество молодого отшельника, укрѣпляли его душу.

Подготовивъ себя постомъ, умерщвленіемъ плоти, молитвою, Сергій призвалъ изъ Москвы игумена Митрофана, для принятія отъ него монашескаго чина. Постриженіе происходило въ церкви св. Троицы, 7-го октября 1337 года, въ день памяти св. мученика Сергія. Послѣ

постриженія Сергій прожилъ въ совершенномъ одиночествѣ еще два года, строго соблюдая иноческій уставъ.

Вѣсть о святости жизни подвижника быстро разнеслась по окрестностямъ.

III. Къ святому стали стекаться христіане за наставленіемъ, за исцѣленіемъ разныхъ недуговъ. Молитвами Боголюбца больные исцѣлялись, падшіе духомъ укрѣплялись. Всякій встрѣчалъ въ кельи Сергія ласку, привѣтъ, ободрительное слово.

Къ одинокой кельи Сергія стали приходить иноки, усердно прося позволенія поселиться и раздѣлить съ нимъ его образъ жизни. Сергій, привыкшій къ одиночеству, отклонялъ просьбы. «Знайте прежде всего», говорилъ онъ, «что мѣсто это трудно, голодно и бѣдно; готовьтесь не къ пищѣ сытной, не къ питью, не къ покою и веселію, но къ трудамъ, печалямъ, напастямъ, ибо многими скорбями должно намъ войти въ царствіе Божіе. Узокъ и скорбенъ путь, вводящій въ жизнь вѣчную». Однако по промыслу Божію святой согласился на совмѣстное жительство, исполняя слово Спасителя: «грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ».

Пришельцевъ собралось двѣнадцать. Сергій взялъ съ каждаго обѣтъ строгаго воздержанія, братства, повелѣлъ инокамъ срубить себѣ кельи. Кельи были обнесены высокимъ тыномъ или заборомъ.

Такъ возникла дорогая для каждаго русскаго обитель.

IV. Въ первое время обитель была очень бѣдна: случалось, что не было воску для свѣчъ, въ церкви вмѣсто нихъ горѣла лучина; книги, нужныя для богослуженія, писались на березовой корѣ.

Братія со смиреніемъ переносила нищету. Препод. Сергій во всемъ всегда подавалъ примѣръ: былъ всѣмъ слугою, самъ носилъ воду, рубилъ дрова, мололъ муку, дѣлалъ обувь, кроилъ, шилъ одежду, а по ночамъ молился.

Иноки просили св. Сергія принять на себя игуменство въ обители, но онъ по смиренію своему не соглашался сдѣлаться настоятелемъ братіи, говоря: «желаю лучше учиться, чѣмъ учить, лучше повиноваться, чѣмъ начальствовать; вы хотите возложить на меня бремя выше силъ моихъ».

Чтобы окончательно отклонить отъ себя санъ игуменскій, Сергій отправился къ преосвященному Аѳанасію, который управлялъ тогда московскою и всея Руси митрополіею, съ просьбой прислать въ Троицкую обитель игумена. Аѳанасій радушно встрѣтилъ святаго подвижника и громко объявилъ, что никто болѣе Сергія не достоинъ быть игуменомъ. Когда же Сергій началъ отказываться, то епископъ промолвилъ: «Возлюбленный! ты все стяжалъ, а послушанія иноческаго не имѣешь». Смиренному Сергію оставалось только согласиться: «какъ Господу угодно», произнесъ онъ, «такъ и да будетъ. Благословенъ Господь во вѣки!»

Чрезъ нѣсколько дней состоялось посвященіе его сначала въ пресвитера, а потомъ въ санъ игумена.

V. Возвратясь въ свою обитель, препод. Сергій не измѣнилъ образа жизни, по-прежнему служилъ братіи, подвизался въ непрерывной дѣятельности,—постѣ и молитвѣ. Въ церковь на литургію являлся первымъ, уходилъ послѣднимъ. Никогда не видѣли его празднымъ. Въ свободное отъ работы время умудрялъ онъ братію духовными бесѣдами.

О Троицкой обители начали говорить въ дальнихъ областяхъ русской земли. Не только простые чернецы, но и высшіе іерейскіе чины, наслышавшись о святости жизни преподобнаго, являлись внимать рѣчамъ праведника. Смоленскій архимандритъ Симонъ такъ былъ плѣненъ ими, что, оставивъ свое настоятельство въ Смоленскѣ, поступилъ къ Сергію послушникомъ. Стали приходить иноки изъ другихъ монастырей. Игуменъ принималъ всѣхъ, но постригалъ только послѣ долгаго испытанія.

Число братіи замѣтно увеличилось; вмѣстѣ съ тѣмъ въ пустынѣ все сильнѣе и сильнѣе чувствовался недостатокъ въ самомъ необходимомъ; хлѣба на всѣхъ не доставало: инокамъ часто приходилось голодать. Ходить же въ сосѣднія села за подаяніемъ было строго запрещено игуменомъ.

Слава о великомъ игуменѣ троицкомъ все росла. И богатый вельможа, и бѣдный простолюдинъ шли къ убогой кельи, ища здѣсь утѣшенія, совѣта, благословенія. Едва замѣтная тропинка, ведшая къ обители, стала дѣлаться большою проѣзжею дорогою.

Тогдашній князь московскій Іоаннъ Іоанновичъ сильно полюбилъ смиреннаго проповѣдника жизни евангельской.

При своихъ посѣщеніяхъ обители князь замѣтилъ крайнюю ея бѣдность: священнослужители облекались въ ветхія полотняныя ризы, братія пріобщалась изъ простой деревянной чаши, низенькая деревянная церковь освѣщалась лучиной при богослуженіи.

Вспомнилось тогда князю, что у государей русской земли искони ведется обычай не щадить издержекъ на благолѣпіе храмовъ, надѣлять ихъ землями, всякимъ добромъ.

Соблюдая обычай предковъ, Іоаннъ Іоанновичъ подарилъ обители Св. Троицы окрестные участки земли, щедро надѣлилъ ее деньгами, хлѣбомъ, приказалъ сдѣлать церковную утварь изъ золота и серебра.

Посыпались многоцѣнные вклады и отъ усердныхъ ревнителей христіанства, являвшихся поклониться Св. Троицѣ, взглянуть на прославленнаго угодника. Монастырь быстро сталъ богатѣть. Воздвигли большую церковь. Золото, драгоцѣнные камни засіяли на иконахъ и сосудахъ, появилась драгоцѣнная утварь въ той обители, гдѣ нѣсколько лѣтъ раньше, за недостаткомъ свѣчей, горѣла лучина, гдѣ игуменъ носилъ полотняную ризу.

Окрестности Св. Троицы стали заселяться, вырубались лѣса, строились новыя деревни, проводились большія дороги. Уединенная хижина отшельника превратилась въ цвѣтущую обитель, глухой лѣсъ сталъ удобнымъ жилищемъ человѣка.

VI. Слава объ обители Св. Троицы пошла далеко за предѣлы русской земли и достигла Цареграда.

Патріархъ цареградскій Филофей, въ знакъ уваженія, прислалъ препод. Сергію крестъ и схиму, благословилъ обитель, посовѣтовалъ устроить въ ней общежитіе, какъ образецъ строгаго монашества.

Сергій внялъ совѣту, устроилъ монастырскую общину: все богатство обители сдѣлалъ общимъ, запретилъ инокамъ имѣть отдѣльную собственность, ввелъ одинаковую для всѣхъ суровость относительно образа жизни. Братія была распредѣлена по службамъ: назначили келаря для веденія хозяйства, казначея для общей монастырской казны, назначили поваровъ, хлѣбниковъ, больничныхъ служителей. Всѣ постановленія святыхъ отецъ должно было соблюдать.

Нѣкоторымъ не понравилась эта перемѣна, они тайно ушли изъ монастыря.

При такихъ порядкахъ появилось во всемъ изобиліе. Явилась возможность къ широкой благотворительности: Сергій устроилъ пріемный покой для странниковъ, больныхъ, нищихъ; въ обители Св. Троицы никому не отказывалось ни въ пищѣ, ни въ пристанищѣ. До сихъ поръ этотъ обычай неизмѣнно соблюдается, до сихъ поръ богомольцы получаютъ въ лаврѣ даровой обѣдъ и квартиру.

Монастырь богатѣлъ, а игуменъ смирялъ себя болѣе всѣхъ. Раньше онъ ходилъ въ рубищѣ, теперь носилъ ту одежду, которую бросали другіе иноки за негодностію. По-прежнему день пребывалъ въ трудѣ, а ночь, стоя на колѣняхъ, молилъ Бога не оставить обитель. Царь Небесный внималъ молитвамъ Своего избранника.

VII. Двадцать пятаго сентября 1392 года окончилось земное служеніе Сергія Господу; на 78 году отъ рожденія послѣдовало преставленіе преподобнаго. Шестью мѣсяцами раньше св. Сергій предупреждалъ учениковъ, что въ этотъ именно день Богъ возьметъ его къ Себѣ, въ горнія селенія. Такъ и случилось. Передъ кончиной же онъ назначилъ игуменомъ своей обители старца Никона, а самъ удалился въ келью, чтобы въ безмолвіи приготовиться предать чистую душу свою въ руцѣ Господни.

Со слезами похоронила братія незабвеннаго наставника вблизи церкви Св. Троицы, имъ самимъ сооруженной.

Спустя тридцать лѣтъ, 5-го іюля 1422 г., обрѣтены были нетлѣнныя мощи св. Сергія; надъ ними тогда же заложенъ новый храмъ изъ бѣлаго камня.

Православная церковь причислила препод. Сергія къ лику святыхъ и установила праздновать въ этотъ день обрѣтеніе честныхъ мощей угодника.

(А. Майковъ).

12. Троице-Сергіевская лавра и ея окрестности.

I. Въ шестидесяти верстахъ отъ Москвы находится знаменитая Троице-Сергіевская лавра, которую ежегодно посѣщаютъ десятки и сотни тысячъ богомольцевъ со всѣхъ сторонъ Россіи. Въ Троице-Сергіевскую лавру идетъ и богатый и бѣдный, и здоровый и убогій. Святая обитель принимаетъ всѣхъ съ одинаковымъ радушіемъ. Особенно же большое стеченіе богомольцевъ въ обители бываетъ 5-го іюля—въ день обрѣтенія св. мощей преподобнаго Сергія.

Видъ Троицко-Сергіевской лавры.

Троице-Сергіевская лавра расположена на невысокомъ холмѣ. Это тотъ самый холмъ, на вершинѣ котораго стояла когда-то среди густой чащи лѣса убогая келья св. Сергія. По скатамъ холма зеленѣютъ монастырскіе сады, внизу струится небольшая рѣчка, а надъ садами вьется высокая монастырская стѣна. За стѣною виднѣются золотые куполы, главы и кресты лаврскихъ храмовъ, а между ними возвышается громадная колокольня, золоченый верхъ которой далеко блеститъ при яркихъ лучахъ солнца.

II. Главное сокровище обители составляетъ древній соборъ Пресвятыя Троицы. Соборъ этотъ построенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла маленькая деревянная церковь св. Троицы, срубленная самимъ препод. Сергіемъ. Въ этомъ соборѣ почіютъ нетлѣнныя мощи основателя обители. При входѣ въ храмъ прежде всего бросается въ глаза высокій иконостасъ, который весь обложенъ вызолоченнымъ серебромъ. По правую сторону царскихъ вратъ неугасаемая лампада озаряетъ

драгоцѣнный золотой окладъ древней иконы. Это чудотворный образъ Живоначальныя Троицы, украшенный усердіемъ царя Бориса Годунова. По лѣвую сторону царскихъ вратъ сверкаетъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями другой образъ Живоначальныя Троицы, украшенный царемъ Іоанномъ IV Васильевичемъ. Надъ южными вратами находится складень, на которомъ изображено видѣніе преподобному Сергію Царицы Небесной. Этотъ складной образъ, устроенный изъ гробовой доски преподобнаго Сергія, не разъ сопутствовалъ русскимъ воинамъ; онъ былъ и съ московскимъ ополченіемъ въ 1812-мъ году, и съ храбрыми защитниками многострадальнаго Севастополя. Подъ серебряною сѣнью (подъ навѣсомъ на столбахъ) возвышается драгоцѣнная рака, въ которой почіютъ нетлѣнныя мощи препод. Сергія. Возлѣ раки въ особомъ шкапѣ хранится убогая утварь и облаченіе св. Сергія: крашенинная риза, такія же поручи и епитрахиль, деревянный посохъ, келейная икона Николая Чудотворца, ножъ и ложка.

Въ югозападномъ притворѣ Троицкаго собора находятся гробницы многихъ угодниковъ Божіихъ и между ними гробница знаменитаго архимандрита Діонисія, который своими грамотами поднялъ русскій народъ на освобожденіе Москвы отъ поляковъ въ смутное время.

III. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Троицкаго собора находится церковь во имя сошествія Св. Духа, построенная иждивеніемъ царя Іоанна IV Васильевича. Въ южномъ придѣлѣ этого храма, во имя Филарета милостиваго, почіютъ два знаменитыхъ русскихъ архипастыря, московскіе митрополиты: Филаретъ и Иннокентій. Пастырскіе жезлы стоятъ у ихъ скромныхъ гробницъ; иконы, поднесенныя имъ въ разное время, украшаютъ стѣны придѣла. Тутъ же, въ двухъ шкафахъ, хранятся архіерейскія облаченія почившихъ.

IV. Самый большой изъ храмовъ лавры—соборъ во имя Успенія Пресвятой Богородицы. Онъ построенъ при царѣ Іоаннѣ IV Васильевичѣ и отличается своимъ величественнымъ видомъ.

V. *Ризница.* Двухъэтажное зданіе, длиной въ 24 саж., построено въ 1788 году на западной сторонѣ Троицкаго собора, съ которымъ оно соединяется крытой папертью. Въ нижнемъ этажѣ живутъ ризничій и пономари собора, а въ верхнемъ, въ четырехъ палатахъ, хранится драгоцѣнная ризница Сергіевой Лавры, драгоцѣнная не только по своему богатству, но и по древности и святости хранимыхъ въ ней предметовъ. Между ними первое мѣсто занимаетъ такъ называемая *ризница преподобныхъ Сергія и Никона*, вмѣщающая въ себѣ: 1) *крестъ*, присланный преп. Сергію патріархомъ Константинопольскимъ Филоѳеемъ, обложенный золотомъ и украшенный драгоцѣнными камнями съ подписью на задней сторонѣ; 2) *евангеліе* преп. Никона малое, писанное на пергаментѣ; 3) *св. сосуды* изъ дерева, покрытые красной краской, въ которыхъ преп. Сергій священнодѣйствовалъ; 4) *сосуды* изъ дерева преп. Никона; 5) *священная риза* преп. Сергія изъ темной бумажной ткани съ крестикомъ подъ оплечьемъ и звѣздицей на

подолѣ изъ крашенины; 6) *Священническая риза* преп. Никона изъ бѣлой камки съ оплечьемъ и крестомъ парчевыми; 7) *кадило* преп. Никона серебряное позолоченное, четырехугольное въ видѣ церкви; 8) *сандаліи* кожаныя 30 лѣтъ бывшія на ногахъ преп. Сергія во гробѣ.

Особеннымъ великолѣпіемъ отличаются священно-служебныя сосуды; нѣкоторые изъ нихъ золотые съ алмазами и брилліантами. Сосуды, пожалованные императрицей Екатериной II-й, золотые, украшенные *антиками* *), обрамленными алмазами, а потиръ, принесенный въ даръ обители преп. Сергія за его предстательство въ 1856 году императрицей Александрой Ѳеодоровной, украшенъ драгоцѣнными камнями и отличается изящностью своей отдѣлки.

Воздухи и покровы на священные сосуды, одежды на престолъ и жертвенникъ, плащаницы и покровы на мощи преп. Сергія, шитые шелкомъ, серебромъ, золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями по камкѣ, бархату, глазету и парчѣ свидѣтельствуютъ о разновременности этихъ вкладовъ, большею частью принесенныхъ въ даръ обители великими князьями и княгинями, царями и царицами.

Изъ ризъ святительскихъ замѣчательны: 1) *парчевая серебряная* по малиновой землѣ, украшенная жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями изъ убора императрицы Анны Іоанновны, въ которомъ она вступала въ Москву для священнаго коронованія; епитрахиль, набедренникъ и палица, вышиты собственными руками императрицы, какъ видно изъ надписи, сдѣланной 24 декабря 1736 года; 2) *пунцовая бархатная* съ жемчугомъ и крестомъ изъ драгоцѣнныхъ камней на оплечьи; подъ крестомъ вынизано жемчугомъ вензелевое имя Екатерины II, которой она была устроена въ 1770 году. *Митръ* достойныхъ особеннаго вниманія три: 1) *самая древняя*—вкладъ царя Бориса Ѳеодоровича Годунова, изъ бархата съ изображеніемъ различныхъ святыхъ на золотѣ; *низанная жемчугомъ* по вызолоченному серебру съ драгоцѣнными камнями, изъ коихъ одинъ рубинъ оцѣненъ въ двадцать тысячъ рублей, пожалована императрицей Анной Іоанновной и 3) *золотая глазетовая* съ жемчугомъ и каменьями—даръ императрицы Елизаветы Петровны. *Панагій* весьма богатыхъ нѣсколько. Одна изъ агата, въ которомъ самой природой очень ясно изображено Распятіе и передъ нимъ молящійся монахъ; она осыпана брилліантами и жемчугомъ и устроена митрополитомъ Платономъ.

Между образами, наполняющими собой всѣ комнаты ризницы, нужно замѣтить:

Образъ преп. Сергія со всѣми святыми Троице-Сергіевой Лавры; изображенія святыхъ расположены въ три ряда.

Кромѣ того въ ризницѣ хранятся слѣдующіе предметы:

1) *золотое кадило*, украшенное драгоцѣнными камнями, даръ царя Михаила Ѳеодоровича;

---

*) Выпуклое или рѣзное изображеніе на самородномъ или драгоцѣнномъ камнѣ.

2) *паникадило, серебряное, обложенное золотомъ*, къ ракѣ пр. Сергія, данное царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ въ 1568 году;

3) *блюдо золотое*, пожертвованное имъ же;

4) *трость съ набалдашникомъ*, осыпаннымъ бриллiантами и изумрудами, пожалованная Императоромъ Павломъ Петровичемъ Митрополиту Платону;

5) *солоница* съ изображеніемъ Россійскихъ гербовъ, пожалованная ему же Императрицей Екатериной II;

6) *собственноручное письмо* Императора Павла I къ Митрополиту Платону о рожденіи Великаго Князя Николая Павловича;

7) *золотой посохъ*, украшенный бриллiантами, яхонтами и изумрудами, пожалованный Императоромъ Александромъ II Митрополиту Филарету въ день Священнаго Коронованія 26 Авг. 1856 г. и *три настольные портрета* Императоровъ Александра I, Николая I, и Александра II, соединенные вмѣстѣ и осыпанные бриллiантами, Высочайше пожалованы Митрополиту Филарету 5 Августа 1867 года въ день 50 лѣтняго его юбилея, въ память незабвеннаго его служенія церкви и отечеству въ царствованіе сихъ государей.

VI. Въ двухъ верстахъ отъ лавры находится Геѳсиманскій скитъ. Онъ устроенъ тщаніемъ митрополита московскаго Филарета въ 1844 г. и назначенъ для иноковъ, желающихъ пребывать въ безмолвіи и удаленіи отъ міра. Въ скитѣ находится шесть церквей, изъ которыхъ одна устроена въ пещерахъ. Главную святыню скита составляетъ чудотворный образъ Черниговской Богоматери, находящійся въ пещерномъ храмѣ Архангела Михаила. Святый образъ этотъ прославился многими чудотвореніями, и привлекаетъ постоянно множество богомольцевъ, особенно больныхъ.

VII. Въ трехъ верстахъ отъ лавры лежитъ Спасо-Виѳанскій монастырь, основанный митрополитомъ Платономъ. Въ стѣнахъ этого монастыря находятся двѣ церкви, архіерейскій домъ и кельи братій, а внѣ стѣнъ—зданія духовной семинаріи. Соборный храмъ обители отличается особымъ устройствомъ. Онъ двухъэтажный, и внутри его сооружена искусственная гора, въ подобіи горѣ Ѳавору; она украшена мхомъ и цвѣтами. Вьющаяся по склонамъ горы лѣстница ведетъ къ вершинѣ, гдѣ возвышается алтарь въ честь Преображенія Господня. Внутри горы, въ пещерѣ, устроенъ придѣлъ въ честь воскрешенія Лазаря. Въ другой пещерѣ хранится дубовый гробъ преп. Сергія. Тутъ же находится гробница митрополита Платона.

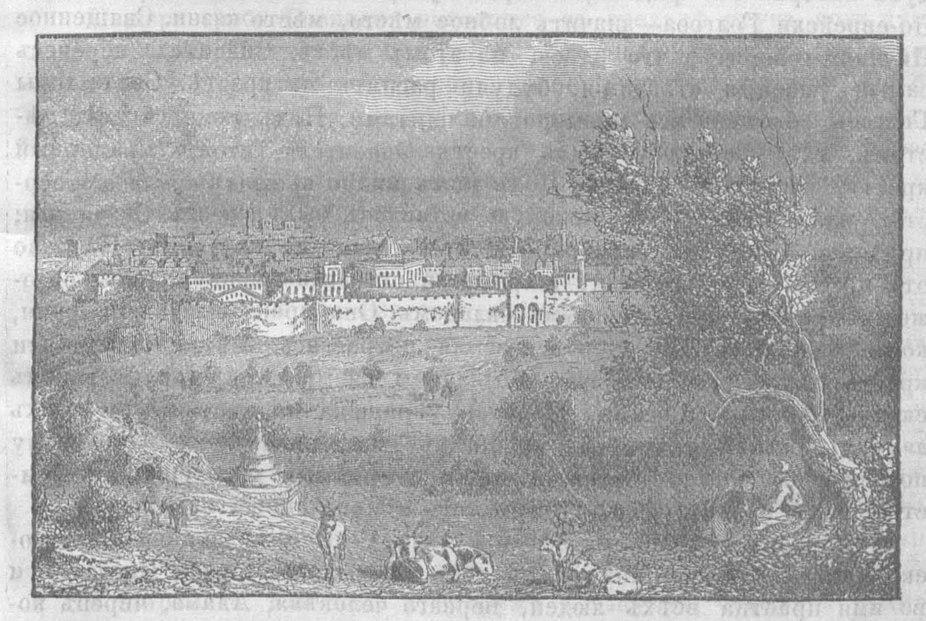
VIII. Въ 12 верстахъ отъ лавры, на пути въ Москву, стоитъ на небольшой рѣчкѣ Хотьковъ женскій монастырь, основанный ранѣе Троицкой обители. Въ Хотьковомъ монастырѣ погребены родители св. Сергія; здѣсь же былъ постриженъ и старшій братъ преп. Сергія Стефанъ, съ которымъ началъ свои подвиги преподобный Сергій. Соборный храмъ обители въ честь Покрова Пресвятой Богородицы построенъ въ началѣ настоящаго столѣтія; главную святыню этого храма

составляетъ Толгская икона Божiей Матери. Богомольцы, направляясь въ Троице-Сергiевскую лавру, считаютъ непремѣннымъ долгомъ зайти въ Хотьковъ монастырь, чтобы поклониться тамъ родителямъ преподобнаго Сергiя и тамошнимъ святынямъ.

(По статьѣ «Русск. Паломника» и брошюрѣ кн. Горчаковой: «Свято-Троицкая Сергiева Лавра»).

13. Iерусалимъ.

I. Св. городъ Iерусалимъ, когда-то многолюдный и кипучiй, теперь унылый, безмолвный и совсѣмъ мертвый городъ. Теперь онъ принадлежитъ туркамъ, народу нехристiанскому. Мѣстность кругомъ него обожженная, пустынная, печальная, зелени не видно. Ни за городомъ, ни въ городѣ не замѣтно движенiя народа, не слышно того шума, какой обыкновенно бываетъ въ городахъ. Iерусалимъ стоитъ на четырехъ высокихъ холмахъ и обнесенъ кругомъ старою зубчатою стѣною со множествомъ башенъ. Въ стѣнѣ сдѣлано четверо воротъ, и при закатѣ солнца всѣ они запираются; кто же не успѣлъ попасть въ городъ, тотъ ночуй подъ открытымъ небомъ. Отпираются они при восходѣ солнца, а въ турецкiй праздникъ—послѣ полудня, потому что турки уходятъ тогда въ свои мечети на молитву. Здѣсь на одной недѣлѣ приходится три праздника: у турокъ—пятница, у евреевъ—суббота, а у христiанъ—воскресенье.

Видъ Iерусалима съ Масличной горы.

Жителей въ Iерусалимѣ тысячъ двадцать. Есть тутъ турки, евреи, арабы, греки, армяне,—кто живетъ постоянно, а кто бываетъ только временно, наѣздомъ.

Дома въ Іерусалимѣ такіе же, какъ и вездѣ въ той сторонѣ—каменные, съ плоскими или круглыми крышами. Улицы узкія, кривыя, неопрятныя; ночью онѣ вовсе не освѣщаются,—кто ночью выходитъ изъ дому, тотъ беретъ свой фонарь.

II. Русскіе богомольцы останавливаются или въ городѣ по греческимъ монастырямъ, или за городомъ въ русскихъ подворьяхъ, которыя выстроены не такъ давно, по повелѣнію нашего государя императора. Здѣсь платы никакой не берутъ, а въ городѣ приходится платить за помѣщеніе. Прибывши въ св. городъ, наши богомольцы почитаютъ первымъ долгомъ посѣтить храмъ Воскресенія Христова и поклониться самой главной въ немъ святынѣ. Для этого они обыкновенно собираются передъ вечернями, когда турки отпираютъ для нихъ двери. Обошедши святыя мѣста съ провожатыми изъ тамошнихъ православныхъ монаховъ, многіе изъ богомольцевъ остаются въ храмѣ на ночь. Кто хочетъ помолиться поусерднѣе и отстоять заутреню и обѣдню при гробѣ Господнемъ, тому надобно переночевать въ самомъ храмѣ, потому что православныя службы совершаются ночью. Желающимъ отдохнуть отводятъ мѣста на хорахъ.

III. Этотъ храмъ имѣетъ только одинъ входъ съ полуденной стороны—большой, украшенный сверху разными мраморными изображеніями. Тотчасъ же направо отъ входа двѣ мраморныя лѣстницы ведутъ наверхъ въ придѣлъ, который устроенъ надъ самой Голгоѳой. По-еврейски Голгоѳа—значитъ лобное мѣсто, мѣсто казни. Священное Писаніе говоритъ, что здѣсь, на этомъ мѣстѣ, Спаситель перенесъ самыя ужасныя страданія, будучи распятъ на крестѣ. Скала горы Голгоѳы обложена вся мраморными плитами. Надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ поставленъ былъ крестъ Спасителя, стоитъ мраморный крестъ, открытый спереди. Подъ нимъ видно въ скалѣ круглое отверстіе, или пробоина, въ которую вставленъ былъ крестъ Спасителя; пробоина обложена серебрянымъ позолоченнымъ окладомъ. Направо отъ креста видна въ скалѣ широкая и глубокая трещина, также обложенная сверху вызолоченнымъ окладомъ. Она произошла въ то время, когда Спаситель умеръ, и вся земля потряслась. Мѣста, гдѣ стояли кресты двухъ разбойниковъ, обозначены на мраморѣ, покрывающемъ скалу, черными кругами. Церковь украшена множествомъ дорогихъ лампадъ разной величины, висящихъ надъ престоломъ и по всему потолку; онѣ пожертвованы разными усердными христіанами и христіанскими царями. Между ними есть и присланныя изъ Россіи.

IV. Подъ крыльцами, ведущими на Голгоѳу, у подножія голгоѳской скалы сдѣланъ нижній предѣлъ во имя св. Іоанна Предтечи и во имя праотца всѣхъ людей, перваго человѣка, Адама, черепъ котораго, говорятъ, похороненъ здѣсь. За престоломъ этого придѣла сквозь желѣзную рѣшетку можно видѣть самую скалу Голгоѳу и ея трещину, которая идетъ внизъ сажени на четыре.

Если же не подыматься по лѣстницамъ, а итти отъ церковныхъ две-

рей прямо, то на пути встрѣтится камень. На этомъ камнѣ положено было тѣло Спасителя, когда сняли Его со креста и помазывали, по еврейскому обычаю, душистыми мазями; онъ такъ и зовется «Камнемъ Помазанія». Этотъ камень покрытъ сверху мраморною плитою, и это потому, что прежде богомольцы портили его, откалывая потихоньку частички, чтобы унести ихъ съ собою. Впереди камня, на стѣнѣ большая картина изображаетъ снятіе со креста тѣла Спасителя.

Если итти отъ «Камня Помазанія» налѣво, то невдалекѣ отъ него показываютъ богомольцамъ то мѣсто, на которомъ стояла Матерь Божія, когда снимали со креста и помазывали на камнѣ тѣло Ея Сына, Іисуса Христа. Съ этого мѣста Она съ глубокою скорбію смотрѣла на Него.

V. Задняя стѣна храма, что на закатъ солнца, выведена вся полукругомъ. На нѣсколько шаговъ отъ нея, внутри церкви, сдѣлано въ родѣ круга изъ 18 каменныхъ столбовъ, связанныхъ между собой сводами. На этихъ столбахъ и сводахъ выведенъ огромный куполъ съ отверстіемъ на самомъ верху. Между полукруглой задней стѣной и столбами устроены въ два яруса хоры, или полати. Этотъ кругъ— самое красивое мѣсто въ храмѣ, но, что всего важнѣе, здѣсь находится гробъ Господень, или та пещера, въ которой погребено было пречистое тѣло Спасителя.

Пещера гроба Господня находится въ срединѣ круга, подъ куполомъ церкви. Надъ нею построена небольшая мраморная часовня, очень красивая, словно балдахинъ, съ полукруглою крышею. По бокамъ часовня украшена четырьмя рѣзными столбиками, точно витыми, и большими подсвѣчниками. Надъ дверью поставленъ образъ Воскресенія Христова. Поверхъ крыши, надъ часовнею, протянуто полотно; это сдѣлано для того, чтобъ уберечь святое мѣсто отъ дождя. Дверь въ часовню узкая и невысокая.

Внутри часовня имѣетъ двѣ части: первая часть отъ входа—сдѣлана, какъ пещера, и называется придѣломъ ангела. Здѣсь ангелъ Господень, отваливши камень отъ гроба Христова, сидѣлъ на немъ. Обломокъ отъ этого камня вдѣланъ въ мраморную подставку и служитъ престоломъ для служенія обѣденъ. Надъ нимъ, по потолку пещеры, висятъ ряды дорогихъ лампадъ.

VI. Изъ придѣла ангела узкій малый входъ, безъ дверей, ведетъ въ другую часть—въ ту самую пещеру, въ которой положено было тѣло Спасителя. Пройти въ нее надобно согнувшись. Пещера вырублена вся изъ скалы и очень невелика, аршинъ около трехъ длиною и два шириною. Вся она: и снаружи и изнутри, обложена мраморными плитами; на потолкѣ пробуравлено отверстіе для прохода воздуха. Половина пещеры, во всю ея длину, занята каменнымъ выступомъ, вырубленнымъ, словно лавка, изъ той же скалы, въ которой вырублена вся пещера. Этотъ-то выступъ и есть тотъ гробъ или ка-

мень, на которомъ лежало пречистое тѣло Іисуса Христа до Его воскресенія; онъ приходится на правой сторонѣ отъ входа въ пещеру. Ноги лежавшаго на немъ Спасителя приходились къ выходу изъ пещеры, стало-быть на восходъ солнечный,—такъ и у насъ, православныхъ, кладутъ въ могилу покойниковъ. Гробъ Спасителя выложенъ спереди мраморомъ и поверхъ его положена мраморная плита. Сверху на стѣнѣ сдѣланъ рѣзной изъ мрамора образъ Воскресенія Христова.

По своду пещеры виситъ множество дорогихъ лампадъ, которыя теплятся день и ночь надъ гробомъ Спасителя. Онѣ принесены въ даръ отъ разныхъ христіанскихъ царей, народовъ и благотворителей св. гробу Господню. Свѣжіе цвѣты, въ фарфоровыхъ кувшинахъ, поставленные у гроба Господня, и дорогіе духи, которыми прыскаютъ на камень гроба, наполняютъ всю пещеру благоуханіемъ.

Нельзя описать, съ какою любовію, съ какимъ усердіемъ, съ какою радостію поклоняются этой неоцѣненной святынѣ набожные богомольцы, притекающіе сюда со всѣхъ странъ свѣта. Не словами, а слезами изливаютъ они здѣсь душу свою предъ Спасителемъ міра, и эти слезы, конечно, пріятнѣе нашему Спасителю, чѣмъ всѣ драгоцѣнные дары.

На самомъ гробѣ Господнемъ каждый день бываетъ православная греческая обѣдня, и послѣ нея двѣ обѣдни служатся неправославными. Православная обѣдня начинается ночью, во второмъ часу; заутреня же и поздняя обѣдня отправляются въ особомъ придѣлѣ—главномъ. Собственно для русскихъ богомольцевъ служатъ иногда и на нашемъ языкѣ.

VII. Прямо противъ часовни гроба Господня, къ восходу солнечному, въ самой срединѣ храма, устроенъ главный придѣлъ во имя Воскресенія Христова. Онъ принадлежитъ грекамъ и зовется соборною церковью. Придѣлъ этотъ очень обширный и занимаетъ большую и главную часть всего храма, съ большимъ куполомъ на четырехъ столбахъ. Съ боковъ онъ отдѣленъ отъ всего храма перегородками, на которыхъ поставлены рядами св. иконы, а поверхъ ихъ и позади главнаго иконостаса въ алтарѣ сдѣланы хоры. Церковь украшена очень хорошо. Образа по большей части присланы изъ Россіи; большія паникадила пожертвованы нашими православными царями. Главная святыня въ этомъ придѣлѣ—довольно большая часть животворящаго древа или креста, на которомъ былъ распятъ Спаситель. Послѣ обѣдни ее выносятъ изъ алтаря, и богомольцы прикладываются къ ней.

Въ стѣнѣ, что на восходъ солнца, есть спускъ въ подземелье, по лѣстницѣ ступеней въ 30 слишкомъ. Въ этомъ подземельѣ находится большая церковь, во имя святой царицы Елены, съ придѣломъ во имя покаявшагося на крестѣ разбойника. Она принадлежитъ неправославнымъ. Церковь вся подъ землею; только ея круглая крыша выходитъ наружу. На томъ мѣстѣ, гдѣ она построена, сидѣла св.

царица Елена, когда по ея повелѣнію откапывали изъ земли крестъ Господень. Здѣсь же хранится и каменный стулъ, на которомъ сидѣла св. Елена. Изъ этой церкви, въ углу ея, есть спускъ въ другое малое подземелье, еще глубже—ступеней на 13; здѣсь и былъ найденъ св. крестъ Господень.

(Извлеч. изъ „Чтеній о св. землѣ“ свящ. Пѣвницкаго).

14. Христосъ грѣшную душу къ себѣ призываетъ.

Почто [1]) ты, человѣче, Меня оставилъ?
Почто тебе возлюбившаго отвратился?
Почто паки [2]) присталъ къ врагу Моему?
Помяни, яко [3]) тебе ради [4]) съ небесе снидохъ.
Помяни, яко тебе ради плоть быхъ.
Помяни, яко тебе ради отъ Дѣвы родихся.
Помяни, яко тебе ради младенствовахъ.
Помяни, яко тебе ради смирихся.
Помяни, яко тебе ради обницахъ.
Помяни, яко тебе ради на землѣ пожихъ.
Помяни, яко тебѣ ради гоненіе претерпѣхъ.
Помяни, яко тебе ради злословіе, поношеніе, руганіе, безчестіе, раны, заплеваніе, заушеніе, насмѣяніе, укоризненныя страсти пріяхъ.
Помяни, яко тебе ради съ беззаконными вмѣнихся.
Помяни, яко тебе ради поносною смертію умеръ.
Помяни, яко тебе ради погребенъ быхъ.
Съ небесе снидохъ, чтобы тебе на небо возвести.
Смирихся, чтобы тебе вознести.
Обницахъ, чтобы тебе прославить.
Уязвихся, чтобы тебе исцѣлить.
Умеръ, чтобы тебе оживить.
Ты согрѣшилъ, а Я грѣхъ твой на Себя взялъ.
Ты виноватъ, а Я казнь пріялъ.
Ты должникъ, а Я долгъ заплатилъ.
Ты на смерть осужденъ, а Я за тебя умеръ.
Но къ сему любовь Моя, милосердіе Мое привлекло Мене. Не моглъ Я терпѣть, чтобы ты въ такомъ страдалъ злополучіи. Сію-ли ты Мою любовь пренебрегаешь?
Вмѣсто любви ненависть воздаешь.
Вмѣсто Мене грѣхъ любишь.
Вмѣсто Мене страстемъ работаешь.
Но что ты сыскалъ во Мнѣ отвращенія достойное? Чего ради не хощешь ко Мнѣ пріити?
Добра-ли себѣ хочешь? Всякое добро у Мене.
Блаженства-ли хочешь? Всякое блаженство у Мене.
Красоты-ли хочешь? Что краснѣйшее паче Мене?

---

1) Почто—для чего, зачѣмъ, почему?
2) Паки—опять, снова.
3) Яко—что.
4) Тебе ради—ради тебя, для тебя.

Благородства-ли хочешь? Что благороднѣе Божія Сына?
Высоты-ли хочешь? Что выше Царя небесъ?
Славы-ли хочешь? Кто славнѣе паче Мене?
Богатства-ли хочешь? У Меня всякое богатство.
Премудрости-ли хочешь? Я—премудрость Божія.
Дружества-ли хочешь? Кто любезнѣе и любительнѣе паче Мене, Иже душу за всѣхъ положилъ?
Помощи-ли ищешь? Кто поможетъ кромѣ Мене?
Врача-ли ищешь? Кто исцѣлитъ и увеселитъ кромѣ Мене?
Утѣшенія-ли въ печали ищешь? Кто утѣшитъ кромѣ Мене?
Покоя-ли ищешь? У Меня обрящеши покой твой.
Мира-ли ищешь? Азъ есмь миръ душевный.
Живота-ли ищешь? У Меня источникъ живота.
Свѣта-ли ищешь? Азъ есмь свѣтъ міру.
Истины-ли ищешь? Азъ есмь истина.
Пути-ли ищешь? Азъ есмь путь.
Вождя-ли къ небеси ищешь? Азъ есмь вождь вѣчный.
Что убо, чего ради не хочешь прійти ко Мнѣ?
Приступить-ли не смѣешь? Къ кому удобнѣйшій приступъ?
Просить-ли опасаешься? Кому Я, просящему съ вѣрою, отказалъ?
Грѣхи-ли не допускаютъ тя? Я за грѣшниковъ умеръ.
Смущаетъ тя множество-ли грѣховъ? Болѣе у Меня милосердія.

Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененіи, и Азъ упокою вы (Матѳ. гл. 11, ст. 28). *(Изъ тв. св. Тихона Задонскаго).*

15. Не божись понапрасну.

«Слуга не смѣетъ назвать господина своего по имени безъ нужды и какъ случилось, а мы имя Господа ангеловъ произносимъ съ такою небрежностію»! говоритъ св. Златоустъ. «Христосъ такъ щадитъ насъ, что запрещаетъ намъ клясться даже собственною головою, а мы до того не щадимъ славы Господа, что всюду влечемъ Его! Ты—червь, земля, пепелъ и дымъ, влечешь къ поручительству Владыку своего и принуждаешь Его быть поручителемъ! Какая дерзость! Какого же достоинъ ты наказанія? Но ты говоришь: я привыкъ божиться, языкъ самъ повторяетъ слова клятвенныя... На это я тебѣ вотъ что скажу: одинъ ученый имѣлъ глупую привычку, идучи, безпрестанно подергивать правымъ плечемъ; ему замѣтили это, и онъ сталъ класть на оба плеча острые ножи, и страхомъ раны отучилъ членъ отъ неумѣстнаго движенія. Сдѣлай тоже и ты съ языкомъ; вмѣсто ножа наложи на него страхъ наказанія Божія, проси другихъ, чтобы слѣдили за твоими рѣчами и вразумляли тебя, и Богъ дастъ—ты бросишь худую привычку свою; и будешь бояться клятвы, какъ боишься ты яда». (Златоустъ).

16. Почему не всѣ равно богаты?

Блаженный Ѳеодоритъ, рѣшая этотъ вопросъ, приходитъ къ слѣдующимъ размышленіямъ: «При равномъ раздѣлѣ золота, если бы

всѣ были одинаково богаты имъ,—какъ же бы люди доставили себѣ необходимыя вещи? И кто согласился бы служить другому, имѣя одинаковый съ нимъ достатокъ? Если бы не заставляла бѣдность,—кто захотѣлъ бы сидѣть у печи и готовить снѣди? Кто сталъ бы изготовлять хлѣбъ, и на мельницѣ молоть пшеницу? Кто повелъ бы рабочихъ быковъ подъ ярмо, и сталъ бы пахать землю? Кто занялся бы каменодѣланіемъ, чтобы приготовить камни на постройки, и, искусно складывая ихъ, строить дома, если бы не заставляла нужда и не побуждала къ дѣятельности? Кто бы взялся за корабельное мастерство? Принялъ ли бы кто на себя должность кормчаго или трудъ корабельнаго работника? Кто бы сталъ работать въ ткацкой или швейной? Захотѣлъ ли бы кто быть горшечникомъ или мѣдникомъ? При равномъ у всѣхъ количествѣ денегъ, одинъ не сталъ бы служить другому, а было бы необходимо одно изъ двухъ: или каждый долженъ бы былъ тщательно изучать всѣ нужныя искусства, или всѣ оставались бы при одинаковомъ недостаткѣ необходимыхъ вещей. Нѣтъ нужды доказывать, что одному человѣку невозможно изучить всѣ искусства... Остается, слѣдовательно, то, что *равное у всѣхъ обиліе денегъ для всѣхъ было бы гибельно*, и стало бы съ ними, что бываетъ съ людьми, которые отъ пресыщенія теряютъ удовольствія вкуса. Но перестанемъ доказывать; и здѣсь мы видимъ попечительность Божію, по которой такъ называемое неравенство есть причина житейскихъ удобствъ и основаніе благоустроеннаго общежитія.

17. О литургіи въ древности. (Письмо).

I. Я увѣренъ, что тебѣ часто казался непонятнымъ или произвольнымъ ходъ торжественныхъ обрядовъ литургіи, которая, какъ нѣкое духовное зрѣлище, совершается на возвышенномъ мѣстѣ предъ лицемъ христіанъ; въ особенности на тебя должна была производить подобное впечатлѣніе обѣдня, совершаемая безъ полнаго благолѣпія въ селахъ, гдѣ внѣшній взоръ и слухъ менѣе могутъ имѣть удовлетворенія, при недостаткѣ разумнаго вниманія къ молитвамъ. Но сіе неблагопріятное чувство можетъ случиться и во время великолѣпнѣйшаго служенія архіерейскаго, если ты въ мысляхъ своихъ разорвешь цѣпь, соединяющую нынѣшнюю обѣдню, съ первоначальнымъ ея установленіемъ отъ самого Спасителя—цѣпь постепеннаго образованія ея подробностей, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, по вдохновенію св. апостоловъ и св. отцевъ. Они-то узаконили неизмѣнными обрядами, словомъ и дѣйствіемъ, свободное въ началѣ, представленіе и какъ бы повтореніе *Тайной Вечери* Христа, и таинственно изобразили всю Его жизнь теченіемъ одной Божественной литургіи. Въ первыя времена христіанства всѣ вѣрные, составлявшіе изъ себя церковь, собирались въ особую храмину, опредѣленную для общихъ молитвъ и тайнодѣйствія, и приносили съ собою, смотря по своему достатку,

хлѣбъ и вино, для совершенія таинства тѣла и крови Христовыхъ и для общей *трапезы любви*, въ которой бѣдные довольствовались обильными приношеніями богатыхъ. Епископъ, или пресвитеръ, иногда самъ, а иногда чрезъ діаконовъ, то-есть служителей церкви, принималъ сіи приношенія, *просфоры* (по-гречески), и онѣ полагаемы были въ особомъ мѣстѣ приготовленія, что нынѣ жертвенникъ, который бываетъ въ большихъ храмахъ отдѣленъ отъ алтаря. Тамъ пресвитеръ избиралъ и приготовлялъ одинъ хлѣбъ, собственно для таинства, а чтобы и прочіе приносители и приношенія равномѣрно были приняты и представлены Христу, въ молитвѣ и тайнодѣйствіи—изъ каждаго хлѣба частица полагаема была къ хлѣбу, избранному для таинства, въ память приносителя; самый же хлѣбъ оставался для трапезы любви. И теперь то же самое повторяетъ у жертвенника священникъ, приготовляя для священнодѣйствія хлѣбъ, называемый *агнцемъ*, именемъ, заимствованнымъ отъ Агнца пасхальнаго, и вынимая изъ прочихъ просфоръ части, въ честь и память Богоматери и всѣхъ святыхъ, и въ жертву за живыхъ и мертвыхъ, что составляетъ первую часть обѣдни—*проскомидію*, иначе приготовленіе.

II. Потомъ священнодѣйствующій, одинъ или съ помощію діакона, призывалъ вѣрныхъ къ молитвѣ и молился, во услышаніе всѣхъ, о благахъ временныхъ и вѣчныхъ; слѣдовало пѣніе псалмовъ, чтеніе книгъ пророческихъ и посланій апостольскихъ. Тогда діаконы приносили изъ хранилища святое Евангеліе на средину церкви, и изъ сего-то хожденія образовался нынѣшній малый входъ съ Евангеліемъ, знаменующій вмѣстѣ и открытіе проповѣди Христовой, когда Самъ Онъ явился послѣ приготовительной проповѣди послѣдняго предъ нимъ пророка, Іоанна Крестителя. Евангелію слѣдовали толкованіе слова Божія и молитвы о кающихся и тѣхъ, которые только были еще оглашены первоначальнымъ ученіемъ вѣры, но не просвѣщены крещеніемъ. Ихъ удаленіемъ оканчивалась и оканчивается нынѣ вторая часть обѣдни, называемая *литургіею оглашенныхъ*.

III. Третье отдѣленіе,—*литургія вѣрныхъ*, начиналась двумя краткими молитвами и третьею безмолвною. Такъ и теперь, кромѣ того, что третья, тайная, молитва священнодѣйствующаго, для предстоящихъ закрыта пѣніемъ такъ называемой *Херувимской* пѣсни. Въ сіе время священнослужителямъ нужно было итти за приготовленными дарами въ мѣсто ихъ приготовленія, чтобы принести оные *на св. трапезу*, гдѣ долженствовало совершиться тайнодѣйствіе, и вотъ основаніе другого великаго входа съ св. дарами, который ты теперь видишь въ православной церкви, съ великолѣпіемъ, подобающимъ святынѣ; ибо сіе таинственное перенесеніе воспоминаетъ также и вольное шествіе Спасителя на искупительное страданіе. Теперь престолъ Христа Царя становится вмѣстѣ крестнымъ Его жертвенникомъ и гробомъ живоноснымъ, возвышенность алтаря представляетъ Голгоѳу. Въ древнія времена сіе таинственное зрѣлище открыто

было для всѣхъ вѣрныхъ, потому что всѣ, или почти всѣ, приступали къ причащенію святыхъ таинъ. По времени оно закрыто преградою и завѣсою отъ тѣхъ, которые сами признали себя недостойными быть причастниками. Впрочемъ, и донынѣ, какъ въ первые вѣка, въ нѣкоторыхъ церквахъ палестинскихъ, престолъ остается открытымъ.

IV. По освященіи даровъ и пріобщеніи пресвитеровъ и народа, возносились общія благодаренія Богу за Его щедроты, и вѣрные совокуплялись на братолюбивую *трапезу*, въ части храма, которой она и оставила свое названіе. Впослѣдствіи, по вкравшимся злоупотребленіямъ, трапеза любви уничтожена, но память сей первобытной вечери, или общественнаго обѣда вѣрныхъ, сохранилась въ самомъ словѣ: *обѣдня*. Такъ совершалось сіе служеніе въ древности.

(Письма о Богослуженіи восточной каѳолической Церкви. А. Муравьева).

18. Надежда.

Мой духъ, довѣренность къ Творцу!
Мужайся, будь въ терпѣньи камень!
Не Онъ ли къ лучшему концу
Меня провелъ сквозь бранный пламень?
На полѣ смерти чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови мечъ врага
И градъ свинцовый отражала?
Кто, кто мнѣ силу далъ сносить
Труды, и гладъ, и непогоду,
И силу въ бѣдствѣ сохранить—
Души возвышенной свободу?
Кто велъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру стезею потаенной,
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Мой былъ вожатый неизмѣнный?
Онъ! Онъ! Его весь даръ благой!
Онъ есть источникъ чувствъ высокихъ,
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
Все даръ Его! и краше всѣхъ
Даровъ—надежда лучшей жизни!
Когда жъ узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны,
Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

(Батюшковъ).

19. Выборъ креста.

Усталый шелъ крутой горою путникъ,
Съ усиліемъ передвигая ноги;
По гладкимъ онъ скаламъ горы тащился
И наконецъ достигъ ея вершины.
Съ вершины той широкая открылась
Равнина, вся облитая лучами
На край небесъ склонившагося солнца;
Свершивъ свой путь, великое свѣтило
Послѣдними лучами озарило,
Прощаясь съ нимъ, полузаснувшій міръ,
И былъ покой повсюду несказанный.
Утѣшенный видѣніемъ такимъ,

Сталъ странникъ на колѣни, прочиталъ
Вечернюю молитву и потомъ
На благовонномъ лонѣ муравы
Простерся, и сошелъ ему на вѣжды [1])
Миротворящій сонъ, и сновидѣньемъ
Былъ духъ его изъ бренныя [2]) тѣлесной
Темницы извлеченъ. Предъ нимъ явилось
Господнимъ ликомъ пламенное солнце,
Господнею одеждой твердь небесъ,
Подножіемъ Господнихъ ногъ земля;
И къ Господу воскликнулъ онъ: „Отецъ!
Не отвратись во гнѣвѣ отъ меня,
Когда всю слабость грѣшныя [3]) души
Я исповѣдаю передъ Тобою.
Рожденъ, свой крестъ нести покорно долженъ;
Но тяжестью не всѣ кресты равны:
Мой слишкомъ мнѣ тяжелъ, не по моимъ
Онъ силамъ; облегчи его, иль онъ
Меня раздавитъ, и моя душа
Погибнетъ. Такъ въ безмолвіи онъ Бога
Всевышняго молилъ.
И вдругъ великій
Повѣялъ вѣтеръ, и его умчало
На высоту неодолимой силой;
И онъ себя во храминѣ увидѣлъ,
Гдѣ множество безчисленное было
Крестовъ; и онъ потомъ услышалъ голосъ:
„Предъ тобою всѣ кресты земные
Здѣсь собраны: какой ты самъ изъ нихъ
Захочешь взять, тотъ и возьми“.
И началъ кресты онъ разбирать, и тяжесть ихъ
Испытывать, и каждый класть на плечи,
Дабы узнать, какой нести удобнѣй:
Но выбрать было не легко: одинъ
Былъ слишкомъ для него великъ; другой
Тяжелъ; а тотъ, хотя и не виликъ
И не тяжелъ, но неудобенъ: рѣзалъ
Краями острыми ему онъ плечи;
Иной былъ слитъ изъ золота, зато
И не въ подъемъ, какъ золото. И, словомъ,
Ни одного креста не могъ онъ выбрать,
Хотя и всѣ пересмотрѣлъ. И снова
Ужъ начинать хотѣлъ онъ пересмотръ,
Какъ вдругъ увидѣлъ онъ простой, имъ прежде
Оставленный безъ замѣчанья крестъ;
Былъ не легокъ онъ, правда: былъ изъ твердой

[1]) Вѣжда—вѣки (по церковно-славянски).
[2]) „Бренныя“ „грѣшныя“, вм. „бренной, грѣшной“=церк.—славянск. окончаніе.

Сработанъ пальмы; ни за то, какъ будто
По мѣркѣ для него былъ одѣланъ: такъ
Ему пришелся по плечу онъ ловко.
И онъ воскликнулъ: «Господи, позволь мнѣ
Взять этотъ крестъ». И взялъ. Но что же? Онъ
Былъ самый тотъ, который онъ ужъ несъ. *(Жуковскій).*

20. Вечерняя пѣснь.

Солнце скрылось, дымятся долины;
Медленно сходятъ къ ночлегу стада:
Чуть шевелятся лѣсныя вершины,
Чуть шевелится вода.

* * *

Вѣтеръ приноситъ прохладу ночную.
Тихою славой горятъ небеса.
Братья, оставимъ работу дневную,
Въ пѣсни сольемъ голоса:

* * *

«Ночь на восходѣ съ вечерней звѣздою;
Тихо сіяетъ струей золотою
Западный край.
Господи! путь нашъ межъ камней и терній,
Путь нашъ во мракѣ: Ты свѣтъ невечерній—насъ осіяй!

* * *

Въ мглѣ полунощной, въ полуденномъ знoѣ,
Въ скорби и радости, въ сладкомъ покоѣ,
Въ тяжкой борьбѣ—
Всюду сіянье солнца Святого,
Божія мудрость и Сила, и Слово...
Слава Тебѣ!» *(А. С. Хомяковъ).*

21. Подражаніе псалму XIV.

Кому, о Господи, доступны
Твои Сіонскія высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты;
Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшивалъ, не продавалъ,
Пе ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ:
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ поклонялся,
Съ любовью плакалъ передъ Нимъ.

И святъ, о Боже, Твой избранникъ!
Мечемъ ли руку ополчитъ?
Велѣній Господа посланникъ,
Онъ исполина сокрушитъ!
Въ вѣнцѣ ли онъ? Его народы
Возлюбятъ правду; весь и градъ
Взыграютъ радостью свободы
И нивы златомъ закипятъ!
Возьметъ ли арфу? дивной силой
Духъ преисполнится его,
И, какъ орелъ ширококрылый,
Взлетитъ до неба Твоего!

(Н. Языковъ.)

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОЕ ЧТЕНІЕ.

1. ЖИТІЀ

стаго равноапльнаго вели́кагѡ кнѧ кі́евскагѡ

ВЛАДИМІРА,

нарече́ннагѡ во свѧто́мъ крещенїи васі́лїа, всеѧ̀ рѡссі́и самоде́ржца и҆ просвѣти́телѧ.

I. Вели́кїй влади́міръ, кнѧ́зь кі́евскїй, и всѣ́хъ рѡссі́йскихъ стра́нъ самоде́ржецъ, сы́нъ бѣ̀ [1]) свѧтосла́вовъ, вну́къ і҆го́рѧ и҆ свѧты́ѧ ѻ҆́льги, а҆ пра́внꙋкъ рꙋ́рика, ѿ варѧ́гъ на кнѧже́нїе рѡссі́йское прі́званнагѡ.

Є҆гда̀ преблгі́й бгъ, не хотѧ́й сме́рти грѣ́шникѡмъ, но ѡ҆браще́нїѧ и҆́мъ въ живо́тъ [2]) жела́ѧй, ѿ превели́кагѡ и҆ неизрече́ннагѡ милосе́рдїѧ своегѡ̀ благоизво́ли рѡссі́йскимъ страна́мъ, тмо́ю і҆дѡлобѣ́сїѧ помраче́ннымъ, не до конца̀ поги́бнꙋти, но свѣ́томъ свѧты́ѧ вѣ́ры просвѣще́ннымъ бы́ти, і҆ на пꙋ́ть спасе́нїѧ наста́витисѧ: и҆збра̀ и҆̀мъ на то̀ рꙋководи́телѧ, сего̀ вели́кагѡ кнѧ влади́міра, ꙗ҆́коже дре́вле ри́млѧнѡмъ и҆ гре́кѡмъ вели́каго царѧ̀ кѡнстанті́на, а҆ въ нача́лѣ всѣ́мъ ꙗ҆зы́кѡмъ свѧта́го а҆по́стола па́vла. Рекі́й [3]) бо [4]) и҆з̾ тмы̀ свѣ́тꙋ возсі́ѧти, возсі́ѧ въ се́рдцѣ владимі́ровомъ та́инственнагѡ свѣ́та зарю̀, и҆ возбꙋди въ не́мъ жела́нїе позна́нїѧ и҆́стины, и претвори̇̀ того̀ и҆з̾ нечести́вагѡ і҆дѡлопокло́нника въ благочести́ваго хрті́анина, и҆ и҆з̾ гони́телѧ (ꙗ҆́коже и҆ногда̀ са́vла) въ но́ваго рѡссі́анѡмъ а҆по́стола и҆ ѹ҆чи́телѧ, и҆́же толи́кїѧ рѡссі́йскїѧ наро́ды ѿ а҆́дскагѡ поглоще́нїѧ и҆ вѣ́чныѧ сме́рти и҆схи́тивъ, приведѐ на ѿрожде́нїе въ жи́знь вѣ́чнꙋю свѧты́мъ креще́нїемъ.

II. Просла́вившꙋсѧ влади́мірꙋ хра́бростїю [5]), самоде́ржствомъ и҆ вели́чествомъ ца́рства своегѡ̀, па́че [6]) и҆ны́хъ царе́й и҆ кнзе́й во все́й под-

---

[1]) Бѣ—былъ. [2]) Живо́тъ—жизнь. [3]) Рекі́й—сказавшій, повелѣвшій. [4]) Бо—ибо, потому что. [5]) Когда Владиміръ прославился храбростію. [6]) Па́че—болѣе, лучше.

со́лнечной, нача́ша приходи́ти къ немꙋ̀ разли́чніи наро́ды, хвалѧ́ще томꙋ̀ свою̀ вѣ́рꙋ. По си́хъ всѣ́хъ [1]), ѿ царе́й гре́ческихъ васі́ліа и҆ кѡнстанті́на, а҆ ѿ патріа́рха царегра́дскагѡ ні́колаа хрѷсове́рха, пріи́де ко влади́мі́рꙋ посо́лъ съ да́ры, мꙋ́жъ и҆зрѧ́денъ [2]), слове́сенъ и҆ бг҃одꙋхнове́ненъ, кѷрі́ллъ фі́лосо́фъ [3]). (Не то́йже сѐ кѷрі́ллъ фі́лосо́фъ, и҆̀же съ меѳо́діемъ бра́томъ свои́мъ пе́рвѣе въ коза́рѣхъ, та́же въ мора́віи хр҇та̀ проповѣ́да, и҆ кни́ги съ гре́ческагѡ ѧ҆зы́ка на славе́нскій преведѐ, но и҆́нъ тогѡ́же и҆́мене). Се́й фі́лосо́фъ кѷрі́ллъ (и҆лѝ кѷ́ръ) бесѣ́дова на мно́зѣ къ влади́мі́рꙋ ѡ҆ хрїстіа́нстѣй вѣ́рѣ, наче́нши ѿ созда́нїѧ мі́ра, по всѣ́мъ проро́чествїѧмъ да́же до воплоще́нїѧ хр҇то́ва, и҆ до подѧ́тагѡ во́лею страда́нїѧ и҆ кре́стныѧ сме́рти спасе́нїѧ ра́ди человѣ́ческагѡ, и҆ до тридне́внагѡ и҆з̾ ме́ртвыхъ воскресе́нїѧ и на небеса̀ вознесе́нїѧ, ꙗ҆̀коже ѡ҆ то́мъ преподо́бный не́стеръ пече́рскій пи́шетъ простра́ннѡ. По́слѣди же предложи́въ сло́во ѡ҆ второ́мъ прише́ствіи хр҇то́вомъ, ѡ҆ воскресе́ніи ме́ртвыхъ, ѡ҆ стра́шномъ сꙋ́дѣ, ѡ҆ безконе́чной мꙋ́цѣ, грѣ́шнымъ ѹ҆гото́ванной, и҆ ѡ҆ воздаѧ́ніи пра́веднымъ въ небе́сномъ ца́рствіи, дадѐ є҆мꙋ̀ ѿ посла́вшихъ є҆го̀ въ да́ръ запо́нꙋ [4]) вели́кꙋ златотка́ннꙋ, на не́йже хи́тростнымъ тка́нїемъ и҆зѡбраже́нъ бѧ́ше стра́шный сꙋ́дъ бж҃їй, и҆ раздѣле́нїе грѣ́шныхъ ѿ пра́ведныхъ: и҆ стоѧ́хꙋ пра́ведніи ѡ҆десню́ю [5]) сꙋді́и, на то́йже странѣ̀ десне́й и҆ ра́й и҆ ца́рство небе́сное и҆зѡбраже́но бѧ́ше: грѣ́шніи же стоѧ́хꙋ ѡ҆шꙋ́юю, [6]) на ко́ей странѣ̀ гее́нна ѻ҆́гненнаѧ, и҆ стра́шніи ви́ды де́мѡнскїѧ, и҆ разли́чныѧ во а҆́дѣ мꙋ́ки и҆зѡбраже́ны зрѧ́хꙋсѧ. На всѐ же то̀ влади́мі́ръ прилѣ́жнѡ смотрѧ̀, вопроша́ше фі́лосо́фа ѡ҆ коемжды́ ве́щи. Фі́лосо́фъ же всѧ̀ подро́бнꙋ сказꙋ́ѧ є҆мꙋ̀, глаго́ла: є҆гда̀ пріи́детъ хр҇то́съ бг҃ъ въ сла́вѣ свое́й съ небесѐ на зе́млю, сꙋди́ти живы́хъ и҆ ме́ртвыхъ, и҆ возда́ти комꙋ́ждо по дѣлѡ́мъ є҆гѡ̀: тогда̀ є҆ли́кихъ ѡ҆брѧ́щетъ пра́ведныхъ, поста́витъ и҆̀хъ ѡ҆десню́ю себѐ, и҆ по́слетъ и҆̀хъ въ ца́рствїе своѐ небе́сное на вѣ́чное весе́лїе. Є҆ли́кихъ же ѡ҆брѧ́щетъ грѣ́шныхъ, тѣ́хъ поста́витъ ѡ҆шꙋ́юю, и҆ по́слетъ и҆̀хъ въ гее́ннꙋ ѻ҆́гненнꙋю неѹгаси́мꙋю, въ безконе́чныѧ мꙋ́ки. Влади́міръ же то̀ слы́шавъ, воздохнꙋ̀, и҆ рече: бла́жени сі́и,

---

[1]) Т. е. послѣ прихода разныхъ народовъ, (магометавъ, евреевъ, римлянъ и др.), которые хвалили князю свою вѣру. [2]) И҆зрѧ́денъ — превосходный, отличный [3]) Фі́лосо́фъ-любомудръ, поучающійся мудрости и другихъ поучающій мудрости. [4]) Запо́на — завѣса, покровъ, на которомъ искусно было выткано изображеніе страшнаго суда. [5]) Ѡ҆десню́ю — по правую сторону. [6]) Ѡ҆шꙋ́юю — по лѣвую сторону.

ї҆́же ста́нꙋтъ ѡ҆деснꙋ́ю, го́ре же тѣ́мъ, ї҆́же бꙋ́дꙋтъ ѡ҆шꙋ́юю. И҆ речѐ є҆мꙋ̀ фїлосо́фъ: а҆́ще и҆ ты̀, царю̀, ѿ ѕлы́хъ дѣ́лъ преста́неши и҆ прїи́меши ст҃ое крещє́нїє, ѡ҆деснꙋ́ю стоѧ́ти сподо́бишисѧ: а҆́ще же въ нече́стїи пребꙋ́деши, то̀ и҆ твоѐ мѣ́сто ѡ҆шꙋ́юю бꙋ́детъ. Влади́міръ же вня̀ глаго́лемымъ ѿ фїлосо́фа, и҆ размышлѧ́ѧ, речѐ: пождꙋ̀ є҆щѐ ма́лѡ, до́ндеже и҆звѣ́стнѣе и҆спыта́ю ѡ҆ всѣ́хъ вѣ́рахъ, и҆ ѡ҆дари́въ фїлосо́фа и҆ и҆̀же съ ни́мъ, ѿпꙋстѝ и҆̀хъ съ че́стїю въ царьградъ.

III. Ѿше́дшꙋ же гре́ческомꙋ фїлосо́фꙋ, [1]) созва̀ влади́міръ всѣ́хъ свои́хъ болѧ́ръ и҆ старѣ́йшинъ, и҆ речѐ [2]) и҆̀мъ: сѐ [3]) приходи́ша ко мнѣ̀ ѿ разли́чныхъ наро́дѡвъ мꙋ́дрецы̀, ѿ мꙋхаммеда́нъ, и҆ нѣ́мцевъ, и҆ ри́млѧнъ, и҆ жидѡ́въ, и҆ ѿ про́чїихъ ꙗ҆зы́кѡвъ, хва́лѧще кі́йждо ѿ ни́хъ свою̀ вѣ́рꙋ. Послѣди́ же всѣ́хъ прїидо́ша и҆ гре́цы, и҆ ска́зовахꙋ па́че и҆ны́хъ мнѡ́га ди́внаѧ во своéй вѣ́рѣ, повѣствꙋ́юще бы́вшаѧ въ поднебе́снѣй дѣѧ́нїѧ ѿ нача́ла мíра да́же досе́лѣ: и҆ глаго́лютъ и҆́ный бы́ти вѣ́къ [4]), и҆ и҆́нꙋю жи́знь, и҆ ꙗ҆́кѡ по сме́рти всѝ человѣ́цы воскре́снꙋтъ, и҆ а҆́ще кто̀ что̀ до́брое въ се́мъ вѣ́цѣ содѣ́ла, то́й въ бꙋ́дꙋщемъ и҆́матъ ра́доватисѧ живꙋ́щи безсме́ртною жи́знїю: а҆ грѣ́шнїи во вѣ́ки мꙋ́читисѧ бꙋ́дꙋтъ. И҆ реко́ша къ немꙋ̀ болѧ́ре є҆гѡ̀ и҆ старѣ́йшины: никто́же когда̀ своѐ что̀ хꙋ́литъ, но па́че хва́литъ. Ты́ же, вели́кїй кнѧ́же, а҆́ще хо́щеши достовѣ́рнѣе и҆́стинꙋ позна́ти, и҆́маши мно́жество людéй мꙋ́дрыхъ, послѝ ѿ ни́хъ и҆зрѧ́днѣйшыѧ по разли́чнымъ землѧ́мъ и҆ наро́дамъ, да ᲂу҆ви́дѧтъ, и҆ ᲂу҆вѣ́даютъ всѧ́кꙋю вѣ́рꙋ, и҆ ка́кѡ кто̀ слꙋ́житъ бо́гꙋ своемꙋ̀, и҆ пото́мъ возврати́вшесѧ, и҆звѣстѧ́тъ тебѣ̀ и҆ на́мъ ѡ҆ все́мъ подро́бнꙋ, и҆ соверше́ннѡ, ꙗ҆́кѡ самови́дцы. Тако́вагѡ сове́та влади́міръ послꙋ́шавъ, посла̀ мꙋ́жи смы́сленныѧ и҆ разꙋ́мныѧ въ разли́чныѧ зе́мли, соглѧ́дати вѣ́ры и҆ слꙋ́жбы коегѡ́ждо наро́да и҆ ꙗ҆зы́ка.

IV. Ѻ҆ни́ же проше́дше мнѡ́гїѧ страны̀ и҆ ца́рства, прїидо́ша послѣ́жде и҆ къ царю́градꙋ, и҆ сказа́ша царе́мъ гре́ческимъ, васі́лїю и҆ кѡнстанті́нꙋ, вины̀ прише́ствїѧ своегѡ̀ [5]). Ца́ри же возра́довашасѧ, и҆ а҆́бїе [6]) свѧтѣ́йшемꙋ патрїа́рхꙋ ѡ҆ ни́хъ возвѣсти́ша: патрїа́рхъ же повелѣ̀ ᲂу҆краси́ти це́р-

---

[1]) Когда отошелъ греческій философъ. [2]) Речѐ—сказалъ. [3]) Сѐ — вотъ. [4]) Глаго́лютъ и҆́ный бы́ти вѣ́къ — говорятъ, что есть иная жизнь—загробная. [5]) Сказа́ша винꙋ̀ прише́ствїѧ своегѡ̀—сказали, зачѣмъ они пришли. [6]) А҆́бїе—тотчас.

ковь, и҆ сотворѝ пра́здникъ, и҆ ѡ҆блече́сѧ въ дража́йшаѧ свѧти́тельскаѧ ѡ҆блаче́нїѧ со мно́гими е҆пі́скопы и҆ свѧще́нники и҆ соверша́ше бж҃е́ственнꙋю лїтꙋ́ргїю. Прїидо́ша же къ лїтꙋ́ргїи царѝ съ посла́нными ѿ влади́мїра, и҆ введше и҆̀хъ въ це́рковь, поста́виша на таково́мъ мѣ́стѣ, ѿню́дꙋже и҆̀мъ всѧ̀ ви́дѣти и҆ слы́шати ᲂу҆до́бно бѧ́ше. Ѻ҆ни́ же ви́дѧще неизглаго́ланнꙋю хвалы̀ бж҃їѧ красотꙋ̀, каковы́ѧ нигдѣ́же когда̀ ви́дѣша, и҆ слы́шаще пресла́дкїѧ церко́внагѡ пѣснопѣ́нїѧ гла́сы, и҆̀хже никогда́же слы́шаша, ᲂу҆дивлѧ́хꙋсѧ ѕѣлѡ̀, и҆ не на землѝ, но на небесѝ мнѧ́хꙋсѧ стоѧ́ти: ѡ҆сїѧ́ бо и҆̀хъ въ то̀ вре́мѧ свѣ́тъ небе́сный, и҆ бы́ша а҆́ки [1]) внѣ̀ себѐ ѿ ра́дости дꙋхо́вныѧ, е҆́юже сердца̀ и҆̀хъ тогда̀ и҆спо́лнишасѧ. По соверше́нїи же бж҃е́ственныѧ лїтꙋ́ргїи, царѝ и҆ патрїа́рхъ послѡ́мъ ѻ҆́чымъ рѡссі́йскимъ сотвори́ша че́сть ве́лїю, и҆ ᲂу҆чрежде́нїе, и҆ дара́ми мно́гими ᲂу҆довольствова́вше, ѿпꙋсти́ша.

V. И҆ е҆гда̀ ті́и къ влади́мїрꙋ возврати́шасѧ, па́ки [2]) влади́мїръ созва̀ болѧ́ры своѧ̀ и҆ старѣ́йшины, и҆ повелѣ̀, да возвра́щшїисѧ посла́нники ска́жꙋтъ пре́дъ всѣ́ми, ꙗ҆̀же гдѣ̀ ви́дѣша и҆ слы́шаша. Ті́и же нача́нше, сказова́хꙋ всѧ̀ по рѧ́дꙋ ѡ҆ вѣ́рѣ коегѡ́ждо ꙗ҆зы́ка, и҆ ѡ҆ слꙋ́жбахъ и҆̀хъ: но всѣ̀мъ слы́шащымъ не ᲂу҆го́дны бы́ша ты́ѧ вѣ́ры. Та́же нача́ша сказова́ти, е҆́же въ гре́цѣхъ ви́дѣша: е҆гда̀ прїидо́хомъ (реко́ша) въ царьгра́дъ, введо́ша на́съ гре́цы въ це́рковь свою̀, и҆дѣ́же ѻ҆ни̇̀ бг҃ꙋ своемꙋ̀ слꙋ́жатъ, и҆ ви́дѣхомъ та́мѡ таковꙋ́ю красотꙋ̀ и҆ сла́вꙋ, е҆́юже ѧ҆зы́къ на́шъ и҆зрещѝ не мо́жетъ: ѻ҆де́жды і҆ере́евъ и҆̀хъ пречꙋ́дны, и҆ слꙋже́нїѧ чи́нъ ѕѣлѡ̀ че́стенъ, и҆ предстоѧ́нїе всѣ́хъ люде́й благоговѣ́йно, пѣ́нїѧ же то́ль сладо́стнаѧ, каковы́хъ нигдѣ́же слы́шахомъ, и҆ ѡ҆бѧ̀ на́съ ра́дость нѣ́каѧ, и҆ не чꙋ́вствовахомъ себѐ, ни познава́хомъ, на землѝ ли, и҆лѝ на небесѝ е҆смы̀. И҆ нѣ́сть таковы́ѧ лѣ́поты и҆ пресла́внагѡ бг҃охвале́нїѧ во всей поднебе́сной, ꙗ҆́коже ᲂу҆ гре́кѡвъ: сегѡ̀ ра́ди вѣ́рꙋемъ, ꙗ҆́кѡ и҆́стиннаѧ е҆́сть вѣ́ра и҆́хъ, и҆ съ тѣ́ми то́кмѡ людьмѝ живе́тъ бг҃ъ и҆́стинный. И҆ реко́ша болѧ́ре къ влади́мїрꙋ: а҆́ще бы вѣ́ра гре́ческаѧ не была̀ добра̀ и҆ и҆́стиннаѧ, то̀ ба́ба твоѧ̀ ѻ҆́льга не прїѧ́ла бы тоѧ̀ вѣ́ры, жена̀ бо бѧ́ше ѕѣлѡ̀ [3]) премꙋ́дра. Тогда̀ влади́мїръ, дѣ́йствꙋющей въ не́мъ бл҃года́ти ст҃агѡ дх҃а, нача̀ по ма́лꙋ просвѣща́тисѧ во ᲂу҆мѣ̀ свое́мъ и҆ познава́ти пра́вꙋю хрїстїа́нскꙋю вѣ́рꙋ, и҆ жела́ти е҆ѧ̀. Но поне́же никто́же бѣ̀ при не́мъ тако́въ,

---

[1]) А҆́ки—какъ бы. [2]) Па́ки—опять, снова. [3]) Ѕѣлѡ̀—очень.

иже бы его къ совершенію намѣреваемагѡ дѣла скорѡ привелъ, всѣмъ болярѡмъ и совѣтникѡмъ тмою нечестія помраченнымъ бывшымъ: тогѡ ради продолжися оувѣреніе и крещеніе егѡ до нѣкоегѡ времене, даже изѡбрѣте совѣтъ себѣ, еже пойти на греческую землю бранію, и пріяти грады ихъ, и получити оучителей христіанскихъ, иже бы его вѣрѣ научили. Собравъ оубо силу воинскую, пойде къ тавріки (яже нынѣ перекопомъ нарицается), и взя первѣе кафу градъ греческій, таже [1]) пріиде подъ херсонъ [2]), стольный земли тоя градъ, при брезѣ еѵѯінскагѡ понта [3]) стоящъ, при немже изрядное кораблемъ пристанище. И ѡбсѣде градъ ѻный, и ратоваше на той сильнѡ не малое время, и не можаше взяти: бѣ бо крѣпокъ градъ, и воинство въ немъ греческое мужественнѡ противу борющееся бяше. И глаголаше владиміръ херсоняномъ, да волею покорятся ему, аще хотятъ оу негѡ получити милость: аще же ни, то имать подъ градомъ ихъ и до тріехъ лѣтъ стояти дондеже возьметъ, и въ той часъ не будетъ имъ помилованія. Но херсоняне небрежаху ѡ словесѣхъ егѡ, аще и тѣснотꙋ въ градѣ терпяху: оуже бо шесть мцей бяху во ѡбсѣденіи, и имяху скудость нуждныхъ. Бжіе же смотреніе недовѣдомыми судьбами полезнѣйшее не токмѡ грекѡмъ, но и всему россійскому роду оусмотряя, оустрои то, да херсонъ градъ покорится владиміру, еже бысть сице: прѡтопопъ херсонскій анастасъ написа ко владиміру на стрелѣ сице: царю владиміре! хощеши ли взяти градъ, ищи ѿ восточныя страны въ земли трубъ, имиже вода сладкая течетъ во градъ, тыя егда пресѣчеши и ѿимеши граду воду, оудобь покорятся тебѣ жаждею оубѣждени. Такѡ прѡтопопъ на стрелѣ написавъ, напряже лукъ и испусти ѻную къ шатру владимірову, и паде стрела предъ шатромъ, и абіе оузрѣвшіи тую взяша, и видѣвше на ней писаніе греческое, ко владиміру принесоша: и призванъ бысть греческагѡ языка толкователь. И егда прочте написанное, повелѣ вадиміръ прилѣжнѡ искати въ земли ѿ восточныя страны ѻныхъ трубъ водныхъ, и ѡбрѣтъ пресѣче ѻныя, и не бысть воды граду, и изнемогоша людіе ѿ жажды: тогда и не хотяще покоришася владиміру, и пріемъ владиміръ градъ херсонъ, вниде въ негѡ торжественнѡ, людемъ никоегѡже сотворивъ ѕла, ни ѡбиды.

---

[1]) Таже —потомъ. [2]) или Корсунь. [3]) Понтъ—море.

VI. По взѧ́тїи херсо́на и҆ всеѐ таврі́кїи, посла̀ владимі́ръ къ царе́мъ гре́ческимъ, глаго́лѧ: сѐ взѧ́хъ сла́вный гра́дъ ва́шъ херсо́нъ и҆ всю̀ зе́млю таврі́кїйскꙋю. Слы́шꙋ же, ꙗ҆́кѡ и҆́мате сестрꙋ̀ дѣви́цꙋ красн꙽ꙋ [1]), дади́те ѹ҆̀бо мнѣ̀ тꙋ́ю въ женꙋ̀: а҆́ще же не восхо́щете мнѣ̀ да́ти е҆ѧ̀, сотворю̀ ва́шемꙋ царюгра́дꙋ то̀, є҆́же сотвори́хъ херсо́нꙋ. Таково̀ ѿ владимі́ра посла́нїе прїе́мше царѝ гре́честїи, бы́ша въ печа́ли нема́лой, сестра́ бо и҆́хъ, є҆́йже и҆́мѧ а҆́нна, не хотѧ́ше и҆тѝ за пога́нина [2]): мно́гїѧ же россі́йскихъ во́евъ си́лы и҆ хра́брости владимі́ровы боѧ́хꙋсѧ гре́цы. И҆ восписа́ша царѝ къ немꙋ̀ си́це: не досто́итъ на́мъ хрїстїа́нѡмъ за пребыва́ющаго въ нече́стивой вѣ́рѣ ѿда́ти сестры̀ на́шеѧ: а҆́ще же и҆мѣ́ти ю҆̀ хо́щеши, то̀ ѿве́ржисѧ і҆́долѡвъ твои́хъ, и҆ вѣ́рꙋй во хрⷭ҇та̀ и҆́стиннаго бг҃а, ꙗ҆́коже и҆ мы̀ и҆ прїимѝ свѧто́е креще́нїе, тогда̀ невозбра́ннѡ по́ймеши тебѣ̀ въ сꙋпрꙋ́жество сестрꙋ̀ на́шꙋ, и҆ съ на́ми ꙗ҆́кѡ є҆диновѣ́ренъ въ любвѝ пребꙋ́деши, є҆щѐ же и҆ небе́сное наслѣ́диши ца́рство. Тако́въ ѿвѣ́тъ царе́й гре́ческихъ владимі́ръ прїе́мъ, па́ки посла̀ къ ни́мъ, глаго́лѧ: возлюби́сѧ мнѣ̀ вѣ́ра ва́ша ѿ того̀ вре́мене, є҆гда̀ посланнїи ѿ менѐ и҆спы́товати разли́чныѧ вѣ́ры, бы́вше ѹ҆ ва́съ, возврати́шасѧ къ на́мъ, и҆ сказа́ша подро́бнꙋ, ꙗ҆́кѡ вѣ́ра ва́ша є҆́сть лꙋ́чша па́че всѣ́хъ вѣ́ръ, и҆ слꙋже́нїе, и҆́мже слꙋ́жите бг҃ꙋ ва́шемꙋ, є҆́сть и҆зрѧ́днѣйшее па́че всѣ́хъ наро́дѡвъ. Хощꙋ̀ ѹ҆̀бо, прїѧ́ти вѣ́рꙋ ва́шꙋ, вы̀ же посли́те ко мнѣ̀ є҆пі́скопа, да мѧ̀ кре́ститъ, и҆ са́ми съ сестро́ю ва́шею прїиди́те къ на́мъ, и҆лѝ сестрꙋ̀ посли́те мнѣ̀ въ сꙋпрꙋ́жество, а҆́зъ же возвращꙋ̀ ва́мъ херсо́нъ со все́ю таврі́кїею. Таковꙋ́ю до́брꙋю вѣ́сть царѝ гре́честїи прїе́мше, возра́довашасѧ ра́достїю ве́лїею, и҆ сестрꙋ̀ свою̀, да по́йдетъ за владимі́ра, ѹ҆вѣща́ваша съ моле́нїемъ, глаго́люще: ѹ҆милосе́рдисѧ на́дъ ца́рствомъ хрїстїа́нскимъ: а҆́ще бо не по́йдеши за него̀, то̀ не преста́нетъ ѻ҆́нъ плѣни́ти землѝ на́шеѧ, и҆ боѧ́зненно є҆́сть, да не сотвори́тъ и҆ царюгра́дꙋ, ꙗ҆́коже херсо́нꙋ, а҆́ще же тебѐ ра́ди владимі́ръ крести́тсѧ, и҆ тобо́ю ѡ҆брати́тъ гдⷭ҇ь къ себѣ̀ зе́млю россі́йскꙋю, и҆ гре́ческꙋю ѿ тѧ́жкихъ и҆ ча́стыхъ бра́ней и҆ нахожде́нїй россі́йскихъ свобо́днꙋ сотвори́тъ, вѣ́чнꙋю сла́вꙋ, и҆ безсме́ртное ѿ всѣ́хъ блаже́нство и҆мѣ́ти бꙋ́деши. Царе́вна же а҆́нна а҆́ще и҆ не хотѧ́ше, ѻ҆ба́че [3]) разсмотрѧ̀ спасе́нїе то́ликагѡ ро́да россі́йскагѡ, къ бг҃ꙋ ѡ҆брати́тисѧ хотѧ-

---

[1]) Кра́сный—красивый, прекрасный. [2]) Пога́нинъ—язычникъ, идолопоклонникъ.

[3]) Ѻ҆ба́че—однако, впрочемъ.

щагѡ, є҆щѐ же и҆ ѻ҆те́чествꙋ своемꙋ̀, гре́ческомꙋ ца́рствꙋ, мі́ра желаѧ, соизво́ли совѣ́тꙋ и҆ моле́нїю бра́тїй свои́хъ, и҆ речѐ со слеза́ми: волѧ гдⷭ҇нѧ да бꙋ́детъ. И҆ посла́ша тꙋ̀ю ца́ри мо́ремъ въ кораблѣ́хъ со а҆рхїере́емъ мїхаи́ломъ, и҆ со сщ҃е́нники, и҆ съ че́стными бѡѧ́ры. Дости́гшей же є҆́й херсо́на, срѣ́тена бы́сть сла́внѡ, и҆ въ пала́тꙋ ца́рскꙋю введена̀. Въ то̀ вре́мѧ, за немно́гїѧ пред̾ прише́ствїемъ царе́вны дні̀, влади́мїръ возболѣ̀ ѻ҆чи́ма, и҆ ѡ҆слѣпѐ. И҆ нача̀ ᲂу҆сꙋмнѣва́тисѧ ѡ҆ свѧтѣ́й вѣ́рѣ и҆ ѡ҆ креще́нїи, и҆ смꙋща́ѧсѧ въ себѣ̀, глаго́лаше: бо́зи ρѡссі́йстїи разгнѣ́вашасѧ на мѧ̀, ꙗ҆́кѡ хощꙋ̀ ѡ҆ста́вити и҆̀хъ, и҆ и҆́нꙋю вѣ́рꙋ прїѧ́ти, и҆ того̀ ра́ди слѣпоты̀ ка́знь на мѧ̀ посла́ша. Царе́вна же посла̀ къ немꙋ̀, глаго́лющи: а҆́ще хо́щеши здра́въ бы́ти и҆ ви́дѣти ѻ҆чи́ма, креще́нїе свѧто́е прїимѝ вско́рѣ, и҆на́кѡ бо ѿ слѣпоты̀ твоеѧ̀ не и҆зба́вишисѧ, а҆́ще же крести́шисѧ, то̀ не то́чїю слѣпоты̀ тѣ́лесныѧ, но кꙋ́пнѡ и҆ дꙋше́вныѧ свободи́шисѧ. Сїѐ слы́шѧ влади́мїръ, ѿвѣща̀: а҆́ще и҆́стиненъ бꙋ́детъ глаго́лъ се́й, то̀ ѿ сегѡ̀ позна́ю, ꙗ҆́кѡ ве́лїй є҆́сть бг҃ъ хрїстїа́нскїй. И҆ а҆́бїе призва́въ є҆пі́скопа, проси́ше ст҃а́гѡ креще́нїѧ. Є҆пі́скопъ же пе́рвѣе ѡ҆гласѝ є҆го̀, и҆ ѡ҆ ст҃ѣ́й вѣ́рѣ до́брѣ поꙋчѝ, та́же въ це́ркви свѧты́ѧ софі́и, посредѣ̀ гра́да бы́вшей, крестѝ и҆ наречѐ є҆мꙋ̀ и҆́мѧ васі́лїй. Бы́сть же въ креще́нїи є҆гѡ̀ чꙋ́до, подо́бное ѻ҆́номꙋ, є҆́же въ дама́сцѣ на са́ѵлѣ, це́рковь бж҃їю гони́вшемъ и҆ ѿ ѡ҆блиста́вшагѡ є҆го̀ на пꙋтѝ небе́снагѡ свѣ́та ѡ҆слѣ́пшемъ, содѣ́ѧсѧ: є҆гда̀ бо влади́мїръ ѡ҆слѣпле́нъ сы́й ѻ҆чи́ма, вни́де во свѧтꙋ́ю кꙋпѣ́ль, а҆ є҆пі́скопъ по чи́нꙋ креще́нїѧ возложѝ на него̀ рꙋ́кꙋ, а҆́бїе ѿпадѐ ѿ ѻ҆че́съ є҆гѡ̀ слѣпота̀ ꙗ҆́кѡ чешꙋ́ѧ, и҆ прозрѣ̀ просла́ви бг҃а, ꙗ҆́кѡ приведѐ є҆го̀ въ и҆́стиннꙋю вѣ́рꙋ, и҆ благодарѧ́ше хрⷭ҇та̀ гдⷭ҇а, ра́дꙋѧсѧ и҆ веселѧ́сѧ. То̀ чꙋ́до ви́дѣвше бѡѧ́ре є҆гѡ̀ и҆ воинство, крести́шасѧ, и҆ бы́сть ра́дость ве́лїѧ ρѡссі́анѡмъ и҆ гре́кѡмъ, а҆ наипа́че свѧты́мъ а҆́гг҃лѡмъ на небесѝ: а҆́ще бо ѡ҆ є҆ди́номъ грѣ́шницѣ ка́ющемсѧ тїи ра́дꙋютсѧ, ко́льмѝ па́че ѿ то́ль мно́гихъ дꙋша́хъ, бг҃а позна́вшихъ, возра́довашасѧ, и҆ сла́ва въ вы́шнихъ бг҃ꙋ! воспѣ́ша. Соверши́сѧ креще́нїе влади́мїрово, и҆ бѡѧ́ръ є҆гѡ̀, и҆ во́евъ, въ херсо́нѣ, въ лѣ́то бытїѧ̀ мі́ра ҂ѕѵч҃ѕ, воплоще́нїѧ же бг҃а сло́ва въ лѣ́то ꙑ҆пи. По креще́нїи же приведена̀ бы́сть влади́мїрꙋ царе́вна а҆́нна, гре́ческихъ царе́й сестра̀, ѡ҆бꙋче́нїѧ ра́ди, и҆ не по мно́гихъ днѣ́хъ вѣнча́нъ бы́сть съ не́ю въ зако́нный бра́къ. И҆ возвратѝ гре́кѡмъ херсо́нъ со все́ю таѵрі́кїею, и҆ ми́ръ съ ни́ми ᲂу҆тверди́въ, возврати́сѧ въ свою̀ зе́млю. Поѧ́тъ же съ собо́ю прише́дшагѡ и҆з̾ царѧгра́да съ

царе́вною а҆рхїере́а мїха́ила, и҆ бы́сть ѻ҆́нъ пе́рвый митрополі́тъ всеѧ̀ рѡссі́и. Є҆щѐ же со а҆рхїере́емъ и҆з̾ херсо́на влади́міръ поѧ́тъ и҆ свѧще́нники мнѡ́гїѧ, и҆ клі́рики, и҆ мона́хи. Взѧ̀ же ѿтꙋ́дꙋ и҆ мо́щи ст҃а́гѡ сщ҃енномꙋ́ченика кли́мента па́пы ри́мскагѡ [1]) и҆ ꙋ҆чени́ка є҆гѡ̀ фи́ва, и҆ свѧты́ѧ і҆кѡ́ны, и҆ кни́ги, и҆ всѧ́кꙋю ꙋ҆тва́рь церко́внꙋю. Поѧ́тъ же и҆ ѻ҆́нагѡ а҆наста́са прѡтопо́па, и҆̀же стрѣ́лою наꙋчѝ є҆го̀, ка́кѡ взѧ́ти херсо́нъ гра́дъ, и҆ прїи́де влади́міръ въ кі́евъ съ ра́достїю ве́лїею, сла́вѧ хрт҃а̀ бг҃а. И҆ а҆́бїе нача̀ прилага́ти тща́нїе ѡ҆ просвѣще́нїи сто́льнагѡ гра́да своегѡ̀ кі́ева, и всеѧ̀ рѡссі́йскїѧ держа́вы своеѧ̀.

VII. Въ нача́лѣ повелѣ̀ влади́міръ крести́ти сынѡ́въ свои́хъ, и҆̀хже и҆мѣ́ѧше двана́десѧть ѿ разли́чныхъ же́нъ: и҆зѧсла́ва, мстисла́ва, ꙗ҆росла́ва, все́волода ѿ рохми́ды кнѧжны̀ полте́цкой: свѧтопо́лка ѿ гре́кини жены бра́тней: вышесла́ва ѿ че́хини кнѧжны̀: свѧтосла́ва и҆ станисла́ва ѿ дрꙋ-

Крещеніе Кіевлянъ.

гі́ѧ че́хини: бори́са и҆ глѣ́ба ѿ болга́рѧныни: брѧчисла́ва и҆ сꙋдисла́ва ѿ и҆ны́ѧ нѣ́кїѧ. И҆ креще́ны бѣ́ша ѿ митрополі́та мїха́ила во є҆ди́номъ и҆сто́чницѣ, и҆сто́чникъ же то́й въ горѣ̀ на́дъ днѣ́промъ, и҆̀же ѿ ѻ҆́нагѡ вре́мене, и҆ до ны́нѣ просла̀ крещатикомъ. Та́же посла̀ проповѣ́дники по всемꙋ̀ гра́дꙋ, повелѣва́ѧ, да во ꙋ҆́трїе соберꙋ́тсѧ всѝ на рѣ́кꙋ (поча́йнꙋ, въ днѣ́пръ впада́ющꙋю), ста́рїи и҆ мла́дїи, вели́цыи и҆ ма́лїи, бога́тїи и҆

[1]) Па́мѧть є҆гѡ̀ ноє́мврїа к҃е.

ѹ҆бо́зїи, мꙋ́жескъ по́лъ и҆ же́нскъ: а҆́ще же кто̀ не ѡ҆брѧ́щетсѧ въ то̀ вре́мѧ на рѣцѣ̀, то́й бг҃ꙋ и҆ вели́комꙋ кнѧ́зю ꙗ҆ви́тсѧ проти́венъ. И҆ бы́вшꙋ ѹ҆́трꙋ, прїи́де са́мъ кнѧ́зь съ боѧ́ры на рѣ́кꙋ, и҆ а҆рхїере́й съ ни́мъ и҆ всѝ свѧще́нницы, и҆ собра́сѧ ве́сь гра́дъ къ рѣцѣ̀, всѧ́кагѡ чи́на и во́зраста, ѻ҆́боегѡ по́ла безчи́сленное мно́жество на то́мъ мѣ́стѣ, идѣ́же ны́нѣ це́рковь свѧты́хъ страстоте́рпцевъ бори́са и҆ глѣ́ба. И҆ повелѣ́но бы́сть и҆̀мъ, ѻ҆де́жды совле́кше, вни́ти въ во́дꙋ, ѻ҆со́бь мꙋ́жескомꙋ по́лꙋ, ѻ҆со́бь же́нскомꙋ, старѣ́йшымъ въ глꙋбоча́йшаѧ мѣ́ста, ма́лымъ же бли́з брега: и҆ стоѧ́хꙋ въ водѣ̀ ѻ҆́вїи до вы́и, ѻ҆́вїи же до поѧ́са, раздѣ́льшесѧ на полкѝ: свѧще́нницы же во і҆ере́йскихъ ѡ҆блаче́нїѧхъ стоѧ́ще при бре́зѣ на дск҄ахъ, наро́чнѡ тогѡ̀ ра́ди ѹ҆стро́енныхъ, чтѧ́хꙋ на́д наро́домъ моли́твы креще́нїю подоба́ющыѧ, и҆ и҆мена̀ и҆̀мъ нарица́хꙋ, коемꙋ́ждо полкꙋ̀ ѻ҆со́бь и҆́мѧ є҆ди́но, и҆ три́жды погрꙋзи́тисѧ и҆̀мъ въ водѣ̀ велѧ́хꙋ: са́ми же взыва́хꙋ на́д ни́ми, и҆́мѧ ст҃ыѧ тр҃цы по чи́нꙋ кр҃щенїѧ призыва́юще. И҆ та́кѡ креще́нъ бы́сть ве́сь наро́дъ кі́евскїй въ лѣ́то бытїѧ̀ мі́ра ҂ѕу҃чз, воплоще́нїѧ же бг҃а сло́ва въ лѣ́то ц҃пи҃ѳ, во второ́е же по креще́нїи влади́мїровомъ. Смотрѧ́ же свѧты́й влади́мїръ на креще́нїе толи́кагѡ наро́да, ра̀довашесѧ дꙋ́хомъ, и҆ возве́дъ ѻ҆́чи къ небесѝ, и҆ рꙋцѣ̀ воздѣ́въ, речѐ: г҃ди б҃же, сотвори́вый не́бо и҆ зе́млю, при́зри на новокреще́нныѧ лю́ди твоѧ̀, и҆ да́ждь и҆̀мъ и҆́стиннѡ позна́ти тебѐ бг҃а и҆́стиннаго, и҆ ѹ҆твердѝ и҆̀хъ въ правосла́вной вѣ́рѣ, и҆ мнѣ̀ помозѝ на ви́димыѧ и҆ неви́димыѧ врагѝ, и҆ просла́ви въ рѡссі́йскихъ страна́хъ и҆́мѧ твоѐ пресвѧто́е! По креще́нїи же наро́да, а҆́бїе влади́мїръ повелѣ̀ сокрꙋша́ти і҆́дѡлы, и҆ хра́мы і҆́дѡльскїѧ до ѡ҆снова́нїѧ разорѧ́ти. Пе́рвѣйшаго і҆́дѡла перꙋ́на повелѣ̀ привѧза́ти къ коню̀ за хво́стъ, и҆ влещѝ съ горы̀ къ днѣпрꙋ̀, и҆ приста́ви мꙋже́й двана́десѧть, да влеко́маго і҆́дѡла па́лицами бїю́тъ: сїе́ же сотворѝ не ꙗ҆́кѡ ѡ҆щꙋща́ти і҆́дѡлꙋ каковꙋ́ю болѣ́знь, сꙋ́щꙋ древѧ́нꙋ, бездꙋ́шнꙋ и҆ нечꙋ́вственнꙋ, но да бо́льшее нанесе́тъ бѣ́сꙋ безче́стїе, и҆ привле́кше ко бре́гꙋ, вверго́ша въ днѣ́пръ, и҆ заповѣ́да, да нигдѣ́же припꙋ́стѧтъ і҆́дѡла того̀ къ бре́гꙋ, до́ндеже мине́тъ поро́ги, и҆̀же сꙋ́ть ни́зъ днѣпра̀. Ни́жее же поро́гѡвъ приве́рже є҆го̀ вѣ́тръ и҆ волна̀ по́д є҆ди́нꙋ го́рꙋ вели́кꙋ, ꙗ҆̀же и҆ до ны́нѣ перꙋ́нова нарица́етсѧ. И҆ всѝ про́чїи і҆́дѡли повелѣ́нїемъ вели́кагѡ кнѧ́зѧ сокрꙋше́ни, ѻ҆́вїи въ во́дꙋ, и҆́нїи же во ѻ҆́гнь вверже́ни бы́ша. Кі́евлѧне же, є҆ли́цы бѧ́хꙋ безꙋ́мнїи, тї́и ви́дѧще бо́гѡвъ дре́внихъ сокрꙋше́нїе и҆ поги́бель, пла́кахꙋ по ни́хъ

и҆ рыда́хꙋ, смы́сленніи же глаго́лахꙋ: разꙋ́менъ є҆́сть кнѧ́зь, и҆ болѧ́ре є҆гѡ̀ вѣ́дѧтъ, кото́рый є҆́сть бг҃ъ лꙋ́чшій: и҆́бо а҆́ще бы до́бры̑ бы́ли сі́и бо́зи, не бы́ повелѣ́ли сокрꙋша́ти и҆́хъ, ни и҆збра́ли бы и҆́ныѧ вѣ́ры: лꙋ́чшее и҆збра́ша, хꙋ́ждшее ѿри́нꙋша.

VIII. По сокрꙋше́ніи же і҆́дѡлѡвъ, и҆ по разоре́ніи і҆́дѡльскихъ хра́мѡвъ, повелѣ̀ влади́міръ на тѣ́хъ мѣ́стѣхъ созида́ти свѧты́ѧ це́ркви. Въ нача́лѣ созда̀ це́рковь ст҃а́гѡ сп҃са на то́мъ мѣ́стѣ, и҆дѣ́же бѣ̀ і҆́дѡлъ пе́рꙋнъ: та́же це́рковь во и҆́мѧ свѧта́гѡ васі́ліа вели́кагѡ, поне́же [1]) и҆ са́мъ въ кре́щеніи свѧто́мъ васі́лій нарече́нъ бѣ̀, и҆ и҆ны́хъ церкве́й мно́жество повсю́дꙋ ᲂу҆стро́и. Приложи́ же тща́ніе [2]) и҆ ѡ҆ ᲂу҆че́ніи кни́жномъ: сы́нѡвъ бо свои́хъ, а҆ при ни́хъ и҆ болѧ́рскихъ дѣ́тей мно́жество повелѣ̀ ᲂу҆чи́ти писа́нію гре́ческомꙋ, и҆ глаго́льскомꙋ (нарица́емомꙋ ны́нѣ рѡссі́йскомꙋ), приста́вивъ и҆̀мъ ᲂу҆чи́телей и҆скꙋ́сныхъ: є҆щѐ же и҆ просты́хъ люде́й ѻ҆трокѡ́въ повелѣ̀ взима́ти во ᲂу҆че́ніе кни́жное, ма́тери же безꙋ́мныѧ пла́кахꙋсѧ по дѣ́тѣхъ свои́хъ а҆́ки по ме́ртвыхъ. Не то́чію [3]) же кі́евъ, но и҆ всю̀ держа́вꙋ свою̀ влади́міръ свѣ́томъ вѣ́ры свѧты́ѧ просвѣти́ти хотѧ̀, посла̀ во всѧ̑ гра́ды рѡссі́йскїѧ крести́ти наро́ды, на нехотѧ́щыѧ же крести́тисѧ бо́льшꙋю да́нь ᲂу҆ставлѧ́ше. И҆ живѧ́ше влади́міръ бг҃оꙋго́днѡ и҆ пра́веднѡ, премѣни́въ дре́вніѧ свои̑ ѻ҆бы́чаи, въ нече́стіи бы́вшыѧ. На всѧ́кꙋю же добродѣ́тель наставлѧ́емый бы́сть честно́ю сꙋпрꙋ́жницею свое́ю царе́вною а҆́нною, съ не́юже по зако́нꙋ хрїстіа́нскомꙋ живѧ́ше. Про́чыѧ же пре́жніѧ своѧ̑ жены̀, ꙗ҆̀же є҆мꙋ̀ пре́жде креще́ніѧ бы́ша, бога́тствы ᲂу҆дово́ливъ ѿпꙋстѝ.

Посе́мъ посла̀ влади́міръ въ ца́рьградъ къ свѧтѣ́йшемꙋ патрі́архꙋ, въ то̀ вре́мѧ наста́вшемꙋ се́ргію, молѧ̀ є҆гѡ̀, да є҆щѐ по́слетъ къ немꙋ̀ а҆рхїере́и и҆ і҆ере́и: поне́же жа́тва бѧ́ше мно́га, дѣ́лателей же ма́лѡ, мно́зи бо рѡссі́йстіи гра́ды тре́бовахꙋ просвѣще́ніѧ, люде́й же въ рѡссі́йскихъ къ дꙋхо́вномꙋ чи́нꙋ ᲂу҆до́бныхъ є҆щѐ не дово́льнѡ бѧ́ше: неда́внѡ бо въ ни́хъ кни́жное ᲂу҆че́ніе нача́сѧ. Присла̀ ᲂу҆́бѡ свѧтѣ́йшій патрі́архъ се́ргій ѿ гре́кѡвъ є҆пі́скопа і҆ѡакі́ма херсо́нѧнина, и҆ и҆́ныѧ съ ни́мъ є҆пі́скопы, и҆ пресвѵ́терѡвъ нема́лѡ. Поє́мши ᲂу҆̀бо влади́міръ пришє́дшыѧ къ немꙋ̀ є҆пі́скопы, по́йде съ ни́ми въ зе́млю славе́нскꙋю, въ стра́нꙋ залѣ́сскꙋю,

[1]) Поне́же—потому что.

[2]) Тща́ніе—стараніе, забота. [3]) То́чію—только.

во ѡбласть ростовскую и суждальскую, и постави над рекою клязмою градъ, и нарече той первымъ своимъ именемъ Владимиромъ, и созда въ немъ церковь пречтыя бцы, и повелѣ крестити людей всюду, и церкви созидати, и даде имъ епископа. Ѿтуду шедъ въ ростовъ, созда церковь древяну, и даде епископа: потомъ въ великій новградъ прійде, и посади въ немъ іѡакима херсонянина архіепископомъ. Той архіепкпъ разруши тамѡ идѡла перуна, подобна бывша кіевскому, и повелѣ ѡцѣпивше того влещи въ рѣку волховъ, иныхъ же мужей приставити влекома идѡла палицами бити на большее демѡну поруганіе. Людіе же привлекше его біема на мостъ, вринуша въ рѣку волховъ, и абіе погибе съ шумомъ. Владиміръ же святый и прочія нарочитыя державы своея грады прошедъ, и всюду народы крестивъ, и церкви создавъ, епископы же и пресвутеры жити оустроивъ, и многую пользу всей земли россійстѣй содѣлавъ, возвратися въ кіевъ стольный градъ свой, и раздѣли землю россійскую на двана́десять княженій, двана́десяти сынѡмъ своимъ. Въ первыхъ старѣйшаго сына своего вышеслава посади въ великомъ новѣградѣ, изяслава въ полоцкѣ, святополка въ туровѣ, іарослава въ ростовѣ. Оумершу же вышеславу въ великомъ новѣградѣ, на мѣсто егѡ преведе изъ ростова іарослава: а въ ростовѣ посади бориса, глѣба же въ муромѣ, святослава въ древлянѣхъ, всеволода во владимірѣ, мстислава въ тмутороканѣ, станислава въ смоленскѣ, брячислава на волинѣ въ луцкѣ, судислава въ псковѣ. И заповѣда имъ крѣпкѡ, еже жити въ любви і согласіи, и еже не ѡбидѣти другъ друга, ни преступати предѣлѡвъ комуждо ѡпредѣленныхъ, но всякому своегѡ княженія оудѣломъ довольствоватися. Не мнѣе же заповѣда и сіе, да всякъ въ княженіи своемъ оумножаетъ славу хрта бга, и ищетъ спасенія душъ человѣческихъ, невѣрныя въ вѣру приводя, и црькви созидая. Чесѡ ради всякому даде епископа и пресвутеры, и такѡ ихъ оустроивъ, и на княженія ихъ разославъ, самъ пребываше въ кіевѣ, оуже старъ сый, и прилежаше дѡбрымъ дѣламъ, церкви и монастыри строя и оукрашая, и милостыню нескудну всѣмъ подавая, и трапезы изѡбильныя въ дворѣ своемъ нищихъ ради частѡ поставляя. А иже бяху недужніи, ни могущіи дойти до двора княжагѡ, тѣмъ на возѣхъ вкякую пищу и питіе посылаше. Имѣяше же миръ и любовь съ ѡкрестными государствы, съ польскимъ, съ оугорскимъ и съ чешскимъ, преставъ ѿ браней: съ

єди́ными то́кмѡ печенѣ́гами є҆мꙋ̀ ра́ть быва́ше, но побѣжда́ше (ꙗ҆́коже и҆ дре́вній кѡнстанті́нъ) сопроти́вныѧ си́лою і҆и҃съ хр҇то́вою. По се́мъ приближа́шесѧ блаже́нное сконча́ніе свѧто́мꙋ владі́мірꙋ, но пе́рвѣе сꙋпрꙋ́га є҆гѡ̀ вели́каѧ кнѧги́нѧ а҆́нна, царе́вна гре́ческаѧ, вино́вна бы́вшаѧ просвѣщє́нїѧ всеѧ̀ землѝ рѡссі́йскїѧ, и҆ то́ль безчи́сленныхъ дꙋ́шъ людски́хъ спасе́нїѧ, за трѝ лѣ́та пре́дъ є҆гѡ̀ конч́иною преста́висѧ ко гдⷭ҇ꙋ. И҆ болѣ́въ владі́міръ днѝ довольны, и҆ всѧ̀ кончи́нѣ хрїстїа́нстѣй подоба́ющаѧ соверши́въ, въ до́бромъ и҆сповѣда́нїи преда́де пра́веднꙋю свою̀ дꙋ́шꙋ въ рꙋ́цѣ бж҃їи мѣ́сѧца і҆ꙋ́лїа въ пѧтыйна́десѧть де́нь, въ лѣ́то бытїѧ̀ мі́ра ҂ѕ҃фк҃г, (по и҆счисле́нїю свѧта́гѡ не́стора лѣтописца печерскагѡ), воплощє́нїѧ же бг҃а сло́ва ҂а҃еі. Та́кѡ сконча́сѧ свѧты́й вели́кїй кнѧ́зь владі́міръ, нарече́нный во свѧто́мъ крещє́нїи васі́лїй, пребы́въ на вели́комъ кнѧже́нїи кі́евскомъ (пресе́дши и҆з̾ вели́кагѡ новаграда) тридесѧть пѧ́ть лѣ́тъ, пре́дъ крещє́нїемъ ѻ҆́смь лѣ́тъ, по крещє́нїи два́десѧть се́дмь лѣ́тъ, и҆ нѣ́коликѡ мѣ́сѧцей, въ два́десѧть же ѻ҆́смое лѣ́то сконча́сѧ. И҆ стеко́шасѧ всѝ кі́евлѧне и҆ ѻ҆крє́стнїи къ честно́мꙋ є҆гѡ̀ тѣ́лꙋ, дꙋхо́внїи и мі́рст́и, пла́чꙋще и҆ рыда́юще ꙗ҆́кѡ по ѻ҆тцѣ̀ свое́мъ и҆ хода́таи спасе́нїѧ, и҆ сотвори́ша є҆мꙋ̀ погребе́нїе сла́вное и҆ въ то́йже це́ркви со́зданнѣй ѿ негѡ въ гро́бѣ мра́морнѣмъ положи́ша. Та́же и҆ па́мѧть є҆гѡ̀ пра́здновати ᲂу҆ста́виша, ꙗ҆́кѡ свѧта́гѡ и҆ а҆по́столѡмъ ра́внагѡ, всю̀ зе́млю рѡссі́йскꙋю просвѣти́вшагѡ ст҃ы́мъ крещє́нїемъ. (Изъ Ч. М.).

Св. равноапостольный князь Владимиръ.

2. Тропарь св. благовѣрн. вел. кн. Владимиру.

Ѡ҆у҆подо́бился є҆сѝ кꙋ́пцꙋ, и҆́щꙋщемꙋ до́брагѡ би́сера, славнодержа́вный владі́міре, на высотѣ̀ стола̀ сѣдѧ̀ ма́тере градѡ́въ, богоспаса́емагѡ кі́ева, и҆спыт́уѧ же и҆ посыла́ѧ к ца́рскомꙋ гра́дꙋ ᲂу҆вѣ́дѣти правосла́внꙋю вѣ́рꙋ, ѡ҆брѣ́лъ є҆сѝ безцѣ́нный би́серъ, хрїста̀, и҆збра́вшаго тѧ̀ ꙗ҆́кѡ втора́го па́вла,

и҆ ѿтрѧ́сшаго слѣпотꙋ̀ во свѧтѣ́й кꙋпѣ́ли дꙋше́внꙋю, вкꙋпѣ̀ и҆ тѣле́снꙋю: тѣ́мже пра́зднꙋемъ твоѐ оу҆спе́нїе лю́дїе твоѝ сꙋ́ще, молѝ спасти́сѧ держа́вы твоеѧ̀ рѡс-сі́йскїѧ нача́льникѡмъ, хрїстолюби́вомꙋ ї҆мпера́торꙋ, и҆ мно́жествꙋ владо́мыхъ.

Св. Александръ Невскій.

Святитель и Чудотворецъ Николай.

3. Тропарь св. благовѣрному великому князю Александру Невскому.

Позна́й свою̀ бра́тїю, Россі́йскїй Ї҆ѡ́сифе, не въ Є҆гѵ́птѣ, но на небесѝ ца́рствꙋющїй, благовѣ́рный кнѧ́же А҆леѯа́ндре, и҆ прїимѝ моле́нїѧ и҆́хъ, оу҆множа́ѧ жи́та лю́демъ плодоно́сїемъ землѝ твоеѧ̀, гра́ды влады́чествїѧ твоегѡ̀ ѡ҆гражда́ѧ моле́нїемъ: и҆ наслѣ́дникѡмъ твои̂мъ бл҃говѣ́рнымъ И҆МПЕРА́ТОРАМЪ на́шымъ на сопроти́вныѧ спобо́рствꙋѧ.

4. Тропарь святителю и чудотворцу Николаю.

Пра́вило вѣ́ры и҆ ѻ҆́бразъ кро́тости, воздержа́нїѧ оу҆чи́телѧ ꙗ҆вѝ тѧ ста́дꙋ твоемꙋ ꙗ҆̀же веще́й и҆́стина: сегѡ̀ ра́ди стѧжа́лъ є҆сѝ смире́нїемъ высѡ́каѧ, нището́ю бога́таѧ, ѻ҆́ч҃е свѧщенноnача́льниче Нїко́лае, молѝ Хрⷭ҇та̀ Бг҃а, спасти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ! [1])

[1]) Т. е. истина вещей (жизнь) показала тебя паствѣ твоей правиломъ вѣры, образцомъ кротости, учителемъ воздержанія,—потому ты пріобрѣлъ смиреніемъ высоту (неба), нищетой богатство (рая), отче священноначальниче Николае, моли Христа Бога о спасеніи душъ нашихъ!

5. Тропарь свв. Меѳодію и Кириллу—11 мая.

Ꙗ҆́кѡ а҆пⷭ҇толѡвъ є҆динонра́внїи и҆ слове́нскихъ стра́нъ ᲂу҆чи́телїе, Кѵ́рі́лле и҆ Меѳо́дїе Бг҃омꙋ́дрїи, Влⷣкꙋ всѣ́хъ моли́те, всѧ̀ ꙗ҆зы́ки слове́нскїѧ ᲂу҆тверди́ти въ правосла́вїи и҆ є҆диномы́слїи, ᲂу҆мири́ти мі́ръ, и҆ спастѝ дꙋ́шы на́шѧ.

6. Тропарь тремъ святителямъ (Василію В., Григорію Богослову и Іоанну Златоусту (30 Января).

Ꙗ҆́ко а҆пⷭ҇лѡвъ є҆динонра́внїи, и вселе́ннымъ ᲂу҆чи́телїе, Влⷣкꙋ всѣ́хъ моли́те, мі́ръ вселе́ннѣй дарова́ти, и дꙋша́мъ на́шымъ ве́лїю ми́лость.

7. Тропарь преподобному.

Въ тебѣ̀, ѻ҆́ч҃е, и҆звѣ́стно спасе́сѧ є҆̀же по ѻ҆́бразꙋ: прі́имъ бо крⷭ҇тъ послѣ́довалъ є҆сѝ Хрⷭ҇тꙋ̀, и҆ дѣ́ѧ ᲂу҆чи́лъ є҆сѝ, презира́ти ᲂу҆́бѡ пло́ть, прехо́дитъ бо, прилѣжа́ти же ѡ҆ дꙋши́ ве́щи безсме́ртнѣй. Тѣ́мже и҆ со а҆́гг҃лы сра́дꙋетсѧ, прⷣбне (и҆́мѧ ре́къ) дꙋ́хъ тво́й.

Св. великомученикъ Пантелеимонъ.

8. Тропарь мученику.

Мч҃нкъ тво́й, Гдⷭ҇и, (и҆́мѧ ре́къ) во страда́нїи свое́мъ вѣне́цъ прїѧ́тъ нетлѣ́нный ѿ Тебе Бг҃а на́шего: и҆мѣ́ѧй бо крѣ́пость твою̀, мꙋчи́телей низложѝ, сокрꙋшѝ и҆ де́мѡнѡвъ немощны́ѧ де́рзѡсти: того̀ мл҃твами спасѝ дꙋ́шы на́шѧ.

9. Тропарь св. великомученику Пантелеимону.

Страстоте́рпче ст҃ый и҆ цѣле́бниче Пантелеи́мѡне, молѝ млⷭ҇тиваго Бг҃а, да прегрѣше́нїй ѡ҆ставле́нїе пода́стъ дꙋша́мъ на́шымъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПИСЬМЕННЫЯ УПРАЖНЕНІЯ.

Задача 1. По прочтеніи разсказа: «Максимъ Ивановъ» (стр. 1) закрыть книгу и написать въ тетрадь, что́ осталось у васъ въ памяти отъ этого разсказа, стараясь по-возможности передавать разсказъ словами книги [1]).

Задача 2. То-же сдѣлать съ разсказомъ: «Смерть и похороны Чернаго» (стр. 3).

Задача 3. То-же сдѣлать съ разсказомъ: «Ѳедоръ Коробейникъ» (стр. 7).

Задача 4. То-же сдѣлать съ разсказомъ: «Капитанъ Боппъ» (стр. 10).

Задача 5. То-же сдѣлать съ разсказомъ: «Злой человѣкъ» (стр. 19).

Задача 6. То-же сдѣлать съ разсказомъ: «Прохожій» (стр. 24).

Задача 7. По прочтеніи басни: «Мельникъ» (стр. 50), изложить письменно содержаніе этой басни возможно короче [2]).

Задача 8. То-же сдѣлать съ баснею: «Крестьянинъ въ бѣдѣ» (стр. 51).

Задача 9. То же сдѣлать съ баснею: «Лжецъ» (стр. 51).

Задача 10. То же сдѣлать съ баснею: «Пушки и паруса» (стр. 53).

Задача 11. То-же сдѣлать съ баснею: «Щука и котъ» (стр. 54).

Задача 12. То-же сдѣлать съ баснею: «Гуси» (стр. 55).

Задача 13. То-же сдѣлать съ баснею: «Орелъ и кротъ» (стр. 55).

Задача 14. То же сдѣлать съ баснею: «Роща и огонь» (стр. 56).

Задача 15. То-же сдѣлать съ баснею: «Гребень» (стр. 57).

Задача 16. По прочтеніи статьи: «Комната Плюшкина» (стр. 18) опишите классную комнату вашего училища, отвѣчая письменно на слѣдующіе вопросы: 1. Въ которомъ этажѣ (верхнемъ, нижнемъ или среднемъ) училищнаго зданія находится вашъ классъ? 2. Куда выходитъ окнами? 3. Какая его величина въ длину, ширину и высоту? 4. Чѣмъ украшены стѣны (первая, вторая, третья и четвертая) и классъ потолка? 5. Сколько въ немъ оконъ, дверей и печей? 6. Какая въ комнатѣ мебель? 7. Къ какимъ комнатамъ примыкаетъ вашъ классъ?

---

[1]) Чѣмъ больше будетъ сдѣлано такихъ упражненій, тѣмъ лучше. Болѣе, чѣмъ неразумно, требовать отъ ученика, чтобы онъ выражался „своими словами“: ученикъ еще не владѣетъ *„своими словами“*. Онъ учится устному и письменному слову, подражая уже готовымъ образцамъ. Весьма разумнымъ правиломъ будетъ требованіе отъ ученика сначала сдѣлать возможно краткій устный пересказъ, а потомъ уже письменный.

[2]) Вотъ для примѣра такое краткое содержаніе этой басни. „У одного мельника вода начала просасывать плотину. Если бы мельникъ тотчасъ поправилъ плотину, бѣды не было бы никакой. Но онъ тогда только хватился за умъ, когда вода стала бѣжать сквозь плотину, какъ изъ ушата, и мельница перестала молоть. Осматривая течь, онъ увидалъ, что его куры пили воду у плотины. Съ досады и желая сберечь хоть немного воды, онъ бросилъ въ нихъ полѣномъ—и остался безъ куръ и воды“. Чѣмъ больше будетъ сдѣлано такихъ сокращенныхъ опытовъ изложенія статей и въ особенности—разсказовъ, басенъ и т. п. произведеній, тѣмъ скорѣе ученики научатся *владѣть письменнымъ словомъ*. Говоримъ это по опыту.

Задача 17. Опишите вашъ домъ, отвѣчая письменно на слѣдующіе вопросы: 1. Гдѣ онъ находится? 2. Каковъ вашъ домъ снаружи? 3. Изъ чего онъ сдѣланъ? 4. Какое внутреннее расположеніе въ немъ комнатъ? 5. Каковы его преимущества или недостатки сравнительно съ другими сосѣдними домами? 6. Кто его строилъ?

Задача 18. По прочтеніи статей: Кіево-Печерская лавра и Троице-Сергіева лавра (см стр. 240 и 253), опишите вашу церковь, отвѣчая письменно на слѣдующіе вопросы: 1. Какова мѣстность, гдѣ построена церковь? 2. Какая церковь—деревянная или каменная? 3. Какой наружный видъ ея? 4. Какая высота, ширина и длина ея? 5. Что видите вы внутри вашей церкви (т. е. алтари, иконостасы, иконы, хоругви, стѣнная живопись, полъ, хоры, утварь, облаченія и т. д.). 6. Въ честь кого она построена? 7. Кѣмъ и когда она построена? 8. Какова колокольня храма? 9. Сколько колоколовъ и каковъ ихъ вѣсъ? 10. Каковъ видъ съ колокольни? 11. Усердно ли она посѣщается богомольцами? 12. Пріятно ли у васъ бываетъ на душѣ, когда вы стоите за службой въ своемъ храмѣ? 13. Какое чтеніе и пѣніе въ немъ?

Задача 19. По прочтеніи статьи: «Макъ» (стр. 89) опишите рожь.

Задача 20. По прочтеніи статьи: «Журавль» (стр. 102) опишите гуся по слѣдующему плану (т. е. порядку): 1. Описаніе главныхъ членовъ его тѣла. 2. Его крикъ и шипѣніе. 3. Его польза.

Задача 21. Составьте описаніе пѣтуха.

Задача 22. Составьте описаніе голубя.

Задача 23. По прочтеніи статьи: «Ершъ» (стр. 104) опишите щуку.

Задача 24. По прочтеніи статьи: «Конь и верблюдъ» (стр. 109) напишите сравненіе коровы съ лошадью.

Задача 25. Напишите сравненіе овцы съ козою.

Задача 26. Напишите сравненіе ели съ березою.

Задача 27. Напишите сравненіе осени съ весною.

Задача 28. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Тише ѣдешь—дальше будешь».

Задача 29. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Терпѣніе и трудъ все перетрутъ».

Задача 30. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Кто родителей почитаетъ, тотъ во вѣкъ не погибаетъ».

Задача 31. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Азбука къ мудрости ступенька».

Задача 32. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Ученье свѣтъ, а неученье тьма».

Задача 33. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Учись доброму, такъ худое на умъ не пойдетъ».

Задача 34. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Клади навозъ густо, въ амбарѣ не будетъ пусто».

Задача 35. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Кто сирыхъ питаетъ, того Богъ не забываетъ».

Задача 36. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Не рой другому ямы: самъ въ нее попадешь».

Задача 37. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Съ Богомъ хоть за море, а безъ Бога ни до порога».

Задача 38. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ».

Задача 39. Придуймате и напишите разсказъ на пословицу: «Родимая сторона—мать, чужая—мачеха».

Задача 40. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «Какъ ни путай, а Божья воля все распутаетъ».

Задача 41. Придумайте и напишите разсказъ на пословицу: «За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ».

Задача 42. Напишите письмо къ брату, который лежитъ въ городской больницѣ [1]).

Задача 43. Напишите письмо къ отцу, котораго поздравьте съ праздникомъ Рождества Христова и поблагодарите его за всѣ его заботы о васъ.

Задача 44. Напишите письмо къ матери, въ которомъ поздравьте ее съ днемъ ея ангела и поблагодарите за присланные гостинцы.

Задача 45. Напишите письмо своему другу, который, поступивъ на фабрику и сдружившись съ дурными товарищами, предался пьянству. Посовѣтуйте ему во имя дружбы и вѣчнаго спасенія души его отстать отъ его гибельной страсти.

---

1) По недостатку мѣста въ книгѣ, хотя въ видѣ примѣчанія приводимъ три слѣдующія письма:

1. Письмо гимназиста къ роднымъ.

Дражайшая бабушка!

Извините меня, что я долго не писалъ къ Вамъ, дражайшая бабушка. Покорно Васъ благодарю, что Вы прислали мнѣ гостинецъ. Отъ всего сердца желаю Вамъ благополучія и долголѣтней жизни, при чемъ остаюсь

Вашъ покорный внукъ

Полтава
1820 г.

Н. Гоголь.

2. Письмо Александра Васильевича Суворова къ отцу.

Любезный батюшка!

Я здоровъ, служу и учусь.

Александръ Суворовъ.

3. Письмо сестры къ брату.

Милый и дорогой братъ!

День и ночь мучусь я мыслію, что ты страдаешь, и такъ-бы полетѣла, чтобъ излить въ твою душу все то горячее участіе къ тебѣ, которымъ такъ полна душа моя. Не могу примириться съ мыслію, что болѣзнь твоя неизлѣчимая; а если ужъ такъ рѣшено, то все-таки молю Господа, чтобъ продлилъ твою жизнь и послалъ тебѣ свои божественныя утѣшенія.

Обнимаю тебя и призываю на тебя небесную благость. Да исцѣлитъ тебя милосердный Богъ, для Котораго все возможно.

Сестра твоя Юлія (Жадовская).

КОНЕЦЪ.

СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

Священника Г. М. ДЬЯЧЕНКО

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

въ книжномъ магазинѣ В. В. Думнова,

торгующаго подъ фирмою:

„НАСЛѢДНИКИ БРАТЬЕВЪ САЛАЕВЫХЪ“,

въ Москвѣ, на Мясницкой, въ домѣ Обидиной,

и въ С.-Петербургѣ въ отдѣленіи его книжнаго склада, уголъ Невскаго и Екатерининскаго канала, д. № 19.

---

1. **О приготовленіи рода человѣческаго къ принятію христіанства**. Богословское и историко-философское изслѣдованіе. Цѣна 2 руб.; съ пересылкою 2 руб. 25 коп.

   Означенное сочиненіе Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобрено къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи „Введенія“ въ православное богословіе и для внѣкласснаго чтенія учащихся.

2. **Къ исторіи первыхъ людей**. Два апологетическихъ очерка. Цѣна 25 коп.; съ пересылкою 35 коп.
3. **О современномъ религіозно-нравственномъ состояніи русскаго общества**. Цѣна 60 коп.; съ пересылкою 75 коп.
4. **Объ изданіи книгъ религіозно-нравственнаго содержанія**. Цѣна 40 к.
5. **Методика обученія правописанію.** Для учительскихъ семинарій и институтовъ. Стр. 216. Цѣна 80 коп. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова, подъ фирмою: «Наслѣдники братьевъ Салаевыхъ», въ Москвѣ.
6. **Доброе слово**. Годъ I. (Первое изданіе 1889 года). Страницъ XVI+372. Изданіе его же. Цѣна 60 к.
7. **Доброе слово**. Годъ II. Изданіе (первое) его же. Страницъ XVIII+338. Цѣна 60 к.
8. **Доброе слово**. Годъ III. Изданіе (первое) его же. Страницъ XVI+1033. Цѣна 1 р. 60 к.
9. **Объяснительная записка къ Добр. Сл.** Изданіе его же. Цѣна 15 к.
10. **«Лучъ»**. Первая книга послѣ азбуки. Изданіе первое (1889 года) его же. Цѣна 35 к.
11. **«Лучъ»**. Первая послѣ азбуки. книга для чтенія. Изданіе второе (1890 года) его же. Цѣна 20 к.
12. **О воскресныхъ чтеніяхъ для народа.** Цѣна 25 к.